

Дин Кунц Полночь

Аннотация

Размеренная жизнь маленького курортного городка Мунлайт-Ков неожиданно превращается в кошмар. За короткое время десятки его обитателей становятся жертвами загадочных зверских убийств. «Раскручивая» это дело, тайный агент ФБР выясняет, что убийцы – монстры, созданные «злым гением» ученого-компьютерщика, одержимого маниакальной идеей стать властелином человечества.

Дин Кунц Полночь

Посвящается Эду и Пэт Томасам, участникам Карнавала книги. Они настолько приятные люди, что порой мне кажется – они вовсе не земляне, а пришельцы из других, лучших миров.

Часть первая Ночь на побережье

Созданья полночи там кружат в темноте под звуки им одним лишь ведомых мелодий.

Книга печалей

Глава 1

Шесть миль каждый вечер. Двадцать лет подряд. Джэнис Кэпшоу считала, что выглядит лет на десять моложе в свои тридцать пять именно благодаря этому. И так, почти каждый вечер часов в десять-одиннадцать на ней уже был спортивный костюм со светоотражающими полосками на груди и на спине, кроссовки «Нью Бэлэнс», на голове – лента для волос.

В воскресенье, 21 сентября, Джэнис вышла из дома в десять часов и пробежала четыре квартала по Оушн-авеню, главной улице городка Мунлайт-Ков. Дальше она, как всегда, свернула налево и продолжала бег вдоль побережья по направлению к городскому пляжу. В этот час здесь было пустынно и мрачно – ни машин, ни прохожих. Все было закрыто, кроме двух заведений, где никогда не запирали двери, – таверны «Рыцарский мост» и костела Девы Марии. Городок Мунлайт-Ков в отличие от многих других не делал ставку на туристов. Когда-то размеренность здешней жизни даже привлекала внимание Джэнис, но затем ей иногда стало казаться, что город не просто дремлет, а впадает в летаргию.

Янтарь фонарей, оправленный в тень кипарисов и сосен на главной улице, неподвижный воздух и туман, струящийся над мостовой, – больше никого и ничего. Джэнис казалось, что она – последний человек на Земле и только звуки ее шагов и дыхание нарушают тишину, наступившую после Страшного Суда.

Когда бежишь утром, перед работой, – совсем не то ощущение, к тому же летом к десяти вечера спадает жара. Но не это было главным для Джэнис. Просто она всегда любила ночь.

Это началось еще в детстве, когда она научилась наслаждаться после заката звездным небом, пением лягушек и цикад. Темнота сглаживала острые углы этого мира, приглушала краски. В сумраке наступающей ночи небо поднималось высоко над землей, мир расширялся. Ночь была больше, чем день, и казалось, что в жизни сбудется больше желаний.

Теперь путь ее лежал по берегу моря. Лунный свет, переливающийся то золотом, то серебром, в этот вечер почти не заслоняли ни облака, ни туман; она могла видеть все перед собой. Таинственные огоньки плясали на волнах, полоса песка, казалось, сама светилась лунным светом, и даже туман похитил у осенней луны часть ее отблесков.

Только здесь, у ночного моря, в одиноком беге вдоль полосы прибоя Джэнис обретала себя.

Ричард – ее покойный муж, умерший от рака три года назад, – часто говорил, что по своим биоритмам она даже больше чем «сова». «Из тебя мог бы выйти неплохой вампир, для них ночью – раздолье», – шутил он, а она всегда отвечала: «Во всяком случае, я буду сосать не твою кровь». Видит Бог, она любила его. Сначала, правда, опасалась, что у жены лютеранского пастора будет скучная жизнь, но опасения ни разу не оправдались. Прошло три года, а она вспоминает его каждый день. И каждую ночь. Он был...

Внезапно Джэнис почувствовала, что она не одна на пустынном пляже. Это случилось в тот момент, когда она миновала кипарис, росший прямо в центре пляжа между линией берега и холмами. Нет, никаких звуков и движений, кроме собственных, она не заметила, только инстинкт подсказал ей – кто-то нарушил ее одиночество.

В первый момент тревоги не возникло, на пляже мог появиться еще один любитель вечерних пробежек. Так бывало изредка, раза два-три в месяц, правда, люди выбирали это время не по своей воле, в отличие от Джэнис.

Но когда она остановилась и оглянулась назад, то увидела все тот же пустынный пляж, пену прибоя и мрачные, но знакомые деревья и скалы. Тишину нарушал лишь рокот волн.

Для беспокойства не было причин, и Джэнис продолжила бег, восстанавливая свой обычный темп. Через пятьдесят ярдов, однако, краем глаза ей удалось заметить какое-то движение: футах в тридцати слева от нее быстрая тень переместилась из-за кипариса к каменной глыбе и скрылась из виду.

Джэнис повернула назад, осторожно пошла к камню. Судя по мимолетному впечатлению, тень была ростом выше собаки, возможно, человеческого роста, что-то еще понять было трудно, слишком быстро все произошло. Глыба, к которой она приближалась, имела футов двадцать в длину и от четырех до десяти футов в высоту – при желании за ней мог спрятаться кто угодно.

– Кто здесь? – Джэнис не ждала ответа и не получила его.

Страх не было, только беспокойство. Скорее всего ей что-то померещилось. Или на пляж выскочила чья-то собака. Хотя собака подбежала бы к ней. Не видя вокруг никаких

признаков опасности, Джэнис испытывала только любопытство.

Ночная свежесть давала о себе знать. Она решила пробежаться на месте и подождать развития событий. Кстати, неподалеку у Фостеров была конюшня. Она находилась в двух с половиной милях от южной оконечности бухты, и одна из лошадей вполне могла прибежать оттуда. Судя по росту, даже не лошадь, а пони. Но почему не было слышно топота копыт? Конечно, это была лошадь, надо будет добежать до Фостеров и сообщить им о пропаже.

За камнем, куда заглянула Джэнис, ничего не было, лишь лунные тени причудливо затаились возле расщелин.

Сушная ерунда. Никакой опасности. Это какой-нибудь любитель бега или случайное животное. В Мунлайт-Кове всегда царило спокойствие. У полиции не было забот, если не считать мелких краж и хулиганства, да еще аварий. В этом городе как будто не доросли до грехов, изнасилований и убийств, которые уже познала остальная часть Калифорнии.

Джэнис вернулась к берегу – от сердца отлегло, просто луна и туман сыграли с ней глупую шутку.

Туман сгустился, но она решила пробежать до конца свой обычный маршрут, надеясь вернуться на Оушн-авеню еще до того, как белая мгла накроет весь пляж.

Ветер, налетевший с моря, набросился на туман и взбил его в плотную молочную пену. В тот момент, когда Джэнис достигла южного края бухты, ветер уже взялся за волны и бросал их одну за другой на волнорез, продолжавший линию берега.

На двадцатифутовой высоте волнореза кто-то стоял и взирал сверху на Джэнис. Она увидела этот силуэт во всполохе тумана, в лунном свете.

Теперь ужас охватил ее.

Черты лица было не различить, хотя незнакомец стоял прямо перед ней. Если туман не обманывал зрение, росту в нем было футов шесть.

Но на незримом лице его она видела глаза, и глаза эти внушали ей ужас. Янтарно-желтый блеск их был сродни глазам зверя, вырвавшегося на полночную дорогу в свет фар.

Взгляд этих глаз сковал Джэнис. Должно быть, древние идолы – воплощения дьявольского культа – так же светились в лунном свете желтыми углями глаз. Море, беснуясь, старалось коснуться идола тысячами своих рук. Надо было отворачиваться и бежать, но ноги приросли к песку, ночные ужасы крепко вцепились в ее тело.

Не сон ли это, не ночной ли кошмар, нельзя ли проснуться от него в своей постели, в тепле и безопасности?

В этот миг незнакомец издал странный протяжный вопль, в этом крике жалобная нота смешалась с угрозой, и был холод, холод...

Он сдвинулся с места.

Спускаясь с волнореза, этот некто приближался к ней на четырех лапах, в движениях была нечеловеческая, кошачья ловкость. Еще секунда – и он настигнет ее.

Очнувшись от оцепенения, Джэнис бросилась назад, к спасительному выходу с пляжа, но до него была целая миля. Окружавшие бухту дома с ярко светящимися окнами имели выход прямо к морю, но в такой темноте Джэнис не была уверена, что сможет найти ведущие к ним ступени. На крик она сил не тратила, не надеясь, что кто-то услышит, но опасаясь, что крик может стать последним в ее жизни, стоит лишь слегка ослабить темп.

Двадцать лет ежедневного бега спасали ей раньше здоровье, сейчас они могли спасти жизнь. Тело не подводило Джэнис: оно послушно служило спринтерской гонке. Ей бы только добраться до Оушн-авеню, там при свете фонарей на главной улице ей ничто не будет угрожать.

С высоты небес вдруг начал изливаться странный пульсирующий свет. Луна подмигивала и посылала в туман все новые призраки, окружавшие Джэнис со всех сторон, бежавшие с нею наперегонки. Погоня все больше походила на сон из-за причуд лунного света, но Джэнис знала: во сне ли, наяву ли, там, сзади, в ее плечо упирается взгляд янтарно-желтых глаз.

Уже осталась половина пути до Оушн-авеню, уже она была уверена в близости

спасения, как вдруг двановых призрака возникли из тумана. Нет, это были не призраки. Один из них двигался футах в двадцати справа, бежал, как человек, на двух ногах; второй скакал слева на четырех лапах и был еще ближе к ней, роста он был человеческого, но нечеловеческой, звериной была грация его прыжков. Ничего больше не могла разобрать Джэнис, только видела, как светились их глаза.

Инстинкт подсказывал Джэнис, что ни один из этих двоих не был незнакомцем с волнореза. Тот, третий, так и бежал сзади. Она знала это и знала – они окружают ее.

Ей было не до догадок, можно будет потом подумать об этих странных вещах. Сейчас она просто принимала все как есть; глубоко веря в Бога, она всегда допускала существование неземного и невозможного в этой жизни.

Страх, который сковывал ее прежде, теперь придавал ей силы – она ускорила бег. То же самое сделали ее преследователи.

Услышав жалобный стон, она с трудом узнала в нем свой собственный голос.

К ее ужасу, этому стону стали вторить завывания призраков. Гортанные, протяжные звуки, то низкие, то высокие, казалось, раздавались в предвкушении близкой расправы. Хуже того, в диких воплях Джэнис вдруг разобрала слова, обрывки грязных слов:

– Поймаем суку, поймаем суку...

Кто же они? Не люди, но говорят и двигаются по-человечески. Так кто же они, если не люди? Сердцу стало тесно в груди.

– Поймаем суку...

Они все ближе, и ей не вырваться из их тисков. Джэнис бежала, не поднимая глаз, Джэнис бежала, ибо знала – вид преследователей добьет ее, обдаст холодом, бросит на песок.

И она была брошена на песок. Кто-то налетел на нее сверху; она почувствовала, что все трое навалились, рвали в клочья одежду, касались ее.

Луна исчезла за облаками, и призрачные тени спрятались в темноте.

Лицом Джэнис уткнулась в песок, ей удалось издать еще один крик, похожий на стон, она задыхалась.

Беспорядочно отбиваясь руками, она с каждой секундой все больше понимала бессмысленность сопротивления.

Мрак покрыл землю, луна погасла.

С Джэнис сорвали костюм, треск материи отозвался больно в спине, и она вдруг осознала, что грубые руки, занесенные над ней, принадлежат человеческому существу.

Тяжесть на мгновение ослабла, из последних сил Джэнис рванулась вперед, но была настигнута вновь. Теперь лицо ее омывал морской прибой.

Хаос звуков, стонов, причитаний, лая и воплей поднимался над ночным берегом, и в этом хаосе кружились обрывки слов:

– ...поймаем ее, поймаем ее...

– ...хочет, хочет этого, хочет этого...

– ...теперь, теперь, быстрее, теперь, быстрее, быстрее...

С нее сорвали остатки одежды, она уже не понимала, что хотят с ней сделать, насилие это, убийство или ни то, ни другое. Она лишь чувствовала – призраки эти находятся во власти чудовищной, неутолимой жажды, ибо ночь была пронизана этой жадой так же, как туманом и мраком.

Один из них пригнул ей голову, вдавил в песок – морская вода теперь не давала дышать. Она знала, что умрет, что скована и беспомощна, она умрет, и все из-за этих шести миль каждый вечер.

Глава 2

В понедельник, 13 октября, двадцать два дня спустя после смерти Джэнис Кэпшоу, Сэм Букер ехал в городок Мунлайт-Ков, сидя за рулем автомобиля, нанятого им в международном аэропорту Сан-Франциско. По дороге он затеял жестокую и слегка забавную игру с самим

собой: он начал составлять в уме список причин, по которым ему хотелось бы еще пожить на белом свете. Хотя ехал он уже часа полтора, в голову ему пришли всего четыре вещи: пиво «Гиннес», хорошая мексиканская кухня, Голди Хоун и страх смерти.

Густое, темное ирландское пиво нравилось ему всегда и всегда доставляло краткое утешение от жизненных скорбей. Труднее было найти хороший ресторан с мексиканской кухней, значит, и утешиться было труднее. В Голди Хоун он был просто влюблен, вернее, не в нее, а в ее шикарный образ на экране, потому что она на самом деле была красавица и умница, простая и сложная одновременно, и чертовски хорошо умела играть в веселую игру жизни. Правда, шансов лично познакомиться с Голди Хоун у него было в миллион раз меньше, чем найти хороший мексиканский ресторан в калифорнийской дыре, названной Мунлайт-Ковом. К счастью, Голди не была единственной причиной, по которой стоило жить, и Сэм был доволен.

На подъезде к городу дорогу обступили высокие сосны и кипарисы, образуя серо-зеленый тоннель, расцвеченный мягкими предвечерними тенями. День был безоблачный, но какой-то странный: небо словно выцвело на солнце, в нем не было той кристально чистой голубизны, к которой он привык в Лос-Анджелесе. И хотя было под двадцать градусов тепла, яркое солнце будто заморозило пейзаж вдоль дороги, и он застыл, скованный, точно зимой.

Страх смерти. В его списке это была самая веская причина. Сэму было сорок два, рост пять футов одиннадцать дюймов, вес сто семьдесят футов, здоровье – слава Богу, но он уже шесть раз успел заглянуть в лицо смерти, видел это проклятое дно, и его не тянуло нырять туда снова.

На правой стороне дороги появился указатель: ОУШН-АВЕНЮ, МУНЛАЙТ-КОВ, 2 МИЛИ.

Сэм не боялся более, связанных со смертью, терпеть-то он умел. Он не боялся уйти из жизни, не закончив дел; уже многие годы он никуда не рвался, ни о чем не мечтал, цели не было, не было смысла. Но Сэм боялся того, что будет после смерти.

Пять лет назад, скорее мертвый, чем живой, лежа без сознания на операционном столе, он был совсем рядом со смертью. Пока хирурги пытались его спасти, он освободился от своего тела и с потолка наблюдал за своими бранными останками. Затем он ощутил себя летящим в тоннеле навстречу ослепительному свету: все было похоже на яркую и страшную рекламную картину – картину смерти. В самый последний момент ловким хирургам удалось затащить его обратно в страну живых, но прежде Сэм успел заглянуть туда, где кончается тоннель. То, что он увидел, напугало его на всю оставшуюся жизнь. Теперь Сэм предпочитал любую передышку в этой жизни той последней смертельной картине.

Вот и въезд на Оушн-авеню. На пересечении дороги с шоссе Пасифик-Коаст еще один указатель: МУНЛАЙТ-КОВ, 0,5 МИЛИ.

В закатных лучах показались между деревьев первые дома городка, остатки солнца желтели в их окнах. Форма крыши, обилие деревянных деталей на некоторых домах свидетельствовали о причудах архитектора, занесшего в 40–50-х годах тяжеловесный баварский стиль на калифорнийское побережье, другие постройки представляли собой бунгало во французском стиле со множеством украшений в стиле рококо. Остальные появились в последнее десятилетие, сияли множеством окон и выстроились вдоль берега, словно лайнеры, причалившие к зелени побережья со стороны суши.

Сэм пересекал деловой квартал Оушн-авеню, когда его посетило странное чувство – в этом городке что-то было не так. Вроде бы все как обычно – рестораны, таверны, магазины, две церкви, городская библиотека, кинотеатр, но Сэм не мог избавиться от непривычного, холодящего ощущения.

Он не мог объяснить себе причин этого чувства, возможно, виновата была печальная игра света и тени на закате осеннего дня. Католический собор выглядел мрачным сооружением, воздвигнутым вовсе не для людей, один из магазинов, казалось, выцвел на солнце до белизны скелетных костей, а окна остальных домов были как бы занавешены белесыми отблесками, будто люди там занимались чем-то запретным. Тени лежали на земле

странно резкие, словно их прочертил кто-то по невидимой линейке.

Сэм притормозил у перекрестка, и ему представилась возможность рассмотреть вблизи жителей городка. Их было в этом месте человек восемь-десять, но и они поразили Сэма, в них тоже было что-то не так. Люди шли по улице, сосредоточенные на чем-то, куда-то спешили, заведенные какой-то посторонней силой, и их рвение никак не сочеталось с образом сонного приморского городка в три тысячи душ.

Сэм вздохнул и поехал дальше по Оушн-авеню, объясняя свои чувства разыгравшимся воображением. Мунлайт-Ков и его обитатели наверняка показались бы ему самыми обычными, если бы он был в этом городке проездом. Сейчас он приехал сюда из-за странных событий, случившихся здесь недавно, и это невольно накладывало на город мрачный отпечаток.

Так успокаивал он себя, но была одна вещь, которая опрокидывала все его доводы.

В Мунлайт-Кове умирали люди, а официальные версии их смерти никуда не годились. Так вот, у Сэма было предчувствие, что истинная причина их смертей таит в себе нечто необычное и пугающее. За долгие годы он привык доверять своим предчувствиям, это не раз спасало ему жизнь.

Сэм припарковал свой «Форд» напротив магазина подарков.

К западу от этого места, на краю грифельно-серого моря, бледное солнце опускалось за горизонт, медленно окрашивая небо в грязно-красный цвет. От воды к земле протянулись длинные тонкие щупальца тумана.

Глава 3

Крисси Фостер сидела на полу в кухонной кладовке, прислонившись спиной к шкафу с провизией, и рассматривала часы на своей руке. В тусклом свете лампочки, подвешенной под потолком, можно было разглядеть, что за время, проведенное ею в этой маленькой комнате без окон, минутная стрелка успела уже сделать девять кругов по циферблату. Крисси получила эти часы в подарок на день рождения, когда ей исполнилось одиннадцать лет. Это было четыре месяца назад, и тогда они ей страшно понравились, так как это были вовсе не детские часы с персонажами из мультфильмов на циферблате; нет, это были аккуратные, почти дамские часики в позолоченном корпусе, с римскими цифрами, похожие на часы «Таймекс», которые носила ее мать. Но теперь их вид вызывал у Крисси печаль. Эти часы олицетворяли времена счастья и дружбы в их семье, которые миновали навсегда.

К грусти, одиночеству и усталости от долгих часов в заточении добавлялся страх. Страх, оставшийся после утренних ужасных событий, когда отец протащил ее через весь дом и запер в кладовке. В тот момент слез и истерики она была на вершине ужаса от происходящего. От того, что стало с ее родителями. Смертельный ужас не мог длиться долго, постепенно он уступил место лихорадке страха, бросающей то в жар, то в холод, то в головную боль и тошноту, – так чувствуешь себя в начале простуды.

Что они сделают, когда выпустят ее отсюда? Крисси была вполне уверена в ответе на этот вопрос: они собираются превратить ее в одну из себе подобных. Вот только как они это сделают и в кого же она превратится? Она знала, ее отец и мать уже не были обычными людьми, они были другими, но передать словами это отличие Крисси была не в силах.

Последнее обстоятельство ее особенно удручало, слова были ее любимой игрой, она верила в их силу. Читала все, что попадалось под руку: стихи, рассказы, романы, газеты, журналы и даже наклейки на банках с продуктами. Миссис Токава, ее учительница в шестом классе, говорила, что она читает, как десятиклассница. Крисси любила выдумывать и записывать придуманные истории. Решила, когда подрастет, писать романы, как Пол Зиндел или хотя бы как Дэниэл Пинкуотер, хотя больше всего ей нравился Андре Нортон.

Теперь было не до слов: воображаемая жизнь, кажется, так и останется лишь ее фантазией. Эта потеря сладкой мечты пугала Крисси не меньше, чем перемены в ее родителях. За восемь месяцев до своего двенадцатилетия Крисси в полной мере постигла

непредсказуемость жизни и, конечно, была не готова к этому печальному опыту.

Ну нет, она еще постоит за себя. Пусть только попробуют сунуться со своими превращениями. В кладовке вполне можно найти какое-нибудь оружие, стоит только поискать на полках; этим Крисси и занялась, когда слезы высохли. Среди банок, коробок, стирального порошка и всякой всячины нашлось то, что ей было нужно. Великолепная вещь – WD-40 – аэрозоль с машинным маслом. Как раз подходящего размера, можно спрятать на себе. Если застать врасплох и брызнуть в глаза, есть шанс от них удрать.

В газетах написали бы крупными буквами: «НАХОДЧИВАЯ ДЕВОЧКА СПАСАЕТ СЕБЯ С ПОМОЩЬЮ БАЛЛОНЧИКА С ОБЫЧНЫМ МАШИНЫМ МАСЛОМ».

С WD-40 в руках Крисси была гораздо спокойнее.

Перед глазами все время возникал образ отца, когда он запирали ее в кладовке. Такое не забывается – дикие глаза, раздутые ноздри, оскаленные зубы; багровое лицо было искажено злобной судорогой. «Я еще вернусь за тобой, – крикнул он, брызжа слюной, – я еще вернусь!»

Он закрыл дверь, используя вместо засова ножку стула. Когда в доме стало тихо, Крисси попыталась открыть дверь, но она не поддавалась ни на миллиметр.

Я еще вернусь, я вернусь.

Крисси вспомнила ужасного Хайда, описанного Стивенсоном в истории про доктора Джекила. У отца были такие же искаженные черты, глаза, налившиеся кровью. Он сумасшедший – ее отец; он уже совсем не тот человек, каким был когда-то.

Еще ужаснее было воспоминание о том, что она увидела, когда пропустила школьный автобус и застала родителей врасплох в холле наверху. Нет. Они не были больше ее родителями. Они были... чем-то иным.

Крисси содрогнулась.

Встряхнула баллончик с WD-40.

Внезапно на кухне послышался шум, хлопнула дверь черного хода. Шаги. Их двое, трое, может быть, четверо.

– Она здесь, – голос отца.

Сердце Крисси замерло, затем пустилось в галоп.

– Быстро не получится, – сказал третий. Крисси никогда раньше не слышала этот низкий, слегка хриплый голос. – Видите ли, с детьми хлопот куда больше. Шаддэк даже не уверен, что мы готовы совершить это с ребенком. Большой риск.

– Она должна пройти через обращение, Такер. – Это голос матери, Шэрон, хотя и звучит необычно. В нем совсем нет той мягкости, тех музыкальных нот, нет тех волшебных интонаций, с которыми она когда-то читала Крисси сказки.

– Конечно, она должна через это пройти, – согласился незнакомец, которого, очевидно, звали Такер. – Я согласен. И Шаддэк согласен, он за тем и прислал меня сюда. Я просто сказал, что это отнимет больше времени, чем обычно. Понадобится место, где мы сможем связать ее и наблюдать за ней во время обращения.

– Можно пройти сюда. Наверху ее спальня. Обращение.

Крисси била дрожь, но она поднялась на ноги и встала напротив двери.

Снаружи раздался грохот – стул отбросили в сторону.

Баллончик был уже наготове, оставалось только нажать на распылитель.

Дверь открылась, прямо перед Крисси стоял отец.

Алекс Фостер. Крисси пыталась думать о нем просто как об Алексе Фостере. Но тот, кто стоял перед ней, выглядел совсем другим человеком.

В нем уже не было ярости; светлые волосы, широкое лицо с крупными чертами, россыпь веснушек на щеках и носу напоминали отца, но глаза... они были чудовищно другими. В них светилось странное желание, острое, жадное. Голод. Да, точно. Отец казался голодным... измученным голодом, сжигаемым этим чувством, сжигаемым... но совсем не еды он жаждал. Шестым чувством Крисси осознала эту жажду в напряженных мускулах его лица, эта жажда так распалила его, что, казалось, жар волнами поднимается над ним.

Она услышала: «Выходи, Кристина».

Крисси сжалась, заморгала, словно собираясь заплакать, притворилась, что дрожит, что напугана, что покорилась. Сделала несколько осторожных шагов.

– Ну давай же, давай! – нетерпеливо прикрикнул отец, подгоняя ее.

Крисси шагнула за порог и увидела мать – та стояла сбоку и чуть позади мужа. Шэрон была все так же красива – каштановые волосы, зеленые глаза, но в ней уже не осталось ни капли мягкости и материнской ласки. Чужая, с тяжелым взглядом, она несла на себе печать той же испепеляющей жажды, которой был отмечен ее муж.

Возле кухонного стола стоял незнакомец в джинсах и клетчатой куртке. Очевидно, это и был Такер, с которым говорила мать. Высокий, худой, угловатый, волосы ежиком. Глаза глубоко спрятаны, нос острый, прямой; тонкие губы, челюсти хищника, готового к расправе с добычей. В руках он держал докторский чемоданчик из черной кожи.

Когда Крисси вышла из кладовой, отец шагнул ей навстречу и тут же получил в лицо с расстояния двух футов струю машинного масла. Так же обошлась она и с матерью. Наполовину ослепшие, они пытались схватить ее, но Крисси вывернулась и бросилась вон из кухни.

Однако Такер, быстро придя в себя от неожиданности, сумел схватить ее за руку.

Развернувшись, она изо всех сил ударила его между ног.

Он лишь чуть-чуть разжал пальцы, но Крисси уже вырвалась и устремилась к выходу.

Глава 4

Сумрак надвигался на Мунлайт-Ков с востока, виной тому был туман, состоявший словно не из водяных капель, а из пурпурно-дымчатого света. Когда Сэм Букер вышел из машины, в воздухе уже чувствовалась вечерняя прохлада; он был доволен, что от нее его защищал шерстяной свитер, надетый под вельветовую куртку. Включенные фотоэлементом уличные фонари осветили дорогу. Сэм двинулся вдоль Оушн-авеню, заглядывая в окна магазинов, пытаясь прочувствовать вечернюю жизнь города.

Мунлайт-Ков, по его сведениям, процветал, безработицы практически не было – благодаря компании «Микротехнология новой волны», которая обосновалась в Мунлайт-Кове лет десять назад, – и все-таки Сэм видел тут и там признаки упадка. Магазин дорогих подарков Тейлора и ювелирный Сэнджера прекратили торговлю; сквозь запыленные витринные стекла он видел лишь пустые полки и прилавки, под ними лежали густые неподвижные тени. Магазин модной одежды «Новые привычки» проводил распродажу перед окончательным закрытием, и, судя по редким покупателям, товар расходился вяло даже за 50–70 процентов от первоначальной цены.

За время, пока он прошел два квартала по одной стороне Оушн-авеню и вернулся на три квартала до таверны «Рыцарский мост» по другой, сумерки мягко уступили свое место темноте.

Город наполнялся морским перламутровым туманом, сам воздух, казалось, был пульсирующим, светящимся; лиловая дымка легла повсюду, уступая место лишь редкой желтизне фонарей, а сверху на улицы медленно падал глухой мрак ночи. Впереди за три квартала двигалась единственная машина, кроме Сэма, по улице никто не шел. Загадочный свет умирающего дня, его одиночество на пустынной улице наводили Сэма на мрачное сравнение Мунлайт-Кова с городом-призраком, городом мертвых. По мере того как сгущающийся туман все выше взбирался на холмы побережья, все больше казалось, что торговая улица навсегда покинута своими хозяевами, что магазины предлагают на продажу лишь паутину, пыль и тишину.

– Сэм, старый черт, не бери в голову, – сказал он себе, – не все так мрачно. – Жизненный опыт превратил Сэма в пессимиста. Жизнь наломала ему бока, и улыбающийся оптимизм был теперь не про него.

Щупальца тумана обвили его ноги. Обескровленное солнце едва цеплялось за край

морского горизонта. Сэм почувствовал озноб. Он стоял рядом с таверной и решил зайти выпить чего-нибудь.

Из трех посетителей таверны ни один не производил впечатления человека, довольного жизнью. За темным виниловым столиком мужчина и женщина средних лет перешептывались, склонившись друг к другу. У стойки парень с бледным лицом сжимал в руках кружку пива, нахмутив брови так, словно увидел в напитке муху. Таверна «Рыцарский мост», в соответствии со своим названием, должна была передавать атмосферу старой Англии. Спинка каждого стула была украшена резными рыцарскими гербами, раскрашенными от руки и, вероятно, срисованными с какой-то геральдической книги. В углу стояла статуя рыцаря в доспехах. Стены были украшены сценами охоты на лис.

Сэм уселся на табурет у стойки. Бармен тотчас поспешил к нему, на ходу протирая отполированный до блеска дубовый прилавок.

– Что будете пить, сэр? – Каждая черта лица и тела бармена отличалась закругленностью: выпуклый живот, полные руки, густо заросшие волосами; пухлое лицо с маленьким ртом и носом пуговкой; круглые глаза, придававшие его лицу выражение постоянного удивления.

– У вас есть «Гиннес»? – спросил Сэм.

– Это основа каждого настоящего бара, я бы сказал. Если бы у нас не было пива «Гиннес»... ну, тогда нам следовало бы назвать заведение чайной. – Медовый голос бармена, казалось, закруглял каждое слово. Он всю старался угодить. – Хотите ледяного или слегка холодного? Есть любое.

– Холодненького.

– Правильно! – Возвратившись с «Гиннесом», бармен представился: – Берт Пекем, совладелец этого бара.

Аккуратно наливая пиво по краю бокала, чтобы избежать обильной пены, Сэм ответил:

– Сэм Букер. Прекрасное место, Берт.

– Спасибо, расскажите при случае своим знакомым. Я вообще стараюсь, чтобы здесь было уютно, чтобы был хороший выбор. Совсем недавно мы не жаловались на недостаток посетителей, не в последнее время все словно решили бороться за трезвость или выпивают у себя дома, одно из двух.

– Ну, положим, сегодня вечер понедельника.

– За последние два месяца мы не набирали и половины клиентов даже в субботу вечером, чего никогда не случалось раньше. – Круглое лицо Берта Пекема сморщилось в гримасе досады. Он не забывал в ходе разговора протирать стойку. – Я не знаю, что с ними стряслось, – может, жители Калифорнии свихнулись на своем здоровье и проводят весь день за аэробикой, едят только проросшие злаки, яичные белки или еще черт знает что, пьют только минералку, сок или, может, птичье молоко. Но послушайте, денек-другой такой жизни, и вас начнет тошнить от этого.

Сэм отпил «Гиннес», вздохнул с удовлетворением и произнес:

– Это пиво никому не вредит.

– Верно сказано. Кровь живей циркулирует. И вообще чувствуешь себя в норме. Да любой пастор должен просто призывать людей выпить в день пару кружек. Но не больше – это закон. – Вероятно, осознав, что чересчур настойчиво полировал стойку, бармен остановился и скрестил руки на груди. – В нашем городе проездом, Сэм?

– Да, – солгал Сэм. – Путешествую по побережью от Лос-Анджелеса до Орегона, ищу, где бы осесть, пожить на пенсии.

– Пенсия? Шутите?

– Ну, почти пенсия.

– Но сколько же вам? Сорок? Сорок один?

– Сорок два.

– Так вы кто? Взломщик?

– Нет, просто брокер на фондовой бирже. Вложил хорошие деньги в надежное дело.

Теперь наконец могу отдохнуть от беготни и спокойно пожить, управляя своим собственным портфелем ценных бумаг. Хотел бы осесть в спокойном месте, где нет ни смога, ни преступности. Я этого вдоволь навидался в Лос-Анджелесе.

– Это правда, что люди делают большие деньги на фондовой бирже? – спросил Пекем. – Мне всегда казалось, что с тем же успехом можно играть в азартные игры. Разве не все разорились на этом деле два года тому назад?

– Для человека со стороны это чистая игра со случаем. Но не для брокера. Просто не надо заниматься все время одной только игрой на повышение. Никакой рыночный курс никогда не падает и не поднимается до бесконечности, надо только знать, когда начинать плыть против течения.

– Ничего себе – пенсия в сорок два года. – Пекем был явно в восхищении. – Когда я подался в бармены, я думал, что буду обеспечен на всю жизнь. Спросите у моей жены – в прежние добрые времена, когда люди пили, чтобы отпраздновать удачу, забыться в печали, не было лучше дела, чем таверна. А теперь – смотрите, – он показал на почти пустой зал. – Я заработал бы больше, продавая презервативы в монастыре.

– Подлейте еще, – попросил Сэм.

– Хотя, может быть, добрые времена еще вернутся. Когда Пекем возвратился со второй бутылкой пива.

Сэм сказал:

– Возможно, Мунлайт-Ков – это именно то, что мне нужно. Я думаю остановиться здесь, присмотреться. У вас есть на примете какой-нибудь мотель?

– Из действующих остался только один. У нас никогда не жаловали туристов. Да они к нам и не ехали. До этого лета у нас было четыре мотеля. Теперь три из них закрылись. Не знаю... хорошо ли это, плохо ли, но вроде как наш городок погибает. Как мне кажется, мы не то чтобы теряем население, но мы, черт побери, что-то теряем. – Бармен вновь пустил в ход свою тряпку. – Во всяком случае, попробуйте обратиться в «Ков-Лодж» на Кипарисовой аллее. Это будет последний перекресток на Оушн-авеню; аллея тянется вдоль побережья, возможно, вам достанется вид на океан. Чистое, спокойное место.

Глава 5

Крисси Фостер выскочила из нижнего холла через парадную дверь на крыльцо. Она побежала вниз по ступенькам, споткнулась, обрела равновесие, повернула направо и помчалась через двор мимо голубой «Хонды», видимо, принадлежащей Такеру. Она направлялась к конюшне. Сумрак медленно надвигался. Казалось, громом гремели по утопанной земле ее теннисные туфли. «Надо постараться бежать бесшумно и быстро», – подумала Крисси. Тогда родители и Такер, выбежав во двор, не смогут засечь ее по звуку шагов.

Почти все небо обуглилось до черноты, и лишь запад был окрашен темно-красным пламенем, словно весь свет октябрьского дня сжигался на жертвенном огне, разведенном в гигантском очаге – там, у горизонта. От моря поднимался легкий туман, и Крисси надеялась на его скорое превращение в плотную пелену, в убежище для нее, так нуждавшейся в защите.

Наконец она добралась до первого из двух длинных зданий конюшни и откатила вбок тяжелую дверь. В нос ударил знакомый и всегда нравившийся ей запах – запах соломы, сена, фуража, конского пота, сухого навоза и упряжи.

Она включила ночное освещение – три слабенькие лампочки – достаточно, чтобы все видеть, не тревожа при этом лошадей. По обе стороны от центрального прохода тянулись стойла, по десять слева и справа, несколько любопытствующих лошадиных морд выглянуло из них. Часть животных принадлежала родителям Крисси, но большинство содержалось здесь для других обитателей Мунлайт-Кова и его окрестностей.

Под шумное конское дыхание и жалобное посапывание Крисси бежала через всю конюшню к последнему боксу с левой стороны, где стояла серая в яблоках кобыла по кличке

Годива.

К каждому стойлу можно было добраться и с улицы, но в это холодное время года ворота стойл были наглухо закрыты. Годива была послушной лошадей и особенно дружелюбно относилась к Крисси, но была очень пуглива в темноте, поэтому и речи не могло быть о том, чтобы открывать ворота с улицы и заходить прямо в стойло. Гораздо безопаснее и проще было вывести кобылу через общий выход.

Годива уже ждала Крисси. Она вскинула морду, взметнув свою густую белую гриву, и в знак приветствия шумно выдохнула через ноздри воздух.

Следя за дверью в конюшню, в которую в любую минуту могли ворваться родители и Такер, Крисси открыла дверцу бокса и выпустила кобылу.

– Будь умницей, Годива! О, пожалуйста, сделай одолжение!

Надевать седло и уздечку не было времени. Подбадривая лошадь, Крисси провела ее через склад фуража *к другому выходу из конюшни*, по пути спугнув мышь. Девочка откатила дверь, и внутрь ворвался свежий воздух.

Без стремян Крисси ни за что не забралась бы на лошадь.

К счастью, в углу стояла подставка, на которой подковывали лошадей. Не отпуская Годиву, Крисси подтащила ногой подставку поближе.

В этот момент на другом конце конюшни раздался крик Такера:

– Она здесь, в конюшне! – Он уже бежал к ней. Подставка оказалась слишком низкой.

Крисси слышала тяжелые шаги Такера, она чувствовала, что он уже совсем рядом, но не поворачивала головы.

– Я поймал ее! – крикнул он.

Крисси ухватила за роскошную гриву Годивы, бросила свое тело вверх, изо всех сил пытаясь перебросить ногу и с трудом удерживаясь на боку лошади.

Видимо, Крисси причиняла лошади боль, но старушка терпела. Она не билась, не сопротивлялась, словно понимая своим лошадиным инстинктом, что жизнь девочки зависит от ее смирения. Наконец Крисси удалось взгромоздиться на спину Годивы; посадка была неуверенной, но она держалась, сжав колени и уцепившись рукой за гриву. Другой рукой она похлопала лошадь по боку.

– Ну, давай же! Вперед!

Такер был уже рядом, он схватил ее за ногу, вцепился в джинсы.

Глаза его обезумели от ярости, ноздри раздувались, рот искривился в оскале. Крисси ударила его ногой в подбородок, и он разжал пальцы.

В то же мгновение Годива рванулась вперед через открытые ворота, в ночь.

– Она взяла лошадь! – вопил Такер. – Она на лошади!

Серая в яблоках мчалась к поросшему травой склону, который вел к морю.

Закат уже заканчивал рисовать свои последние темно-красные отблески на черной глади воды. В планы Крисси не входило выезжать на пляж, она боялась высокого прилива. В некоторых местах пляж был непроходим даже при низком приливе, а еще опаснее были ямы и камни, которые могла таить под собой глубина. Крисси не могла рисковать, видя за спиной погоню.

Даже без седла, на всем скаку, Крисси удалось закрепиться на спине лошади, почувствовать себя уверенней. Она вцепилась обеими руками в густую гриву кобылы, используя ее вместо поводьев, и заставила лошадь повернуть влево, от моря. Там был проселок, который выводил в полумиле на местное шоссе, где она могла надеяться на чью-нибудь помощь.

Покорная Годива вовсе не возмущалась таким варварским способом управления ею и мгновенно повернула влево, словно послушавшись поводьев и уздечки. Топот копыт эхом отразился от стен конюшни.

– Молодец, старушка, – крикнула Крисси, – ты мне нравишься!

Они промчались мимо входа в конюшню, и Крисси успела заметить Такера, показавшегося в дверях. Он был явно озадачен, вероятно, думал, что Крисси уже на

побережье. Кинулся вслед за ней, но, несмотря на удивительную прыть, сразу отстал.

На проселочной дороге Крисси заставила Годиву бежать по обочине. Наклонившись вперед, она припала к шее лошади, боясь упасть; каждый удар копыт отдавался в теле. Слева от себя Крисси увидела свой дом – окна пылали светом, но не гостеприимством. Это был уже не ее дом, это был ад в четырех стенах, и свет в окнах казался ей теперь дьявольскими огнями.

Внезапно она увидела кого-то, бегущего ей наперерез. Низкорослое и быстрое существо размером с человека двигалось на четырех лапах, или так ей показалось. Оно было уже ярдах в двадцати и стремительно приближалось. Крисси заметила другую такую же странную фигуру, приблизительно одного роста с первой и бегущую вслед за ней. Хотя из-за света, бьющего из окон, было трудно различить их очертания, Крисси догадывалась, кем они были. Или, вернее, так: она догадывалась, кем они могли быть, но еще не могла обозначить это словами. Сегодня утром она видела их в холле наверху; они были такими же людьми, как она, но теперь перестали быть ими.

– Ну давай же, Годива, давай!

Даже не понукаемая поводьями, лошадь прибавила ходу; невидимая нить связывала ее и всадницу воедино.

Вот они миновали дом и помчались вдоль лугов. Проселок должен был вывести на местное шоссе через полмили к востоку. Годива всю использовала мощь своих быстрых ног, ее бешеный бег был столь стремителен и размерен, что Крисси скоро перестала осознавать реальность гонки, ей уже казалось – они скользят над землей, почти летят.

Взглянув через плечо, она не увидела своих преследователей, хотя сомнений не было – они там, сзади, среди теней. Закат уже догорел, освещение от окон дома почти исчезло, а луна лишь начинала лить свой свет на холмы на востоке – что-либо увидеть было трудно.

Но оказалось, что появился еще и третий преследователь: она увидела свет от фар «Хонды», которую завел Такер. Он уже отъезжал от дома и был от нее в двухстах ярдах. Годива, конечно, легко бы ушла от человека или животного, но с машиной соревноваться ей было явно не под силу. Такер догнал бы ее через несколько секунд. В памяти Крисси отпечаталось его лицо: нависшие брови, острый нос, тяжелый мрамор глубоко посаженных глаз. Он излучал вокруг себя ту же ауру необычной жизненной силы, которую отмечала Крисси в своих родителях, – избыток нервной энергии и странный голодный взгляд. Его никто не остановит, он даже может попытаться сбить Годиву машиной.

Но машина не поможет ему на пересеченной местности. Крисси направила лошадь коленями и рукой в сторону от проселка и шоссе. Годива послушалась беспрекословно, и они устремились к лесу, видневшемуся за лугом в пятистах ярдах к югу.

Лес стоял темной стеной, лишь слегка выделяясь на фоне чуть менее темного неба. Путь, который им предстояло преодолеть, был знаком Крисси, но больше она надеялась на лошадиное чутье и зрение.

– Ну давай же, давай, старушка, – подбадривала, Крисси лошадь.

Вихрем мчались они в свежем, неподвижном воздухе. Горячее дыхание Годивы смешивалось с ее собственным и оставляло позади шлейф белого пара. Сердце билось в одном ритме с бешеным топотом копыт. Крисси чувствовала себя слившейся с лошадью, их дыхания, сердца и кровь соединились в одно целое.

Она вдруг осознала, что в бегстве от смертельной опасности она открывает для себя какое-то приятное возбуждение. Встреча со смертью или, в ее случае, даже с чем-то страшнее, чем смерть, оказывается, таит в себе странно возбуждающее чувство, тайно привлекает к себе, причем в такой степени, какой она себе никогда не представляла. Это открытие пугало Крисси не меньше, чем люди, преследующие ее.

Крисси плотнее прижималась к Годиве, пытаясь, сжав колени, удержаться и избежать падения при опасных прыжках на неоседланной лошади. Здесь, в поле, она почувствовала надежду на спасение. Лошадь слушалась ее и была выносливой. Когда они проскакали три четверти пути и вблизи замаячил лес, Крисси решила снова повернуть на восток по

направлению к местному шоссе...

Годива упала.

Споткнувшись на норе суслика или кролика, а может быть, на обычной канаве, она рухнула на землю. Попыталась встать и снова упала, испуганно заржав.

Крисси боялась, что при падении лошадь придавит ее или сломает ей ногу, но так как на Годиве не было ни стремян, ни прочей упряжи, то девочка слетела с нее, перемахнув через голову, и приземлилась в трех ярдах от лошади. Удар о землю был все же очень чувствителен, она задохнулась и едва не откусила себе язык. К счастью, все обошлось.

Годива поднялась первой, опомнившись после падения, и стала топтаться на месте, припадая на переднюю правую ногу, – видимо, растянула сухожилие. Будь нога сломана, ей бы не подняться.

Крисси позвала лошадь, ведь Годива могла далеко уйти от места падения. Вместо окрика ее задыхающаяся грудь издала лишь слабый шепот.

Лошадь уходила на запад, удаляясь от Крисси.

Поднявшись, девочка сообразила, что хромая лошадь ей больше не пригодится, и не стала больше звать ее. Она не пришла еще в себя от удара, задыхалась, но надо было идти вперед, так как, без сомнения, погоня продолжалась.

«Хонда» с включенными фарами стояла на обочине дороги в трехстах ярдах к северу. Закатное солнце посылало из-за горизонта свой последний кровавый луч, поле уже погрузилось в темноту. Крисси не могла разобрать, двигаются ли по нему ее преследователи, но понимала, что они уже недалеко и через несколько минут она попадет к ним в лапы.

Она повернула на юг, к лесу, прошла шагом десять-пятнадцать ярдов, чтобы размять ноги, нывшие после удара о землю, и наконец побежала.

Глава 6

За многие годы своей работы Сэм обнаружил множество уютных гостиниц на калифорнийском побережье. Каждую из них украшала умелая кирпичная кладка, прекрасный подбор деревянных деталей, изысканная линия крыши, наклонные стекла, уютные внутренние дворики, вымощенные камнем. Мотель «Ков-Лодж», несмотря на приятное название, не принадлежал к разряду калифорнийских жемчужин. Это было обычное оштукатуренное здание в два этажа, на сорок комнат. Построено оно было в виде прямоугольника, имелся также пристроенный кафетерий, но не было плавательного бассейна. Все дополнительные удовольствия ограничивались автоматами для продажи льда и напитков, расположенных на обоих этажах здания. Вывеска над мотелем не была ни кричащей, ни ультрамодной – она была невзрачной и простой, а значит, дешевой.

Дежурный администратор дал Сэму ключи от номера на втором этаже с видом на океан, хотя для Сэма это не имело никакого значения. Судя по немногочисленным машинам на стоянке, большая часть номеров пустовала. На каждом из этажей было двадцать номеров, по десять с каждой стороны коридора, который был устлан ярко-оранжевым, режущим глаза нейлоновым ковром. Окна с восточной стороны выходили на Кипарисовую аллею, с западной – на океан. Номер, доставшийся Сэму, был расположен в северо-западном углу здания, обстановка была вполне стандартной: огромная кровать с провисшим матрасом и выцветшим сине-зеленым покрывалом, тумбочки у кровати, прожженные сигаретами, телевизор, журнальный стол, два обычных стула с прямыми спинками, письменный стол, также пострадавший от сигарет, телефон, ванная и одно большое окно, из которого открывался вид на ночное море.

В таких номерах обычно кончают жизнь самоубийством неудачливые коммерсанты, оказавшиеся на грани разорения.

Сэм распаковал два своих чемодана, разложив вещи в стенном шкафу и ящиках стола. Затем он сел на край кровати, и взгляд его надолго застыл на телефоне.

Сэм собирался позвонить своему сыну Скотту, но связаться с ним из гостиничного

номера не мог. Если местная полиция вдруг заинтересуется им, они посетят «Ков-Лодж», проверят его заказы на междугородные разговоры, узнают номера, по которым он звонил, и сопоставят сведения о нем с данными абонентов. Для сохранения инкогнито он может пользоваться телефоном в номере только для звонков по контактному телефону ФБР в Лос-Анджелесе. Он может позвонить туда, и ему ответят: «Страховая компания „Берчфилд“, чем мы можем вам помочь?» Если местная полиция пойдет дальше по цепочке, телефонная компания подтвердит, что номер действительно принадлежит «Берчфилд». Это фиктивная компания, брокером которой якобы является Сэм, так что до ФБР им не докопаться. Но пока у него не было информации, телефон можно было оставить в покое. Он позвонит сыну позже, из автомата, когда пойдет на ужин.

По правде говоря, его совсем не тянуло разговаривать с парнем. Но надо было. Сэм боялся этих разговоров. Это началось примерно три года назад, когда Скотту было тринадцать, и к тому времени прошел год, как он остался без матери. Если бы Карен была жива, неизвестно, испортился бы характер сына столь быстро и столь бесповоротно. Сэм стал размышлять о собственной роли в трагедии сына. Мог ли он что-то сделать? Был ли этот разрыв с сыном неизбежностью? В чем дело, в каком-то изъяне в личности сына или в предписанной ему свыше судьбе? Или то, что произошло со Скоттом, это прямой результат неумения его отца найти путь к спасению сына?

Если бы этот Вилли Ломен попался ему сейчас под руку, его ожидал бы такой же грустный конец, как у неудачливого коммерсанта, потерявшего все. Хотя этот Ломен и не коммерсант вовсе.

Пиво «Гиннес».

Хорошая мексиканская кухня.

Голди Хоун.

Страх смерти.

Причин, чтобы продолжать жить, наверное, маловато, зато патетики – хоть отбавляй. Хотя не исключено, что этих причин как раз достаточно.

Сэм ополоснул лицо и руки холодной водой. Но усталость осталась, ее не смоешь под краном. Сэм достал из чемодана наплечную кобуру из мягкой кожи, надел ее под куртку. Оттуда же появился «смит и vesson» калибра 0,38, полицейский вариант. Сэм зарядил его и положил в кобуру. Куртка была сшита таким образом, чтобы можно было носить под ней оружие – оно нигде не выпирало, а кобура была так упрятана под мышку, что пистолет не заметишь даже при расстегнутой куртке.

Он и сам не хуже, чем его куртка – для ношения оружия, был приспособлен для выполнения специальных заданий. Пять футов одиннадцать дюймов роста, не высокий и не коротышка. Весил сто семьдесят фунтов – кости, мускулы, никакого жира, но в то же время с бычьей шеей. На лице тоже не было особых примет: оно не было ни красивым, ни отталкивающим, ни широким, ни узким. Лицо было обычным. Каштановые волосы подстрижены так, что на эту прическу не обратили бы внимания ни в эпоху длинных волос, ни во времена коротких стрижек.

Из черт лица выделялись только глаза. Они были серо-голубые с синими отблесками. По словам женщин, таких красивых глаз они никогда раньше не видели. Но это было в те далекие времена, когда он слушал, что ему говорили женщины.

Сэм проверил, как пристегнута кобура.

Он не предполагал, что пистолет ему сегодня пригодится. Он еще не начал действовать и не будет привлекать к себе внимание; пока он никого не задел, и никто не собирается давать сдачи.

И тем не менее с этой минуты ему придется носить оружие с собой. Оставлять его в номере или в арендованной машине нельзя; в случае обыска револьвер обнаружат, и тогда вся легенда полетит к черту. Брокер, ищущий место для отдыха, не может возить с собой револьвер такой модели и в таком исполнении. Это был полицейский вариант.

Положив ключ в карман, Сэм отправился на ужин.

Глава 7

Заняв свой номер в «Ков-Лодж», Тесса Джейн Локленд долго стояла у широкого окна, не включая света. Она всматривалась в ночной огромный океан, затем перевела взгляд на пляж, на котором, как ей сказали, ее сестра Джэнис привела в исполнение свой полный мрачной решимости замысел самоубийства.

Официальная версия ее смерти гласила, что Джэнис отправилась на побережье вечером в одиночку в состоянии глубокой депрессии. Она приняла огромную дозу валиума, запив таблетки кока-колой. Затем она сорвала с себя одежду и поплыла в сторону Японии. Потеряв сознание, она вскоре утонула в холодной океанской воде.

– Бред, – тихо сказала Тесса, словно разговаривая со своим туманным отражением в холодном стекле.

Джэнис Локленд Кэпшоу всегда была жизнерадостным человеком, неисправимой оптимисткой – эта черта была генетически присуща членам семьи Локлендов. Никогда в жизни Джэнис не плакала от жалости к себе; даже если бы она попыталась это сделать, через минуту она начала бы смеяться над своей слабостью, а через две – убежала бы в кино или на сеанс к психотерапевту. Когда умер Ричард, Джэнис не позволяла своей печали перерасти в депрессию, хотя она так любила его.

Что же могло заставить ее потерять контроль над своими эмоциями? Выслушивая версии полицейских, Тесса не испытывала ничего, кроме сарказма. И они хотели, чтобы она в это поверила? С тем же успехом они могли рассказать, что на решение о самоубийстве Джэнис толкнуло плохое обслуживание в ресторане. Почему бы и нет? Или телевизор у нее сломался, и она не посмотрела свою любимую мыльную оперу. Вот это повод! Эти версии ничем не хуже, чем та чушь, которую написали полицейские и коронер¹ в своих отчетах.

Самоубийство.

– Бред, – повторила Тесса.

Из своего окна она могла видеть лишь узкую полоску пляжа внизу, где берег встречался с линией пенистого прибоя.

У Тессы появилось желание побывать на пляже, там, откуда ее сестра якобы отправилась в ночное плавание к собственной могиле и куда прилив через несколько дней вернул ее распухшее, искромсанное тело. Тесса отвернулась от окна, зажгла лампу. Потом надела кожаную куртку, перебрала сумку через плечо и покинула номер, закрыв дверь на ключ.

Она была уверена – почти подсознательно, – что придя на пляж и встав там, где, возможно, стояла Джэнис, она найдет ключ к разгадке тайны, испытает некое озарение, вспышку интуиции.

Глава 8

Когда серебристая луна поднялась над темными холмами на западе, Крисси уже бежала вдоль опушки, высматривая просвет, чтобы, скрывшись в лесу, уйти от преследователей. Вскоре она добежала до камня-пирамиды, так называли этот камень в два человеческих роста из-за его трехгранной формы с заостренной вершиной; в детстве Крисси воображала, что эту пирамиду построили неведомо как заброшенные в их края египтяне ростом в несколько дюймов. Она часто играла на этом лугу и в этом лесу и была знакома с этой местностью не хуже, чем с комнатами в своем доме, и, конечно, лучше, чем Такер и ее родители. Это давало ей преимущество. Миновав камень-пирамиду, она углубилась в лесной мрак по узкой оленьей тропе, ведущей к югу.

Сзади не доносилось никакого шума, и Крисси поэтому не оглядывалась. Однако она

¹ Коронер – следователь, производящий дознание в случаях насильственной или скоропостижной смерти. (Прим. ред.)

подозревала, что, подобно хищникам, ее родители и Такер крадутся за ней бесшумно, чтобы обнаружить себя лишь в последнем броске.

Прибрежные леса состояли в основном из различных пород сосны, но изредка попадались и эвкалипты, их алая листва украшала лес в осенние дни, но сейчас листья казались обрывками черного савана. Извилистая тропа привела Крисси к спуску в глубокое ущелье. В этой части леса не было густых зарослей, и деревья пропускали сквозь листву холодный лунный свет, оставлявший свой ледяной узор на земле. Начинающийся туман был слишком тонок, чтобы сдерживать этот бледный поток, но в некоторых местах под густыми ветвями лежал ночной мрак, совсем не тронутый светом.

Даже там, где луна освещала путь, Крисси не решалась бежать, так как наверняка вся тропа была изрезана корнями деревьев. Тут и там наклонившиеся ветви образовывали все новые препятствия, но Крисси, не останавливаясь ни на минуту, все шагала и шагала вперед.

Как бы вчитываясь в книгу своих собственных приключений, которые она так любила, Крисси начала сочинять.

ЮНАЯ КРИССИ УВЕРЕННО ПРОДВИГАЛАСЬ ВПЕРЕД, ОНА БЫЛА САМА ЛОВКОСТЬ И СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ, И ТЕПЕРЬ ЕЕ НЕ ПУГАЛА НИ НОЧНАЯ ТЬМА, НИ МЫСЛЬ О ЕЕ УЖАСНЫХ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЯХ. ЧТО ЗА ЧУДО-ДЕВОЧКА!

Уже скоро она спустится на дно ущелья, откуда сможет повернуть на запад к морю или на восток к дороге, туда, где через ущелье перекинут мост. В этом месте, более чем в двух милях от Мунлайт-Кова, почти не было домов, еще меньше их было у побережья, где по закону штата на большей части берега было запрещено строительство. Вряд ли там Крисси кто-нибудь поможет, у дороги же шансов было ненамного больше: машины проезжали редко, а кроме того, там мог оказаться Такер со своей «Хондой». Он мог поджидать Крисси и засечь машину, которую она остановит.

Размышляя, в какую сторону повернуть, Крисси спустилась на дно ущелья. Деревья вдоль тропы уступили место густому колючему чапаралю¹. Над головой нависали ветви гигантского папоротника, в его зарослях всегда запутывался туман с побережья. Ветви задевали Крисси, и она содрогалась от их холодных прикосновений, похожих на касание тысяч крошечных пальцев.

На дне ущелья протекал широкий ручей, и Крисси решила передохнуть на его берегу. Некогда глубокое русло сейчас совсем обмелело; вода медленно текла, слабо мерцающая в лунном свете.

Ночь была безветренной.

Беззвучной.

Поежившись, Крисси поняла, как холодно в лесу.

Джинсы и фланелевая рубашка подходили для октябрьского дня, но не для сырой осенней ночи.

Она замерзла, задыхалась, была испугана, не знала, куда бежать, но еще больше сердилась сама на себя за эту слабость тела и духа. В потрясающих приключенческих романах Андре Нортон неустрашимые героини выдерживали куда более длительные погони – а какой там был холод и какие испытания! – и всегда они действовали хладнокровно, быстро принимали решения, и обычно все им удавалось.

Подбодрив себя сравнением с героинями Нортон, Крисси начала перебираться через ручей. У самого берега она едва не увязла в глине, намытой со склонов ущелья дождями. Прыжок через ручей не удался – она замочила свои теннисные туфли, на которые к тому же налипла грязь. Крисси не повернула ни на запад, ни на восток, а направилась на юг, карабкаясь вверх по склону ущелья.

С этой частью леса она уже была незнакома, но не боялась заблудиться, так как умела отличать запад от востока по движению тумана и положению луны. Крисси рассчитывала через милю достичь обжитого района, где начинались корпуса компании «Микротехнология новой волны» и жилые дома. Там, возможно, ей помогут.

¹ Чапараль – заросли засухоустойчивых вечнозеленых кустарников в Северной Америке. (Прим. ред.)

Тогда-то и начнутся настоящие проблемы. Ей придется убеждать людей, что ее родители уже больше не ее родители, что они в кого-то превратились, или одержимы, или попали под влияние какого-то духа... или какой-то силы. И еще убедить в том, что они пытались превратить ее в одну из себе подобных.

– Да уж, – подумала она вслух. – Задача.

Крисси была сообразительной, ловкой, разумной, но она была всего лишь одиннадцатилетней девочкой. Ей будет трудно заставить кого-нибудь поверить ей. Тут сомнений быть не может. Они будут слушать, кивать головой, улыбаться, а потом позвонят ее родителям, и доводы родителей окажутся для них убедительней ее слов...

– Но надо попробовать, – сказала она себе, выбираясь из ущелья. Если не попытаться убедить кого-нибудь, куда ей деваться? Просто сдаться? Ни за что!

Позади, с другого склона ущелья, раздался пронзительный крик. Не человеческий крик, но и не крик животного. В ответ на первый вопль раздался второй, затем третий, и эти крики принадлежали разным существам, каждый из них звучал по-своему. Крисси замерла, прислонившись к сосне, под покровом ветвей. Она смотрела назад и слушала, как ее преследователи начали завывать, и их протяжный вой напоминал крики койотов – но был каким-то странным, пугающим. Этот звук леденил душу, проникал под кожу холодной острой иглой, впивающейся в спинной мозг. Их вой скорее всего признак их уверенности: скоро они поймут ее, следовательно – нечего больше таиться.

– Кто вы? – прошептала Крисси.

По ее подозрениям, они видят в темноте не хуже кошек.

Может быть, у них и нюх как у собак?

Сердце забилося как сумасшедшее, причиняя боль.

Чувствуя себя незащищенной и одинокой, Крисси повернулась спиной к преследователям и продолжила свой путь наверх.

Глава 9

Тесса Локленд добралась до конца Оушн-авеню, прошла через пустынную автостоянку и вышла на городской пляж. Ночной бриз с океана уже набирал силу, он нес с собой холод, и Тесса была довольна, что сообразила надеть теплые брюки, шерстяной свитер и кожаную куртку.

Она шла теперь по мягкому песку, направляясь к берегу моря, куда уже не проникал свет городских фонарей, мимо искореженного морскими ветрами кипариса, напомнившего ей своими изогнутыми, словно расплавленными линиями скульптуры Эрзи. У кромки пенистого прибоя она остановилась и устремила взгляд на запад. У молодой луны не хватало света, чтобы осветить широкую бухту; Тессе были видны лишь три линии низких, омытых морской пеной волнорезов, проревающие ночной мрак.

Тесса попыталась представить свою сестру. Вот она стоит здесь, на пустынном пляже, заглатывает тридцать-сорок таблеток валиума, запивает их кока-колой, раздевается и бросается в холодное море. Нет. Кто угодно, но не Джэнис.

Чем дальше ходила Тесса вдоль пляжа, тем сильнее становилось ее убеждение в том, что официальные лица из полиции в Мунлайт-Кове либо непроходимые глупцы, либо обманщики. Она вглядывалась в песок, в кипарисы на берегу, в выветренные скалы, освещенные переливчатым светом луны. Конечно, она не искала улики, их уничтожили бы ветер и прилив, даже если бы они и были. Скорее сам ландшафт, сама ночь – с ее мраком, холодным ветром, арабесками густеющего тумана – подскажут ей верный ход рассуждений, и она поймет, что на самом деле случилось с Джэнис, найдет ключ к разгадке тайны.

Тесса занималась всю жизнь документальным кино, в том числе по заказам промышленных фирм. Если ей было трудно понять замысел или значение фильма, она часто находила выход в погружении в атмосферу места, где предполагались съемки. Это помогало найти подходы к теме, к стилистике будущего фильма. Продумывая сцены для фильма о

путешествиях в экзотические страны, она часто проводила несколько дней в прогулках по Сингапуру, Гонконгу или Рио просто для того, чтобы почувствовать колорит этих мест. Это помогало больше, чем просмотр литературы или «мозговые атаки», хотя и от этих способов она никогда не отказывалась.

Тесса не успела пройти и двухсот футов к югу, как услышала пронзительный, протяжный крик, заставивший ее замереть на месте. Звук доносился издалека, он словно взлетал и падал, а затем исчез.

Странный вопль вызвал у нее озноб и недоумение. Похоже на вой собаки, но это явно не собака. В этом звуке были и кошачьи ноты, но для кошки он звучал чересчур громко. Таким мог быть, по ее понятиям, крик пумы, но подобные животные не водились здесь, по крайней мере, их не могло быть вблизи города.

Такой же жуткий крик вновь пререзал ночь, когда Тесса собралась продолжить свою прогулку по пляжу. Он доносился – она была в этом уверена – с вершин скал, нависавших над пляжем, с той стороны, где уже почти не было домов. На сей раз крик закончился на протяжной гортанной ноте, похожей на лай огромной собаки, но лишь похожей, не более того. «Кто-то держит на холмах какое-то диковинное животное, возможно, волка или барса», – подумала она.

Это объяснение не удовлетворило ее, так как крик не был похож на крик дикого животного, в нем был еще какой-то непонятный, странный призыв. Она ждала, что вопль раздастся снова, но вокруг была тишина.

Мрак между тем становился все черней. Туман сгущался, а на половину луны напозла тяжелая туча.

Тесса решила вернуться на пляж утром и еще раз все осмотреть. Она поспешила туда, где Оушн-авеню проливала туманный свет своих фонарей. Она даже не отдавала себе отчета в том, что идет очень быстро – почти бежит, пока не покинула берег и не пересекла автостоянку. Позади уже остался целый квартал, и только тогда по своему учащенному дыханию Тесса сообразила, что всю дорогу с пляжа она преодолела бегом.

Глава 10

Томас Шаддэк погрузился в темноту, где не было ни холода, ни тепла, где он казался себе невесомым, где ничто не прикасалось к его коже, где он был бесплотным, без мускулатуры и костей, где он лишился малейшей физической сущности. Лишь тонкая нить мысли связывала его с собственной телесной оболочкой, но в глубине подсознания он все-таки ощущал себя человеком – сухопарым мужчиной шести футов двух дюймов роста, ста шестидесяти пяти фунтов веса, с вытянутым лицом, высокими бровями и карими глазами столь яркого оттенка, что они казались почти желтыми.

Он также краем сознания понимал, что он раздет и погружен в бассейн самой совершенной в мире сурдокамеры, которая снаружи выглядела как обычный больничный бокс, но была раза в четыре больше.

Единственная лампочка малой мощности была выключена, ни один луч света не проникал в помещение. Неглубокий, в несколько футов, бассейн был заполнен десятипроцентным раствором сульфата магния, сообщавшим воде максимум энергетического потенциала. Все параметры камеры регулировались компьютером, температура раствора поддерживалась в диапазоне от 93° по Фаренгейту – температура, при которой тело, погруженное в жидкость, минимально ощущает гравитацию, – до 98° по Фаренгейту, при которых достигается минимальный теплообмен между телом и окружающей средой.

Шаддэк не страдал клаустрофобией. Через пару минут пребывания в сурдокамере ощущение замкнутого пространства полностью улетучилось.

Теперь он был лишен всякого влияния извне – зрительного, слухового, почти полностью – вкусового; он не ощущал запаха, прикосновений, собственного веса, времени, пространства – теперь он мог позволить своей мысли преодолеть притяжение брэнной плоти

и устремиться к прежде недостижимым вершинам творческих озарений, к рассмотрению идей, сложность которых не позволяла к ним подступиться в обычном состоянии.

Даже без подавления мешающих раздражителей он был гением. Гением называл его журнал «Тайм», и, значит, это должно быть правдой. Он создал компанию «Микротехнология новой волны», превратив ее из маленькой фирмы с двадцатью тысячами первоначального капитала в гиганта с трехсотмиллионным годовым оборотом, он разработал и внедрил суперсовременную микротехнологию.

Однако на этот раз Шаддэк вовсе не собирался концентрироваться на проблемах текущих исследований.

Он использовал эту камеру для отдыха, а также для погружения в призрачный мир видений, который всегда околдовывал и возбуждал его.

Вот что предстало перед его мысленным взором в этот вечер.

Он видел тонкую нить, связывающую его с действительностью, а кроме того, ощущал себя внутри гигантской работающей машины, по своим размерам сравнимой разве что со Вселенной. Видение казалось сном, но было бесконечно ярче и отчетливее любого сна. Он был подобен пылинке внутри освещенного странным светом огромного воображаемого механизма. Он двигался среди массивных перегородок, гигантских опор для вращающихся осей, приводных ремней; миллионы поршней двигались в клапанах и передавали движение гигантским кривошипно-шатунным механизмам, а те, в свою очередь, — маховикам различных размеров. Гудели сервомоторы, грохотали компрессоры, через искрящиеся переключатели и миллионы проводов электрический ток поступал в самые удаленные уголки машины. Но для Шаддэка самым возбуждающим в этой картине было удивительное соединение сложнейшей механики с органической тканью: среди цилиндров, поршней, ремней и алюминиевых патрубков были видны части живого существа, работающие в одном ритме с машиной. Незримый конструктор подключил к механизму человеческие сердца, неустанно пульсирующие, одни из них гнали кровь по артериям, другие — машинное масло. В других частях механизма работали тысячи легких, они служили фильтрами и воздушными насосами; сухожилия и живая плоть сочленяли сложные переплетения труб и шлангов, обеспечивая гибкость и надежность, недоступные для механических соединений.

Все самое лучшее от природы и от машины было собрано в единую, совершенную структуру. Очарованный этим совершенством, Томас Шаддэк путешествовал по бесконечным коридорам своей мечты и не понимал — или ему было безразлично, — какая функция у этой машины, что она производит. Он был в возбуждении от эффективности конструкции, продуманности соединений органического и неорганического, и неважно, зачем все это.

Всю свою жизнь, сорок один год сознательного существования, Шаддэк боролся против ограниченности человеческих возможностей, используя свою волю и свой ум для того, чтобы подняться над жалким уделом человеческого рода. Он хотел быть выше людей. Он хотел обладать всемогуществом Бога и управлять не только своим будущим, но и будущим всего человечества. Здесь, в сурдокамере, увлеченный зрелищем кибернетического совершенства, он был ближе к желанным метаморфозам, чем когда-либо в реальной жизни, и это придавало ему силы.

Однако видения были для него не только интеллектуальным стимулятором и эмоциональной поддержкой, он находил в них и мощный эротический заряд. Плавая в недрах полуорганического существа, видя его толчки и пульсации, он сдавался оргазму, который ощущал не в своих гениталиях, а во всем теле, в каждой его клеточке; он не осознавал, что от оргазма содрогается его тело, он находил удовольствие лишь в ощущениях своего раскрепощенного духа. Темную воду бассейна прорезали несколько беловатых нитей его спермы.

Несколько минут спустя таймер сурдокамеры включил внутренний свет, затем раздался приглушенный сигнал срочного вызова. Шаддэка вызывали из его мечты в реальную жизнь Мунлайт-Кова.

Глава 11

Глаза Крисси привыкли к темноте, и теперь она могла легче ориентироваться в незнакомой местности.

Выбравшись из ущелья, она отправилась через лес на юг, миновав два огромных кипариса, которые возвышались над обрывом. В отличие от своих прибрежных собратьев эти гиганты были прямыми и стройными, морские ветры не искорежили их стволы, не скрутили ветви. Крисси даже прикинула, не спрятаться ли ей в этих ветвях от своих преследователей, но не решилась, так как они могли учуять ее или обнаружить каким-то иным образом, и тогда ей конец – с дерева не убежишь.

Вскоре она бегом добралась до лесной поляны, тропа шла под уклон, сюда прорывался ветер с моря и трепал ее волосы. Сквозь туман еще пробивался лунный свет, невысокая сухая трава блестела под ним, будто схваченная заморозками.

Отсюда, с этой поляны, она заметила вдалеке, на автомагистрали, фары грузовика, он весь сверкал огнями, как рождественская елка. Но от мысли выйти на шоссе она отказалась сразу – там могли попасться только водители дальних рейсов, которые вообще не знают ее и не поверят ей. Кроме того, по телевидению и из газет она все время узнавала о зверских убийствах на таких дорогах, и в уме сразу же возник заголовок из газеты:

ЮНАЯ ОСОБА УБИТА И СЪЕДЕНА КАННИБАЛАМИ В ГРУЗОВИКЕ МАРКИ «ДОДЖ»; ЕЕ СЪЕЛИ С ГАРНИРОМ ИЗ БРОККОЛИ И ПЕТРУШКИ; КОСТИ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ДЛЯ СУПА.

Местное шоссе было гораздо ближе, но на нем не было видно ни одной машины. Туда тоже не стоит соваться, наверняка наткнешься на Такера с его «Хондой».

Опять эти странные крики сзади, и вроде бы воют все три существа. Значит, и Такер с ними. Попробовать все-таки выйти на шоссе?

Эти мысли бились у нее в голове, когда она пересекала поляну. Она еще не решила, куда сворачивать, а жуткие крики уже раздались совсем близко.словно свора гончих псов гналась за ней по следу. Внезапно Крисси споткнулась и поняла, что падает. Показалось, что в бездну. Однако это была всего лишь дренажная канава восьми футов шириной и шести футов глубиной. Слава Богу, она ничего себе не сломала. Злобные завывания становились все громче, теперь в них появился оттенок бешенства и была нота жалости, голода.

Крисси попыталась выбраться из ямы и тут заметила слева от себя широкую трубу, которая являлась продолжением канавы. Труба уходила под землю, Крисси размышляла, не воспользоваться ли ей этим ходом?

Лунный свет заглядывал в бетонное жерло трубы. По этой трубе, наверное, скатывается дождевая вода с дороги, сообразила Крисси. Надо быстрее решать. Очень мало шансов добраться невредимой до деревьев на другой стороне поляны. В то же время опасно прятаться в трубе – она может загнать себя в тупик, и ей некуда будет деваться. То же самое, что прятаться на дереве. Однако делать нечего – придется рисковать.

До входа в трубу было рукой подать. Труба была широкой, фута четыре в диаметре, приходилось лишь слегка пригибать голову. Однако через несколько шагов ей пришлось остановиться: ужасающий смрад перехватил ей горло тошнотой.

В тоннеле разлагался чей-то труп. В темноте его не было видно, да это и к лучшему, так как вид вполне мог быть пострашнее запаха. Видимо, какое-то большое животное забрело сюда и погибло.

Устремившись обратно, Крисси жадно ловила глотки свежего воздуха.

С северной стороны она услышала завывания, от которых буквально волосы вставали дыбом.

Они уже совсем близко, в двух шагах от нее.

Выбора нет, надо скорее снова бежать в трубу. Одна надежда, что этот смрад собьет их с толку и они не обнаружат ее.

Десять ярдов по покатоному полу трубы. Вдруг нога попадает во что-то мягкое и липкое.

Так и есть, она вляпалась в это месиво, тошнотворный запах ударил прямо в лицо.

– О черт!

К горлу подступила тошнота, но Крисси пересилила себя. Пройдя дальше по трубе, она долго очищала туфли о бетонный пол.

Теперь вперед, и как можно быстрее. Продвигаясь на полусогнутых ногах, пригнувшись, она представила себе, что выглядит как тролль, пробирающийся своим подземным ходом.

Через шестьдесят футов она остановилась, присела и взглянула назад, откуда пришла. Круглый вход в трубу светился бледным светом, ночь отсюда казалась не такой темной, как снаружи.

Было тихо.

Через дренажные решетки, которые находились на поверхности земли, в трубу проникал легкий ветерок, он отгонял смрад к выходу. Воздух там, где она стояла, был пропитан лишь сыростью и плесенью.

Тишина охватила ночь.

Крисси, затаив дыхание, прислушивалась.

Ничего.

Она проползла еще несколько футов.

Тишина.

Стоит ли дальше углубляться в трубу? Может быть, здесь есть змеи? Для них место лучше не придумаешь – тепло, не то что на сыром холодном воздухе.

Тишина.

Где ее родители? Такер? Ведь всего минуту назад они были совсем рядом, пугающе близко.

Безмолвие.

Здесь, на прибрежных холмах, водились гремучие змеи, правда, в это время года они уже впадали в зимнюю спячку. Что, если у них здесь гнездо?

Зловещая тишина так действовала на нервы, что Крисси захотелось закричать, разорвать это странное молчание ночи.

Но пронзительный крик раздался снаружи и прокатился эхом по трубе, отражаясь от стен со всех сторон, словно ее преследователи появлялись одновременно отовсюду, даже из-под земли.

Призрачные фигуры нырнули в канаву совсем рядом с трубой.

Глава 12

Сэм обнаружил мексиканский ресторан на Серра-стрит, в двух кварталах от мотеля. Судя по аромату, доносящемуся с кухни, готовили здесь неплохо. Смесь запахов служила живой иллюстрацией к книге кулинарных рецептов Хозе Фелициано: мексиканский красный перец, бурлящий, горячий chorizo, сладкое благоухание лепешек, выпеченных из masa harina, сладкий перец, острый режущий запах jalapeno chiles, лука...

Семейный ресторан Пересов был столь же непритязателен, сколь и его название. Это было обычное прямоугольное помещение с синими виниловыми кабинками вдоль стен, со столами посередине и кухней в глубине. В отличие от заведения Берта Пекема, бара «Рыцарский мост», здесь не жаловались на недостаток клиентов. Ресторан был заполнен до отказа, пустовал лишь один столик на две персоны, к нему и подвела Сэма девочка-официантка.

Официанты и официантки носили джинсы и свитера, правда, на всех еще были белые передники. Сэм не стал спрашивать «Гиннес»: в мексиканских ресторанах его обычно не держали, но зато здесь имелось пиво «Корона», которое вполне подходило к хорошей еде.

Еда была очень хорошей. Конечно, не высший класс, но очень недурно для приморского городка в три тысячи жителей. Кукурузные чипсы они готовили сами, сальса была жирной и

толстой, а суп из альбондигас был наварист и наперчен так, что Сэма бросило в жар. Когда же подали крабов энчиладас в томатном соусе, он был уже наполовину убежден, что ему стоит переехать на жительство в Мунлайт-Ков, и как можно быстрее, даже если для получения средств на пенсию придется ограбить банк.

Когда восхищение от кухни улеглось, он начал обращать внимание на своих соседей по ресторану, а не только на то, что находится у него в тарелке. Не сразу, но он заметил кое-какие странности в посетителях.

В зале было на удивление тихо, хотя здесь сидело не менее восьмидесяти-девяноста человек. Хорошие мексиканские рестораны с их изысканной кухней, обилием пива и крепких спиртных напитков всегда были местом для раскрепощения общения.

В ресторане Переса, однако, оживление царило лишь за несколькими столиками. Остальные клиенты поглощали пищу молча.

Опорожнив бокал и наполнив его снова пивом из принесенной бутылки, Сэм принялся изучать молчаливых едоков. В правой части комнаты, в кабине у стены, сидели трое мужчин средних лет, поглощая такое, энчиладас и гиминчагас, поглядывая на еду, на соседей, в пространство, но храня при этом полное молчание. По другую сторону в кабинке сидели две молодые парочки и уничтожали двойные порции аппетитной снеди с приправами, ни разу не прервавшись для того, чтобы обменяться шуткой или посмеяться. Их увлеченность едой казалась Сэму очень странной, и чем больше он смотрел на них, тем больше в этом убеждался.

Люди всех возрастов, сидевшие группами или поодиночке, сконцентрировались на еде. Они ели приправы, супы, салаты, десерт; покончив с этим, они требовали «еще парочку такое», «еще бурито», не забывая заказать мороженое и пирог. Они беспрерывно жевали, по щекам ходили желваки, мощные челюсти не останавливались ни на минуту. Некоторые вообще не закрывали рта. Сэм даже явственно расслышал эту мощную работу челюстей. Люди раскраснелись от перченого соуса, но ни один из них не обронил: «Ух, печет, как огнем!» или «Пальчики оближешь!»; никто не перебросился ни одним словом со своими сотрапезниками.

Самое интересное, что на фоне немногочисленных, мирно болтающих друг с другом за едой посетителей ненасытные молчуны совсем не привлекали к себе постороннего внимания. Очень многие не умели вести себя за столом, примерно четвертая часть посетителей ресторанов вызовет шок у преподавателя хороших манер, но маниакальное обжорство у такого множества людей поразило Сэма до глубины души. Вероятно, подумал он, люди наблюдают такую картину каждый день, поэтому из вежливости не обращают на обжор никакого внимания.

Может быть, прохладный морской воздух способствует такому зверскому аппетиту? Может быть, какие-то неизвестные ему страницы из истории Мунлайт-Кова могли бы пролить свет на этот странный феномен поведения за столом?

Для социолога ответ на подобный вопрос представлял бы несомненный интерес, но у Сэма от вида этих прожорливых существ лишь пропадал аппетит, и он решил не обращать больше на них никакого внимания.

Только закончив ужин и положив деньги на стол в уплату счета, он решил еще раз взглянуть в зал, и еще одна деталь поразила его – никто из обжор не пил ни пива, ни крепких спиртных напитков. На их столах стояла только вода со льдом или кока-кола, некоторые пили молоко стакан за стаканом, хотя по их виду никак нельзя было сказать, что они трезвенники. Не будь он полицейским, он не стал бы делать таких категорических выводов, но Сэм-то в этом разбирался, его научили определять наклонности человека.

Тут он вспомнил пустовавшую таверну «Рыцарский мост».

Что это за религиозная секта, которая учит своих последователей воздерживаться от спиртного и быть невоздержанными в еде?

Сэм не припоминал ничего подобного.

Он уговаривал себя не обращать внимания на эти странности. Это вполне могла быть

простая эмоциональная реакция на необычное поведение нескольких людей. Вот и все. Просто они сидели перед ним, и он принял их обжорство за общую черту всех местных жителей. Он ведь не ходил по ресторану, не заглядывал каждому в лицо. Однако, пробираясь к выходу, он все-таки обратил внимание на столик, за которым сидели три привлекательные, хорошо одетые женщины. Все три были поглощены едой, не разговаривали, уперлись взглядом в свои тарелки; у двух висели кусочки пищи на подбородке, но они не обращали на это никакого внимания; третья ела столь же неопрятно, и кукурузные чипсы усеяли весь ее голубой свитер. Она как будто вскармливала себя, чтобы затем отправиться на кухню, залечь в печь и самой превратиться в пищу.

Сэм был счастлив, что выбрался наконец на свежий воздух.

Разгоряченный едой и духотой в ресторане, он был бы рад снять с себя куртку, но не мог, так как под ней была спрятана кобура с револьвером. Зато он наслаждался туманом и освежающим ночной воздух ветром, дующим с запада.

Глава 13

Крисси увидела, как они спускаются в дренажную канаву, и на мгновение ее посетила надежда – они просто переберутся через препятствие и уйдут дальше к лесу. Но одна из фигур повернула ко входу в трубу. Быстрые, волчьи прыжки. В темноте мелькали лишь тени, Крисси с трудом осознавала, что эти существа – ее отец, мать и Такер. Но кто еще мог за ней гнаться?

Проникнув в бетонный туннель, хищник начал вглядываться во мрак. Янтарно-желтые глаза источали сияние.

Как далеко может видеть он в темноте? Наверное, видит ее, сидящую в восьмидесятиста футах. Для того чтобы различить что-нибудь на таком расстоянии, надо обладать сверхъестественным зрением.

Существо смотрело прямо на нее.

Но кто сказал, что это не сверхъестественные создания? Может быть, ее родители превратились в оборотней?

От этой мысли пот выступил на лбу. Одна надежда, что смрад от трупа собьет их с толку.

Хищник осторожно приближался, его туловище закрыло почти весь просвет тоннеля.

Он тяжело дышал, звук усиливало эхо. Крисси же старалась почти совсем не дышать, чтобы не обнаружить себя. Неожиданно в тоннеле раздался голос, причитающий, шепчущий; поток слов сливался в одно целое:

– Крисси, ты здесь? Ты здесь? Иди, Крисси, ко мне, иди, иди. Ты нужна мне, Крисси, нужна, нужна. Крисси, моя Крисси.

Кто может так странно причитать, так выть? Крисси представила себе нечто среднее между волком, ящером, человеком. Наверное, это даже страшнее, чем можно себе вообразить.

– Помочь, тебе надо помочь, помочь, иди, иди ко мне, иди. Ты здесь? Здесь?

Хуже всего было то, что этот животный, шепчущий голос, несмотря на всю свою странность, кого-то напоминал ей. Да, это был голос ее матери. Он страшно изменился, но это был ее голос.

К ужасу Крисси примешивалась боль, которой она сначала не могла понять. Да, это была боль от потери, она потеряла мать и молила, чтобы все вернулось, чтобы рядом с ней была ее прежняя мать. Будь у нее серебряное распятие – такие показывают в фильмах ужасов, – она не побоялась бы, подошла к этому существу и потребовала бы от темных сил покинуть ее мать. Может, распятие и не помогло бы – в жизни все не так просто, как в фильмах, к тому же перемены в ее родителях выглядят гораздо более невероятными, чем все эти чудеса с вампирами, оборотнями и демонами из ада. Но, будь у нее распятие, она попыталась бы.

– Смерть, смерть, запах смерти, смрад, смерть.
Та, кто недавно была ее матерью, приближалась к месту, где лежал труп животного. Тускло блестящие глаза разглядывали падаль.
В тоннель спускался кто-то еще.
Звук шагов, такой же жуткий голос.
– Она здесь? Она здесь? Что нашла, что?
– ...енот...
– Что, что?
– Мертвый енот. Падаль.
Крисси вдруг вспомнила, что на том месте могли остаться следы ее ног.
– Крисси? – Это второй голос.
Голос Такера. Значит, отец ищет ее в другом месте.
Оба существа не стояли на месте и странно подергивались. Время от времени раздавалось какое-то странное скрежетание о бетонные стены тоннеля. У них когти?
В их голосах была паника. Нет, не паника, они явно ничего не боялись. Звучало бешенство, сумасшествие. Будто какой-то механизм, работающий внутри их на огромных оборотах, вышел из-под контроля.
– Крисси здесь? Она здесь? – спрашивал Такер. Его спутница вновь начала вглядываться в темноту тоннеля.
«Ты не видишь меня, – думала, умоляла Крисси. – Я невидима».
Сверкающие глаза словно потеряли свой блеск, светились теперь тусклым серебром.
Крисси задержала дыхание.
– Надо найти еду, еду. – Это голос Такера.
– Сначала найди девочку, сначала найди. – Голос его спутницы.
Они разговаривали, словно животные, наделенные подобием человеческой речи.
– Сейчас, сейчас, жжет, жжет, еда, сейчас. – Такер не унимался.
Крисси всю трясло.
– Еда, на лугу еда, грызуны, чувствую их, найдем, еда, сейчас, сейчас. – Это опять Такер.
Крисси почти не дышала.
– Ничего, только падаль, иди, ешь, потом искать, иди.
Оба существа покинули тоннель и скрылись.
Крисси вздохнула с облегчением.

Подождав еще немного, она углубилась дальше в тоннель в поисках бокового ответвления. Ей пришлось пройти двести ярдов, прежде чем она нашла его – это была труба вдвое меньшего диаметра. Она забралась туда ногами вперед, перевернулась на живот. Здесь она проведет ночь. Если они вернутся и попытаются что-нибудь разнюхать, она будет в безопасности, так как сквозняк в главном тоннеле не донесет до них ее запаха.

На сердце у Крисси стало спокойнее. Они не могли обнаружить ее в тоннеле, значит, в них нет ничего сверхъестественного, они не могут все видеть и обо всем знать. Да, они страшно сильные и быстрые, они загадочны и опасны, но они тоже совершают ошибки. Скоро рассвет, и у нее есть шансы выбраться и найти помощь, не попав к ним в лапы.

Глава 14

В дверях семейного ресторана Пересов Сэм Букер взглянул на часы. Было 19:10.

Он шел по Оушн-авеню и готовил себя к разговору со Скоттом. Мысли об этом отеснили на задний план все впечатления от ресторана, в котором посетители имели странную склонность к обжорству.

На углу Юнипер-лейн и Оушн-авеню рядом с заправочной станцией «Шелл» он нашел телефон-автомат. Часы показывали 19.30. Сэм вставил в аппарат кредитную карточку и набрал номер своего домашнего телефона в Шерман-Оаксе.

В шестнадцать лет Скотт решил, что он уже взрослый и будет во время командировок отца оставаться дома один. Сэм был другого мнения и начал приглашать в свое отсутствие Эдну, сестру своей жены. Скотт выиграл поединок – устроил для Эдны сущий ад. Сэм вынужден был отступить, чтобы не подвергать свою родственницу тяжким испытаниям.

Тогда он обучил сына способам выживания – двери и окна держать закрытыми, иметь под рукой огнетушитель, уметь спастись из любой комнаты в случае пожара или землетрясения; научил даже стрелять из пистолета. И все-таки Сэм видел в Скотте ребенка. Одна надежда на то, что его уроки не пропали даром.

Девятый гудок. Сэм уже собирался повесить трубку (вот и оправдание – не дозвонился), когда на другом конце линии раздался голос Скотта:

– Алло.

– Это я, Скотт, отец.

В трубке гремел тяжелый рок. Когда Скотт включал свою музыку, в окнах дрожали стекла.

– Может, сделаешь потише? – попросил Сэм.

– Я тебя хорошо слышу, – промямлил Скотт.

– А я тебя – нет.

– О чем говорить-то, у меня все нормально.

– Пожалуйста, сделай потише. – Сэм сделал ударение на «пожалуйста».

Раздался грохот – Скотт бросил трубку на стол. Звук уменьшил совсем ненамного, снова подошел к телефону.

– Ну?

– Как дела?

– О'кей.

– У тебя все нормально?

– Конечно, а как еще может быть?

– Я просто спросил.

– Если звонишь проверить, не устроил ли я вечеринку, можешь не беспокоиться. Не устроил.

Сэм стал считать до трех, чтобы не сорваться на крик. Вокруг телефонной будки закручивался густеющий туман.

– В школе все нормально?

– Думаешь, я туда не ходил?

– Думаю, что ходил.

– Ты мне не веришь.

– Нет, я тебе верю. – Сэм солгал.

– Ты думаешь, что я не был в школе.

– Так был или нет?

– Был.

– Ну и как там дела?

– Черт знает что. Дерьмо эта школа.

– Скотт, пожалуйста, я же просил тебя не употреблять этих слов в разговорах со мной. – Сэм почувствовал, что помимо своей воли начинает препираться с сыном.

– Извини. Сплошное занудство. – Скотт сказал это так, что трудно было понять, относится это к школе или к Сэму.

– Знаешь, здесь очень приятные места, – сказал Сэм.

Скотт промолчал.

– Лес, холмы спускаются прямо к океану.

– Ну?

Помня о советах семейного врача, с которым он и Скотт встречались вместе и по отдельности, Сэм стиснул зубы, сосчитал до трех и сделал еще одну попытку:

– Уже поужинал?

- Да.
- В школе что-нибудь задавали?
- Ничего.

Сэм, поколебавшись, решил не реагировать. Доктор Адамски мог быть доволен им – полный самоконтроль и терпимость.

На заправочной станции зажглись фонари, в густеющем тумане отблески от них множились и переливались. После паузы Сэм проговорил:

- Что сейчас делаешь?
- Я слушаю музыку.

Парень отбился от рук не в последнюю очередь из-за этой проклятой музыки. Сэму не раз приходила в голову эта мысль. Тяжелый металлический рок с его грохотом, бешенством и какофонией звуков, с его монотонностью был настолько лишен души и тела, что вполне мог сойти за музыку какой-нибудь цивилизации автоматов, перелетевших на покинутую человеком землю. На какое-то время Скотт, правда, переключился на «Ю-ту», но его не устроила в этой группе их тяга к социальным проблемам. Он снова стал слушать «тяжелый металл», причем теперь отдал предпочтение его «черной» разновидности. Эти ансамбли использовали как приманку сатанизм, и вскоре Скотт совсем ушел в себя, замкнулся и ходил мрачнее тучи. Сэм не раз набрасывался на коллекцию пластинок и разбивал их вдребезги, но потом всегда сокрушался, что не сдержал себя. В конце концов, он сам в свои шестнадцать лет увлекался «Битлз» и «Роллинг стоунз», а его родители ругали эту музыку на чем свет стоит и предрекали Сэму и его поколению плохое будущее. Но все обошлось, хотя он и слушал Джона, Пола, Джорджа, Ринго и «Роллингов». Надо быть терпимым. Сэм вовсе не хотел затыкать уши и закрывать глаза, подобно своим родителям.

- Ладно, я, пожалуй, пойду, – вздохнул Сэм. Скотт опять промолчал.
- Если будут какие-нибудь проблемы, звони тете Эдне.
- Нет таких проблем, в которых она могла бы помочь.
- Но она любит тебя, Скотт.
- Да, я понимаю.

– Она – сестра твоей матери и любит тебя как собственного сына. Ты не можешь запретить ей это. – После паузы Сэм набрал побольше воздуха и сказал: – Я тоже люблю тебя, Скотт.

- Да? И что мне делать? Умереть от восхищения?
- Нет.
- Потому что все это – ерунда.
- Я говорю как есть.

По-видимому, вспомнив одну из своих любимых песен, Скотт пропел:

Все продается,
Даже любовь.
Вечна лишь смерть.
Бога более нет.

Щелк.

Сэм подождал, слушая короткие гудки. «Превосходно». Он повесил трубку.

Отчаяние. И бешенство. Расколотил бы сейчас что угодно, избил бы кого-нибудь. Ему хотелось отомстить за украденного у него сына.

Саднящая боль под лопаткой. Он потерял сына. Невыносимо.

Он не сможет пойти сейчас в гостиницу. Для сна слишком рано, а провести два часа перед ящиком для идиотов, смотреть глупейшую комедию или драму – это уж слишком. Сэм открыл дверь кабины, в нее вполз туман и, казалось, вытащил его в ночь. Примерно час он слонялся по улицам Мунлайт-Кова, побывал и на окраинах города, где уже не было фонарей и дома с деревьями парили над туманом, словно воздушные корабли, стоящие на якоре.

Сэм шел быстро, смывая движением и холодным ночным воздухом злость, охватившую после разговора с сыном. В четырех кварталах к северу от Оушн-авеню, на Айсберри-уэй, он слышал за собой чьи-то торопливые шаги. Кто-то бежал по улице, возможно, их было трое или четверо. Звук был приглушенный, непохожий на бодрый топот ног любителей джоггинга.

Сэм обернулся, оглядел темную улицу.

Шаги смолкли.

Луна скрылась за тучами. Улицу освещал лишь свет из окон домов. Дома здесь были самых различных стилей, они выстроились между сосен и можжевельника. Место было обжитое, со вкусом обустроенное, но современных строений с большими окнами почти не было, и это усугубляло уличный мрак. Два здания были полностью скрыты во мгле, а редкие уличные фонари у домов окутал туман. Сэм, как видно, был единственным прохожим в этот час на Айсберри-уэй.

Пройдя еще полквартала, он вновь услышал шаги. Сзади никого не было. Звук затих, словно бежавшие перескочили с асфальта на землю и скрылись между домов.

Может быть, они на соседней улице? Холодный воздух и туман проделывают иногда удивительные фокусы со звуками.

Сэм был заинтригован и решил действовать осмотрительно. Он сошел с тротуара на лужайку одного из домов и притаился в тени за гигантским кипарисом. Его внимательный взгляд уловил вскоре мимолетное движение на другой стороне улицы. Четыре призрачные фигуры появились из-за угла дома, они бежали пригнувшись. Когда они пересекали лужайку, освещенную садовыми светильниками, их тени причудливо мелькнули на белой оштукатуренной стене дома. Затем они сразу исчезли в густом кустарнике – Сэм успел разглядеть, как они выглядят.

«Местная шпана, – подумал Сэм, – замыслили какую-нибудь пакость».

Мысль о подростках возникла, возможно, из-за необычной прыти и странного поведения тех, кого он видел минуту назад. Они что-то задумали против местных жителей, или им нужен он. Инстинкт подсказывал Сэму, что за ним следят.

Разве могут подростки так разгуливать в таком маленьком городке, как Мунлайт-Ков?

Конечно, в каждом городе есть «трудные» подростки. Но в маленьком приморском городке они не станут объединяться в банды, занимающиеся грабежами, разбоем, жестокими убийствами. В таких местах ребята, бывает, угоняют машины, балуются со спиртным, девочками, иногда воруют по мелочам, но никогда не шныряют группами по улицам, как в больших городах.

Несмотря на эти логичные рассуждения, Сэм с подозрением отнесся к этой четверке, крадущейся в темноте среди кустарника и азалий на другой стороне улицы. Не надо забывать, что в Мунлайт-Кове творилось что-то неладное, и, возможно, это связано с малолетними преступниками. Полиция скрывала правду о нескольких смертях, случившихся за последние два месяца, и не исключено, что она покрывает чьи-то преступления. Конечно, выводы делать еще рано, но здесь вполне могут быть замешаны дети высокопоставленных родителей, преступившие границы дозволенного и нарушившие закон.

За себя Сэм не беспокоился. Он сумеет с ними справиться, он вооружен. Он даже не прочь проучить молокососов. Однако стычка с хулиганами могла привлечь внимание полиции, а Сэму это было ни к чему – это грозило прервать ход расследования.

Странное место они выбрали для нападения. Одного крика достаточно, чтобы люди выбежали из домов. Но звать на помощь Сэм не собирался, даже если ему придется туго.

В его случае как нельзя лучше подходит пословица о том, что не стоит будить лиха. Он прокрался от кипариса к дому с погашенными окнами, подальше от улицы и освещенных домов. Ребята явно не видят его сейчас, и он спокойно сможет улизнуть от них.

Сэм обошел дом, вошел на задний двор, где смешался с тенью в подобие с пауком-фонарем наверху. Пройдя дальше в глубину двора, он перемахнул через ограду, за ней начиналась дорожка к гаражам. Он собирался идти на юг, к Оушн-авеню и центру города, но инстинктивно выбрал другую дорогу. Сэм пересек узкий проезд, прошел мимо мусорных

ящичков, перепрыгнул еще через один забор и оказался на заднем дворе другого дома, выходявшего фасадом на улицу, параллельную Айсберри-уэй.

Здесь он снова услышал торопливые шаги по асфальту. Подростки – если это были они – бежали так же быстро, но, как ему показалось, уже не приглушали своих шагов.

Они приближались к Сэму от угла квартала. У него было странное ощущение, что каким-то шестым чувством они определили, через какой двор он вышел и в каком месте его можно будет перехватить. Сэм перешел на шаг. Он в хорошей форме, но бегать наперегонки с семнадцатилетними в его сорок два года было бы глупо.

Вместо того чтобы бежать вперед, во двор напротив, он повернул к гаражу, надеясь, что боковая дверь будет открыта. Так и есть. Он шагнул в темноту и закрыл задвижку как раз в тот момент, когда шаги его преследователей смолкли на дороге напротив гаража.

В полной темноте Сэм попытался отыскать еще одну защелку на двери или прут для блокировки, но ничего не нашел.

Четыре голоса о чем-то тихо переговаривались, ничего нельзя было разобрать. Голоса звучали странно: шипяще и настойчиво.

Сэм замер у двери, обеими руками ухватившись за ручку, чтобы не дать повернуть ее снаружи, если они попытаются это сделать.

Они замолкли.

Сэм напряг слух.

Тишина.

В гараже пахло пылью и машинным маслом. Были видны очертания одной или двух машин.

Сэм не был испуган, но начинал осознавать всю комичность ситуации.

Куда его занесло? Взрослый человек, агент ФБР, выученный всем правилам обороны без оружия, мастерски стреляющий, он прячется в гараже от четырех ребяташек. Конечно, он оказался здесь потому, что так подсказал инстинкт, а он всегда доверял инстинкту, но это...

Быстрое движение по ту сторону двери. Он напрягся. Шаркающие шаги. Кто-то подошел совсем близко. Вероятно, только один из них.

Сэм еще крепче ухватился за рукоятку, прижал дверь ногой.

Шаги совсем рядом.

Он задержал дыхание.

Прошла секунда, две, три.

«Попробуй, заперта ли дверь, и проваливай», – с раздражением подумал Сэм.

В этот момент он чувствовал себя страшно глупо и был уже готов показать мальчишкам, на что он способен. Он мог выпрыгнуть из гаража, как чертик из табакерки, и напугать ребят до смерти. Они побегут – только пятки засверкают.

Вдруг он услышал голос по ту сторону двери, в паре дюймов от него. Одному Богу известно, кому мог принадлежать такой голос, но Сэм сразу понял, что правильно сделал, когда спрятался от них. Голос был тонкий, резкий, леденящий душу, и его настойчивые интонации напоминали вопли маньяка или наркомана во время ломки.

– Жжет, жжет, голод, голод.

Казалось, он говорил сам с собой и не понимал, что говорит, как человек в горячечном бреду. Раздался какой-то скрежет о деревянную дверь. Сэм не понимал, что там происходит.

– Пища, пища для огня, огонь, – повторял голос, подымаясь до угрожающего визга.

«Это не ребенок, – подумал Сэм, – но и не взрослый». Даже в холодном гараже его прошиб озноб.

Снова скрежет у двери.

Может быть, он вооружен? Это ствол пистолета? Лезвие ножа? Просто палка?

– Жжет, жжет.... Когти?

Он сошел с ума. Но, как он ни пытался отогнать от себя эту мысль, вид загнутых когтей, оставляющих в дереве глубокий след, возникал в его сознании при этих звуках вновь и вновь.

Сэм крепко держал рукоятку двери. Он был весь в поту.

Наконец тот парень за дверью попробовал повернуть ручку. Сэм сумел удержать ее, она почти не поддавалась.

– Боже, жжет, жжет. О Боже...

Сэма охватил настоящий страх. Это был потусторонний голос. Голос наркомана, представляющего в бреду, что он летит на Марс. Только звучал он гораздо страшнее, чем крики этих накурившихся чудаков. Сэм был напуган еще и потому, что не знал, какой дьявол притаился за дверью.

Некто еще раз попробовал открыть дверь.

Сэм помогал себе ногой.

Снова быстрые, безумные слова:

– Пища, пища для огня.

Может ли он чувствовать меня из-за двери? В эти мгновения такой вопрос казался не более странным, чем мысль о подростке с когтями.

Сердце билось в бешеном ритме. Пот застилал глаза. Болели мускулы – он держал дверь крепче, чем это было необходимо.

Через какое-то время, вероятно решив, что его жертвы в гараже нет, парень оставил дверь в покое. Шаги удалялись в сторону улицы. Жалобный крик раздался оттуда, в нем смешались боль, жажда и... животное возбуждение. Видимо, парень сдерживал стон, но он вырвался против его воли.

Сэм услышал по-кошачьи мягкие шаги нескольких человек на дороге. Трое приятелей-хулиганов присоединились к четвертому и начали переговариваться теми же странными голосами.

Сэм не мог разобрать ни слова.

Неожиданно голоса смолкли, и, подобно стае волков, привлеченных запахом добычи, они бросились куда-то прочь, на север. Вскоре звук шагов растаял в ночи, и наступила гробовая тишина.

Прошло несколько минут с тех пор, как они скрылись, а Сэм все еще стоял, крепко вцепившись в ручку двери.

Глава 15

Тело мертвого мальчика лежало в кювете рядом с шоссе к югу от Мунлайт-Кова. На белом как снег лице виднелись капли крови. В свете двух полицейских ламп, установленных на треножниках по обе стороны кювета, его широко открытые глаза не мигая взирали на берег, неизмеримо более далекий, чем побережье находящегося рядом моря.

Стоя под одной из ламп, Ломен Уоткинс глядел на маленькое тело, пытаясь заставить себя остаться и засвидетельствовать смерть Эдди Валдоски. Эдди, которому было восемь лет, был его крестником. Ломен учился в колледже с отцом Эдди, Джорджем, а в его мать, Неллу, он был тайно и безответно влюблен вот уже двадцать лет. Эдди был славным мальчиком, способным, любознательным и послушным. Был. А теперь... Весь в синяках, укусах, кровоподтеках, с вывихнутыми руками, со сломанной шеей, он был теперь лишь комком искореженной плоти, в которой погибло его будущее; его огонь потушили, его лишили света, лишили жизни. Из всех страшных случаев смерти, которые Ломену довелось увидеть за двадцать один год работы в полиции, это был, пожалуй, самым жутким. И в силу его личной привязанности к жертве он должен был бы испытывать горе, если не трагедию. Но его лишь совсем чуть-чуть трогал вид маленького скорченного тела. Печаль, жалость, гнев и другие чувства касались его души, но лишь слегка и мимолетно, так случайная рыбка может задеть хвостом пловца в море. Горя, которое должно было бы терзать его при таких обстоятельствах, он не чувствовал совсем.

Барри Шолник, один из офицеров, недавно пополнивших ряды полиции Мунлайт-Кова, встал на край кювета и сделал фотоснимок тела, Сработала фотовспышка, и открытые глаза

ребенка на мгновение осветились серебром.

Странно, но чем холоднее становился Ломен в своих чувствах, тем сильнее он ощущал потерю чего-то очень важного, и это вызывало в нем смертельный страх. Только что он был напуган своим равнодушием. Он не хотел, чтобы сердце его черствело, но это был необратимый процесс, и скоро, похоже, у него будет мраморное предсердие, а само сердце будет из гранита.

Теперь он был одним из Новых людей и во многом отличался от прежнего Ломена. Хотя внешне выглядел по-прежнему – рост пять футов десять дюймов, коренастый, с широким и непривычно добрым лицом для человека его профессии, – но внутри он был уже совсем другим. Великое обращение подарило ему умение контролировать свои эмоции, спокойный и аналитический взгляд на вещи. Все это так. Но нужно ли это – не чувствовать, не переживать?

Несмотря на ночной холод, на лбу появились капельки пота.

Доктор Йен Фицджеральд не смог приехать, и место происхождения осматривал его помощник вместе с Виктором Калланом, владельцем похоронного бюро, а также еще один офицер полиции – Жюль Тиммерман. Они искали улики, которые мог оставить убийца.

Однако сейчас это было больше похоже на спектакль для жителей окрестных домов, собравшихся на обочине дороги. Даже если улики будут найдены, никто не будет арестован за это убийство. Не будет и суда над преступником. Если они найдут убийцу, то будут скрывать его у себя и поступят с ним так, чтобы никто из не посвященных в таинство обращения не смог догадаться о его существовании. Так как, несомненно, убийцей был один из тех, кого Том Шаддэк называет «одержимыми». Они тоже были Новыми людьми, но внутри у них что-то нарушилось. И это – серьезно.

Ломен отошел от мертвого мальчика. Он направился по шоссе к дому Валдоски, который виднелся в сотне ярдов к северу.

Он не обращал внимания на окружающих, хотя один из них все допытывался у него: «Шеф, что, черт побери, происходит? А, шеф?»

Здесь, за городской чертой, дома стояли далеко друг от друга, и огни их окон не могли одолеть ночной тьмы. Пройдя полпути, Ломен почувствовал вдруг страшное одиночество, хотя совсем рядом стояло множество людей. Деревья, искореженные морскими ветрами, склонились над дорогой, их узловатые ветви едва не цеплялись за одежду. Ему почудилось, что там, в темных ветвях, во мраке и тумане, кто-то притаился.

Он нащупал рукоятку пистолета в кобуре, висевшей на боку.

Ломен Уоткинс был начальником полиции в Мунлайт-Кове уже девять лет. За последний месяц на его территории пролилось больше крови, чем за предыдущие восемь лет и одиннадцать месяцев. Он был убежден, что худшее еще впереди. По его предчувствиям, «одержимых» в городе будет с каждым днем все больше и больше, и от них будет исходить огромная опасность. Шаддэк так не считал. Или не хотел задумываться над этим.

Ломен боялся «одержимых» почти так же, как он боялся исчезновения своих чувств.

В отличие от счастья, печали, радости и горя, смертельный страх был связан с механизмом выживания, поэтому, по мысли Ломена, расставаться с ним нельзя было ни в коем случае. Это соображение застало его врасплох, как и недавний шорох в ветвях деревьев.

«Неужели, – подумал он, – страх будет единственным чувством, которое расцветет в этом прекрасном новом мире, создаваемом нами?»

Глава 16

Съев черствый чизбургер, недожаренный картофель и запив все это ледяной водой «Дос Эскис», Тесса Локленд возвратилась из пустынного кафе мотеля «Ков-Лодж» в свой номер. Здесь она забралась в кровать, подложила под спину подушки и набрала номер телефона своей матери в Сан-Диего.

Марион ответила после первого же гудка, и Тесса сказала ей:

– Привет, ма.

– Где ты сейчас, Тиджей? – В детстве Тесса никак не могла решить, как ее называть – первым именем или вторым – Джейн, и в результате мать привыкла звать ее по первым буквам двух имен – Тиджей.

– В «Ков-Лодже», – ответила Тесса.

– Хорошее место?

– Лучшее из того, что можно было найти. В этом городе не слишком опечалены отсутствием первоклассных гостиниц. Если бы не вид на океан, этот мотель недолго бы протянул. Разве что начали бы сдавать номера парочкам и крутить порнофильмы.

– По крайней мере чисто?

– Вполне.

– Если там грязь, я буду настаивать, чтобы ты переехала.

– Мапочка, ты же знаешь, я привыкла жить без удобств в командировках. В Латинской Америке мы снимали фильм об индейцах мискито и вместе с ними спали прямо на земле.

– Тиджей, дорогая, не говори так никогда. Это свиньи спят на земле. Ты должна говорить, что вы спали в палатках, но никак не на земле. С человеком бывает всякое, но всегда надо сохранять чувство достоинства и стиль.

– Ладно, мамуля. Я только хотела сказать, что «Ков-Лодж» – это не подарок, но это лучше, чем спать на земле.

– В палатке.

– Да-да, в палатке, – поправилась Тесса. Пауза. Затем Марион сказала:

– Я должна была поехать в Мунлайт-Ков сразу же после того, как они нашли бедную Джэнис. Я бы запретила кремировать ее. Господи, да они не посмели бы! Я бы запретила и настояла бы на том, чтобы вскрытие произвели люди, пользующиеся доверием. Тебе не пришлось бы этим заниматься. Я так виню себя.

Тесса откинулась на подушки и вздохнула.

– Мам, не надо взваливать вину на себя. Ты сломала ногу за три дня до того, как нашли тело Джэнис. Ты не могла тогда поехать. Тут нет твоей вины.

– Да, было время, когда сломанная нога не остановила бы меня.

– Тебе уже не двадцать, мама.

– Да, я понимаю, я уже старая, – жалуясь, проговорила Марион. – Иногда я думаю, как летят годы, и мне становится страшно.

– Тебе всего лишь шестьдесят четыре, ты выглядишь на пятьдесят и сломала ногу, прыгая с парашютом. Господи Боже мой, неужели ты хочешь, чтобы я жалела тебя, как маленькую?

– Пожилые люди всегда ждут от своих детей заботы и жалости.

– Ты издеваешься. Никакая ты не пожилая, не надо придумывать. Ты дождешься – я опять уеду далеко-далеко. Неужели ты этого хочешь?

– Что ты! Бог с тобой! Слушай, Тиджей, откуда взялось это чертово дерево? Я прыгаю с парашютом тридцать лет и ни разу не приземлялась на деревья. Клянусь тебе, когда я выбирала место для посадки, его там и в помине не было.

Хотя своим оптимизмом и жизнелюбием семья Локлендов была обязана в большей степени покойному отцу Тессы Бернарду, все же тут не обошлось и без генов Марион, особенно в том, что касается неукротимости нрава.

Тесса перешла к делу:

– Сразу после приезда я ходила на пляж, на то самое место, где ее нашли.

– Тебе, наверное, было тяжело, Тиджей?

– Я справилась с собой.

Тессы не было дома, когда случилось горе. Она ездила по провинциям Афганистана, готовясь к съемкам документального фильма о геноциде против афганского народа и уничтожении его культуры. Только почти через две недели после того, как обнаружили тело Джэнис, Марион смогла передать Тессе эту печальную новость. Спустя пять дней, 8 октября,

Тесса летела из Афганистана с таким чувством, будто она виновата в смерти сестры. Тяжесть этой вины давила на нее не меньше, чем на Марион, но она сказала правду – она смогла справиться с собой.

- Ты была права, мама. Официальная версия никуда не годится.
- Что тебе удалось узнать?
- Пока ничего. Но я стояла там, где она якобы приняла валиум, где она вошла в воду и где ее нашли через два дня, и могу твердо сказать, что все это ложь с начала и до конца. Я это нутром чувствую, мама. И, так или иначе, я докопаюсь до истины.
- Будь поосторожней, дорогая.
- Хорошо.
- Если Джэнис... убили...
- Не бойся.
- А если, как мы подозреваем, местной полиции нельзя доверять...
- Мама, ты учти, что я выгляжу, как белка из диснеевского мультика, во мне всего пять футов четыре дюйма, я блондинка, голубоглазая и курносая. Так что никто ничего не заподозрит. Ты же знаешь, я всегда пользовалась своей обманчивой внешностью. Сколько мужчин и женщин попались на эту удочку. Они все думали, что я буду плясать под их дудку. Им пришлось потом пожалеть о своей наивности. Вот так-то.
- Ты будешь мне звонить?
- Конечно.
- Если будет какая-то опасность, бросай все и уезжай.
- Все будет нормально.
- Обещай, что ты не будешь лезть в самое пекло.
- Обещаю. Но ты мне тоже обещай, что больше не будешь прыгать с этим дурацким парашютом.
- Конечно, я стара для этого. Ну, скажем так, пожилая. Я подберу что-нибудь соответствующее своему возрасту. Кстати, я давно хотела научиться кататься на водных лыжах или на мотоцикле. Помнишь, ты сделала великолепный фильм о мотогонках?
- Обожаю тебя, мама.
- Люблю тебя больше жизни, Тиджей.
- Они заплатят за Джэнис.
- Если будет кому платить. Но запомни, Тиджей, Джэнис уже не вернешь, а твоя первая обязанность – сохранить себя.

Глава 17

Джордж Валдоски сидел за пластиковым кухонным столом. Его натруженные руки сжимали стакан с виски, было видно, что пальцы дрожат; янтарного цвета жидкость едва не выплескивалась через край.

Когда Ломен Уоткинс вошел в кухню и затворил за собой дверь, Джордж даже не поднял головы. Эдди был у него единственным ребенком.

Джордж был высоким широкоплечим мужчиной. Из-за глубоко и близко друг к другу посаженных глаз, тонких губ и заостренных черт лица он имел высокомерный, не располагающий к себе вид. Но его внешняя суровость была обманчивой, на деле он был очень отзывчивым, мягким в общении и добрым.

– Как дела? – спросил Ломен.

Джордж, прикусив нижнюю губу, кивнул, пытаясь показать, что он справляется с этим кошмаром, но его глаза так и не встретились со взглядом Ломена.

– Пойду посмотрю, как там Нелла, – сказал Ломен.

На этот раз Джордж даже не кивнул в ответ.

Ломен прошел через кухню, его тяжелые ботинки со скрипом ступали на линолеумный пол. В дверях из кухни в маленькую столовую он обернулся к своему другу:

– Мы найдем этого негодяя, Джордж. Клянусь, мы найдем его.

Теперь наконец Джордж оторвал взгляд от виски. Слезы блестели у него на глазах, но он не плакал. Он был гордый человек, у него была ясная голова и сильная воля. Он начал говорить:

– Эдди играл там, на заднем дворе, смеркалось, он всегда играл там, мы могли видеть его из любого окна, он был всегда в своем дворе. Когда Нелла позвала его ужинать, уже стемнело. Он не отозвался, не пришел, подумали – пошел к соседским ребятам поиграть и не предупредил, хотя должен был. – Джордж рассказывал это в сотый раз, он не мог остановиться. Как будто от этих бесконечных повторов что-то могло измениться, как будто страшная действительность могла исчезнуть, как исчезает звук с заигранной пластинки. – Начали искать его, не могли найти, сначала и в голову не пришло беспокоиться, даже ругали его, потом забеспокоились, испугались, хотели уже вас звать и тут нашли его там, в канаве, святой Боже, всего изувеченного, в канаве. – Он сделал глубокий вдох, еще один, и сдерживаемые слезы еще ярче заблестели в глазах. – Что за чудовища так с ним обошлись? Утащили его и сделали это, а потом принесли обратно, это ужас – принесли и положили. Мы бы услышали его крик, если бы это произошло здесь... мы бы услышали. Но его утащили, сделали это, потом принесли и положили. Кто мог сделать это, Ломен? Боже, кем надо быть, чтобы сделать такое?

– Маньяком. – Ломен сказал то, что уже не раз говорил другим людям, и это во многом было правдой. «Одержимые» и были самыми настоящими маньяками. Шаддэк даже нашел термин для их состояния: психопатический синдром перерождения.

– Возможно, это были наркоманы, – добавил Ломен, на этот раз он лгал. Наркотики, если иметь в виду запрещенные лекарственные средства, в деле о смерти Эдди были совсем ни при чем. Ломен еще удивился: как легко он солгал своему лучшему другу, раньше он не был способен на такое. Беззастенчивая ложь – это понятие больше подходило к миру бывших, не прошедших еще через обращение людей. Что касается Новых людей, то для них это устаревшее понятие не будет иметь никакого смысла, так как после завершения процесса Великого обращения набор моральных критериев будет включать в себя только эффективность, целесообразность и максимальную производительность. Так говорил Шаддэк.

– Сейчас у нас развелось много этих подонков-наркоманов. У них мозги набекрень. Ни морали, ни цели в жизни, им нужны одни только дешевые встряски. Это наследство эпохи, которую называли иногда «не суйся не в свое дело». Наверняка убийца – один из наркоманов. Клянусь, Джордж, мы найдем его.

Джордж снова опустил голову. Отпил из стакана. Затем, обращаясь больше к себе, чем к Ломену, снова начал:

– Эдди играл там, на заднем дворе, смеркалось, он всегда там играл, мы могли видеть его из любого окна...

Голос его затих.

Ломен с явной неохотой отправился на второй этаж, в спальню, посмотреть, как чувствует себя Нелла.

Она полулежала на кровати, опираясь на подушки. Рядом с кроватью на стуле сидел доктор Джим Уорфи. Он был самым молодым из трех врачей, практиковавших в Мунлайт-Кове, ему было тридцать восемь. Это был солидный человек с аккуратной бородкой, в очках в металлической оправе и с неизменным галстуком-бабочкой.

Докторский саквояж стоял на полу у его ног. На шее висел стетоскоп. В данный момент он заполнял необычно большого размера шприц золотистой жидкостью из флакона с лекарством.

Когда Ломен вошел, Уорфи обернулся. Их глаза встретились, и они поняли друг друга без слов.

Услышав шаги Ломена или догадавшись о его приближении как-то иначе, Нелла Валдоски приоткрыла красные, опухшие от слез глаза. Она сохранила до сих пор свою

привлекательность и прекрасные светлые волосы. Грубая природа не могла вылепить такое тонкое лицо, оно могло быть только шедевром гениального скульптора. Мягким, подрагивающим голосом она произнесла его имя:

– О Ломен!

Обойдя кровать, он приблизился и взял ее руку, протянутую к нему. Рука была влажной, холодной и дрожащей.

– Я собираюсь дать ей транквилизатор, – сказал Уорфи. – Ей надо успокоиться, а еще лучше – заснуть.

– Я не хочу спать, – отозвалась Нелла. – Я не могу спать. После этого... ни за что... никогда после этого.

– Успокойся. – Ломен слегка сжал ее руку. – Доктор Уорфи хочет тебе добра. Тебе будет лучше, Нелла.

Много лет Ломен был влюблен в эту женщину, жену своего друга, но ни разу не позволил своему чувству вырваться наружу. Он всегда убеждал себя, что это всего лишь платоническое влечение. Но, глядя на Неллу сейчас, он понимал – за этим влечением всегда была страсть.

Правда, тут нужна оговорка – теперь он не чувствовал ничего подобного, все было в прошлом, в его памяти. Любовь, страсть, его приятная меланхолическая привязанность исчезли, как и большинство других эмоций; он помнил о чувстве к Нелле, но оно принадлежало другому Ломену, который давно исчез, испарился, как душа, покинувшая мертвое тело.

Уорфи положил шприц на туалетный столик. Засучив рукав сорочки Неллы, он перетянул ее предплечье жгутом, чтобы сделать укол в вену.

Ватным тампоном, пропитанным спиртом, он протер место для укола. Нелла повернулась к Уоткинсу.

– Что нам теперь делать, Ломен?

– Все будет хорошо. – Он пожал ей руку.

– Нет-нет. Как ты можешь так говорить? Ведь Эдди умер. Он был таким славным, таким маленьким и славным, а теперь его нет. Хорошо уже не будет. Никогда.

– Совсем скоро ты почувствуешь себя лучше, – успокаивал ее Ломен, – ты и не заметишь, как боль пройдет. Все будет выглядеть иначе, чем теперь. Поверь мне.

Она заморгала и посмотрела на него, не понимая смысла его слов. Она еще не знала, что собираются с ней сделать.

Уорфи вонзил иглу в вену.

Нелла содрогнулась.

Золотистая жидкость вытекала из шприца, смешиваясь с ее кровью.

Она закрыла глаза и тихо заплакала. Плакала о страшной потере.

«Возможно, это лучше – не печалиться так, не любить так сильно», – подумал Ломен.

Шприц был пуст.

Уорфи вынул иглу.

Ломен вновь встретился с ним взглядом.

По телу Неллы прошла судорога.

Для обращения требовалось сделать еще два укола, и, кроме того, кто-нибудь должен был находиться рядом с Неллой в ближайшие два-три часа для того, чтобы она сама не причинила себе вреда. Превращение в Нового человека было мучительным процессом.

Неллу вновь сотрясла дрожь.

Уорфи повернул голову, и свет от лампы отразился в стеклах его очков, как в зеркалах, придавая ему зловещий вид. С каждым мгновением судороги становились все сильнее и продолжительнее.

– Что здесь происходит? – Вопрос прозвучал из уст Джорджа Валдоски, неожиданно появившегося в дверях.

Ломен так внимательно всматривался в лицо Неллы, что не расслышал шагов ее мужа.

Он сразу поднялся и выпустил руку Неллы.

– Доктор считает, что она нуждается...

– А к чему эта игла для лошадиных доз? – спросил Джордж, показывая на огромный шприц. Сама игла была вполне обычного размера.

– Это транквилизатор, – пояснил Уорфи. – Ей нужно...

– Транквилизатор? – оборвал его Джордж. – Похоже, что вы вкололи ей дозу, которая свалит и быка.

Ломен вмешался:

– Послушай, Джордж, доктор знает, что он... Нелла сползла с подушек и вытянулась на кровати.

Ее тело неожиданно напряглось, пальцы сжались в кулаки, челюсти плотно сомкнулись. На шее и висках вздулись вены, было видно, что кровь хлещет по ним с бешеной скоростью. Глаза Неллы закатились, и она погрузилась в сумерки Великого обращения, на грань сознательного и бессознательного.

– Что с ней? – воскликнул Джордж.

Губы Неллы исказила гримаса боли, она издала странный, хриплый стон. Тело ее выгнулось дугой, касаясь постели лишь плечами и пятками. Казалось, бешеная энергия переполняет ее и не находит выхода. В какое-то мгновение страшная сила, похоже, была готова разорвать ее изнутри. Затем Нелла рухнула на кровать, содрогнулась, и все тело ее покрыл обильный пот.

Джордж взглянул на Уорфи, на Ломена. Он чувствовал, что свершается что-то страшное, но не понимал смысла происходящего.

– Стой на месте. – Ломен направил на Джорджа свой револьвер, когда тот начал отступать за порог спальни. – Вернись, Джордж, и ложись на кровать рядом с Неллой.

Джордж Валдоски застыл в дверях, уставившись на револьвер, не веря своим глазам.

– Если попробуешь уйти, – продолжал Ломен, – мне придется застрелить тебя, а мне не хотелось бы, по правде говоря, этого делать.

– Ты не посмеешь, – проговорил Джордж, напоминая о десятилетиях их дружбы.

– Я сделаю это, – холодно возразил Ломен. – Мне придется убить тебя по необходимости, а потом мы все объясним, рассказав историю, которая тебе вряд ли понравится. Мы объясним, что обнаружили кое-какие несоответствия в показаниях, что нашли улики, доказывающие, что именно ты убил Эдди. Убил собственного сына, чтобы выпутаться из грязной сексуальной истории. Так вот, когда мы предъявили тебе доказательства, ты выхватил у меня из кобуры револьвер, завязалась драка. Ты был убит. Дело закрывается.

Джордж потерял дар речи. Услышать такое от человека, которого всегда считал близким и преданным другом! Угроза Ломена была чудовищной. Джордж сделал шаг в комнату.

– Вы хотите всем сказать, что я... что я совершил это с Эдди? Но почему? Что ты делаешь, Ломен? Что, черт возьми, ты делаешь? Кого... кого ты покрываешь?

– Ложись на кровать, – сказал Ломен.

Неллу продолжали сотрясать судороги, нескончаемые, мучительные. Все лицо покрыл пот, волосы перепутались. Глаза были открыты, но она, казалось, никого не видела. Возможно, она была без сознания. Что представляло перед ее взором? Неведомое? Закоулки души? Сам Ломен ничего не помнил про момент своего обращения, в воспоминаниях осталась только сжигающая боль.

Ели передвигая ноги, Джордж Валдоски приблизился к кровати.

– Что происходит, Ломен? Боже, что это? Что с ней? – Все будет хорошо, – сказал Ломен, – это к лучшему, Джордж. Поверь мне, к лучшему.

– Что к лучшему? Что, Господи...

– Ложись, Джордж. Все будет в порядке.

– Что происходит с Неллой?

– Ложись, Джордж. Так будет лучше.

– Да, будет лучше, – поддержал его доктор. Уорфи закончил набирать золотистую жидкость из второго флакона.

– В самом деле, тебе будет легче, – сказал Ломен, – поверь мне.

Револьвером он подал знак ложиться и ободряюще улыбнулся.

Глава 18

Дом Гарри Талбота был выстроен в функциональном стиле «Баухауза» и радовал глаз красной мореной древесиной и широкими окнами. Он находился в трех кварталах к югу от центра Мунлайт-Кова, на восточной стороне авеню Конкистадоров. Улица была названа в честь испанских завоевателей, стоявших лагерем в этих местах несколько веков назад. Они сопровождали католических священников, основывавших на калифорнийском побережье свои миссии. Иногда Гарри снились сны – он видел себя среди этих солдат, смело продвигающихся на север, в глубь неизведанных территорий, и это были хорошие сны, так как в них он обходился без инвалидной коляски.

Большинство домов в Мунлайт-Кове было построено на лесистых холмах вдоль моря, и от дома Гарри как раз начинался спуск по авеню Конкистадоров, так что для человека, единственным занятием которого было наблюдать за горожанами, лучшего места было не сыскать. Из своей спальни на третьем этаже, расположенной в северо-западном углу дома, он мог видеть большую часть улиц между бухтой и авеню Конкистадоров – Юнипер-лейн, Серра-стрит, Рошмор-уэй, а также Кипарисовую аллею. Кроме того, в поле его зрения попадали все улицы, которые пересекали этот район с юга на запад. К северу он мог захватывать взглядом часть Оушн-авеню и даже более удаленные места. Конечно, он видел бы гораздо меньше, если бы его дом не был на один этаж выше остальных, а в спальне не был бы установлен 60-миллиметровый телескоп, дополненный парой хороших биноклей.

В понедельник, 13 октября, в 21.30 Гарри сидел на самодельном стуле, поставленном в проеме между западным и северным окнами, и всматривался в окуляр телескопа. Высокий стул имел подлокотники и спинку, как у кресла, четыре крепкие ножки и мощное основание. Оно было необходимо, чтобы стул не опрокидывался, когда Гарри пересаживался в него из инвалидной коляски. На стуле имелись пристежные ремни, похожие на автомобильные, они позволяли ему наклоняться вперед к телескопу без риска упасть на пол.

Сама же пересадка из инвалидной коляски в кресло была для Гарри настоящим испытанием. Левая рука и левая нога у него вообще не действовали, а правая нога еле-еле слушалась, так что он мог надеяться только на свою правую руку – слава Богу, хоть ее пощадили вьетконговцы. Но все эти усилия окупали себя, ибо с каждым годом Гарри Талбот все больше увлекался зрелищем, которое открывал ему телескоп. Сидя в своем кресле, он иногда почти забывал о своей инвалидности, так как по-своему тоже участвовал в жизни города.

Его любимым фильмом была лента «Окно во двор» с Джимми Стюартом. Он посмотрел ее, наверное, сотню раз.

В данный момент Гарри разглядывал задний двор похоронного бюро Каллана, единственного заведения подобного рода в Мунлайт-Кове. Оно находилось на восточной стороне Юнипер-лейн, улицы, параллельной авеню Конкистадоров, но расположенной на один квартал ближе к морю. Гарри наводил свой телескоп между двух домов на противоположной стороне улицы, туда, где за соснами и проходным двором виднелся корпус похоронного бюро. В поле зрения Гарри попадал угол гаража для катафалка, черный ход в похоронное бюро и вход в новое крыло здания, где покойников бальзамировали и готовили для церемонии прощания; здесь находился крематорий.

За последние два месяца Гарри довелось наблюдать немало странных сцен возле похоронного бюро. Сегодня, однако, все было спокойно, хотя Гарри не собирался упускать это место из виду.

– Муз?

Пес поднялся с подстилки в углу и подошел к Гарри. Это был взрослый черный ньюфаундленд, в темноте его практически не было видно. Он лизнул ногу Гарри – правую, ту, которая еще сохраняла чувствительность.

Наклонившись, Гарри погладил Муза.

– Принеси мне пива, приятель.

Муза воспитали в питомнике собак-поводырей, и он всегда был рад услужить хозяину. Он подбежал к маленькому холодильнику в углу. Такие холодильники ставят в ресторанах под стойкой, и их можно открывать при помощи ножной педали.

– Не здесь, – подсказал Гарри, – я забыл днем принести упаковку из кухни.

Пес уже обнаружил, что в холодильнике нет пива «Курз», и выбежал в холл. Его лапы стучали по деревянному полу. В комнатах не было ковров, так как инвалидная коляска лучше катилась по твердой поверхности. В холле собака нажала на кнопку лифта, и дом сразу же наполнился визгом и скрипом подъемного устройства.

Гарри снова склонился к телескопу, наведенному на задний двор бюро Каллана. Туман волнами накатывал на город, его сплошная пелена временами сменялась почти прозрачной дымкой. Однако задний двор похоронного бюро был освещен фонарями, и видимость была отличная; Гарри как будто стоял там, во дворе, между двумя кирпичными башенками, образующими вход с улицы. Если бы не туман, он мог бы даже сосчитать заклепки на стальной двери крематория.

Гарри услышал, как сзади раскрылись двери лифта. Судя по звуку мотора, Муз уехал на первый этаж.

Гарри надоело наблюдать за погребальной конторой, и он переместил телескоп влево. Здесь было пустое пространство, а за ним открывался вид на дом Госдейлов, он был на Юнипер-лейн. Гарри решил заглянуть в окно гостиной.

Правой рукой он вывинтил окуляр и поставил на его место другой, выбрав нужный из тех, что лежали на столике рядом с креслом. Через этот окуляр он мог видеть все, что происходит в гостиной, туман совсем не заслонял зрелища. В данный момент Герман и Луиза Госдейл играли в карты со своими соседями – Даном и Верой Кайзер.

Так было у них заведено – каждый вечер понедельника и иногда по пятницам играть в карты.

Лифт, судя по прекратившемуся шуму, приехал на первый этаж. Муз, должно быть, сейчас бежит на кухню.

Несколько раз в ясные вечера, когда Дан Кайзер сидел спиной к окну, Гарри мог различить, какие карты у него в руке. Иногда его даже подмывало позвонить Герману Госдейлу и сообщить ему все про карты соперника по игре, а заодно дать пару советов.

Однако Гарри не осмеливался посвящать людей в тайны своего времяпрепровождения. Ночью он специально гасил свет, чтобы никто не увидел его силуэта в окне. Ведь он незримо присутствовал в жизни этих людей, и они могли не понять его. Люди со здоровыми руками и ногами вообще относятся к инвалидам с предубеждением, им кажется, что паралич рук и ног не может не отразиться на голове. Они наверняка посчитают, что Гарри сует нос не в свое дело; хуже того, они могут принять его за маньяка, страдающего половым извращением.

На самом деле ничего подобного не было. Гарри Талбот установил сам для себя строгие правила и неукоснительно их придерживался. Например, он никогда не смотрел на раздетых женщин.

В доме напротив жила Арнелла Скарлатти, и однажды он случайно обнаружил, что она любит проводить вечера в спальне, в обнаженном виде слушая музыку или читая книги. Она включала только маленькую лампу на столике у кровати, шторы не задергивала, так как кровать находилась далеко от окна и практически никто, кроме Гарри, не мог видеть ее. Арнелла была красивой женщиной. Даже сквозь полупрозрачные занавески и в полутьме ее восхитительное тело было открыто Гарри во всех деталях. Пораженный ее наготой, прикованный видом ее роскошного, полногрудого, длинноногого тела, он глядел на нее в течение минуты. Затем, обожженный своей бестактностью и желанием, он отвернул телескоп

в сторону. И хотя у Гарри вот уже двадцать лет не было женщины, он никогда больше не вторгался в спальню Арнеллы. Только по утрам он смотрел, как она завтракает в своей скромной кухне на первом этаже, и любовался ее лицом, в то время как она съедала булочку с соком или тосты с яйцами. Она казалась ему настолько прекрасной, что он не смог бы описать ее внешность словами. К тому же, по его сведениям, она была очень порядочной женщиной. Он подозревал, что влюбился в нее, как влюбляется ученик в свою учительницу, но никогда не использовал безответную любовь в качестве оправдания для нескромных взглядов в сторону ее спальни.

Так же тактично он поступал и в других ситуациях. Он лишь наблюдал, как его соседи дерутся, как они смеются, едят, играют в карты, болтают, моют посуду и совершают множество других повседневных дел. Он вовсе не хотел узнавать что-то грязное из их жизни или испытывать превосходство. Ему не было нужды в дешевых зрелищах для поднятия духа. Единственное, к чему он стремился, – это стать участником их жизни, присоединиться к ним, пусть без слов и поступков, и ощущать себя вместе с ними одной семьей; он хотел, чтобы появился кто-то, о ком надо заботиться. Через эту заботу он вновь обрел бы былую полноценную жизнь.

Вновь заработал мотор подъемника. Значит, Муз дошел до кухни, открыл одну из дверей четырехкамерного холодильника, достал упаковку пива и сейчас возвращается к нему.

Гарри Талбот был общительный человек, и, когда он вернулся с войны с одной здоровой рукой и практически без ног, врачи посоветовали ему переехать в пансионат для инвалидов, где он находился бы среди людей и о нем бы заботились. Врачи предупредили его, что он не будет принят в мир здоровых людей; по их словам, он столкнется с неосознанной, но очень болезненной для него жестокостью со стороны большинства этих людей, его будут избегать, и в конце концов от одиночества он может впасть в глубокую депрессию. Но Гарри так же упорно стремился к независимости, как когда-то – к общению, и перспектива жить в компании инвалидов и сиделок вовсе не улыбалась ему. Он предпочел полное одиночество. Теперь он жил один, если не считать Муза, редких гостей и приходящую раз в неделю экономку миссис Хансбок (он прятал от нее телескоп и бинокли в стенной шкаф). Большая часть предупреждений врачей о людской черствости оправдалась; однако они не могли представить себе способностей Гарри. Ему удалось преодолеть свое одиночество несколько экзотическим, но невинным способом. Он стал незримым членом семей почти всех своих соседей.

Подъемник достиг третьего этажа. Дверь отворилась, и Муз, вбежав в спальню, направился к креслу Гарри.

Телескоп был укреплен на движущейся платформе, Гарри откатил его в сторону. Он нагнулся и, погладив собаку по голове, взял у нее из пасти холодную банку, которую Муз держал зубами за нижнюю часть, чтобы не запачкать. Гарри зажал банку в коленях, взял со стола фонарик и, посветив на этикетку, убедился, что пес принес именно пиво, а не кока-колу.

Умная собака была приучена различать слова «пиво» и «кока-кола» и редко ошибалась. Правда, иногда она забывала задание по пути на кухню и брала не ту банку. Еще реже Муз приносил совсем посторонние вещи: газету, домашнюю туфлю, коробку с бисквитами для собак, а однажды принес сваренные вкрутую яйца, причем так бережно, что не повредил скорлупу. Как-то он притащил даже щетку из арсенала экономки. В таких случаях Гарри повторял указание, и во второй раз Муз никогда не ошибался.

Гарри уже давно решил, что пес не столько ошибается, сколько подшучивает над ним. Они понимали друг друга с полуслова, и Гарри был теперь убежден, что у собак тоже есть чувство юмора.

На этот раз без шуток и ошибок Муз принес именно то, что просили. Гарри при виде пива почувствовал жажду.

Выключив фонарик, он похвалил собаку:

– Хороший мальчик, хороший, славный пес.

Муз тихо зарычал от счастья. Он присел и ждал новых указаний.

– Ну, иди, Муз. Ложись. Славный пес.

Муз разочарованно поплелся на свою подстилку, а Гарри откупорил банку и сделал большой глоток.

Потом он поставил пиво на стол, придвинул к себе телескоп и вновь обратился к безмолвному общению с ночью, со своими соседями, со своей большой семьей.

Госдейлы и Кайзеры продолжали играть в карты.

В окрестностях похоронного бюро двигался лишь клубящийся туман.

По улице Конкистадоров, освещенный светом фонарей у дома Стернбека, не торопясь шел Рэй Чанг, владелец единственного в городе магазина по продаже телевизоров и электроники. Он выгуливал свою собаку Джека – золотистого спаниеля. Собака обнюхивала каждое дерево, выбирая, какое пометить.

Знакомые издавна сцены спокойной городской жизни очень нравились Гарри, но настроение его резко изменилось, когда он перевел телескоп на дом Симпсонов. Элла и Денвер Симпсон жили в доме кремового цвета с черепичной крышей, выстроенном в испанском стиле. Дом находился на противоположной стороне улицы Конкистадоров на два квартала севернее, как раз возле старого католического кладбища и в одном квартале от Оушн-авеню. Так как ничего на кладбище, за исключением одного дерева, не заслоняло вид на этот дом, Гарри мог без помех, хотя и под углом, созерцать все его окна. Он заглянул в окно кухни. Наведя на резкость, он увидел Эллу Симпсон, которая сцепилась со своим мужем, прижавшим ее к холодильнику; она пыталась вырваться, махала руками и, вероятно, кричала.

Гарри ощутил, как дрожь пробежала по его израненному шрапнелью позвоночнику.

Он сразу понял, что происходящее в доме Симпсонов связано с другими странными событиями, которые ему довелось наблюдать в последнее время. Денвер работал почтальоном, а Элла возглавляла процветающий косметический салон. Им было чуть больше тридцати. Это была одна из немногих негритянских семей в городе, и, насколько Гарри знал, брак их был счастливым. Серьезная ссора между ними представлялась настолько необычной, что Гарри не мог не вспомнить о других необъяснимых случаях, которым был свидетелем.

Элла наконец сумела вырваться из рук мужа, но она успела сделать только один шаг, как он нанес ей сильный удар. Женщина рухнула на пол.

Муз, видимо, почувствовал перемену в настроении своего хозяина. Пес поднял голову и пару раз глухо пролаял.

Неожиданно на кухне Симпсонов появились двое новых персонажей. Гарри опознал в них офицеров полиции Мунлайт-Кова, несмотря на то что они были одеты в гражданскую одежду. Это были Пол Готорн и Риз Дорн. Их появление лишь укрепило подозрения Гарри о связи этого события со случаями, в которых насилие странным образом сочеталось с атмосферой заговора и которые он наблюдал из своего окна. Гарри ломал голову, но не мог понять, что происходит в его некогда тихом и спокойном городке. Готорн и Дорн подняли Эллу с пола и взяли ее под руки с двух сторон. Элла, видимо, была в полубессознательном состоянии от жестокого удара мужа.

Денвер что-то говорил Готорну, Дорну или своей жене. К кому он обращался – было непонятно, лицо его было искажено гримасой такой ярости, что Гарри вздрогнул.

В кухне появился еще один человек, он сразу же направился к окну и задернул шторы. Но Гарри сумел опознать в нем доктора Йена Фицджеральда – старшего по возрасту из трех врачей Мунлайт-Кова. Он практиковал в городе вот уже тридцать лет, и все с любовью называли его док Фиц. Гарри лечился у него и знал его как заботливого врача, однако теперь доктор не был похож на самого себя. Гарри успел взглянуть в его лицо. И поразился перемене – свирепое выражение глаз и напряженные черты лица превращали знакомый облик в неподвижную, зловещую маску.

В кухне теперь ничего не разглядеть. Гарри перевел телескоп на другое окно и так припал к окуляру, что ощутил боль. Проклиная туман и свою неловкость, он откинулся в кресле, чтобы дать отдохнуть глазам.

Муз забеспокоился.

Через минуту зажегся свет в угловой комнате на втором этаже дома Симпсонов. Гарри сразу же переключился на это окно. Это была спальня хозяев дома. Туман все больше ухудшал видимость, но он сумел разглядеть, что Готорн и Дорн внесли Эллу на руках в спальню и бросили на кровать.

Вслед за ними в спальню вошли Денвер и док Фиц. Доктор поставил свой черный саквояж на столик у кровати. Денвер задернул шторы на окне, выходившем на улицу Конкистадоров, затем подошел к окну, в которое смотрел Гарри. Какое-то время Денвер всматривался в ночь, и у Гарри возникло странное чувство, будто Денвер видит его, хотя их разделяли два квартала и у Денвера не было телескопа. Гарри уже не раз отмечал такой эффект при своих наблюдениях, но знал, что на самом деле никто его не видит.

Все же его пугали эти взгляды глаза в глаза. Наконец Денвер задернул шторы, оставив, однако, промежуток между ними дюйма в два шириной.

Гарри била дрожь, все тело покрылось холодным потом. Он пытался подобрать наиболее подходящий окуляр, настроить телескоп на наибольшую резкость, в конце концов ему это удалось. Теперь он как бы незримо присутствовал в спальне, стоял у окна. Туман слегка рассеялся и не создавал помех.

Готорн и Дорн держали Эллу за руки и за ноги. Она отбивалась, но силы были неравными.

Денвер пытался заткнуть рот жены кляпом из белой материи.

Мелькнуло лицо Эллы. Глаза вылезали из орбит.

– О, черт! – Гарри сжал пальцы в кулак.

Муз встревожился и подошел к хозяину.

От отчаянной борьбы одежда на Элле смялась. На блузке расстегнулись пуговицы, юбка задралась выше колен. Несмотря на это, в этой сцене не было ничего, даже близко напоминающего изнасилование. Что бы они ни собирались делать с ней, это выглядело страшнее и загадочнее, чем обычное сексуальное домогательство.

Док Фиц встал у кровати, заслонив Эллу. В руках у врача был флакон с золотистой жидкостью, он наполнял ею шприц.

Затем он сделал Элле укол.

Что это был за укол?

Что происходит?

Глава 19

Поговорив со своей матерью, Тесса Локленд села в кровати и стал смотреть документальный фильм по Пи-би-эс. Она начала говорить вслух все, что она думает об операторской работе, установке кадра, освещении, монтаже и тексте фильма и вдруг поняла, как нелепо звучат реплики, обращенные к самой себе. Тогда она начала передразнивать критиков телепрограмм. Большинство из них были о себе очень хорошего мнения, строили из себя бог знает что. Один Роджер Эберт – нормальный парень. Несмотря на свое игривое настроение, Тесса понимала, что ее поведение – это чересчур даже для нее, всегда самостоятельной и независимой. Конечно, она была на взводе из-за прогулки по пляжу, на котором погибла сестра, – хотелось разрядки. Однако жизнерадостность Локлендов тоже должна иметь границы.

Тесса выключила телевизор и, захватив пакет, решила пройтись по коридору до автоматов для продажи прохладительных напитков и льда. Дверь в свой номер она оставила открытой.

Тесса всегда гордилась своей независимостью, свободой от ежедневной рутинной работы с девяти до пяти. Гордость эта казалась ей порой бессмысленной, так как обычно приходилось работать по двенадцать-четырнадцать часов в день вместо восьми, и в своей карьере она не добилась больших постов. Доходами также не приходилось хвастаться. Было

несколько очень удачных лент, деньги могли течь рекой и дальше, если бы она захотела. Все сложилось иначе, и с тех пор заработанных денег хватало лишь на жизнь, не более того. Она как-то подсчитала, и оказалось, что в год она в среднем зарабатывает двадцать одну тысячу. Если не подвернется крупный заказ, в следующем году будет еще меньше.

Итак, денег мало, и вольному репортеру-документалисту, случись что, никто не поможет, но Тесса все равно считала, что ей повезло в жизни. Дело даже не в благожелательных откликах критиков о ее фильмах, не в природном оптимизме Локлендов. Повезло – это значит, что она могла ни на кого не оглядываться, могла быть самой собой в работе, а следовательно, и в жизни.

В конце коридора Тесса открыла тяжелую дверь и очутилась на лестничной площадке, где были установлены автоматы. Автомат по продаже воды был до отказа нагружен кока-колой, пивом, апельсиновой и «севен-ап», но машина для приготовления льда оказалась сломанной. Может быть, на первом этаже повезет больше? Тесса спустилась по лестнице, ее шаги по бетонному полу гулко отдавались в тишине. Звук был протяжный и холодный, словно внутри пирамиды, в царстве незримых духов.

Внизу никаких автоматов не было, стрелка указывала, что их следует искать в северном крыле. Пока до них доберешься, одной диет-колы не хватит, придется брать кока-колу с сахаром.

Ей показалось, что дверь наверху кто-то открыл. Если это так, то это первый за все время ее пребывания в мотеле признак живой души. До этого она не видела ни одного из постояльцев.

Коридор первого этажа был застелен таким же отвратительным оранжевым нейлоновым ковром, как и на втором этаже. Ну и вкусы у них. Глаза бы на это не глядели.

Если бы выбор приличного, уютного места зависел от толщины кошелька, она предпочла бы зарабатывать больше денег на фильмах. Но, к сожалению, в Мунлайт-Кове нет других мотелей, так что в данном случае деньгами делу не поможешь, и ей придется созерцать этот оранжевый ужас. После него серый бетон на лестничной клетке подарком покажется, на нем глаз отдыхает.

Автомат в этом крыле здания работал. Тесса открыла дверцу и наполнила пакет кусочками льда в виде полумесяцев. Поставила пакет на крышку автомата, стала закрывать дверцу. И тут вновь услышала, как кто-то открыл дверь этажом выше, скрипнули несмазанные петли.

Тесса начала опускать четвертьдолларовые монетки в автомат по продаже кока-колы, ожидая, что кто-нибудь спустится по лестнице. Когда была опущена третья монетка, она сообразила, что звук был какой-то странный – словно кто-то, зная про несмазанные петли, специально придерживал дверь, стараясь не скрипнуть ею.

Держа палец на кнопке автомата, Тесса вслушалась.

Ничего.

Холодная бетонная тишина.

Такое же ощущение было у нее на пляже, когда она услышала этот загадочный далекий крик.

«Кто-то нарочно ждет, когда я нажму кнопку, и аппарат начнет шуметь. Тогда скрипа петель не будет слышно». Придет же в голову такая сумасшедшая мысль.

Многие женщины до смерти испугались бы в такой ситуации. Но не Тесса. Хотя гибель Джэнис и выбила ее из колеи, она не поддастся панике, она знает теперь, где опасность – там, на верхней площадке, – невидимая, затаившаяся.

На лестничной клетке было три двери. В одну из них она вошла из коридора. Вторая выходила на задний двор мотеля, и от нее дорожка вела прямо к побережью. Через третью можно было выйти на стоянку машин перед фасадом здания. Тесса решила выйти в коридор, оставив в покое автомат, и быстро и бесшумно выскользнула за дверь.

Быстрым взглядом она уловила тень, метнувшуюся в конце коридора. Кто-то стремительно исчез на лестничной клетке в южном крыле. Хлопнула дверь.

Итак, по крайней мере, двое мужчин – так она думала – следят за ней.

На верхней площадке раздался скрип несмазанных петель. Преследователю, видимо, надоело придерживать дверь.

Назад дороги не было. Там она попадет в ловушку.

Закричать? Позвать на помощь? А если и в самом деле, кроме нее, в мотеле нет постояльцев? Тогда ее преследователи, распаленные ее криком, начнут действовать в открытую.

Кто-то осторожно начал спускаться по лестнице с верхней площадки.

Тесса вернулась назад на лестничную клетку и сразу выбежала через дверь, ведущую на стоянку, окунувшись в ночной туман. Пробежав вдоль фасада здания, она остановилась напротив главного входа в мотель.

Дверь была открыта, яркий неон расцвечивал вход. За гостиничной стойкой стоял тот самый служащий, который выдал Тессе ключи от номера. Это был мужчина лет пятидесяти, слегка полноватый, гладко выбритый, с аккуратной прической. Его ухоженный вид плохо сочетался с коричневыми вельветовыми брюками и фланелевой рубашкой в красно-зеленую клетку.

Он отложил журнал, уменьшил звук в радиоприемнике и вышел навстречу Тессе. Прищурившись, он слушал ее рассказ о случившемся. Тесса никак не могла отдышаться после быстрого бега.

– Знаете, у нас городок небольшой, мэм, – сказал он, когда она закончила. – У нас в Мунлайт-Кове всегда очень спокойно. Так что вам не стоит бояться нападений из-за угла.

– Но это было на самом деле, – настаивала Тесса, бросая нервные взгляды на туманную дымку, подсвеченную неонами и проплывающую мимо окон.

– О, я охотно верю. Просто вам что-то привиделось, послышалось, и вы придали этому слишком большое значение. У нас действительно, кроме вас, есть еще двое постояльцев. Возможно, вы их и испугались, а они всего-навсего хотели взять кока-колу или лед. Так же, как и вы. – Портье улыбнулся тепло, по-стариковски. – Признаюсь, наше заведение выглядит не очень весело, когда мало гостей.

– Послушайте, мистер...

– Куин, Гордон Куин.

– Послушайте, мистер Куин, все было совсем не так. – Тесса почувствовала, что говорит, как склочная и неумная женщина, не будучи таковой на самом деле. – Я не могла перепутать обычных постояльцев с насильниками или хулиганами. Я не истеричка. Эти двое замыслили что-то недоброе.

– Ну... ладно. Я думаю, вы ошибаетесь, но давайте все же проверим. – Куин вышел из-за стойки.

– Вы пойдете прямо так?

– Что значит – так?

– Без оружия?

Он снова улыбнулся. Тесса опять ощутила, что производит впечатление истерички.

– Мэм, – сказал он, – за двадцать пять лет работы я ни разу не встретил постояльца, с которым не смог бы справиться. Его насмешливый, поучающий тон раздражал Тессу, но она не стала пререкаться, а последовала за ним к северному крылу здания. Он был большой, а она – маленькая и чувствовала себя подобно ребенку, которого отец ведет в детскую, чтобы показать, что никакие страшилища не прячутся ни под кроватью, ни в стенном шкафу:

Куин открыл дверь на лестничную клетку, и они вошли. Внутри никого не было.

Раздавался только слабый гул работающего автомата. На его крышке все так же стоял пакет со льдом, оставленный ею.

Куин распахнул дверь в коридор, показал, что никого нет и там. В дверь черного хода он заглянул сам, затем заставил заглянуть Тессу.

Она увидела лишь пустынную дорожку, идущую вдоль мотеля и освещенную фонарями.

– Вы говорили, что опустили деньги, но не нажали на кнопку? – спросил Куин.

– Да.

– Что вы хотели взять?

– Диет-колу.

Он нажал на кнопку, и банка выкатилась из автомата. Протянув ее Тессе, Куин напомнил:

– Не забудьте пакет со льдом.

Со льдом в руках, с жаром румянца на щеках и возмущением в сердце Тесса проследовала за портье на второй этаж. Здесь тоже никого не было. Только скрипнули несмазанные петли.

Дверь в ее номер оставалась открытой. Тесса замялась на пороге.

– Давайте проверим, – предложил Куин. Комната, туалет и ванная не вызывали подозрений.

– Теперь чувствуете себя лучше?

– Я ничего не выдумывала.

– Конечно, конечно, – сказал он покровительственным тоном.

Когда Куин уже выходил в коридор, Тесса сказала:

– Я уверена, они были здесь. Честное слово. Наверное, удрали. Удрали, когда поняли, что я их обнаружила и пошла за подмогой.

– Тогда все в порядке, – сказал Куин, – вы в безопасности. Если они удрали, это почти так же хорошо, как если бы их не было вовсе.

Тессе пришлось сдержаться, чтобы не добавить к «спасибо» еще что-нибудь. Затем она закрыла дверь. На замке была собачка, она нажала на нее. Закрыла задвижку. Пригодилась и цепочка.

Окно не внушало опасений. Она убедилась в этом после тщательного осмотра. Одна из створок открывалась, но надо было разбить стекло и повернуть ручку, чтобы проникнуть в номер с улицы. Кроме того, понадобилась бы лестница.

Некоторое время Тесса сидела на кровати, вслушиваясь в тишину мотеля. Теперь каждый звук казался ей странным и пугающим. Существует ли связь между ее приключением и смертью Джэнис, наступившей три недели назад?

Глава 20

У Крисси после двух часов пребывания в узкой бетонной трубе начался приступ клаустрофобии. В кладовке, меньшей по размерам, чем труба, она провела гораздо больше времени, но, видно, здесь бетонный мрак и тишина сделали свое дело. Накопилась усталость и натянула нервы до предела.

С автострады доносился тяжелый грохот грузовиков; отражаясь от бетонных стен, он превращался для Крисси в вой драконов. Крисси затыкала уши. Грузовики шли то редко, то один за другим, и тогда от неумолчного рева можно было сойти с ума.

На нервы действовало и подземелье, в котором она оказалась. Ей уже стало казаться, что она в могиле. Она лежала в темноте и пыталась уловить в редких паузах, когда не было слышно грузовиков, звуки шагов ее преследователей.

Она прочла про себя еще один отрывок из книги своих приключений: ЮНАЯ КРИССИ НЕ МОГЛА ЗНАТЬ, ЧТО ЧЕРЕЗ МГНОВЕНИЕ БЕТОННАЯ ТРУБА ВЗОРВЕТСЯ И ЗАПОЛНИТСЯ ЗЕМЛЕЙ, ПРИДАВИВ ЕЕ, КАК БУКАШКУ, И НАВСЕГДА ОТРЕЗАВ ОТ МИРА ЖИВЫХ.

И все же лучше пока остаться здесь. Они, должно быть, до сих пор рыщут в округе, рядом с трубой. Здесь все-таки безопаснее.

Вот только воображение разыгралось вовсю. Хотя она явно была сейчас в одиночестве, во мраке ей мерещились всякие ужасы: змеи, сотни пауков, тараканы, крысы, колонии летучих мышей-вампилов. Начал мерещиться и призрак какого-то ребенка, потерявшегося

давным-давно в этих трубах и здесь погибшего. Его неприкаянная душа бродила где-то рядом, пугая Крисси до смерти. Она понимала, что все это ерунда, что все это ей кажется, но тут ей вспомнились родители, Такер. Они предстали перед ней в образе оборотней. Раздался опять страшный грохот с автострады, и опять к ней подкрадывался призрак ребенка. Надо было выбираться наружу.

Глава 21

Покинув гараж, в котором он скрывался от банды наркоманов (так он предполагал, других версий пока не было), Сэм направился на Оушн-авеню. По пути в мотель он зашел в таверну «Рыцарский мост», но лишь затем, чтобы купить упаковку пива «Гиннес».

Чуть позднее он уже сидел в своем номере в «Ков-Лодже», пил пиво и раскладывал по полочкам имевшиеся факты расследования. Итак, 5 сентября трое активистов национального профсоюза сельскохозяйственных рабочих – Хулио Бустаманте, его сестра Мария Бустаманте и жених Марии Рамон Санчес возвращались на юг с виноградных плантаций, где они обсуждали с фермерами виды на будущий урожай. Они ехали в светло-коричневом фургоне «Шевроле», машине было четыре года. Остановились поужинать в Мунлайт-Кове. Ужинали в семейном ресторане Пересов, выпили много спиртного (согласно показаниям официантов и посетителей ресторана). На обратном пути при выезде на автостраду не вписались в поворот, машина перевернулась и загорелась. Погибли все трое.

История могла бы остаться без продолжения и ФБР не занялось бы расследованием, если бы не множество нестыковок в материалах дела. Во-первых, если судить по отчету полиции Мунлайт-Кова, за рулем в момент аварии находился Хулио Бустаманте. Но достоверно известно, что Хулио не умел водить машину; более того, он не сел бы за руль поздним вечером, так как страдал одной из форм куриной слепоты. Далее свидетели показали, что все трое были в состоянии сильного алкогольного опьянения, притом что люди, лично знавшие Хулио и Рамона, не замечали за ними склонности к выпивке, а Мария Бустаманте вообще никогда к рюмке не притрагивалась.

Семьи Санчеса и Бустаманте также были встревожены поведением властей Мунлайт-Кова. Никто из них не был оповещен о смерти родственников до 10 сентября, к тому моменту прошло уже пять дней после автокатастрофы. По словам начальника полиции Ломена Уоткинса, документы пострадавших были уничтожены в огне, а тела настолько обуглились, что их невозможно было идентифицировать по отпечаткам пальцев. Номерные знаки? К сожалению, Ломен Уоткинс не обнаружил их на месте происшествия. В связи с этим, имея в наличии три изуродованных трупа и не имея возможности определить их родственные связи, он дал распоряжения доктору Йену Фицджеральду оформить свидетельства о смерти. Затем тела были кремированы. «Вы же понимаете, у нас нет таких помещений, как в моргах больших городов, – объяснил Уоткинс, – мы не можем хранить трупы длительное время. Неизвестно, сколько времени понадобилось бы для их идентификации. Они могли оказаться иммигрантами-нелегалами, тогда вообще никто не смог бы их опознать».

«Великолепно», – мрачно подумал Сэм, откидываясь в кресле и делая большой глоток из банки с «Гиннесом».

Три человека погибли в автокатастрофе, их тела были кремированы еще до того, как были оповещены их родственники, еще до того, как к делу подключились специалисты с новейшей аппаратурой для опознания, еще до того, как были подтверждены или опровергнуты заключения полиции и свидетельства о смерти.

Были лишь слабые подозрения, что Бустаманте и Санчес пали жертвами в какой-то грязной игре, однако профсоюз был убежден, что это именно так. 12 сентября председатель профсоюза потребовал вмешательства ФБР на основании того, что антипрофсоюзные силы должны нести ответственность за гибель Бустаманте и Санчеса. По закону, ФБР вмешивалось в дела об убийствах только в тех случаях, если подозреваемый пересекал границу штата для совершения преступления, во время совершения или после. Другим

поводом для вмешательства, как в данном деле, могло стать убийство, ставшее следствием нарушения гражданских прав жертвы.

26 сентября после нелепых, но рутинных формальностей федеральной бюрократии группа из шести агентов ФБР из его филиала в Сан-Франциско (в том числе три человека из отдела научной экспертизы) отправились в командировку в живописный городок Мунлайт-Ков. Они опросили офицеров полиции, изучили отчеты полиции и коронера, сняли показания со свидетелей из ресторана Переса, обследовали останки «Шевроле», выброшенные на свалку, осмотрели место аварии, надеясь найти хоть какие-то улики. Версия о причастности кого-нибудь из жителей Мунлайт-Кова к антипрофсоюзной деятельности не подтвердилась – в городе совсем не было сельскохозяйственного производства, в гибели активистов никто не был заинтересован.

В ходе расследования местная полиция и коронер оказывали бригаде ФБР полную и искреннюю поддержку. Ломен Уоткинс и его люди даже выразили готовность пройти проверку на детекторе лжи. Что и было сделано. Результат – никаких намеков на обман. Коронер также оказался кристально честным человеком.

И тем не менее что-то здесь было явно нечисто.

Местные власти помогали как-то чересчур усердно. Все шесть агентов почувствовали, что за их спиной местные полицейские посмеиваются и издеваются над ними. Хотя внешне все было в рамках приличий, никто из полицейских не подавал никаких знаков, не подмигивал никому из свидетелей. Если хотите, называйте это подозрение инстинктом фэбээровца. Сэм был уверен, что этому инстинкту надо доверять, так же как хищник доверяет своему чутью в джунглях.

Кроме того, нельзя забывать и о других случаях насильственной смерти.

В ходе расследования дела Бустаманте – Санчеса агенты подняли отчеты о случаях насильственной смерти за два последних года. Надо было установить, отличается ли обычная процедура в этих случаях от действий полиции в данном деле. Если отличается – значит, полиции есть что скрывать. Результат был неожиданным, ошеломляющим, но совсем в другом смысле. Мунлайт-Ков оказался городом, удивительно безопасным для проживания, если не считать единственной аварии из-за превышения скорости, в которой погиб подросток. Других случаев насильственной смерти за два года не было. Они посыпались один за другим начиная с 28 августа, за восемь дней до гибели Бустаманте и Санчеса.

В предзакатные часы 28 августа четыре члена семьи Майзеров стали первыми жертвами этой эпидемии смертей. Это были Мелинда и Джон Майзер, а также их дети – Карри и Билли. Они сгорели заживо в собственном доме, полиция указала в качестве причины пожара неосторожное обращение детей со спичками. Все четыре трупа были настолько обуглены, что их идентификация проводилась на основании исследования зубов.

Прикончив первую банку пива, Сэм потянулся за второй, но вдруг заколебался. Работы еще предстояло много. Надо было поломать голову над многими загадками, а пиво совсем этому не способствовало.

Сэма, например, интересовал ответ на вопрос: почему ребенок, увидев огонь, не позвал на помощь родителей? Почему он не убежал еще до того, как дым начал распространяться по дому? И, наконец, что могло вызвать настолько быстрый и разрушительный пожар (на бензине и тому подобное никаких указаний в отчете не было), что никто из четырех не спасся, а дом вместе с телами превратился в гору углей еще до приезда пожарных?

Снова великолепная, очень чистая работа. Обугленные трупы вроде бы не способствовали установлению истинных причин смерти. Поэтому помощник коронера, он же владелец похоронного бюро Каллан, он же подозреваемый в покрытии чьих-то преступлений, предложил ближайшей родственнице Майзеров кремировать тела ее близких. Возможные улики, таким образом, были уничтожены.

– Как все здорово, – сказал Сэм вслух, положив ноги на спинку второго стула. – Какая чистая, добротная работа.

Итак, имеется уже четыре трупа.

Далее, смерть Бустаманте и Санчеса 5 сентября. Снова огонь. Затем еще более поспешная кремация.

Имеется уже семь трупов.

7 сентября, когда пепел Бустаманте и Санчеса еще, должно быть, витал над Мунлайт-Ковом, его житель Джим Арме, двадцати одного года, отправился ранним утром на рыбалку на своей лодке «Мари Леандра» длиной тридцать футов. С тех пор его не видели. И это несмотря на то, что он был опытный рыбак, несмотря на то, что погода была прекрасная и море спокойное. Вероятно, он погиб во время сильного отлива, так как никаких останков на близлежащие пляжи выброшено не было.

Имеется, таким образом, уже восемь трупов.

9 сентября, в то время, когда рыбы, возможно, рвали на куски тело Армса, Паулу Паркинс разорвали доберманы. Их было пять. Пауле было двадцать девять, она жила одна, выращивая на продажу сторожевых собак на своей усадьбе в два акра, расположенной на окраине города. Очевидно, один из доберманов набросился на нее, а остальные налетели, почуяв запах крови. Изуродованные останки Паулы, на которые невозможно было смотреть без содрогания, были отправлены в запаянном гробу ее родственникам в Денвер. Собаки были застрелены, проверены на бешенство и сожжены в крематории.

Итак, девять трупов.

2 октября, через шесть дней после начала своего расследования, эксперты ФБР эксгумировали тело Паулы Паркинс на кладбище Денвера. Вскрытие показало, что женщина действительно была искусана и исцарапана до смерти при нападении на нее множества животных.

Сэм запомнил наиболее интересный абзац из отчета о вскрытии тела слово в слово: «... тем не менее следы укусов, царапин, разрывы кожи и внутренних органов, а также специфические повреждения молочных желез и половых органов не являются в целом характерными для картины, наблюдаемой при нападении собак на человека. Размеры отпечатков зубов и следов укусов не соответствуют размерам зубов среднего добермана или других животных, склонных к агрессивности и способных напасть на человека». И далее – из того же отчета, итоговое заключение о природе существ, совершивших нападение на Паркинс: «Биологический вид неизвестен».

От чего же погибла Паулз Паркинс?

Через какие страдания и агонию она прошла?

Кто пытался свалить все на доберманов?

И еще – какие улики, проливающие свет на действительные причины смерти, могли иметься на трупах этих доберманов?

Может быть, эти улики опрокидывали версию полиции?

Сэм вспомнил о странном, далеком крике, который он слышал сегодня ночью, – крике койота не койота, кошки не кошки. Вспоминал странные, безумные голоса мальчишек, преследовавших его. Как-то все шло одно к другому. Инстинкт фэбээровца.

Биологический вид неизвестен.

Выбитый из душевного равновесия, Сэм решил успокоить нервы глотком «Гиннеса». Но банка, которую он продолжал держать в руках, была пуста. Он ощутил на губах только холодный металл.

Шесть дней спустя после смерти Паркинс и задолго до эксгумации ее тела в Денвере еще два человека покончили счеты с жизнью в Мунлайт-Кове. Стив Хейнц и Лаура Далко, не состоявшие в браке, но жившие вместе, были найдены мертвыми в своем доме на Айсберри-уэй. Хейнц оставил предсмертную записку, очень невнятную по содержанию, без подписи и отпечатанную на машинке, затем убил спящую Лауру из пистолета и застрелился сам. В отчете доктора Йена Фицджеральда этот случай квалифицировался как «убийство-самоубийство», уголовное дело поэтому не возбуждалось. По предложению коронера семьи Далко и Хейнца дали согласие на кремацию несчастных.

Одиннадцать трупов.

– Черт знает сколько кремаций в этом городе, – произнес вслух Сэм, вертя в руках пустую банку из-под пива.

Большинство родственников, насколько ему было известно, предпочитали хоронить своих близких в гробу, независимо от состояния тела. Так было принято в других городах, по крайней мере. На одну кремацию приходилось четыре-пять захоронений.

В ходе расследования дела Бустаманте – Санчеса бригада ФБР обнаружила также отчет о самоубийстве Джэнис Кэпшоу. Она приняла большую дозу валиума. Ее тело, истерзанное морем, было выброшено на берег через два дня после ее исчезновения и за три дня до прибытия агентов ФБР в Мунлайт-Ков.

Хулио Бустаманте, Мария Бустаманте, Рамон Санчес, четверо Майзеров, Джим Арме, Паула Паркинс, Стивен Хейнц, Лаура Далко, Джэнис Кэпшоу – двенадцать трупов меньше чем за месяц. Это ровно в двенадцать раз больше, чем все количество насильственных смертей в Мунлайт-Кове за предыдущие двадцать три месяца. Если учесть, что в городе живет всего три тысячи жителей, то двенадцать насильственных смертей за три недели – это, согласитесь, чертовски много.

Когда начальника полиции Ломена Уоткинса спросили о его мнении на этот счет, он ответил: «Да, это ужасно. Это даже пугает. Но у нас так долго царило полное спокойствие, что это тоже кому-то может показаться странным».

Двенадцать смертей от несчастных случаев – это большая цифра, даже если она относится к периоду в два года. Городок-то маленький.

Однако бригаде ФБР не удалось обнаружить никаких следов причастности местных властей к этим трагическим случаям. Детектор лжи также подтверждал эту непричастность, ведь ни один из этих людей – Ломен Уоткинс, его офицеры, коронер, его помощник – не дал повода ни для малейшего намека на ложь.

И все же...

Двенадцать смертей. Четыре человека сгорели на пожаре. Трое – в фургоне «Шевроле». Три самоубийства: два – при помощи оружия, одно – при помощи валиума. Все десять человек кремированы в похоронном бюро Каллана. Один пропал в море – тело не обнаружено. Единственная жертва, доступная для исследования, оказалась искусанной вовсе не собаками, как следовало из отчета coronera, а разорванной неизвестно кем, черт знает кем.

Этого было достаточно, чтобы завести дело в ФБР. 9 октября, через четыре дня после возвращения бригады из Мунлайт-Кова, было принято решение послать в город тайного агента, чтобы исследовать на месте важные аспекты дела, которые невозможно прояснить при легальном вмешательстве.

На следующий день, 10 октября, в офис ФБР в Сан-Франциско пришло письмо, которое подкрепило решимость ФБР вмешаться в это дело. Сэм запомнил это письмо также наизусть.

Джентльмены!

Я располагаю информацией, относящейся к ряду случаев со смертельным исходом в городе Мунлайт-Ков. У меня есть основания полагать, что местные власти замешаны в заговоре с целью скрыть преступные действия.

Я предпочел бы личный контакт со мной, так как не доверяю местной телефонной сети. Я вынужден настаивать на соблюдении тайны моего обращения к вам, так как являюсь инвалидом войны во Вьетнаме и не имею возможности защитить себя.

Письмо было подписано Гарольдом Г. Талботом.

Архив армии США подтвердил, что Талбот действительно является инвалидом войны во Вьетнаме. Неоднократно отмечался поощрениями за храбрость. Сэм собирался навестить его завтра с соблюдением всех предосторожностей.

Это будет завтра. А пока Сэм раздумывал, может ли он позволить себе выпить вторую банку пива в добавление к тому, что было выпито за ужином. Ночью спать не придется.

Упаковка пива лежала на столе перед ним. Он долго смотрел на нее. Пиво «Гиннес». Хорошая мексиканская кухня, Голди Хоун и страх смерти. Мексиканский ужин был у него в желудке, но он уже успел забыть его вкус. Голди Хоун жила где-то на ранчо с Куртом Расселом, которого она, вероятно из-за своей легкомысленности, предпочла заурядному, израненному и потерявшему надежду федеральному агенту. Сэм еще подумал о двенадцати погибших мужчинах и женщинах, об их телах, сожженных дотла в крематории, об убийстве и самоубийстве, о телах, пожираемых рыбами, об искусанной до смерти женщине, и все это привело его к мрачным размышлениям об уделе всякой смертной плоти. Он подумал о своей жене, умершей от рака, он подумал о Скотте и об их телефонном разговоре тоже, и вот тогда он открыл вторую банку пива.

Глава 22

Преследуемая воображаемыми пауками, змеями, жуками, крысами, летучими мышами, скорее всего придуманным ею призраком погибшей девочки и оглушающим ревом грузовиков, Крисси в конце концов выбралась из своего убежища. Далее ей предстоял путь по тоннелю, где опять пришлось пережить несколько неприятных мгновений, перешагивая через останки дохлого енота. Вот и выход. Ночной выход был чист и свеж. Боязнь замкнутого пространства прошла, хотя она была еще в узкой канаве, запечатанной сверху густым туманом. Крисси жадно глотала холодный влажный воздух, стараясь, однако, чтобы шума при этом было как можно меньше.

Она вслушалась в ночь и вскоре различила знакомые уже ей крики, они раздавались с поля-, за которым на юге начинался лес. Как и раньше, она ясно различала голоса трех существ. Если ее ищут там, в южной стороне, где начинаются владения компании «Микротехнология», то, значит, ей открыт путь назад, на север, в сторону Мунлайт-Кова.

Ясно, что она не может больше оставаться здесь.

Ясно, что, направившись на юг, она попадет к ним в лапы.

Крисси выкарабкалась из канавы и побежала по той же дороге, которая увела ее от дома вчера вечером. По пути она пересчитывала свои несчастья. Она голодна, так как не поужинала. Она устала. У нее болят мышцы от долгого неподвижного сидения в трубе. И ноги болят.

«Так в чем же дело? – спросила себя Крисси, добежав до леса. – Разве лучше, получив от Такера укол, „обратиться“ в похожее на него существо?»

Глава 23

Ломен Уоткинс покинул дом Валдоски, доктор Уорфи остался наблюдать за обращением Эллы и Джорджа. Недалеко от дома, на шоссе, офицеры полиции и коронер грузили тело мальчика в катафалк. Любопытные жители соседних домов были в шоке от зрелища, представшего их взорам.

Ломен сел в свою машину и включил зажигание. Сразу же засветился зеленоватый экран компьютера. Он был укреплен на кронштейне между передними сиденьями. Замигал индикатор, показывая, что в штаб-квартире местной полиции имеется для него срочное сообщение. Такое, которое они решили не передавать по обычной полицейской радиосвязи.

Он работал с компьютерной связью уже несколько лет и все же иногда удивлялся, когда в машине зажигался этот зеленоватый экран. Такая техника уже давно появилась в больших городах вроде Лос-Анджелеса, но еще не дошла до маленьких городов. Мунлайт-Ков был исключением. Не из-за того, что местные власти разорились на оборудование для полиции, а благодаря компании «Микротехнология новой волны» – лидеру в области компьютерной связи между базами данных. Компания оснастила полицейское управление и все машины своей техникой, программным обеспечением и непрерывно совершенствовала свои разработки, проверяя их эффективность на практике при помощи полиции Мунлайт-Кова.

Это был один из множества путей, посредством которых Томасу Шаддэку удалось проникнуть в местные структуры еще до того, как он достиг тотальной власти в городе при помощи проекта «Лунный ястреб».

Тогда Ломену хватило сообразительности увидеть за широким жестом компании нечто большее – благословенный дар свыше. Теперь он убедился в этом сполна.

Со своего терминала Ломен мог связаться с центральным компьютером в полицейском управлении на Якоби-стрит, мог получить любую информацию из баз данных или переговорить с дежурным диспетчером так же просто, как и по обычной радиосвязи. Более того, он мог, не выходя из машины, связаться с Департаментом дорожной полиции в Сакраменто и получить любые сведения о номерных знаках, узнать в Управлении тюрем данные по конкретному преступнику. Кроме того, он мог выйти через свой компьютер в национальную информационную сеть правоохранительных органов.

Ломен поправил кобуру, так как случайно сел на нее.

Набрав на клавиатуре свой опознавательный код, он получил доступ в систему.

Еще в середине восьмидесятых почти отпала необходимость бегать высунув язык, чтобы добыть необходимые данные по делу. Теперь только полицейские из телесериалов, вроде Хантера, были вынуждены метаться повсюду в поисках информации, так как это выглядело зрелищнее, чем кропотливая работа с суперсовременной техникой.

Компьютер известил Ломена о готовности приема сообщения.

Сигнал вызова погас.

Конечно, если бы все превратились в Новых людей и удалось бы решить проблему «одержимых», тогда, по всей вероятности, не стало бы преступлений и надобность в полиции отпала бы. В обществе пока существует социальная несправедливость, но в Новом мире все люди будут равны, как равны между собою машины, – у них будут одни и те же цели и желания, не будет необходимости кого-то обгонять и конфликтовать. У большинства преступников есть дефекты в генотипе, их социальная агрессия и объясняется этими дефектами. Здесь тоже картина изменится. За исключением «одержимых», Новых людей можно будет поддерживать в великолепном генетическом состоянии. Так, по крайней мере, считает Шаддэк.

Иногда Ломен Уоткинс задумывался о том, как в этом грандиозном плане будет решаться вопрос со свободой. Возможно, ей не найдется места. Порой ему было все равно – будет свобода или ее не будет. Но в какие-то моменты его безразличие... просто пугало его до смерти.

Слева направо на экране начали появляться строчки текста, светло-зеленые буквы ярко светились на темном фоне:

ДЛЯ: ЛОМЕНА УОТКИНСА

ОТ: ШАДДЭКА

ДЖЭК ТАКЕР НЕ ДОЛОЖИЛ О РЕЗУЛЬТАТАХ ПОЕЗДКИ К ФОСТЕРАМ. ТЕЛЕФОН ТАМ НЕ ОТВЕЧАЕТ. НЕОБХОДИМО СРОЧНО ПРОЯСНИТЬ СИТУАЦИЮ. ЖДУ ВАШЕГО ОТЧЕТА.

У Шаддэка был прямой выход на компьютер управления из его дома на северной оконечности бухты. Он мог оставить сообщение для Уоткинса или любого другого офицера, и никто не мог их прочитать, за исключением указанного адресата.

Экран погас.

Ломен Уоткинс снял машину с ручного тормоза, нажал на сцепление и помчался к конюшням Фостера, несмотря на то что это место находилось за пределами города и, следовательно, за пределами юрисдикции городской полиции. Он уже давно не обращал внимания на соблюдение границ и правовых норм. Уоткинс оставался полицейским лишь в силу того, что такова была его роль, он будет ее играть, пока весь город не пройдет через Великое обращение. Старые порядки его уже не интересуют, так как он – Новый человек, он выше этого.

Его вообще большей частью ничего не интересовало и не тревожило. День за днем, час

за часом он терял свои чувства.

Оставался лишь страх, который его новое сознание допускало, так как страх был частью механизма выживания. Этот механизм, в отличие от любви, радости, надежды и переживаний, был нужен эффективному организму. И сейчас этот страх был с ним. Он боялся «одержимых». Боялся, что проект «Лунный ястреб» станет известен остальному миру и потерпит крах, похоронив под своими обломками и его. Боялся своего единственного хозяина – Шаддэка. Иногда, в особенно мрачные минуты, он боялся и самого себя, и Нового мира, который грядет.

Глава 24

Муз тихо посапывал в углу темной спальни. Он иногда негромко рычал во сне, должно быть, охотился на кроликов, а может быть, исполнял поручения своего хозяина, ведь он был хорошей служебной собакой.

Гарри, наклонившись к окуляру телескопа, наблюдал за служебным двором похоронного бюро Каллана на Юнипер-лейн. Как раз сейчас во двор бюро въезжал катафалк. Виктор Каллан и его помощник Нед Райдок погрузили на тележку тело и повезли его в крематорий. Пластмассовый мешок, в котором лежал труп, был сложен пополам – в нем мог находиться только мертвый ребенок. Дверь закрылась и заслонила от Гарри происходящее.

Иногда на окнах морга жалюзи не опускали, и Гарри имел возможность наблюдать, что происходит внутри, вокруг столов, на которых бальзамировали покойников. Он мог видеть даже то, что он не хотел видеть. Однако сегодня жалюзи были опущены.

Гарри медленно начал обозревать окрестности похоронного бюро, улицу Конкистадоров, Юнипер-лейн. Он не искал чего-то особенного, просто пробежал взглядом по знакомым очертаниям домов и деревьев и внезапно наткнулся на две очень странные фигуры. Они двигались быстро и скрытно по улице, затем по незастроенной площадке у похоронного бюро. Бежали то на четвереньках, то выпрямившись, но скорее как животные, а не как люди.

«Призраки».

Сердце учащенно заколотилось.

Он уже видел подобное три раза за прошедший месяц и, когда это случилось впервые, не поверил своим глазам. Существа были призрачными, словно сотканными из ночной тени, они так быстро промелькнули, что он подумал, не мерещится ли ему от усталости непонятно что; позже он стал называть их «призраками».

Они бежали быстрее кошек. Промчались мимо и исчезли в темноте, прежде чем он успел перевести телескоп вслед за ними. Теперь он искал их на незастроенном участке. В высокой траве и кустах спрятаться было легко, к тому же туман, зацепившись за кустарник, закрыл это место белой пеленой.

Вот и они. Две сгорбившиеся фигуры ростом с человека. Одна – чуть светлее, другая совсем темная, почти слившаяся с ночным мраком. Черт лица не разобрать. Они укрылись в тени огромной ели, росшей в середине участка.

Дрожащими руками Гарри стал наводить телескоп на резкость. Видно стало чуть-чуть лучше, фигуры начали выделяться из темноты, но деталей было по-прежнему не разобрать.

Вот если бы у него был «Телетрон», одна из моделей прибора ночного видения «Стартрон», тогда он бы их разглядел поподробнее. Гарри пользовался такими приборами в армии. Дорогая штука, зато позволяет видеть ночью практически все. Там используется любое слабое излучение – свет луны, звезд, тепловое излучение, оно умножается в восемьдесят пять тысяч раз. Ночь превращается в сумерки или даже в день, но, конечно, не солнечный, а пасмурный. Модель «Телетрон» разработана специально для подключения к телескопу. Обычно для Гарри вполне достаточно лунного света или света из окон, но для наблюдения за «призраками» хорошо бы иметь особую технику.

Существа явно выслеживали кого-то, наблюдая то за Юнипер-лейн, то за бюро Каллана. В их движениях была кошачья гибкость.

Одно из них взглянуло в его сторону. Гарри увидел глаза – золотистые, излучающие слабое сияние. Таких глаз он прежде никогда не встречал. Лихорадочный страх охватил его, но вовсе не из-за сверхъестественности происходящего. Скорее наоборот, он находил что-то знакомое в этих глазах, что-то лежащее в глубинах подсознания, в памяти предков, дошедшей до него через гены.

Никогда со времен Вьетнама он не испытывал такого ледящего, мучительного страха.

Муз, очнувшись от сна, почувствовал что-то неладное. Он поднялся и, приблизившись к хозяину, зарычал низко, вопросительно.

Кошмарный облик «призрака» промелькнул и снова исчез в темноте. Кроме таинственных янтарных глаз, мало что удалось разглядеть. Обманчивый свет луны скорее мешал, чем помогал. И все же Гарри был ошеломлен, раздавлен увиденным.

Муз еще раз пролаял, беспокоясь за хозяина.

Не в силах оторваться от телескопа, Гарри восстанавливал в памяти облик существа, возникшего только что перед ним. В нем было что-то от обезьяны, но морда была более вытянутой и более безобразной. Загадочное, невиданное человекообразное существо. В пугающем облике проглядывали волчьи черты и было еще что-то от древних ящеров. Мелькнули вроде бы и звериные челюсти с выступающими клыками. Лунная ночь лишь наполовину выдала свою тайну. К тому же не исключено, что у него разыгралось воображение. Сидя неподвижно в кресле целыми днями, поневоле начнешь выдумывать всякое.

«Призраки» внезапно метнулись в черноту ночи. Он едва успел заметить, что они скрылись во дворе дома Клейморов.

Гарри начал снова искать их повсюду, в том числе и во дворе школы на Рошмор-стрит, но, кроме тумана, мрака и знакомых очертаний зданий, ничего не обнаружил. Они исчезли так же внезапно, как исчезают воображаемые призраки из комнаты, где спит маленький ребенок, когда включают свет.

Гарри оторвал взгляд от телескопа и откинулся в кресле.

Муз сразу же поднялся на задние лапы и начал тыкаться в его колени, ища ласки, как будто это он, а не хозяин видел «призраков» и теперь нуждался в утешении.

Правая рука Гарри еще дрожала, когда он гладил мохнатую голову ньюфаундленда. Прикосновения к мягкой шерсти успокаивали его самого не меньше, чем собаку.

Если ФБР выйдет на него после этого письма, непонятно, говорить ли ему о «призраках». Он, конечно, расскажет им все, что видел, и им это должно пригодиться. Но «призраки»... С одной стороны, он был уверен, что эти странные существа, которые попадались в поле зрения его телескопа уже четыре раза, имеют прямое отношение к событиям последних недель. Но, с другой стороны, людям из ФБР будет трудно поверить в их существование. Они не примут его всерьез, или хуже того, он покажется им сумасшедшим, и тогда они вообще не поверят ни одному его слову.

«Разве я не вызываю доверия? – спрашивал себя Гарри, поглаживая Музу. – Разве я сумасшедший?»

Неужели он, прикованный двадцать лет к креслу, телескопу и биноклям, выдумал всю эту историю, чтобы приблизить мир к себе, утолить свою жажду эмоций? Неужели он выдумал этот сверхъестественный фантастический заговор и решил, что будет тем, кто покарает заговорщиков? Невероятно, нет, не может быть. Война искалечила его тело, но ум остался ясен и трезв, он даже закалился в непрерывной борьбе с одиночеством. Одиночество – его проклятие, а вовсе не сумасшествие.

– «Призраки»! – сказал он Музу. Муз зарычал.

– Что же будет дальше? Посмотрю завтра в окно и увижу ведьму, летающую на метле?

Глава 25

Крисси вышла из леса у камня-пирамиды, навевавшего ей когда-то фантазии о

египтянах карликового роста. Впереди виднелись ее дом и конюшни, свет из окон причудливо переливался в тумане. Она раздумывала, не взять ли в конюшне другую лошадь? А может быть, забежать домой и прихватить там теплую куртку? Поразмыслив, она решила обойтись без лошади: так будет безопаснее. И вовсе не обязательно подражать этим глупым героиням из фильмов, которые то и дело возвращаются на заколдованное место. Крисси повернула на северо-восток, к шоссе.

Она продолжала сочинять свою воображаемую книгу: ПОДТВЕРЖДАЯ СВОЮ ПРИРОДНУЮ СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ, КРИССИ ПОВЕРНУЛА ПРОЧЬ ОТ ПРОКЛЯТОГО МЕСТА И УСТРЕМИЛАСЬ В НОЧЬ, ГАДАЯ, ДОВЕДЕТСЯ ЛИ КОГДА-НИБУДЬ ВНОВЬ ВЕРНУТЬСЯ В СВОЙ ДОМ, ОБРЕТЕТ ЛИ ОНА В БУДУЩЕМ СВОЮ СЕМЬЮ, СТАВШЮЮ ЕЙ НЫНЧЕ ЧУЖОЙ.

Она бежала теперь по полю, по сухой осенней траве. Она сознательно выбрала путь по открытому пространству – так было ближе до шоссе. Ближе, но и опаснее. Появись из леса ее преследователи, она не сможет убежать от них, силы слишком неравны.

Между тем становилось по-настоящему холодно. Фланелевая рубашка совсем не согревала. Героини Андре Нортон умели выходить и из этих ситуаций – своей магической силой они создавали себе одежду из травы, из растений, теплую одежду – из мелких зверюшек, делая это мгновенно и элегантно, как только они умеют это делать.

Надо перестать думать про эти книжки. И без этих сравнений муторно на душе.

Для отчаяния было много причин. Она потеряла свой дом. Она одна в этом мраке, ей холодно, ее мучают голод, неопределенность, страх. И в довершение всего за ней гонятся загадочные и опасные существа. Но хуже всего не это... Пусть отец и мать всегда держали ее на расстоянии, не баловали ласками – Крисси любила их. А теперь их нет, возможно, она потеряла их навсегда; после этого непонятного превращения они стали чужими, они умерли для нее.

В ста футах от шоссе она услышала гул мотора и увидела огни машины, приближающейся со стороны города. В рассеянном тумане она различила и саму машину – это был полицейский автомобиль; на крыше у него вращались синие и красные огоньки. Машина притормозила и свернула на проселок, ведущий к дому Фостеров.

Крисси уже готова была закричать, побежать навстречу машине, так как с детства была приучена видеть в полицейских людей, которые всегда придут на помощь. Она даже подняла руку, но тут сообразила, что если уж она не может доверять своим родителям, то с какой стати ждать понимания со стороны совершенно чужих людей.

Пораженная как громом мыслью о том, что полицейские, возможно, уже прошли через «обращение», уготованное ей Такером, что они могут быть такими же, как ее родители, Крисси бросилась на траву, укрылась в ней. Свет фар не достал до нее, машина уже свернула на проселок, а в темноте и тумане увидеть ее было невозможно.

Машина медленно двигалась по проселку. Возле автомобиля Такера она притормозила, затем поехала дальше, и туман поглотил ее.

Крисси поднялась и побежала вперед. Она решила идти в Мунлайт-Ков по шоссе. Если будут попадаться машины, она будет прыгивать в канаву или прятаться за деревьями и пережидать их.

Она не собирается открывать свою тайну первому встречному. В городе она сразу же пойдет в костел Девы Марии и будет просить помощи у отца Каstellи (он был прогрессивным священником и просил называть его отец Джим, но Крисси не могла заставить себя обращаться к нему так фамильярно). Крисси помогала ему во время летнего церковного фестиваля и изъявила желание прислуживать в алтаре во время мессы в следующем году. Отец Каstellи был очень доволен. Он симпатизирует ей и поверит ее истории, какой бы невероятной она ни казалась. Если же он ей не поверит... тогда она попытается добраться до миссис Токава, ее преподавательницы в шестом классе.

Крисси выбралась на шоссе, остановилась и бросила взгляд назад, на свой дом, который на этом расстоянии превратился в несколько светящихся точек в тумане. В ознобе от

холода и неизвестности она повернула на юг, к Мунлайт-Кову.

Глава 26

Парадная дверь дома Фостеров была открыта.

Ломен Уоткинс обошел весь дом, осмотрел нижний этаж, забрался наверх. Все было как обычно, за исключением перевернутого стула на кухне и черного саквояжа, оставленного также Такером, да еще в холле на полу валялся баллончик WD-40.

Закрыв за собой парадную дверь, Ломен встал на крыльце и прислушался к ночной тишине. Вечерний ветер с моря уже совсем стих. Воздух был необычайно спокоен. Туман, казалось, погасил все звуки, ввергнув мир в гробовую тишину.

Всматриваясь туда, где виднелись конюшни, Ломен позвал:

– Такер! Фостер! Здесь кто-нибудь есть?

Эхо его крика вернулось к нему. Звук был холодный и одинокий.

Никто не ответил.

– Такер! Фостер!

В одной из конюшен горел свет, и дверь была открыта настежь. Ломен решил пойти туда.

На полпути от дома к конюшне он услышал раскатистый крик, донесшийся с юга. Звук был слабый, но он не спутал бы его ни с каким другим. Гортанный вопль, в котором смешались злоба, тоска, возбуждение и жажда. Это был крик «одержимых», вышедших на ночную охоту.

Ломен остановился и прислушался, надеясь, что ему почудилось.

Вопль раздался снова. На этот раз он смог различить два, может быть, три голоса. Они были далеко, не ближе чем в миле отсюда, так что их вопли не могли быть ответом на его крик.

У него похолодела спина от этих звуков. Они вызывали в нем странное желание.

Нет.

Ломен так сжал кулаки, что ногти вонзились в кожу. Он решил устоять против этой темной силы, накатывавшейся на него из ночной темноты. Надо думать только о работе, у него много дел.

Если это крики Алекса Фостера, Шэрон Фостер и Джека Такера – а так скорее всего и есть, – где же тогда девчонка, Кристина?

Возможно, ей удалось бежать, когда они готовили ее к обращению. Перевернутый стул, оставленный Такером саквояж и открытая настежь парадная дверь, казалось, подтверждали эту неприятную версию. Преследуя девчонку, охваченные возбуждением от погони, Фостеры и Такер могли уступить дремлющей в них жажде «одержимости», вырождения. Или они уже превратились в «одержимых» в другой ситуации, а на этот раз просто мгновенно сорвались в это состояние. Сейчас они преследуют девчонку там, в лесах к югу отсюда, или уже настигли ее, разорвали на куски и остались в том же «одержимом» состоянии, так как их по-прежнему сжигает этот темный огонь, эта жажда.

Ночь была холодной, но Ломена прошиб пот.

Он хотел... он жаждал.

Нет!

Сегодня днем Шаддэк рассказал Ломену, что дочь Фостеров пропустила школьный автобус и, возвратившись домой, застала своих родителей врасплох. Они экспериментировали, по их словам, испытывая свои новые возможности. Таким образом, девчонка должна была пройти через обращение раньше намеченного срока и первой среди детей. Но не исключено, что Фостеры солгали, назвав экспериментированием регрессивные изменения в своем состоянии. Дочь увидела в них «одержимых» и была, вероятно, страшно напугана, не понимая, что с ними произошло. Фостеры не могли сказать правду Шаддэку: такое признание сразу же поставило бы их в число выродившихся, отделило бы навсегда от

нормальных Новых людей.

Обращение, как его задумал Шаддэк, должно было вывести человека на новые рубежи, это была насильственная эволюция.

Однако, приобретая в ходе обращения новые возможности, человек иногда становился жертвой регрессивности, одичания. «Одержимые» попадали в разряд отверженных. Но страшнее всего были «одержимые»-убийцы, они убивали всех подряд, повинаясь только проснувшемуся в них инстинкту хищника, – это были настоящие маньяки, скатившиеся до первобытного уровня.

Издалека снова раздались крики.

Возбуждение с новой силой охватило Ломена, горячей манящей волной пробежав по его телу. Сбросить одежду, почувствовать землю всеми конечностями и бежать обнаженным и свободным от оков цивилизации, мчаться сквозь ночь длинными, плавными прыжками. Бежать по лугу; в лес, туда, где все исполнено дикой красоты, где дичь только и ждет, когда ее обнаружат, догонят, и сомнут, и разорвут.

Нет!

Контроль.

Самоконтроль.

Крики впивались в мозг.

Он должен контролировать себя.

Сердце тяжело стучало.

Крики. Манящие, зовущие, дикие крики...

Ломен дрожал, затем начались судороги, он почувствовал, как освобождается от прямой осанки, от оков цивилизации, от ее норм, от ее приличий. Первобытный зверь внутри его жаждал освобождения, той минуты, когда можно будет выпрыгнуть из клетки и начать жить на воле...

Нет, это невыносимо.

Ноги подкосились, и он упал на землю, но не на четвереньки, чтобы не поддаться искушению, а на бок, застыв в позе зародыша, подтянув колени к туловищу. Он должен сопротивляться до конца. Его плоть раскалилась, он словно лежал на солнцепеке, но жар шел изнутри, из глубины, из миллиардов клеток, из их ядер, стремящихся удержать в сохранности генетический материал, по которому он был создан. Распростертый в холоде и тумане ночи, на лужайке перед домом Фостеров, соблазняемый криками «одержимых», он стремился вновь обрести контроль над своим существом, контроль, который даровало ему обращение. Если он уступит этому искушению, он уже никогда не будет прежним Ломеном Уоткинсом. Он будет лишь «одержимым», который притворяется Ломеном Уоткинсом. Он будет мистером Хайдом, навсегда изгнавшим доктора Джекила из своего тела.

Он посмотрел на свои руки, прижатые к груди. В желтом свете от окон дома Фостеров ему почудилось, что его пальцы начинают изменяться. В правой руке он ощутил боль. Он почувствовал, как кости, скрипя, принимают иную форму, суставы расширяются, мизинцы и большие пальцы удлиняются, подушечки на пальцах становятся шире, уплотняются сухожилия, ногти твердеют и превращаются в подобие когтей.

Ему страшно, он не хочет этого, он умоляет тело вернуться к изначальному состоянию, к человеческому облику. Он сопротивляется восстанию плоти, ставшей подвижной, словно лава. Сквозь сжатые губы он повторяет свое имя: «Ломен Уоткинс, Ломен Уоткинс, Ломен Уоткинс», – как заклинание, которое может предотвратить дьявольское превращение.

Время шло. Прошла, возможно, минута. Или десять? Целый час? Он не знал. В схватке за самого себя он потерял чувство времени.

Сознание медленно возвращалось к нему. С облегчением он увидел, что не изменился и все так же лежит на лужайке перед домом Фостеров. Только жар по-прежнему обжигал его изнутри. Пальцы были такими же, как всегда.

Какое-то время он вслушивался в ночь. Криков не было слышно, и он благодарил небо за эту тишину.

Страх – единственное чувство, оставшееся в полной мере при нем с тех пор, как он стал одним из Новых людей, теперь причинял ему физическую боль, от нее хотелось кричать. Он подозревал, что принадлежит к тем, над кем висит дамоклов меч «одержимости», и теперь это подтвердилось. Поддайся он искушению, и тогда прощай все – и тот старый мир, в котором он жил до обращения, и тот великолепный новый мир, который создавал Шаддэк; он провалился бы в небытие.

Но еще страшнее была другая мысль. Он не один такой – он начал догадываться об этом давно, – все Новые люди несли в себе зародыши «одержимости». С каждой ночью «одержимых» становилось все больше и больше.

Он поднялся на ноги. Его пошатывало.

Внутренний жар исчез, и только остывший пот льдом охлаждал тело.

Ломен Уоткинс шел к своей машине и размышлял. Все ли продумал Шаддэк во время своих исследований и их практического воплощения? Было ли обращение единственно возможным решением? Возможно, в нем заключено страшное проклятие. Если допустить, что «одержимые» не исключение, а, напротив, все Новые люди обречены на вырождение рано или поздно...

Он представил Томаса Шаддэка, затворника из башни на северной оконечности бухты. Представил, как тот взирает сверху на город, в котором созданные им звери мечутся в ночном мраке. На Ломена нашло оцепенение. Из детства, из книг, которые он любил читать, всплыл образ доктора Моро, и он узнал в Шаддэке этого мрачного героя Герберта Уэллса. Оживший доктор Моро. Он одержим безумной идеей насильственного соединения человека и машины. Он хочет преобразовать мир. Он, безусловно, охвачен манией величия, в его грандиозных замыслах все человечество переходит на новую, высшую ступень развития. Моро тоже хотел поспорить с Богом и сделать из животного человека. Что, если Шаддэк – не гений, что, если он – маньяк, подобный Моро? Тогда они все пропали.

Ломен сел в машину, закрыл дверь. Включил зажигание и обогреватель. Его знобило. Зажегся экран компьютера, сигнализируя о готовности к работе.

Проект «Лунный ястреб» – его единственная надежда, независимо от того, удастся он или провалится. Ради спасения проекта необходимо убрать эту девчонку, Кристину. Возможно, ей удалось ускользнуть от Такера и родителей. Надо дать указания о наблюдении за шоссе и северным въездом в Мунлайт-Ков. Девчонку надо перехватить во что бы то ни стало. Скорее всего она попытается обратиться за помощью к одному из Новых людей, начнет рассказывать о своих «одержимых» родителях и сама загонит себя в ловушку. А те, кто еще не прошел через обращение, скорее всего не поверят ей. Но лучше все-таки не надеяться на случай, а действовать наверняка.

Надо, кроме того, обсудить с Шаддэком ряд вопросов и решить кое-какие чисто полицейские проблемы.

И надо еще раздобыть что-нибудь поесть.

Он был зверски голоден.

Глава 27

Что-то не так, что-то не так, что-то, что-то.

Майкл Пейзер оказался у своего дома на юго-восточной окраине города. Он только что вернулся из леса, он только что спустился с заросших лесом холмов. Он был невидимкой и следопытом. Он был змеей и пантерой. Он был гол, как дикий зверь, и он возвращался с охоты, и кровь запеклась вокруг его рта. Возбуждением усталость. Он два часа гонял по лесу свою добычу. Он осторожно обошел стороной дома соседей, некоторые из них были с ним одной крови, а некоторые – нет. К счастью, дома стоят далеко друг от друга, и не составляет никакого труда перебежать из тени в тень, от дерева к дереву, в высокой траве припав к земле, слившись с ночью. Быстрота и изящество, скрытность и скорость, раскованность и мощь. Все это с ним. А он сам уже на крыльце своего одноэтажного дома, он уже – через

незапертую дверь — на кухне. И вкус крови на губах, крови, сладкой крови. Он славно поохотился, и как славно все же вернуться домой, но...

Что-то было не так.

Боже, как жжет, как жжет изнутри.

Он весь переполнен огнем, его обжигает пламя. Огонь требует пищи, требует топлива, топлива. Это нормально, организм в его состоянии потребляет массу энергии, огонь — это нормально, это просто бешеная жажда жизни. Ненормально другое.

Он не мог, не мог...

Не мог возвратиться в прежнее состояние.

Он вошел в темный дом, возбужденный собственным могуществом, игрой мышц. Он мог видеть в темноте почти так же, как дикие звери. Он слонялся во комнатах, он надеялся найти незваного гостя, пришельца, которого можно разорвать, разорвать и искусать, смять и впиться зубами в живую плоть. Но дом был пуст. В своей спальне он лег на пол. Он лежал на боку и умолял свое тело вернуться к своей прежней форме, к прежнему Майклу Пейзеру, к человеку на двух ногах. Он чувствовал в себе это стремление к нормальному облику, в теле он слышал сдвиг, но не более того, а затем все возвращалось назад. Отлив, затем прилив и опять отлив. А потом — все застывало. Все оставалось на месте, никакого возврата.

Он в ловушке, он заперт в этом облике, который еще недавно казался воплощением свободы, столь желанной для него. Он уже не стремился к ней, он рад был бы от нее отказаться. Но он в ловушке, он заперт. Его охватила паника.

Он вскочил на ноги и выбежал из комнаты. Несмотря на звериную ловкость, он опрокинул по пути напольную лампу, она упала с грохотом и звоном стекла, но он уже бежал дальше — в холл, в гостиную. Он поскользнулся на ковре. Он в тюрьме. Его собственное, изменившееся ему тело стало его тюрьмой. Его преображенные кости стали решеткой этой тюрьмы, из этой клетки не выскочишь. Он кружил по комнате, не мог остановиться, и все кружил и кружил в безумии и бешенстве. Занавески трепетали в вихре от его бега, как живые. Он налетел на стол и опрокинул его. Он может бежать сколько угодно, но не в силах сбежать из своей тюрьмы, он несет ее на себе. Нет выхода, нет выхода. Нет будущего. Сердце выскочит сейчас из груди. В ужасе и отчаянии он разметал кипу журналов, сбил со стола стеклянную пепельницу и керамическую вазу, разорвал обивку дивана. Страшная сила требовала выхода и не находила его. Боль, какая боль. Хочется кричать, но нельзя, он уже не сможет остановиться.

Еда.

Топливо.

Топливо для огня.

Он вдруг вообразил, что для возвращения в прежнее состояние ему необходимо топливо, необходима энергия для превращения. Ему нужны ферменты, гормоны, сложные органические соединения, и все это — в огромных количествах. За несколько минут ему надо пройти путь, который обычный организм проходит за годы. Ему нужны белки и минеральные вещества, углеводы и много-много всего другого.

В приступе голода, жажды Пейзер поспешил на темную кухню. Открыл дверь холодильника — внутри зажегся свет. Он влез туда всем туловищем, обнаружил большой кусок от трехфунтовой упаковки ветчины, отличной ветчины марки «Саран Рэп». Он схватил ее, выбросил тарелку, на которой она лежала, разорвал оболочку, набросился на ветчину и вгрызлся, вгрызлся в мясо, не в силах насытиться.

Он любил сбрасывать с себя одежду и превращаться в дикого зверя сразу же после прихода ночи, как можно скорее. Он устремлялся в лес, который начинался сразу за его домом, поднимался на холмы и там охотился на кроликов, енотов, лис и сусликов. Он разрывал их на части руками, зубами, он утолял жажду, глубокую, внутреннюю жажду, и он обожал эту охоту не только потому, что получал свободу, но еще и потому, что обретал ни с чем не сравнимое ощущение своего всемогущества, божественной силы, ощущение, неведомое ему прежде. Это было всепоглощающе, не сопоставимо ни с чем, в том числе и с сексом. Это

была власть, дикая власть, власть человека, обманувшего природу, вырвавшегося за отведенные ему пределы, власть ветра и шторма, свобода от всех ограничений, абсолютная власть. И сегодня ночью он утолял эту жажду власти, промчавшись по лесам неуловимым хищником, непобедимым, как сама темнота, но всей его добычи, всей кровавой жатвы не хватило для возврата к облику Майкла Пейзера, разработчика программного обеспечения, бакалавра, владельца «Порше», страстного собирателя фильмов на видеодисках, любителя марафонского бега и поклонника «Перье».

Он вгрызался в ветчину, в оставшиеся два фунта. А затем он смел все, что еще было в холодильнике, – кастрюлю холодного супа с мясом, половину яблочного пирога, купленного вчера в городе, пачку масла весом в четверть фунта, жирного, питательного масла, такого подходящего в качестве топлива, четыре сырых яйца и еще много, много чего. Странный огонь внутри его от подбрасываемого топлива не разгорался, а угасал, так как был всего лишь признаком нехватки энергии для жадно поглощающего ее организма. Теперь огонь унимался, пламя гасло и уступало место тлеющим углям.

Насытившись, Майкл Пейзер растянулся на полу перед открытым холодильником в месиве из разбитых тарелок, яичной скорлупы и пустых банок. Он снова сжался в клубок и умолял организм вернуться к человеческому облику. Он снова ощутил в себе сдвиг, сдвиг в костях и мышцах, в крови, органах и в коже. Энзимы и гормоны устремились по его венам, но, как и в прошлый раз, превращение прекратилось на полпути, и он покатился назад, в еще более дикое состояние, хотя сопротивлялся изо всех сил, изо всех сил он тянулся и тянулся вверх из бездны.

Дверь холодильника захлопнулась, и он снова очутился в темноте. Майкл Пейзер почувствовал, что теперь темнота царит не только вовне, но и внутри его.

Он сорвался в крик. Как он и опасался, начав кричать, он уже не мог остановиться.

Глава 28

Незадолго до полуночи Сэм Букер покинул «Ков-Лодж». Он был одет в коричневую кожаную куртку, в голубой свитер, в джинсы, на ногах были синие кроссовки. В такой одежде он не будет замечен в темноте, хотя одет он несколько легкомысленно для человека его возраста и стиля. Его внешне ничем не примечательная куртка имела несколько вместительных внутренних карманов, в которые он положил набор отмычек. Он спустился по южной лестнице, вышел через черный ход и некоторое время постоял на дорожке у мотеля.

Густой туман выливался с прибрежных холмов, подгоняемый бризом, который наконец нарушил ночное спокойствие. Через несколько часов бриз выгонит туман с берега, и горизонт прояснится. Но к тому времени Сэм уже закончит свою работу и уже не будет нуждаться в прикрытии – он будет спать или, точнее, бороться с бессонницей в номере мотеля.

Сэму было немного не по себе. Он еще не забыл, как удирал от компании юнцов на Айсберри-уэй сегодня вечером. Кто они на самом деле – оставалось для него загадкой, он продолжал считать их панками, но больше для самоуспокоения. Станным образом он чувствовал, что понимает, кто они такие, но не мог проговорить это, догадка шевелилась где-то в глубинах его сознания.

Он обошел угол здания, прошел мимо кафетерия и через десять минут закоулками добрался до здания на Якоби-стрит. Здесь размещалось муниципальное управление Мунлайт-Кова. Здание было именно таким, каким его описали агенты ФБР из Сан-Франциско, – двухэтажное, в кирпично-красных и белых тонах, с серой крышей, зелеными ставнями на окнах и большими фонарями у главного входа. Здание занимало полквартала на северной стороне улицы, но не особенно выделялось на фоне жилых домов.

На первом этаже свет горел даже в этот поздний час, так как там размещалось полицейское управление, работавшее круглые сутки.

Притворившись запоздалым прохожим, Сэм медленно прошел вдоль здания. Все

спокойно, никто не суеился, и площадка перед управлением была пуста. Сквозь стеклянные двери был виден ярко освещенный холл.

Сэм свернул за угол, в глубину квартала. Дорога шла мимо деревьев, кустарника, заборов, гаражей и пристроек, недалеко стояли мусорные ящики. За зданием муниципалитета находилась ничем не огражденная стоянка для машин.

Он притаился за изгородью из вечнозеленого кустарника и начал изучать местность. На стоянке горели две мощные галогенные лампы, в их свете Сэм насчитал двенадцать автомобилей – четыре «Форда» последних моделей, окрашенных в грязно-зеленый цвет, это были машины муниципалитета; рядом с ними – пикап и фургон с гербом города и надписью: «Отдел водоснабжения»; одна поливальная машина, один грузовик и четыре полицейских автомобиля марки «Шевроле».

Эта четверка черно-белых автомобилей и нужна была Сэму, так как все они были оснащены компьютерами, имеющими прямой выход на центральный компьютер в полицейском управлении. У полиции Мунлайт-Кова имелось восемь патрульных машин – очень много для маленького прибрежного города, на пять машин больше, чем в других городах с таким же населением. В таком количестве автомобилей явно не было необходимости, к тому же это было дорогим удовольствием для налогоплательщиков.

В этом полицейском управлении вообще был избыток снаряжения, причем все оно было самого высокого качества. Агенты ФБР особо отметили этот факт, когда посетили город по поводу смертей Санчеса и Бустаманте.

В Мунлайт-Кове было двенадцать офицеров-полицейских на полной ставке и три офицера на неполной плюс четыре технических работника, занятых полный рабочий день. Немало. Кроме того, все эти работники получали большую зарплату, сравнимую с зарплатой полицейских в больших городах побережья. Каждый был одет с иголочки, их офисы прекрасно оборудованы, все великолепно вооружены и, что самое удивительное, имели компьютерное оборудование, которому позавидовали бы даже парни, сидящие у «красной кнопки» в бункерах Стратегического авиационного командования в Колорадо.

Сэм убедился, что никто не сидит в машинах и не стоит у стены здания. Жалюзи на окнах первого этажа были опущены, и оттуда не было видно, что происходит на стоянке.

Сэм достал тонкие кожаные перчатки и надел их.

Он уже готов был двинуться вперед, как вдруг услышал шум позади себя. Осторожно выглянув из-за изгороди, он увидел картонную коробку, которую ветер тащил по улице и ударял обо все, что попадалось на пути. Удар о мусорный ящик и вызвал шум, заставивший Сэма вздрогнуть.

По стоянке струился туман. Он был сейчас похож на дым, казалось, что весь город горит, тлеет. Сэм еще раз огляделся и, вынырнув из своего убежища, побежал к ближайшей к нему полицейской машине.

Дверцы машины были закрыты.

Сэм извлек из внутреннего кармана куртки универсальную полицейскую отмычку, с ее помощью можно было открыть дверь любого автомобиля. Он открыл машину, сел за руль и закрыл дверь как можно тише.

От мощных ламп на стоянке было достаточно света, впрочем, Сэм мог работать и на ощупь. Он достал из кармана специальный гаечный ключ – через несколько секунд замок зажигания был снят, и перед ним открылись ведущие к замку провода.

Это был самый неприятный момент. Для нормальной работы видеодисплея надо было включить мотор – компьютер был мощный, имел устройство для микроволновой связи и разрядил бы аккумулятор за несколько минут. Туман мог скрыть следы выхлопного газа, но не звук работающего двигателя. Расстояние до здания было восемь футов, изнутри звук не могли услышать.

Но если кто-нибудь выйдет подышать свежим воздухом или побежит на вызов, то наверняка заметит неладное. Тогда предстоит схватка, а если вспомнить про участвовавшие случаи насильственной смерти в этом городе, шансов на выживание у него – ноль.

Затаив дыхание, осторожно выжимая педаль акселератора правой ногой, Сэм освободил провода от изоляции и соединил их. Двигатель завелся сразу, без резкого звука.

Экран компьютера зажегся. Компьютерное обеспечение появилось у полиции благодаря компании «Микротехнология новой волны», использовавшей эту возможность для проверки на практике своих разработок. Отрицать превышение расходов на оборудование полиция не может, это слишком бросается в глаза, но подозрительно было то, что тщательно скрывалось участие в щедрой благотворительности держателя контрольного пакета акций компании и ее директора Томаса Шаддэка. Каждый гражданин вправе поддерживать полицию или другие учреждения своими средствами, но почему Шаддэк делает это тайно, избегая огласки? Если человек дает большие деньги на нужды государства и хочет при этом остаться в тени, за этим что-то кроется. В случае с Шаддэком не исключена возможность подкупа полицейских и должностных лиц. Следующий ход рассуждений – полиция в Мунлайт-Кове служит Шаддэку, и в этом случае необычно большое число насильственных смертей за последние недели может иметь прямое отношение к этому противоправному союзу.

На экране компьютера в нижнем правом углу появился символ компании «Новая волна».

Во время расследования дела Бустаманте – Санчеса один из лучших агентов, Моррис Стейн, оказался в полицейском автомобиле вместе с офицером Ризом Дорном. Дорн в какой-то момент запросил данные из центрального компьютера. Стейн обнаружил, что компьютеры у полицейских были гораздо совершеннее, чем это пытались представить Уоткинс и его помощники. Они явно предназначались не только для полицейской работы, и эти особенности скрывались от посторонних глаз. Так вот, тогда в машине Моррис Стейн запомнил личный код Дорна, с его помощью полицейский получал доступ в компьютерную систему. Во время разговора с Сэмом Моррис сказал: «По-моему, у каждого полицейского в этом проклятом городе есть свой персональный код, но, вероятно, код Дорна должен сработать. Сэм, тебе надо добраться до их компьютеров и просмотреть все меню, все, что можно из них выжать, и чтобы при этом никто не глядел из-за плеча. Может, я сумасшедший, но, по-моему, у них явный перебор с техникой, это очень подозрительно. На первый взгляд вроде обычный город, даже приятный, чистый... но, черт побери, через какое-то время появляется ощущение, что ты под колпаком, куда бы ты ни пошел, Большой Брат следит за тобой повсюду. Честное слово, через пару дней начинаешь понимать, что находишься в маленьком полицейском государстве. За тобой следят очень незаметно, но цепко и упорно. Эти полицейские завязаны в каком-то темном деле, Сэм, они по уши увязли в нем – может быть, это торговля наркотиками или еще что-то, и компьютеры – часть этих махинаций».

Персональный код Дорна был 262699, Сэм набрал его на компьютере. Символ «Новой волны» исчез с экрана. После секундной паузы появилось меню.

ВЫБЕРИТЕ ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ:

А. ДИСПЕТЧЕР.

Б. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ.

В. ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ.

Г. ВЫХОД НА ВНЕШНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ.

По мнению Сэма, первый раздел меню означал возможность компьютерной связи офицеров в машине с диспетчером в управлении. Но ведь существует и обычная радиосвязь. Зачем набирать текст запросов, читать ответы, если то же самое можно сделать быстрее и проще – через переговоры по радиосвязи? Если только... речь не идет о вещах, которые надо скрыть от посторонних ушей, ведь радиообмен, в отличие от компьютерной связи, гораздо легче перехватить.

С диспетчером связываться было совсем ни к чему, так как в этом случае пришлось бы вести диалог, прикидываясь Ризом Дорном. А это то же самое, что закричать: «Эй, я здесь, в одной из ваших машин, и как раз сую свой нос в ваши делишки, почему же вы заставляете себя ждать и не бежите сюда?»

Сэм выбрал второй раздел и вызвал следующее меню.

ВЫБЕРИТЕ ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ:

- А. ЗАДЕРЖАННЫЕ ПОЛИЦИЕЙ. Б. ДЕЛА, НАХОДЯЩИЕСЯ В СУДЕ.
- В. ДЕЛА, НАХОДЯЩИЕСЯ НА РАССЛЕДОВАНИИ.
- Г. АРХИВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАДЕРЖАННЫХ ПО ГРАФСТВУ.
- Д. АРХИВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАДЕРЖАННЫХ ПО ГОРОДУ.
- Е. РЕЦИДИВИСТЫ, ПРОЖИВАЮЩИЕ В ГРАФСТВЕ.
- Ж. РЕЦИДИВИСТЫ, ПРОЖИВАЮЩИЕ В ГОРОДЕ.

Просто для того чтобы убедиться, что за строчками меню стоит именно полицейская информация, а не что-то иное, Сэм вызвал подраздел Е. РЕЦИДИВИСТЫ, ПРОЖИВАЮЩИЕ В ГРАФСТВЕ. Появилось следующее меню с десятью разделами: УБИЙСТВО, УБИЙСТВО ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ, ИЗНАСИЛОВАНИЕ, ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА СЕКСУАЛЬНОЙ ПОЧВЕ, ОСКОРБЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЕМ, ВООРУЖЕННОЕ ОГРАБЛЕНИЕ, КРАЖА СО ВЗЛОМОМ, НОЧНАЯ КРАЖА СО ВЗЛОМОМ, ПРОЧИЕ СЛУЧАИ ВОРОВСТВА, МЕНЕЕ ТЯЖКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Сэм вызвал раздел об убийствах и обнаружил в нем трех рецидивистов-убийц. Они жили в пределах графства, отсидев от двадцати до сорока лет за свои преступления. Сообщались их фамилии, адреса, телефоны, фамилии их жертв, краткие сведения по их преступлениям и срокам заключения. Ни один из них не жил в Мунлайт-Кове.

Оторвавшись от экрана, Сэм осмотрел стоянку. На ней по-прежнему было пустынно. Струи густого тумана продолжали причудливо извиваться, Сэм ощущал себя словно в батискафе на морской глубине среди белых змеящихся водорослей.

Он вернулся к основному меню и запросил раздел В. ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ. Оказалось, что и здесь собраны сообщения, которыми обменивались Уоткинс и его офицеры. Речь шла как о полицейских, так и о частных делах. Большинство из них было записано в такой сжатой форме, что Сэм ни за что не взялся бы их расшифровывать, так же трудно было определить и их значимость.

Оставался четвертый раздел – ВЫХОД НА ВНЕШНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ. Здесь перечислялись компьютерные сети, на которые можно было выйти через модем, находящийся в полицейском управлении. Выбор был на редкость богатый: ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА, ПОЛИЦЕЙСКИЕ УПРАВЛЕНИЯ САН-ФРАНЦИСКО, САН-ДИЕГО, ДЕНВЕРА, ХЬЮСТОНА, ДАЛЛАСА, ФЕНИКСА, ЧИКАГО, МАЙАМИ, НЬЮ-ЙОРКА, а также других городов; УПРАВЛЕНИЕ ДОРОЖНОЙ ПОЛИЦИИ КАЛИФОРНИИ, УПРАВЛЕНИЕ ТЮРЕМ, ПАТРУЛЬНАЯ СЛУЖБА АВТОМАГИСТРАЛЕЙ и множество других служб, имеющих весьма отдаленное отношение к полиции: АРХИВ АРМИИ США, АРХИВ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, АРХИВ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ, АРХИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЛИНИИ ФБР, АРХИВ ФИЛИАЛОВ ФБР (сравнительно новая база данных ФБР); здесь был даже банк данных нью-йоркского отделения ИНТЕРПОЛА, через который можно было выйти на центральный архив этой организации в Европе.

Какая нужда у полиции в калифорнийской провинции во всех этих колоссальных банках данных?

Но им, видно, и этого мало. Даже прекрасно оснащенное полицейское управление Лос-Анджелеса не имело свободного доступа к некоторым из перечисленных здесь источников информации. Например, только по решению суда полиция могла получить сведения от TRW – компании, поставившей информацию о кредитоспособности фирм. Если у полиции Мунлайт-Кова есть такая возможность, то скорее всего это сделано без ведома самой TRW, так как на пользование этим богатейшим архивом надо было получить специальное разрешение. В меню предусматривался даже выход на базы данных ЦРУ в Вирджинии, закрытые для внешнего пользования, а также на секретные архивы ФБР.

Сэм был ошеломлен. Он вывел с экрана это меню и вернулся к основному.

Сэм смотрел на туман за окном и думал.

Во время разговора со Стейном была высказана версия о причастности полицейских к

торговле наркотиками и их негласном сотрудничестве с лицами из компании «Новая волна». Однако требовалось проработать и другую версию – о продаже компанией секретной технологии Советам и о подключении к этому делу полиции, которая могла выполнять функцию защиты этой торговли от федерального вмешательства. Эта версия никак не объясняла убийства в Мунлайт-Кове, но тоже требовала проработки.

Теперь, после просмотра данных на компьютере, Сэм готов был отбросить как несостоятельные обе версии. Компьютерная сеть из ста двадцати важнейших баз данных никак не вязалась с суетной торговлей наркотиками или с продажей технологии СССР.

Они создали компьютерную сеть, больше подходящую для нужд целого государственного аппарата, вернее, для маленькой страны. Маленькой враждебной страны. Эта сеть наделяла ее владельца огромной властью. Словно в этом живописном городке правил человек с манией величия, стремящийся создать в своем городе-государстве плацдарм для захвата огромных территорий.

Сегодня – Мунлайт-Ков, завтра – весь мир.

«Что же, черт побери, они здесь делают?» – спрашивал себя Сэм.

Глава 29

Теперь она в безопасности. Тесса переделалась в бело-желтую пижаму с улыбающимся лягушонком Кермитом на груди, открыла банку диет-колы и попробовала посмотреть повтор телешоу «Сегодня вечером». Разговоры, которые вел Джонни Карсон с безмозглой актрисой, безмозглым певцом и с безмозглым актером, не вызвали у нее ни малейшего интереса. Диетической кока-колой, по-видимому, придется запивать духовную диету.

Чем дальше удалялись от нее подозрительные происшествия этого вечера, тем больше она сомневалась в том, что за ней кто-то следил. Неудивительно – она еще не оправилась после смерти Джэнис, голова забита тревожными предположениями, да тут еще этот проклятый ужин с жирным чизбургером, пережаренным в прогорклom масле. До сих пор ей плохо. Подобно Скруджу, поверившему сначала в привидение Марли, она теперь принялась рассматривать случившееся с ней совсем в другом свете – призраки явились результатом плохо прожаренного мяса, засохшего сыра, недожаренного картофеля.

Когда очередной собеседник Карсона начал рассказывать об уик-энде, проведенном на фестивале искусств в Гаване, на котором присутствовал Фидель Кастро – «славный парень, забавный парень, жалкий парень», Тесса встала с постели и пошла в ванную умыться и почистить зубы. Она выдавливала на зубную щетку пасту «Крест» и вдруг услышала, как кто-то проверил дверь в ее номер – не открыта ли.

Один шаг – и она уже в крошечном коридоре, в двух футах от входной двери. Кто-то настойчиво крутит ручку. Даже особенно не скрывая своих намерений. Дверь уже ходит ходуном.

Тесса бросила зубную щетку и кинулась к телефону.

Телефон не работал.

Она проверила телефонную розетку, нажала на кнопку вызова – бесполезно. Телефонный коммутатор мотеля не отвечал. Телефон был мертв.

Глава 30

Несколько раз Крисси пришлось спрыгивать с дороги, чтобы спрятаться в кусты при приближении машины. Одна из них промчалась в Мунлайт-Ков, это была полицейская машина, и, несомненно, та самая, которая встретила ее на повороте к ее дому. Крисси ложилась на траву между стеблей молочая и оставалась там до тех пор, пока задние фары машины не превращались в красные точки и не исчезали за поворотом.

Вдоль дороги стояло несколько домов. Крисси знала некоторых из их обитателей – Томасов, Стоунов, Элсвиков. Ее тянуло зайти в один из этих домов и попросить о помощи, но

она не была уверена, остались ли эти люди такими же добрыми, какими были когда-то. Вдруг они тоже изменились, как и ее родители? Какая-то сверхъестественная или космическая сила захватила власть над людьми в Мунлайт-Кове и его окрестностях, и, как знала Крисси из многочисленных фильмов ужасов и книг-триллеров, если такие силы начинали действовать, то верить уже нельзя никому.

Вот отцу Каstellи из костела Девы Марии она может выложить все как на духу, потому что он святой человек и демоны зла не могут взять в плен его душу. Конечно, если все происшедшее – дело рук пришельцев из космоса, отец Каstellи тоже может быть их жертвой, хоть он и священник.

В случае если священник тоже окажется одним из них и Крисси удастся от него улизнуть, она пойдет прямо к миссис Токава, своей учительнице. Крисси буквально боготворила ее. Если пришельцы захотят сотворить что-нибудь плохое в Мунлайт-Кове, то миссис Токава первой заподозрит неладное и сумеет защитить себя. Она будет последней, в кого эти монстры вонзят свои крючья. Крючья, или щупальца, или когти, или щипцы, или что там еще у них может быть.

Итак, прячась от машин, проскальзывая мимо домов, Крисси медленно приближалась к городу. Лунный серп, изредка появляющийся из-за тумана, уже заканчивал свой путь на небе, скоро он скроется совсем. С запада подул ветер, его сильные порывы трепали ее волосы, и они развевались словно белые языки пламени. Было не очень холодно, около десяти градусов, но при порывах ветра Крисси пробирала дрожь. Единственное утешение – дрожа от холода, она забывала о мучительном голоде.

НАЙДЕН БЕСПРИЗОРНЫЙ РЕБЕНОК, УМИРАЮЩИЙ ОТ ГОЛОДА И СМЕРТЕЛЬНО НАПУГАННЫЙ ВСТРЕЧЕЙ С ПРИШЕЛЬЦАМИ ИЗ КОСМОСА, – изобрела Крисси новый заголовок для «Нэшнл инкуайрер».

Она уже приближалась к пересечению шоссе с Холливел-роуд, радуясь, что осталось совсем немного до города, когда едва не угодила в лапы тем, от кого пыталась убежать.

К востоку от шоссе Холливел-роуд поднималась на холмы, проходила под автострадой и заканчивалась около старой, заброшенной колонии «Икар». Колония представляла собой полуразрушенный дом из двенадцати комнат, сарай и остатки дворовых построек. В этом месте в пятидесятых годах группа художников пыталась обосновать коммуны с идеальными общественными отношениями. После этого здесь пробовали устроить конный завод (затея провалилась), воскресный «блошинный» рынок и аукцион (затея провалилась), ресторан с экологически чистыми продуктами (затея провалилась). С тех пор место это приходило в запустение. Детвора считала, что здесь водятся привидения, и поэтому сюда часто приводили тех, кого хотели проверить на храбрость. Если идти по этой дороге в обратную сторону, то вдоль окраины города выйдешь к корпусам компании «Новая волна» и далее – к дому, где жил Томас Шаддэк, компьютерный гений. Дом у него был большой, какой-то фантастической архитектуры. Крисси не собиралась идти по Холливел-роуд ни на запад, ни на восток, для нее это было просто место, где начинается городская черта.

В ста футах от пересечения дорог она услышала глухой рев двигателя приближающейся машины, перепрыгнула через кювет и спряталась среди сосен. Из своего убежища она стала следить за машиной, та остановилась на перекрестке, прямо на середине дороги.

На перекрестке часто случались аварии, и недавно на нем установили мощный фонарь, так что Крисси могла все прекрасно видеть. Кабина грузовика сбоку была окрашена символом компании «Новая волна», Крисси видела этот символ тысячу раз – бело-голубой круг с гребнем синей волны внизу. В широком кузове грузовика сидели шесть или восемь человек.

Сразу, как только грузовик затормозил, из его кузова выпрыгнули двое мужчин. Один из них пошел в северо-западный угол перекрестка и укрылся среди сосен, всего в сотне футов от того места, где стояла Крисси. Второй занял место в противоположном углу перекрестка, спрятавшись в чапарале.

Грузовик повернул на юг по шоссе и скрылся из виду.

Крисси сообразила, что остальных людей, вероятно, разместят по периметру восточной окраины Мунлайт-Кова, и они будут наблюдать за дорогой. Если учесть, что в таком грузовике может поместиться человек двадцать, значит, и в других местах вокруг города стоят люди. Они окружили Мунлайт-Ков кольцом патрулей. Она почти уверена, что ищут именно ее. Она видела то, что не должна была видеть, – своих родителей в момент превращения, родителей, сбрасывающих человеческое обличье. Теперь ее хотят найти и «обратить», как сказал Такер, пока она не успела предупредить людей о грядущей опасности.

Шума грузовика уже не слышно.

Над дорогой нависла тишина.

Туман крутился и извивался вовсю, но ветер с побережья гнал его к холмам, темневшим вдали.

Затем бриз сменился резким ветром, закачавшим верхушки деревьев, засвистевшим в них. Натолкнувшись на дорожный знак, ветер издал одинокий и жалобный звон.

Крисси знала, что совсем рядом с ней притаились двое, но не могла их разглядеть. Они хорошо спрятались.

Глава 31

Туман все быстрее уплывал со стоянки под напором ветра, и так же быстро проплывали мысли в голове Сэма. Такие тревожные мысли, что не дай Бог.

Он довольно хорошо разбирался в компьютерах и знал, что разработчики компьютерных программ могут заложить в них варианты, которые не фигурируют в меню на экране. Он еще раз посмотрел на первое меню – А. ДИСПЕТЧЕР; Б. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ; В. ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ; Г. ВЫХОД НА ВНЕШНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ – и нажал на клавишу «Д», хотя варианта «Д» меню не предусматривало.

На экране появились слова: ПРИВЕТ, ОФИЦЕР ДОРН.

Значит, вариант «Д» все-таки существовал. Сэм проник в секретную базу данных, в которой для получения информации требовалось задавать заранее обусловленные вопросы или действовать по интерактивной системе, то есть просто набирать вопросы на клавиатуре. Если в данном случае предусмотрен первый вариант, то ему придется туго – достаточно ошибиться в одном вопросе-шифре, и компьютер отключится да еще пошлет сигнал тревоги в полицейское управление о том, что неизвестный пытается снять информацию с компьютера Дорна.

Сэм осторожно набрал ответ: ПРИВЕТ.

ЧЕМ Я МОГУ ПОМОЧЬ?

Сэм решил действовать напрямую, по программе «вопрос – ответ». Он набрал слово МЕНЮ.

Экран погас, затем опять появился вопрос:

ЧЕМ Я МОГУ ПОМОЧЬ?

Еще одна попытка: ОСНОВНОЕ МЕНЮ.

ЧЕМ Я МОГУ ПОМОЧЬ?

ГЛАВНОЕ МЕНЮ.

ЧЕМ Я МОГУ ПОМОЧЬ?

Компьютер явно понимал только заранее обусловленные вопросы. Придется действовать методом проб и ошибок. Сэм сделал новую попытку: ПЕРВОЕ МЕНЮ.

На этот раз его ждала удача.

ВЫБЕРИТЕ ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ:

А. ПЕРСОНАЛ КОМПАНИИ «НОВАЯ ВОЛНА».

Б. ПРОЕКТ «ЛУННЫЙ ЯСТРЕБ».

В. ШАДДЭК.

Обнаружена тайная связь между компанией «Новая волна», ее основателем Томасом Шаддэком и полицией Мунлайт-Кова. Непонятно пока, что это за связь и что за ней кроется.

Вероятно, нажав на клавишу «В», он сможет связаться с Шаддэком. Такая связь явно предусматривает наличие каких-то тайн, о которых нельзя говорить по обычной радиосвязи. Вот еще одно доказательство сговора Шаддэка с местными властями. Но для него вариант «В» неприемлем, так как Большой Босс сразу раскусит его, если он начнет говорить от имени Дорна.

Вариант «А», по всей видимости, даст ему список должностных лиц компании и номера, по которым можно выйти на связь с ними. Это тоже пока ни к чему.

К тому же он чувствовал, что время поджимает. Он еще раз оглядел автостоянку, обратив особое внимание на густые тени в тех местах, куда не проникал свет от фонарей. Он сидит в машине пятнадцать минут, и за это время никто не появился на стоянке. Вряд ли удача будет долго сопутствовать ему, надо поторопиться и выжать из компьютера как можно больше, пока ему не помешали.

Вариант Б. ПРОЕКТ «ЛУННЫЙ ЯСТРЕБ» был самым загадочным и интригующим, поэтому Сэм нажал на клавишу «Б», и перед ним предстало очередное меню.

ВЫБЕРИТЕ ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ:

А. ОБРАЩЕННЫЕ.

Б. ПОДЛЕЖАЩИЕ ОБРАЩЕНИЮ.

В. ГРАФИК ОБРАЩЕНИЯ – МЕСТНЫЙ.

Г. ГРАФИК ОБРАЩЕНИЯ – ВТОРОЙ ЭТАП.

Выбрав вариант «А», Сэм получил список фамилий и адресов. Все перечисленные в нем жили в Мунлайт-Кове, наверху имелся заголовок: 1967, ОБРАЩЕННЫЕ, СОСТОЯНИЕ НА ДАННЫЙ МОМЕНТ.

Обращенные? Из кого? В кого? Может быть, эти темные дела имеют отношение к религии? Какая-нибудь новая секта? Или слово «обращенные» используется в переносном смысле? Или это шифр?

От этого слова бегут мурашки по коже.

Сэм обнаружил, что может просматривать список фамилий в том порядке, в каком они даны, или в алфавитном порядке. Он стал искать фамилии жителей Мунлайт-Кова, которых знал или встречал. Ломен Уоткинс был среди обращенных. Здесь же был Риз Дорн. Берта Пекема, владельца таверны «Рыцарский мост», в списке не было, зато полностью фигурировало семейство Пересов, вероятно, это семья, содержавшая мексиканский ресторан.

Сэм проверил, нет ли в списке Гарольда Талбота, ветерана-инвалида, с которым он намеревался встретиться утром. Талбота не было.

Озадаченный странным списком, Сэм вернулся к первому меню и решил посмотреть вариант Б. ПОДЛЕЖАЩИЕ ОБРАЩЕНИЮ. Возникли новые колонки фамилий и адресов, над ними шла надпись: 1104, ПОДЛЕЖАЩИЕ ОБРАЩЕНИЮ. В этом списке он нашел Берта Пекема и Гарольда Талбота.

Он также проверил раздел В. ГРАФИК ОБРАЩЕНИЯ – МЕСТНЫЙ, появились три подраздела:

А. ПОНЕДЕЛЬНИК, 13 ОКТЯБРЯ, 18.00 – ВТОРНИК, 14 ОКТЯБРЯ, 6.00.

Б. ВТОРНИК, 14 ОКТЯБРЯ, 6.00 – ВТОРНИК, 14 ОКТЯБРЯ, 18.00.

В. ВТОРНИК, 14 ОКТЯБРЯ, 18.00 – ПОЛНОЧЬ.

Часы показывали тридцать девять минут первого ночи, совсем недавно наступил вторник, то есть данный момент относился к первому пункту. Его и выбрал Сэм. Еще один список, озаглавленный: 380, НАМЕЧЕНЫ К ОБРАЩЕНИЮ.

На Сэма нашло оцепенение, и он не мог понять его причин. Разве что загадочное слово «обращение» вывело его из равновесия. Оно заставило его вспомнить старый фильм Кевина Маккарти «Похитители трупов».

Вспомнилась также группа юнцов, которые гнались за ним несколько часов назад. Они были тоже... обращенные?

В этом списке он обнаружил фамилию владельца таверны. Талбота не было.

По машине вдруг кто-то ударил.

Сэм поднял голову и потянулся за револьвером.

Ветер. Это был всего лишь ветер. Резкие порывы налетели с побережья и несколько раз качнули машину, разогнали туман. Затем ветер стих, и туман вновь окутал стоянку, но сердце у Сэма продолжало учащенно биться.

Глава 32

Тесса опустила трубку бесполезного телефона, дверная ручка больше не дергалась. Она постояла у кровати, прислушиваясь, затем на цыпочках подошла к двери, приложила к ней ухо.

Она различила чьи-то голоса, они раздавались в конце коридора. Необычные голоса, они звучали хриплой скороговоркой. Она не смогла разобрать ни слова.

Несомненно, это те самые, которые следили за ней недавно, пытаясь остаться незамеченными. Они вернулись. Каким-то образом им удалось отключить телефон, она не могла позвать на помощь. Сказать кому – не поверят, и тем «е менее это факт.

Такая целеустремленность с их стороны указывала на то, что они не были обыкновенными грабителями или насильниками. Они наметили ее в жертву, так как она – сестра Джэнис и хочет распутать клубок загадок, связанных с ее смертью. Странно только, как они смогли узнать о ее приезде в город и почему они так спешат, ведь она пока не проявила никакой активности. Только она сама и ее мать были в курсе ее намерений провести собственное расследование обстоятельств гибели Джэнис.

Ногам стало холодно, и она почувствовала себя очень неудобно в пижаме. Подошла к шкафу и надела джинсы и свитер.

В мотеле жил кто-то еще. Куин сказал, что у них есть еще несколько постояльцев. Два или три человека. Если будет совсем плохо, она закричит, ее услышат, и тогда ее преследователям придется отступить.

Тесса достала из шкафа кроссовки, надела их и вернулась к двери.

В дальнем конце коридора раздалась и сразу смолкли низкие, хриплые голоса, а затем прогремел оглушительный удар, заставивший ее вздрогнуть от неожиданности.

За первым ударом последовал второй. Кто-то с треском высаживал дверь.

Взвизгнула женщина, крикнул что-то мужчина, но их крики перекрыли другие голоса – услышав их, Тесса содрогнулась от ужаса. Три, а возможно, и четыре голоса звучали непривычно и дико. В коридоре раздавался волчий вой, рычание хищников, вопли и разгоряченный визг, стон неведомых вампиров и другие звуки, принадлежащие, несомненно, животным, а не людям, и тем не менее в гуле можно было различить несколько человеческих слов: «...жажда... жажда... поймает ее, поймает... поймает... кровь, сука, кровь».

Прижавшись к двери, подперев ее всем телом, Тесса пыталась убедить себя, что эти слова принадлежат мужчине и женщине, в номер которых ворвались бандиты, но понимала, что это не так, – она явственно слышала сквозь голоса вопли этих людей. Они кричали страшно, невыносимо, это были вопли ужаса и агонии, как будто их избивали до смерти и даже хуже того – выворачивали наизнанку, четвертовали, потрошили.

Пару лет тому назад Тесса снимала в Северной Ирландии фильм о бессмысленности террора и имела несчастье прийти на похороны очередной «жертвы экстремизма» – уже не важно, католика или протестанта, та и другая стороны потеряли счет жертвам, – и в этот момент внезапно толпа скорбящих преобразилась в стадо дикарей. Они ринулись из церковного двора на улицу в поисках иноверцев и вскоре наткнулись на двух британских офицеров в штатском, патрулировавших район на обычной машине. Автомобиль оказался окруженным толпой, в нем выбили стекла и выволокли «стражей порядка» на мостовую. Двое помощников Тессы сразу куда-то скрылись, а ее толпа увлекла за собой, и она сквозь окуляр видеокамеры как бы заглянула в ад. Дикие глаза, лица, искаженные ненавистью и злобой. Эти люди забыли о жалости, их обуревала жажда расправы. «Скорбящие» без устали пинали ногами лежащих на земле британцев, били их чем попало, кололи прутьями,

швыряли об машину до тех пор, пока не переломали ребра и не раскололи черепа. Они продолжали терзать, рвать их на части, когда те были уже мертвы. С воем и воплями, с ругательствами и лозунгами, превратившимися в бессмысленный набор слов, они, подобно стервятникам, нападали на мертвые тела. Нет, их нельзя было сравнить с земными птицами, они напоминали демонов, слетевшихся, чтобы похитить не столько тела, сколько души жертв. Двое безумных заметили Тессу, вырвали у нее камеру и разбили о мостовую. На мгновение ей показалось, что и ее ждет страшная участь британских офицеров. Перекошенные ненавистью лица потеряли человеческие черты и стали похожи на химер, слетевших с крыш готических храмов и оживших. Эти люди забыли о человечности и позволили разыграться низменным, первобытным инстинктам. «Ради Бога, нет! – кричала она. – Ради Бога, пожалуйста». Возможно, упоминание Бога или просто звук человеческого голоса, обыкновенного, не переродившегося в звериный вопль, остановил их, и они застыли в нерешительности. Она воспользовалась этой паузой, чтобы вырваться из их рук и броситься сквозь kloкочущую, обезумевшую от крови толпу прочь – к своему спасению.

То, что она слышала сейчас в конце коридора, было очень похоже на звериный вой той толпы. Или даже хуже.

Глава 33

Пот застилал глаза даже при выключенном обогревателе. Каждый порыв ветра вызывал дрожь. Сэм переключился на подраздел «Б», в котором перечислялись люди, подлежащие обращению в период от шести часов сегодняшнего утра до восемнадцати часов. Список предваряла надпись: «450, НАМЕЧЕНЫ К ОБРАЩЕНИЮ». Гарри Талбота не было и в этом списке.

В подразделе «В» с шести вечера до завтрашнего утра намечалось 274 обращения. Фамилия Гарри Талбота была указана в этом третьем и последнем списке.

Сэм сложил числа, указанные в каждом из списков, – 380, 450, 274 – получилось 1104, то самое число, которое указывалось в разделе о количестве жителей, не прошедших через обращение. Если сложить это число с числом уже обращенных – 1967, то получится 3071; вероятно, это все население Мунлайт-Кова. То есть когда часы пробьют полночь в последний раз, весь город пройдет через обращение, что бы это слово ни значило.

Сэм вывел с экрана последний подраздел и уже собирался выключить мотор и выбираться из машины, когда на экране появилось слово «ТРЕВОГА». Его охватило отчаяние – значит, они обнаружили постороннего, вторгшегося в их базы данных; возможно, он сам по незнанию наткнулся на скрытую в системе защиту.

Но вместо того, чтобы бежать из машины, он застыл, прикованный к экрану, снедаемый любопытством.

ПРОВЕРКА ТЕЛЕФОНОВ УКАЗЫВАЕТ НА ПРЕБЫВАНИЕ В МУНЛАЙТ-КОВЕ АГЕНТА ФБР.

НОМЕР, С КОТОРОГО ПРИШЕЛ ЗВОНОК:

ТАКСОФОН У ЗАПРАВОЧНОЙ СТАНЦИИ «ШЕЛЛ» НА ОУШН-АВЕНЮ.

Получается, что тревога объявлена из-за него вовсе не потому, что он сидит сейчас в их патрульной машине и пытается проникнуть в секреты проекта «Лунный ястреб». По всей видимости, эти негодяи связаны с телефонной компанией и ее банком данных. Они периодически проверяют, кто куда звонил, причем даже из телефонов-автоматов. Таксофонами можно спокойно пользоваться при выполнении задания в обычных условиях. Но здесь – особый случай. Местная полиция просто помешалась на вопросах безопасности и на головомойной технике. В этом убеждаешься, когда сталкиваешься с их безумным стремлением контролировать буквально всех подряд.

ВРЕМЯ ЗВОНКА:

19.30, ПОНЕДЕЛЬНИК.

13 ОКТЯБРЯ.

Слава Богу, они не проверяют звонки ежеминутно или ежечасно. Компьютер отслеживает звонки, видимо, по программе каждые шесть или восемь часов. Иначе они выследили бы его сразу после разговора со Скоттом.

В графе «НОМЕР АБОНЕНТА» появился номер его домашнего телефона, его фамилия и адрес в Шерман-Оаксе. Затем по экрану поползли следующие строки:

ЗВОНИЛ:

СЭМЮЭЛ Г. БУКЕР.

ФОРМА ОПЛАТЫ:

ТЕЛЕФОННАЯ КРЕДИТНАЯ КАРТОЧКА.

ТИП КАРТОЧКИ:

КАРТОЧКА С ОПЛАТОЙ СО СЛУЖЕБНОГО СЧЕТА.

СЧЕТ ЗАРЕГИСТРИРОВАН:

В ФЕДЕРАЛЬНОМ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ.

Теперь они начнут проверять мотели по всему округу, но так как он остановился в «Ков-Лодже» – единственном мотеле в городе, то их поиски займут не много времени. Сэм быстро прикинул, успеет ли он добежать до мотеля, взять свою машину и домчаться до ближайшего города, Абердин-Уэлса. Оттуда он мог бы дозвониться в офис ФБР в Сан-Франциско с неконтролируемого телефона. У него уже есть достаточно оснований для серьезных подозрений, и он вправе попросить о вмешательстве федеральных властей и начале углубленного расследования. Слова, появившиеся на экране, показали, что с этой затеей он уже опоздал, – его перехватят еще до выезда из города. Если он попадет к ним в руки, то местная статистика «случайных» смертей пополнится еще одним мрачным эпизодом.

Кроме того, они знают теперь его домашний адрес, и Скотту тоже угрожает опасность. Пусть не сейчас, но, возможно, завтра.

ТЕКСТ ДИАЛОГА:

УОТКИНС: ШОЛНИК, ТЫ НА СВЯЗИ?

ШОЛНИК: ДА.

УОТКИНС: ПРОВЕРЬ «КОВ-ЛОДЖ».

ШОЛНИК: Я КАК РАЗ РЯДОМ.

Итак, один из офицеров, Шолник, уже едет проверять, снял ли Сэм номер в «Ков-Лодже». И выходит, легенда о преуспевающем брокере в поисках тихого городка для отдыха полетела в тартарары.

УОТКИНС: ПЕТЕРСОН?

ПЕТЕРСОН: НА СВЯЗИ.

Вероятно, им нет необходимости каждый раз печатать свои фамилии. Компьютер идентифицирует каждого и перед каждой репликой впечатывает фамилию. Легко, просто и удобно.

УОТКИНС: ПРОДУБЛИРУЙ ШОЛНИКА.

ПЕТЕРСОН: БУДЕТ СДЕЛАНО.

УОТКИНС: НЕ УБИВАЙТЕ ЭТОГО ПАРНЯ, МЫ ЕГО СНАЧАЛА ДОПРОСИМ.

Полицейские общались между собой по компьютерной связи, избегая таким образом перехвата информации. Даже по коротким репликам, не видя своего противника в лицо, Сэм понял, что перед ним серьезный враг, по своей осведомленности в происходящем готовый потягаться с самим Господом Богом.

УОТКИНС: ДАНБЕРРИ

ДАНБЕРРИ: ШТАБ-КВАРТИРА НА СВЯЗИ.

УОТКИНС: ЗАБЛОКИРУЙТЕ ОУШН-АВЕНЮ, ЗАКРОЙТЕ ВЫЕЗД НА АВТОСТРАДУ.

ДАНБЕРРИ: БУДЕТ СДЕЛАНО.

ШАДДЭК: ЧТО НОВОГО ПО ДОЧЕРИ ФОСТЕРОВ?

Сэм глазам своим не поверил, когда увидел на экране фамилию Шаддэка. Вероятно,

сигнал тревоги сработал на компьютере у него дома и разбудил его.

УОТКИНС: ПРОДОЛЖАЕМ ПОИСКИ.

ШАДДЭК: НЕЛЬЗЯ ДОПУСТИТЬ, ЧТОБЫ ОНА ВСТРЕТИЛАСЬ С БУКЕРОМ.

УОТКИНС: ГОРОД ОЦЕПЛЕН ПАТРУЛЯМИ, ОНА БУДЕТ СХВАЧЕНА, КАК ТОЛЬКО ПРИБЛИЗИТСЯ К ГОРОДУ.

ШАДДЭК: ОНА СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЕТ.

Сэм читал о Томасе Шаддэке в газетах, в журналах. Парень был своего рода знаменитостью, компьютерным гением и несколько не от мира сего.

Пораженный этим знаменательным диалогом, доказывающим прямую связь между знаменитостью и купленной им полицией, Сэм не сразу уловил смысл предыдущих реплик в разговоре Уоткинса и Данберри: ДАНБЕРРИ: ...ШТАБ-КВАРТИРА НА СВЯЗИ... ЗАБЛОКИРУЙТЕ ОУШН-АВЕНЮ... БУДЕТ СДЕЛАНО. Он только сейчас сообразил, что офицер Данберри сидит в штаб-квартире, то есть в здании муниципального управления, и в любую минуту может выйти на стоянку и сесть в одну из четырех патрульных машин.

– О черт! – Сэм потянулся к проводам зажигания и отсоединил их друг от друга.

Мотор заглох, и экран компьютера погас.

Через долю секунды Данберри распахнул дверь черного хода и выбежал на стоянку.

Глава 34

Когда крики в коридоре утихли, Тесса вышла из оцепенения и снова попробовала позвонить. Телефон по-прежнему был отключен.

Где же Куин? Если его нет в вестибюле, то, вероятно, он спит в одном из помещений мотеля. Он не мог не слышать этой свистопляски. А если он заодно с ними?

Они выломали одну дверь. Не будет ли ее дверь еле-дующей? Тесса схватила стул и продела одну из ножек в ручку двери, заблокировав ее.

Ее частное расследование причин смерти Джэнис не имеет никакого отношения к тому, что творится за дверью, – это факт. Они напали в первую очередь на людей, никак не связанных с Джэнис. Какой-то кошмар. В мотеле бесчинствует банда маньяков. Возможно, они свихнулись на религиозной почве, как шайка Мэнсона. Двое невинных людей уже убиты, им ничего не стоит ради собственного удовольствия убить и ее. В дурном сне не увидишь такого.

Пусть сон исчезнет, пусть исчезнут эти стены, этот бред. Стены стояли прочно, все вокруг было слишком ярко и отчетливо для сна.

Тесса прислушалась. Снова раздался голос. Но не в конце коридора, а рядом с ее дверью. Вот уже совсем близко. Взглянуть бы на них хоть краешком глаза, посмотреть, что они из себя представляют.

Между порогом и дверью была щель шириной в полдюйма. Тесса легла на ковер перед дверью и, припав к нему щекой, попыталась что-нибудь разглядеть. Кто-то быстро прошагал мимо ее двери, настолько быстро, что она не разглядела ничего, кроме очертаний ступ; ней. Их вид поверг ее в смятение. Маньяки из толпы в Северной Ирландии, жертвой которых она едва не стала, были людьми из повседневного, привычного мира. Сейчас ей открылось нечто иное, она словно переместилась в другое измерение, в мир сверхъестественного. Ступни были темные, кожистые, поросшие шерстью, широкие, плоские, подозрительно длинные. Пальцы на ногах – вытянутые, с несколькими суставами, почти такие же длинные, как пальцы на руках.

Удар в дверь. Оглушительный грохот.

Тесса отступила назад.

В коридоре гудели голоса – дикая смесь животных воплей с обрывками исковерканных слов.

Тесса подбежала к окну, открыла задвижку и распахнула одну из створок.

Еще один удар в дверь. Можно оглохнуть от грохота. Дверь благодаря стулу еще

держится, но надолго ее не хватит.

Сидя на подоконнике, Тесса взглянула вниз. В тумане, желтом от света фонарей, футах в двадцати внизу виднелась дорожка. Можно прыгать.

Они крушили дверь. Дерево трещало.

Тесса оттолкнулась от подоконника. Приземление было удачным – она даже не упала.

Наверху, в ее номере, треск ломаной двери смешался со скрежетом замка, выворачиваемого с мясом.

У северного крыла мотеля Тесса остановилась. Ей показалось, что кто-то скрылся за углом при ее приближении. Это скорее всего клочья тумана, подгоняемые ветром, но она решила не рисковать и повернула назад. Когда она добежала до другого угла здания, эхо разнесло громогласный грохот – дверь ее номера рухнула; вслед за этим послышались завывания стаи, предвкушающей добычу.

Глава 35

Сэм не мог выбраться из патрульной машины, не обратив на себя внимания Данберри. У полицейского был выбор из четырех машин, следовательно, шансы Сэма остаться незамеченным были равны семидесяти пяти из ста. Сэм сполз как можно ниже с сиденья и наклонился вправо, спрятавшись за передней панелью автомобиля.

Данберри подошел к машине, стоящей рядом.

Сквозь боковое стекло Сэм видел, как Данберри открывает дверь соседней машины. Только бы он не обернулся: одного взгляда будет достаточно, чтобы обнаружить незваного гостя.

Полицейский сел за руль своей машины, и у Сэма вырвался вздох облегчения. Завелся мотор, и Данберри выехал со стоянки. На аллее он дал полный газ, завизжали шины, и машина унеслась на огромной скорости.

Неплохо было бы еще раз включить зажигание и проверить, чем сейчас заняты Уоткинс с Шаддэком. Но теперь за Сэмом шла охота, скоро полицейское управление может зажужжать, как растревоженный улей.

Им незачем знать, что он проник в их секреты и подслушал разговоры по компьютерной связи. Пусть думают, что он не в курсе их дел, проще будет ускользнуть от них. Исходя из этого, Сэм потратил несколько секунд на приведение в порядок замка зажигания. Затем он вышел из машины и захлопнул дверь.

По аллее возвращаться было опасно, могла встретиться полицейская машина. Сэм нашел узкий проход за стоянкой, нырнул в него, отворил калитку во двор одного из жилых домов. Владельцы дома в викторианском стиле, видимо, очень нерегулярно подстригали свою живую изгородь, и теперь она высилась мрачным силуэтом на фоне неба, напоминая семью уродов из мультфильма Гэхана Уилсона. Обойдя дом, Сэм вышел на Пасифик-драйв, он был в одном квартале от Оушн-авеню.

Ночную тишину не нарушал вой сирен, не было слышно криков и топота ног. Сэм понимал, что растревожил чрезвычайно опасного зверя, и эта многоголовая гидра отслеживает его сейчас по всему городу.

Глава 36

Майкл Пейзер не знал, что делать, не знал; он был в панике, в панике и ужасе. Из-за этого мысли в голове смешались, а ему так нужно было мыслить ясно и четко, по-человечески. Он был сейчас в зверином облике, его мозг судорожно работал, но он не мог проследить за простейшим ходом мысли. В его нынешней ситуации мгновенная реакция, мысль-инстинкт не годились, ему надо было обдумать проблему со всех сторон. Однако, как он ни старался, он не мог сосредоточиться.

Ему удалось подавить мучительный, непрекращающийся крик и подняться с пола. Он

выбежал в столовую, оттуда – в гостиную, затем в холл, в спальню, отворил дверь в ванную комнату. Он бежал все время на четвереньках, но на пороге ванной ему удалось наполовину выпрямиться.

Вцепившись в край раковины, он уставился в зеркало. При слабом свете луны из крошечного окошка он различал лишь свое призрачное отражение, не более того.

Ему необходимо поверить в свое возвращение к человеческому облику, необходимо отбросить все мысли о безысходности. Да-да, надо верить, верить, верить, несмотря ни на что. Несмотря на то, что он не может до конца выпрямиться, несмотря на свои звериные лапы, несмотря на странную посадку головы на плечах, несмотря на свое неузнаваемое тело. Надо верить.

– Зажги свет, – сказал он себе. И не мог сдвинуться с места.

– Зажги свет. Он боялся.

– Надо зажечь свет и взглянуть на себя. Руки не могли оторваться от раковины.

– Зажги свет.

Не в силах сдвинуться с места, он прилип к зеркалу, пытаясь что-то разглядеть в неясном отражении, но не видел ничего, кроме янтарных, мерцающих глаз.

– Включи свет.

Он издал стон страдания и ужаса.

Шаддэк, внезапно вспомнил он. Шаддэк, он должен рассказать все Шаддэку. Том Шаддэк должен знать, что делать. Шаддэк был его надеждой, возможно, единственной надеждой. Шаддэк.

Он сумел разжать пальцы, отцепился от раковины, встал снова на четвереньки и побежал в спальню, к телефону. По пути он то пронзительно тонким, то гортанным, хриплым голосом повторял, словно заклинание, имя: «Шаддэк, Шаддэк, Шаддэк...»

Глава 37

Тесса Локленд нашла себе убежище в прачечной самообслуживания, открытой круглые сутки. Она находилась в четырех кварталах от мотеля «Ков-Лодж» и совсем рядом с Оушн-авеню. Люминесцентные лампы давали яркий свет, не оставляющий теней. Прачечная была пуста. Тесса села на неудобный пластиковый стул напротив машин для сушки белья и стала смотреть на их стеклянные круглые окна, словно надеясь отыскать там объяснение случившемуся с нею.

Она – режиссер документального кино, у нее наметанный глаз, она чувствует атмосферу, колорит места. На ее профессиональный взгляд, этот город пронизан темнотой, смертью и мрачными тайнами. Нет сомнений, фантастические существа из мотеля дали о себе знать в первый раз во время ее прогулки по пляжу. Ее сестра пала их жертвой, она уверена в этом. Отсюда и настойчивость властей, уговаривавших Марион согласиться на кремацию. Огонь должен был уничтожить следы нападения этих тварей. Полиция боялась, что тайное станет явным во время вскрытия. Приметы того, что местная полиция замешана в темных делах, она видела и на улицах Мунлайт-Кова – закрытые магазины, вялая торговля никак не вязались с рассказами о процветании и отсутствии безработицы. Тесса припомнила странный вид прохожих – торжественный и чересчур деловой, удивительный для маленького сонного города.

Все это она заметила и оценила. Не было только ответа на вопрос: зачем полиции надо было скрывать истинную причину смерти Джэнис? Почему город погружается в депрессию? Что за существа свирепствовали в мотеле? Она видела все, но не могла объяснить происходящее.

В прачечной пахло стиральным порошком, отбеливателем, ароматизаторами. Было прохладно. Тесса пыталась сообразить, что делать дальше. От мысли разгадать причину смерти Джэнис она не отказывалась, но теперь, трезво оценивая свои силы, она понимала, что вести игру в одиночку больше нельзя. Ей нужна помощь, и она надеялась получить ее от

властей округа или штата.

Но первым делом надо выбраться из Мунлайт-Кова целой и невредимой.

Возвращаться в «Ков-Лодж» за своей машиной опасно. Эти... существа могут быть еще там или следить за мотелем из зарослей кустарника, притаившись среди теней, из которых был соткан весь город.

Мунлайт-Ков, Кармель, другие города калифорнийского побережья были построены на месте густых прибрежных лесов. Тессе всегда очень нравился Кармель из-за удивительного сочетания творений человека и природы. Два творца трудились над этим городом рука об руку и не мешая друг другу. В отличие от Кармеля, Мунлайт-Ков не вызывал восхищения своей обильной зеленью и искусной игрой ночных теней, напротив, за внешним лоском города отовсюду проглядывала его суть – непонятная, дикая, первобытная, полная подозрений и угроз. За каждым деревом таились неизвестность и смерть. Может быть, город не произвел бы на Тессу такого мрачного впечатления, будь он весь пронизан светом, как эта прачечная, в которой она укрылась от опасности.

Полиция уже наверняка появилась в мотеле, чтобы выяснить причину шума и крика. Тессе незачем было встречаться со стражами порядка. Они явно были в сговоре с преступниками. Начнут расспрашивать об убийстве соседей по мотелю, могут узнать в ней сестру погибшей Джэнис. Если попытаться скрыть интерес к этой трагедии, это вызовет у них еще больше подозрений. Они скрывают истинную причину смерти Джэнис и не остановятся перед самыми крайними средствами, чтобы убрать назойливую сестру убитой.

О машине, оставленной возле мотеля, придется забыть.

Идти же пешком из города ночью чертовски опасно. Возможно, ей повезет, и она остановит на трассе нормального водителя, а не наткнется на очередного маньяка, но до трассы еще надо добраться по шоссе, идущему сквозь лес. Существа, выломавшие дверь в ее номере, наверняка чувствуют себя привольно за городом, вдали от людей. Конечно, они могут напасть и в городе, прямо на улице..

Ни здесь, в прачечной, ни в лесу она не будет чувствовать себя в безопасности. Когда рушатся устои и пробуждаются первобытные инстинкты, нет покоя нигде, даже на ступенях храма. В этом Тесса убедилась в Северной Ирландии, и не только там.

Все же она предпочитает свет тьме, населенной мрачными тенями. Она переступила через порог реального мира и вступила в иные, враждебные пределы. В этом сумеречном пространстве лучше держаться поближе к свету, подальше от мрака.

Итак, что делать дальше – неясно. Остается только сидеть в этой прачечной и ждать рассвета. При дневном свете можно решиться на долгий путь до автострады.

Пустые стеклянные окна-глаза машин для сушки белья продолжали созерцать ее, сидящую на неудобном пластиковом стуле напротив.

Осенний мотылек без усталости бился о пластмассовую панель, подвешенную под люминесцентной лампой.

Глава 38

Увидев, что проникнуть в Мунлайт-Ков по шоссе не удастся, Крисси повернула назад и направилась к лесу. Она осторожно перебежала от дерева к дереву, стараясь не привлечь внимания патрулей. Удалившись от оцепления на сотню ярдов, она почувствовала себя уверенней. Скоро за деревьями показался одноэтажный дом с большой лужайкой перед ним; в ночной темноте его силуэт был едва различим. Темные окна, полная тишина вокруг.

Ей необходимо хоть какое-нибудь убежище, чтобы обдумать свое положение и укрыться от ночного пронизывающего холода. Крисси решила, что таким убежищем может стать гараж, стоящий неподалеку от дома. Она прошла к нему по обочине дороги из гравия, бесшумно ступая по траве. Только бы в доме не было собак. Только бы боковая дверь гаража была открыта.

Так и есть. Крисси вошла в гараж и закрыла за собой дверь.

СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ КРИССИ ФОСТЕР ПРОНИКЛА В ПОМЕЩЕНИЕ ПРОТИВНИКА ПРОСТЫМ И ОДНОВРЕМЕННО ХИТРОУМНЫМ СПОСОБОМ – ЧЕРЕЗ БОКОВУЮ ДВЕРЬ, – сочинила она.

В слабом свете луны, проникавшем в гараж через два узких окошка, хромированные детали машин и их стекла тускло блестели. В гараже было две машины.

На ощупь, протянув, словно слепая, руки вперед, Крисси приблизилась к одной из них, открыла дверь и села на сиденье водителя.

Так же, на ощупь, она начала обшаривать всю кабину – открыла «бардачок», заглянула в карманы на дверях и под сиденья. Она искала еду, надеясь, что хозяин машины оставил в кабине какую-нибудь ерунду – конфету или пакетик орехов. В последний раз ей удалось перекусить в кладовке, с тех пор прошло десять часов. Желудок требовал пищи. На бутерброд или банку с джемом она, конечно, не рассчитывала, но, обнаружив только жвачку и несколько драже витаминов, Крисси была разочарована. Она надеялась на большее, роясь в мусоре, обрывках бумаг и запчастях от машины.

Прекрасный заголовок: ГИБЕЛЬ ОТ ГОЛОДА. В СТРАНЕ ВСЕОБЩЕГО ИЗОБИЛИЯ, СОВРЕМЕННАЯ ТРАГЕДИЯ. ЮНАЯ ЛЕДИ НАЙДЕНА МЕРТВОЙ В ГАРАЖЕ. «МНЕ БЫ ТОЛЬКО ПАКЕТИК ОРЕХОВ», – НАПИСАЛА ОНА КРОВЬЮ НА СТЕНЕ.

Во второй машине ей повезло больше: она нашла два шоколадных батончика с начинкой из миндальных орехов.

СПАСИБО, ГОСПОДИ! КРИССИ. ТВОЯ ПОДРУЖКА.

Первую шоколадку она съела в один миг, вторую ела медленно, откусывая по маленькому кусочку, наслаждаясь начинкой, тающей во рту.

За едой она прикидывала, как ей попасть в Мунлайт-Ков. К тому времени, когда от шоколадки осталась одна бумажка – ЮНАЯ ЛЮБИТЕЛЬНИЦА ШОКОЛАДА НАЙДЕНА МЕРТВОЙ В ГАРАЖЕ. СМЕРТЬ НАСТУПИЛА ОТ УКУСОВ ГИГАНТСКИХ ОС, – план был готов.

Время, когда она обычно ложилась спать, прошло давным-давно, она была измотана ночью, полной страшных событий, и хотела одного – поспать пару часов, пока чувство голода чуть-чуть утолено шоколадом. Крисси зевнула и вытянулась на сиденье. Тело ныло от усталости, свинцово-тяжелые веки давили на глаза, словно какой-то заботливый могильщик положил на каждое из них по монете.

Этот злоедейский образ, пришедший ей в голову, мигом отбил всякую охоту ко сну. Она выбралась из машины. Хорошенькое дело – заснуть и проспять до утра, когда кто-нибудь, открыв дверь машины, столкнется с тобой нос к носу. А если это будет один из «обращенных», тогда пиши пропало.

Крисси вышла из гаража. На нее сразу набросился холодный ветер. Вернувшись на шоссе, она повернула на север. Миновала два дома, перелесок и вышла к следующему дому, также одноэтажному, с крышей из деревянной дранки и стенами из бруса.

Она знала людей, живших в этом доме, – мистера и миссис Юлейн. Миссис Юлейн заведовала кафетерием в школе, а ее муж работал садовником, у него было много клиентов в Мунлайт-Кове. Каждое утро мистер Юлейн въезжал в город на своем белом грузовике, в кузове которого лежало все, что нужно садовнику: газонокосилка, ножницы для обрезки кустарника, грабли, лопаты, мешки с мульчей и удобрениями. Он высаживал миссис Юлейн у школы – в это время ученики только начинали подтягиваться на занятия, – а сам ехал дальше по своим делам. Не попробовать ли спрятаться в кузове грузовика, среди садового инвентаря?

Грузовик стоял в гараже, гараж был открыт. Люди в сельской местности до сих пор доверяли друг другу, и это хорошо. Но плохо то, что этой доверчивостью могут воспользоваться пришельцы, которые вот-вот обратят всех жителей в свою веру.

Крошечное окно в гараже было расположено на той стороне, которую не было видно из дома Юлейнов, поэтому Крисси решила включить свет в помещении. Забравшись в кузов, она перелезла через инструменты и обнаружила у самой кабины, среди пакетов с

удобрениями, кипу пустых холщовых мешков, в которые мистер Юлейн загружал скошенную траву. Часть мешков послужит в качестве матраса, часть – заменит одеяло, здесь она будет спать спокойно, к тому же вряд ли патруль при въезде в Мунлайт-Ков заметит ее в этом укромном углу.

Она вылезла из кузова, погасила свет и вернулась в свое убежище. Получилось довольно уютное гнездышко. Правда, жестковато. От мешков исходил запах прелого сена, а их плотная ткань вскоре согрела продрогшую девочку, и она впервые за много часов избавилась от знобящего чувства холода.

МРАК СГУЩАЛСЯ (сочиняла она), ЮНАЯ КРИССИ, ЗАРЫВШИСЬ В МЕШКИ, ПАХНУЩИЕ СЕНОМ, СКРЫВАЛАСЬ ТАКИМ ОБРАЗОМ ОТ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ – ВОЗМОЖНО, ОТ ОБОРОТНЕЙ, – У КОТОРЫХ НЮХ БЫЛ НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ У ГОНЧИХ ПСОВ.

Глава 39

Сэм решил передохнуть на игровой площадке школы Томаса Джефферсона, расположенной на Паломино-стрит, в южной части города. Он уселся на качели и, слегка раскачиваясь, размышлял, куда ему двигаться дальше.

Не было и речи о том, чтобы покинуть Мунлайт-Ков на автомобиле. Если он пойдет за своей машиной в «Ков-Лодж», то будет наверняка арестован полицией. Угонять чужую машину не было смысла: судя по компьютерному диалогу между Уоткинсом и Данберри, дорога на автостраду блокирована. Они закрыли все выезды из города. Он мог пойти пешком, пробраться по закоулкам на окраину города и затем через лес выйти на автостраду. Но Уоткинс упомянул о патрулях, которые должны были «перехватить дочь Фостеров». Сэм был в хорошей форме, но в последний раз он скрывался от противника на открытой местности во время службы в армии, участвуя в боевых действиях. Это было двадцать лет назад. Если патрули на самом деле расставлены вокруг города, то не исключено, что он напорется на один из них.

Он не прочь рискнуть, но не хочет попасть к ним в лапы, не вызвав подмогу из ФБР. Что толку, если он пополнит список жертв несчастных случаев? ФБР придется посылать нового агента, тот, возможно, докопается до истины, но будет слишком поздно.

Качели слегка раскачивал ветер. Сэм вспомнил о графиках обращений, увиденных им на экране дисплея. Через двадцать три часа все жители города пройдут через обращение. Сэм не понимал, во что обращают этих людей, но само слово ему ужасно не нравилось. Он чувствовал, что, когда процесс обращений будет завершен, раскрыть тайну Мунлайт-Кова будет не легче, чем разгадать китайскую головоломку.

Итак, первым делом надо найти телефон и дозвониться до Бюро. Не имеет значения, перехватят его звонок или нет. Ему нужна связь на полминуты, максимум на минуту, и тогда ему обеспечена мощная поддержка. Останется только пару часов поводить за нос полицейских, потом в город нагрянут агенты ФБР.

Он не пойдет ни к кому из жителей, чтобы позвонить из телефона. Он не доверяет им. Моррис Стейн сказал, что у него после двух дней пребывания в городе началась мания преследования – ему казалось, что за ним следят из-за каждого угла. Сэм достиг этой стадии через несколько часов, а потом мания преследования переросла в чувство постоянной настороженности. Такого чувства он не испытывал с тех пор, как покинул вьетнамские джунгли двадцать лет назад.

Ему нужен телефон-автомат. Другой, не тот, с которого он звонил в прошлый раз. Он в розыске, и ему не стоит маячить там, где его засекли.

Гуляя по городу после ужина, он запомнил расположение нескольких телефонов-автоматов. Встав с качелей, Сэм поднял воротник куртки, сунул руки в карманы и пошел через школьный двор к выходу на улицу.

Интересно, где сейчас эта девочка, о которой упоминал Шаддэк в разговоре с

Уоткинсом? Кто она? Что могла видеть? Нет ли здесь ключа к разгадке тайны? Во всяком случае, она, наверное, могла бы объяснить, что кроется за словом «обращение».

Глава 40

Стены, казалось, истекали кровью. На их бледно-зеленой поверхности ярко выделялись красные пятна, от которых во все стороны расходились кровавые брызги.

Войдя в номер на втором этаже мотеля «Ков-Лодж», Ломен Уоткинс почувствовал при виде картины бойни дурноту... но одновременно и странное возбуждение.

Труп мужчины был распростерт возле кровати, он был зверски искусан и истерзан. Еще страшнее выглядело тело женщины, которую бросили в коридоре, ее останки окрасили кровью оранжевый ковер.

В номере стоял запах крови, желчи, фекалий и мочи – этот запах был уже хорошо знаком Ломену, ведь число жертв «одержимых» росло от недели к неделе, изо дня в день. Однако в этот раз, как никогда раньше, он испытывал, кроме отвращения, какое-то неуловимо приятное чувство. Он даже дышал, не зажимая нос, не отдавая себе отчета в том, что привлекательного он находит в этом отвратительном смраде. Он не мог перебороть себя и не хотел отвернуться и уйти, как не может оставить свежий след собака, почуявшая дичь. И все же что-то внутри его протестовало, он был напуган не- привычной реакцией, и, когда звериный зов стал совсем нестерпимым, у него кровь застыла в жилах от ужаса.

Барри Шолник, офицер, которого Ломен направил в «Ков-Лодж» на поиски Сэмюэла Букера и который вместо него обнаружил в мотеле пару трупов, стоял у окна, уставившись на тело мертвого мужчины. Он провел на месте преступления полтора часа – достаточно для полицейского, чтобы привыкнуть к виду жертв и не обращать на них внимания. Однако Шолник не мог отвести взгляда от растерзанного тела и окровавленных стен. Какая-то магнетическая сила притягивала его к этим останкам, заставляла впиваться глазами в картину бойни.

«Мы в ужасе от внешнего облика „одержимых“, мы в ужасе от их преступлений, – думал Ломен, – но в то же время мы, как это ни странно, завидуем им, их абсолютной свободе».

Неведомая внутренняя сила толкала его – он предполагал, что остальные Новые люди испытывают такие же ощущения, – присоединиться к «одержимым». Опять, как совсем недавно у дома Фостеров, ему придется призвать на помощь контроль над собственным телом, дарованный ему через обращение, не для самосовершенствования, а для борьбы с искушением, соблазном дикой свободы. Его тянуло опуститься туда, где нет вопросов о цели и смысле бытия, туда, где не нужна упорная работа ума, туда, где все определяют лишь органы чувств, туда, где добиваются удовлетворения, не останавливаясь ни перед чем. Боже, это значит быть свободным от оков цивилизации, от высот мысли!

У Шолника вырвался низкий, гортанный звук.

Ломен, оторвав взгляд от мертвого тела, взглянул на своего подчиненного.

В карих глазах Шолника горел огонь безумия.

«Неужели я так же бледен, как он? Неужели у меня так же безумно сверкают глаза?»

Их взгляды на мгновение встретились, Шолник сразу отвел глаза, словно шеф застал его за каким-то запрещенным занятием.

Ломен почувствовал, как учащенно бьется его сердце.

Шолник отвернулся к окну. Он вглядывался в ночное море, пальцы были сжаты в кулак.

Ломен дрожал.

Сладкий, искушающий запах. Запах охоты, запах убийства.

Ломен вышел в коридор. Вид мертвого женского тела – полуобнаженного, истерзанного – не принес ему облегчения. Над трупом склонился Боб Тротт, один из новичков, недавно пополнивших штат полиции. Огромного роста, с грубыми чертами лица. На губах у него застыла кривая, недобрая усмешка.

Ломен вспыхнул, глаза его налились сверкающим блеском. Он резко бросил:

– Тротт, за мной. – И прошел в конец коридора, в комнату с выломанной дверью. С явной неохотой Тротт последовал за ним.

Когда Ломен входил в пустой проем, в коридоре появился еще один полицейский, Пол Амберли. Он по приказу Ломена ходил в офис мотеля, чтобы уточнить фамилии постояльцев. Амберли доложил:

– Ключи от двадцать четвертого номера были выданы чете Дженкс, Саре и Чарльзу. – Амберли было двадцать пять лет, он был долговязым, мускулистым, неплохо соображал. Вероятно, из-за узкого, вытянутого лица и глубоко посаженных глаз он напоминал Ломену лису. – Они приехали сюда из Портленда.

– Кто записан в этом, тридцать шестом?

– Тесса Локленд из Сан-Диего. Ломен наморщил лоб.

– Локленд?

Амберли повторил фамилию по буквам.

– Когда она приехала?

– Сегодня вечером.

– У этой вдовы священника, Джэнис Кэпшоу, – сказал Ломен, – девичья фамилия тоже была Локленд. Помнится, когда я связывался с ее матерью, я набирал номер в Сан-Диего. Настырная старая хрычовка. Миллион вопросов. Битый час уговаривал ее согласиться на кремацию. Она говорила, что ее вторая дочь за границей, черт знает где, и вернется только через месяц, чтобы разобраться с вещами сестры и с ее завещанием. Значит, это она и есть.

Ломен и оба полицейских вошли в номер Тессы Локленд. В распахнутое окно врывался ветер. Пол был усеян обломками мебели, разорванными простынями, стеклом от разбитого телевизора, но следов крови не было. Они уже искали тело и не нашли его, очевидно, обитательница номера успела выпрыгнуть в окно, прежде чем «одержимые» выломали дверь.

– Итак, Букер скрылся, – размышлял вслух Ломен, – следует предположить, что он видел «одержимых» или слышал их крики. Он, следовательно, знает, что здесь происходит что-то неладное. Он не понимает смысла происходящего, но он знает достаточно... пожалуй, даже слишком много.

– Можете быть уверены, он сейчас из кожи вон лезет, чтобы дозвониться в свое проклятое Бюро.

Ломен тоже был в этом уверен.

– Теперь нам придется разбираться и с этой шлюхой Локленд. Она наверняка разнюхала, что ее сестра не покончила жизнь самоубийством, а убита теми же тварями, которые напали на чету из Портленда.

– Логично, – сказал Амберли. – Если она пойдет в полицию, то попадет прямо к нам в руки.

– Как знать, – усомнился Ломен. Он начал разгребать ногой хлам, валявшийся на полу. – Помогите мне найти ее сумочку. Дверь выламывали, вряд ли у нее было время на сборы.

Тротт обнаружил сумочку между кроватью и столиком.

Ломен вытряхнул содержимое на матрас. Он осмотрел бумажник, проверил отделение с кредитными карточками и фотографиями и обнаружил то, что искал, – водительское удостоверение. Там перечислялись приметы Тессы Локленд – рост пять футов четыре дюйма, вес сто четыре фунта, блондинка с голубыми глазами. Ломен показал фотографию Тротту и Амберли.

– Да она милашка! – сказал Амберли.

– Не отказался бы попробовать такую, – добавил Тротт.

Ломен содрогнулся, услышав эти слова. Он, как это ни дико, не мог понять, имеет ли в виду Тротт постельное знакомство или он выражает свое подсознательное желание впиться в эту женщину зубами так же, как сделали это звери с приезжими из Портленда.

– Теперь известно, как она выглядит, – сказал Ломен, – это поможет нам в поисках.

Грубые черты лица Тротта были неспособны выражать утонченные эмоции вроде

восхищения или сочувствия, но звериный голод и тягу к насилию они передавали великолепно.

– Вы хотите, чтобы мы притащили ее сюда?

– Да. Она вряд ли поняла, что здесь произошло, но кое-что ей может быть известно. Она слышала, как убивают соседей, и, возможно, видела «одержимых».

– Не исключено, что «одержимые» спрыгнули в окно вслед за ней и догнали ее, – предположил Амберли. – Надо осмотреть окрестности мотеля, возможно, мы найдем ее тело.

– Действуйте, – согласился Ломен. – Если не найдете тело, ее все равно придется найти и доставить сюда. Вы позвонили Каллану?

– Так точно!.. – отрапортовал Амберли.

– В мотеле необходимо навести порядок, – продолжал Ломен. – Мы должны продержаться до полуночи, к этому времени все жители города пройдут через обращение. После этого мы сможем спокойно приступить к поиску и ликвидации «одержимых».

Тротт и Амберли взглянули на Ломена, затем обменялись взглядами между собой. В их глазах Ломен прочел, что они тоже осознают дремлющее в них чувство «одержимости», что они тоже испытывают тягу к беззаботному первобытному существованию. Ни один из них не осмеливался говорить вслух об этих вещах, так как это было бы равносильно признанию в том, что проект «Лунный ястреб» – это чистой воды авантюра и все они обречены.

Глава 41

Майкл Пейзер услышал в трубке длинный гудок и начал набирать номер, нажимая на клавиши, которые были слишком малы и слишком близко расположены друг к другу для его широких пальцев с длинными когтями. Неожиданно он понял, что не может звонить Шаддэку, что не посмеет разговаривать с Шаддэком, несмотря на их давнее, двадцатилетнее знакомство. Они учились вместе в Стэнфорде, именно Шаддэк помог ему пробиться, сделать карьеру. Он не мог ему звонить, так как в этом случае он вычеркнет себя из общества обычных людей, он превратится в подопытного кролика, которого будут пристально изучать, ставить на нем опыты. Или его просто уничтожат, чтобы он не мешал процессу обращений в Мунлайт-Кове. От отчаяния Пейзер застонал. Он сорвал телефон со стены и бросил его в зеркало. Посыпались осколки.

Последняя разумная мысль, которая промелькнула в его мозгу, касалась Шаддэка. Он представлял в виде зловещего врага, он утратил черты друга и наставника. Возникший страх снова бросил его в темную пропасть отчаяния, в объятия тех сил, которым он давал волю, когда выходил на охоту. Он то медленно бродил по комнатам, то снова начинал метаться, не отдавая себе отчета в причинах своего возбуждения или уныния, он двигался, повинаясь инстинкту, а не голосу разума.

Пейзер помочился в углу гостиной, обнюхал лужу и отправился на кухню в поисках еды. Время от времени разум его просветлялся, и он пытался заставить свое тело вновь принять человеческий облик, но старания его были тщетны, и он вновь проваливался во тьму животного состояния. Иногда из тумана сознания даже выплывала ирония по поводу злой шутки судьбы, обещавшей ему превращение в сверхчеловека, а обратившей его вместо этого в дикого зверя. Но и эту мысль он мог удержать лишь на долю секунды, сознание с легкостью отказывалось от непомерной тяжести рассуждений.

И в период помрачения разума, и в редкие мгновения просветления он вспоминал о мальчике, Эдди Валдоски, о мальчике, славном мальчике, и дрожь проходила по его телу при воспоминании о крови, сладкой крови, горячей крови, хлещущей во мраке холодной ночи.

Глава 42

Несмотря на жуткую физическую и моральную усталость, Крисси не могла уснуть. Ворочаясь на жестких мешках в кузове грузовика мистера Юлейна, она мучилась

бессонницей, страстно желая забыться сном.

Что-то мучило ее, какое-то забытое чувство, и неожиданно она расплакалась. Зарывшись лицом в колючую ткань мешка, она рыдала. Слезы, которых никто не видел у нее на щеках многие годы, сейчас лились ручьем. Она оплакивала свою мать и своего отца, которых, возможно, потеряла навсегда, которых отняла у нее не смерть, а какая-то злобная, грязная, сатанинская сила. Она оплакивала свою несостоявшуюся юность – е конными прогулками, с книгами – все было безвозвратно разрушено. Она оплакивала еще одну, невыразимую словами потерю, потерю наивной веры в торжество добра над злом.

Ни одна из героинь приключенческих книг, которыми она восхищалась, не позволяла себе так распускаться – Крисси не знала, как отнестись к собственным рыданиям. В конце концов плач так же свойствен человеку, как и заблуждения, и, возможно, она нуждалась в этих слезах, чтобы как-то доказать самой себе, что она не подвержена чудовищному влиянию, превратившему ее родителей в подобие зверей. Рыдая, она была прежней Крисси. Плач доказывал, что никто не похитил ее душу.

Она уснула.

Глава 43

Сэм обнаружил телефон-автомат на заправочной станции «Юнион-76», в одном квартале к северу от Оушн-авеню. Станция не обслуживала клиентов. Окна покрывал толстый слой пыли, торопливой рукой намалеванная надпись «ПРОДАЕТСЯ» на одном из окон словно говорила, что владельца не очень волнует, будет ли продана станция, он и надпись-то оставил просто так – для порядка. Около бензоколонок ветер намел целые сугробы из сухих листьев и хвои.

Телефон был укреплен на стене напротив входа и виден с улицы. Сэм открыл дверь и вошел в помещение. Дверь он захлопывать не стал, так как опасался, что замкнет контакт и в помещении автоматически зажжется свет; который может привлечь внимание полицейских.

Телефон не работал. Он опустил монету, надеясь, что это поможет, но в трубке не появилось никакого сигнала.

Нажал на рычаг, монета выскочила обратно.

Еще попытка, и снова неудача.

Возможно, телефон отключили, когда закрывали заправочную станцию, так как расходы на долевого основе несли телефонная компания и владелец станции.

Второй вариант – телефон отключила полиция, используя свое влияние на телефонную компанию. Они узнали о приезде в город федерального агента с секретной миссией и пошли на крайние меры с целью предотвратить любые его контакты с внешним миром.

Не исключено, что он все-таки переоценивает их возможности и его ждет удача у следующего телефона-автомата.

Во время своей прогулки после ужина Сэм проходил мимо прачечной самообслуживания. Случайно он заметил за большими стеклянными окнами телефон-автомат, установленный на стене, возле машин для сушки белья.

Он покинул «Юнион-76» и, стараясь держаться в тени, пошел к тому месту, где находилась прачечная. Туман уже начинал рассеиваться, хотя Сэм предпочитал, чтобы он подольше оставался на улицах.

На одном из перекрестков он едва не налетел на полицейскую машину, патрулировавшую центр города. Ему удалось вовремя спрятаться за угол, полицейский за рулем в это время смотрел в другую сторону.

Сэм попятился назад и оказался под аркой, сзади была дверь с медной пластинкой, извещавшей, что в этом здании практикуют два адвоката, один дантист, врач и хиропрактик. Если патрульная машина свернет налево и проедет мимо него, полицейский его заметит. Если же машина поползет дальше по Оушн-авеню или свернет направо, у него есть шанс остаться незамеченным.

Прижавшись спиной к двери в ожидании того момента, когда еле-еле ползущая машина достигнет перекрестка, Сэм имел возможность еще раз оценить, как удивительно тихо и пустынно на улицах Мунлайт-Кова в половине второго ночи. Обычно на улицах городов, маленьких и больших, даже в этот поздний час можно встретить полуночников – прохожих, запоздалых автомобилистов, словом, хоть какие-то признаки жизни, если не принимать во внимание полицейские патрули.

Машина свернула направо и теперь удалялась от него.

Опасность миновала, но Сэм не двигался с места, мысленно прослеживая свой путь от мотеля на стоянку у полицейского управления, затем на «Юнион-76» и, наконец, сюда, на этот перекресток. Он не мог припомнить ни одного дома, из окон которого звучала бы музыка, где работал бы телевизор, не было слышно смеха и шума ночного застолья. Ни одна парочка не целовалась в припаркованных автомобилях. Немногочисленные таверны и рестораны были закрыты, в кинотеатрах не было поздних сеансов, и, если не считать его самого и полицейских патрулей, Мунлайт-Ков можно было принять за город-призрак. Гостиные, спальни и кухни населяли призраки или роботы, прикидывающиеся днем нормальными людьми, а ночью – отключающиеся с целью экономии энергии, чтобы не расходовать ее зря на создание иллюзии жизни.

Сэма все больше беспокоило слово «обращение» и его значение в свете загадочного проекта «Лунный ястреб». Он вышел из своего укрытия, свернул за угол и поспешил по ярко освещенной улице к прачечной. Он увидел телефон сразу же после того, как распахнул дверь. Сэм уже дошел до середины зала, в котором машины для сушки белья занимали правую сторону, в середине стояли стиральные машины, а вдоль левой стены тянулись столы со стульями, когда вдруг понял, что он здесь не один. На одном из стульев сидела хрупкая блондинка в потертых джинсах и синем свитере. Ни одна из машин не работала, и рядом с блондинкой не было видно корзины с бельем.

Сэм был настолько ошарашен ее видом – видом живого человека, обычного человека в этой погребальной ночи, – что остановился и уставился на нее.

Она сидела на краешке стула и была явно напугана. Глаза округлились от страха. Руки сжимали колени. Она затаила дыхание.

Осознав, что он напугал ее, Сэм сказал:

– Извините.

Наверное, у него дикий взгляд, он похож на сумасшедшего, поэтому он добавил:

– Не бойтесь, я не причиню вам никакого вреда.

– Они все так говорят.

– Кто они?

– Имейте в виду, со мной лучше не связываться. Сэм был в замешательстве.

– Почему?

– Вам не поздоровится.

– Правда?

– У меня черный пояс. – Она встала со стула. Впервые за много дней по лицу Сэма расплзлась улыбка.

– Вы владеете карате?

Женщина смотрела прямо ему в глаза, бледная, дрожащая. Когда она заговорила, в ее голосе звенела нешуточная угроза:

– Эй, ты, мерзавец, выбирай – или ты прекращаешь свои шуточки, или ты станешь инвалидом на всю жизнь и будешь ходить, как мешок с костями.

Пораженный ее воинственным настроением, Сэм вновь припомнил свое первое впечатление от ночной посетительницы прачечной. Ни сумки для белья, ни коробки со стиральным порошком поблизости не было и в помине.

– А в чем, собственно, дело?

– Ни в чем, но советую вам не приближаться ко мне.

Он прикинул, может ли она знать, что полицейские охотятся за ним. Бредовое

предположение. Откуда она может знать про это?

– А что вы вообще здесь делаете, вроде стирать вы ничего не собираетесь?

– Какое ваше дело? Вы что, владелец этой прачечной?

– Нет. Но и вы мне можете не рассказывать, что вы хозяйка этой машины.

Она продолжала разглядывать его.

Он тоже не отрывал от нее глаз, убеждаясь, что встретился с чрезвычайно симпатичной особой. У нее были пронзительно-голубые глаза цвета июльского неба, чистая, дышащая летним теплом кожа. Она казалась неведомой гостьей на этом темном октябрьском побережье, занесенной случайным ветром в прачечную самообслуживания в полвторого ночи. Кроме ее удивительной красоты, он заметил испуг, оставивший темные круги под ее глазами и горькие складки у рта. Причиной этого испуга явно был не он. Будь он верзилой шести футов роста, с револьвером в одной руке и ножом в другой или татуированным рокером, ворвавшимся в прачечную с наркотическим бредом про сатану на губах, ее страшная бледность и круги под глазами были бы вполне объяснимы. Но он был всего-навсего Сэмом Букером, основным преимуществом которого перед другими агентами была внешность обычного человека из толпы, невзрачного и безобидного.

Не понимая причин ее страшной тревоги, он сказал:

– Вот телефон.

– Что?

Он показал на телефон-автомат.

– Да, – сказала она, как будто подтверждая, что это действительно телефон-автомат.

– Просто зашел позвонить.

– А-а.

Не сводя с нее глаз, он подошел к телефону, опустил монету, но сигнала не было. Он вернул монету, попробовал еще раз. Опять неудача.

– А-а, черт! – выругался он.

Блондинка направилась к выходу. На полдороге она остановилась и оглянулась, словно опасаясь, что незнакомец набросится на нее, если она захочет выйти из прачечной.

От пребывания в Мунлайт-Кове у Сэма страшно развилось чувство подозрительности. Он стал видеть врага в любом встретившемся прохожем. И вдруг он понял, что необычное поведение этой женщины в точности напоминает его собственное.

– Вы ведь не местная жительница? Вы не из Мунлайт-Кова?

– Нет, а что?

– Я тоже не местный.

– Что из этого?

– Вы видели что-то необычное? Она уставилась на него.

Он пояснил:

– Что-то произошло, вы видели нечто необычное, вы этим страшно напуганы, и, даю руку на отсечение, у вас были на то серьезные причины.

Она посмотрела на него, словно собираясь бежать куда подальше.

– Подождите, – быстро проговорил он. – Я из ФБР. – Его голос слегка дрогнул. – Я на самом деле оттуда.

Глава 44

Томас Шаддэк был «совой» и работал по ночам, предпочитая спать днем. Он находился в данный момент в своем кабинете, отделанном панелями из тикового дерева, и разрабатывал на компьютере один из аспектов проекта «Лунный ястреб». Позвонил Эван, его ночной секретарь, и сказал, что Ломен Уоткинс просит принять его.

– Я приму его в башне, – ответил Шаддэк. – Скажите ему, что я скоро буду там.

В последнее время Шаддэк предпочитал ходить дома в шерстяном тренировочном костюме. В шкафу у него висело их штук двадцать на выбор – десять черных, десять серых и

одна пара цвета морской волны. В таком костюме было удобно работать, кроме того, он сэкономил свое время – не надо было отдавать распоряжения про особый костюм каждый день, да он и не любил особенно наряжаться. Он никогда не следил за модой. К тому же он был довольно неуклюже скроен от природы: широкие ступни, длинные худые ноги, выступающие вперед колени, руки плетями, костлявые плечи – он был невероятно худ, и любая одежда, даже сшитая лучшими портными, не была ему к лицу. Она висела на нем, как на вешалке, или подчеркивала его худобу до такой степени, что он казался воплощением образа Смерти; сходство с мрачным обликом усугублялось его мучнисто-белой кожей, почти черными волосами, заостренными чертами лица и желтизной глаз.

Он надевал эти тренировочные костюмы, даже когда посещал заседания руководства компании. Если вы гений в своей области, люди ждут от вас необычных выходов. А если у вас на счету сотни миллионов долларов, вам простят все, что угодно.

Его ультрасовременный, из железобетона, дом на берегу моря, у северной оконечности бухты, был еще одним выражением его просчитанного образа нонконформиста. Три этажа здания напоминали слоистый пирог – все слои разной толщины, самый толстый – вверху, самый тонкий – в середине; все они были разной конфигурации, и при дневном свете здание имело вид авангардной скульптуры. Ночью, в сиянии сотен окон, скульптура превращалась в фантастический космический корабль, доставивший пришельцев – покорителей Земли.

Башня, о которой упомянул Шаддэк, являла собой еще одно необычное сооружение, водруженное на крыше его необычного дома. Возвышаясь на сорок футов, она располагалась не по центру. Форма ее была не круглой, а овальной, в ней не было ничего общего с теми башнями, в которых принцессы ждали возвращения своих принцев из дальних странствий или в которых монахи держали и пытали своих недругов. Нет, башня эта скорее напоминала конусообразную башню субмарины. На ее вершине находилась просторная комната со стенами из стекла, туда можно было добраться на лифте или по спиральной лестнице, обвивающей шахту лифта.

Шаддэк выждал десять минут, чтобы заставить Уоткинса подождать его. Так надо для порядка. Затем решил поехать наверх на лифте. Лифт был отделан изнутри под цвет темной латуни, так что, несмотря на небольшую скорость, Шаддэк ощущал себя летящим вверх в гильзе, скользящей в стволе гигантского ружья.

Он добавил эту башню к проекту, представленному архитектором, буквально в последний момент, но она стала его самым любимым местом во всем здании. Отсюда открывался бесконечный простор спокойного или штормящего моря, моря, сверкающего под солнцем или залитого ночной мглой. На юго-востоке перед ним и под ним открывался вид на Мунлайт-Ков; его чувство превосходства приятно подогревалось этой выигрышной перспективой творений чуждых ему людей. Из этой комнаты всего четыре месяца тому назад он увидел ястреба на фоне луны третий раз в жизни, другие почитали за счастье увидеть такой знак хотя бы однажды. В этом знаке он прочел свое будущее – стать самым могущественным человеком всех времен и народов.

Лифт остановился. Раздвинулись двери.

Когда Шаддэк вошел в комнату, озаренную непонятно откуда льющим светом, Ломен Уоткинс вскочил с кресла и почтительно произнес:

– Добрый вечер, сэр.

– Садитесь-садитесь, – мягко, даже жеманно приветствовал Шаддэк начальника полиции, дав интонацией, однако, понять, что это он, Шаддэк, решает, в каком тоне будет протекать беседа – в официальном или непринужденном.

Шаддэк был единственным ребенком в семье Джеймса Рэндольфа Шаддэка, бывшего в свое время выездным судьей в Фениксе, а ныне – покойного. Семья была не так чтобы очень состоятельной, но твердо держалась на уровне зажиточных представителей среднего класса. Если добавить к этому уважение, которое снискал отцу статус судьи, то можно сказать, что семья Шаддэков была одной из первых семей Феникса. Отец пользовался не только уважением, он обладал и властью над согражданами. И в детстве, и в юности Том не

переставал удивляться, как его отец – судья и политик местного масштаба – умел добиваться на своем посту не только материального благополучия, но и контроля над людьми. Именно эта способность контролировать окружающих, преумножая тем самым свою власть, притягивала Тома к отцу, возбуждала интерес к механизмам власти с самых ранних лет.

Ныне сам Том Шаддэк обладал властью над Ломеном Уоткинсом, над всеми жителями Мунлайт-Кова. Это была власть его миллионов долларов, власть главного работодателя, власть политика, держащего в своих руках все нити политической жизни. Огромной властью наделил его также проект «Лунный ястреб», названный так в честь видения, открывшегося ему трижды. Однако границы его власти простирались куда шире, чем власть его отца в качестве судьи и искусного политика. Дело в том, что он распоряжался жизнью и смертью людей – в буквальном смысле этих слов. Если через час он решит, что они должны умереть, то к полуночи все жители города будут мертвы. При этом он сам будет недосыгаем для их мести, так же недосыгаем, как Господь Бог, низвергающий громы и молнии на творения своих рук.

Освещение проникало в комнату из ниш, устроенных между стеклянными стенами и потолком. Скрытые лампы изливали достаточно света, мягко поглощаемого ковром, и не давали отсветов на огромных стеклянных стенах. Однако, если бы ночь была ясной, Шаддэк выключил бы и этот свет, чтобы ничто не отбрасывало теней и не мешало бы ему созерцать лежавшие внизу его владения. На сей раз он оставил лампы включенными, так как за окном плыл молочно-белый туман и мало что можно было разобрать при свете тонкого серпика луны, застывшего в небе.

Шаддэк пересек комнату; мягкий ворс черного ковра приятно щекотал его босые ноги. Он уселся в кресло напротив Ломена Уоткинса, их разделял низкий стол из белого мрамора.

Полицейский был всего на три года старше Шаддэка, внешне он был полной противоположностью своему собеседнику. Рост пять футов десять дюймов, полный, с круглыми плечами и массивным загривком. Лицо было широким и добродушным. Его голубые глаза на мгновение встретились с желто-кариими глазами Шаддэка, затем Ломен отвел взгляд и стал рассматривать свои мускулистые руки, лежащие на коленях. Пальцы впились в плотную ткань брюк. Сквозь ежик волос просвечивала загорелая лысина.

Явная покорность Уоткинса нравилась Шаддэку, но он был еще больше доволен, что его собеседник охвачен страхом. Об этом страхе можно было догадаться по дрожи пальцев, которую Уоткинс пытался скрыть, и по затравленному выражению глаз. Проект «Лунный ястреб» поднял Уоткинса над другими людьми, но для Шаддэка он был всего лишь подопытным животным, основой для эксперимента, с подключенными электродами, в полной власти экспериментатора. Если можно так сказать, Шаддэк был создателем Уоткинса, он представал перед ним в образе всемогущего Бога.

Откинувшись в кресле, скрестив руки на груди, Шаддэк вдруг ощутил, как его охватывает желание. Нет, он вовсе не был гомосексуалистом, его возбуждала вовсе не плоть, а чувство безграничной власти над этим человеком. Власть давала Шаддэку куда более богатые ощущения, чем любые сексуальные стимуляторы. Даже подростком, разглядывая снимки обнаженных женщин в эротических журналах, он был увлечен вовсе не созерцанием обнаженной груди, изгибов плоти и стройных ног, его влекло чувство господства над этими женщинами, желание видеть их у своих ног, желание распоряжаться их жизнью. Если женщина смотрела со снимка с чувством страха в глазах, это возбуждало его куда больше, чем томные взгляды. С тех пор он реагировал на насилие куда сильнее, чем на сладострастие, и его возбуждение не зависело ни от пола, ни от возраста, ни от физической привлекательности человека. Ему надо было только, чтобы в его присутствии человек дрожал от страха.

Довольный покорностью полицейского, Шаддэк спросил:

– Вы разыскали Букера?

– Нет, сэр.

– Почему?

- Его уже не было в «Ков-Лодже» , когда Шолник прибыл туда.
- Он должен быть найден.
- Мы найдем его.

– Он тоже должен пройти через обращение. Не для того, чтобы он держал язык за зубами... а для того, чтобы у нас был свой человек в ФБР. Вот это будет удача. Его неожиданный приезд сюда может обернуться большой выгодой для нашего проекта.

– Да, наверное, но есть, к сожалению, новые неприятности. «Одержимые» напали на постояльцев этого мотеля. Куин либо захвачен ими, убит и брошен где-то... либо сам превратился в «одержимого» и скрылся вместе с остальными... сейчас они, видимо, празднуют удачную охоту, они любят купаться в море при этой чертовой луне. Шаддэк слушал отчет полицейского с возрастающей тревогой.

Уоткинс закончил свой рассказ, поерзал на краешке кресла и добавил:

– Я чертовски боюсь этих «одержимых».

– Да, они приносят нам много беспокойства, – согласился Шаддэк.

Ночью четвертого сентября они загнали одного из «одержимых», Джордана Кумбса, в кинотеатр на главной улице города. Кумбс работал техником в компании «Новая волна». Однако этой ночью в нем не осталось ничего, что позволяло бы назвать его человеком. Это была скорее взбесившаяся человекообразная обезьяна, но и это понятие не передавало устрашающего образа этого существа. Термин «одержимые», изобретенный Шаддэком, годился только для тех, кто никогда не встречался с этими существами лицом к лицу. Вид этих созданий был неописуемо ужасен. Все попытки полицейских захватить Кумбса живым провалились, он был слишком разъярен и опасен, поэтому, чтобы не рисковать жизнью, им пришлось разmozжить ему голову выстрелом из револьвера. Уоткинс произнес:

– Беспокойство – не то слово. Дело обстоит куда хуже. Они... маньяки.

– Я знаю, что они маньяки, – нетерпеливо перебил его Шаддэк. – Я сам обозначил их состояние как «маниакальный синдром перерождения».

– Но они получают удовольствие от убийства.

Шаддэк нахмурился. Он не смог предвидеть появление «одержимых» и отказывался признать, что их число не так уж ничтожно на фоне сотен удавшихся обращений.

– Что же, ничего удивительного, если они получают от этого удовольствие, это вполне вписывается в картину их примитивного образа. Нам просто следует переловить их и уничтожить. Если посмотреть на цифры, число «одержимых» составляет ничтожную часть от тех, кто успешно прошел через обращение.

– Возможно, их не так уж мало. – Уоткинс говорил неуверенно, опасаясь встретиться глазами с Шаддэком, не любившим плохих новостей. – Судя по последним случаям насилия, из тысячи девятисот обращенных на данный момент человек пятьдесят-шестьдесят превратились в «одержимых».

– Глупости! Откуда вы взяли эти цифры? Признать, что «одержимых» много, было для Шаддэка равносильно признанию своего поражения. Если он не смог предвидеть результатов своих опытов, перенесенных из лаборатории на улицы Мунлайт-Кова, значит, его титанические усилия по созданию нового человека пропали даром. Он не мог допустить и тени таких сомнений.

Всю свою жизнь он стремился все к новым и новым вершинам власти и был близок к своей цели. Он уже не мог отступить назад. С юных лет он отказывал себе в определенных желаниях, так как знал, что если он поддастся искушению, то пойдет против закона и вынужден будет расплачиваться за свою слабость. Долгие годы сдерживания своих побуждений привели к тому, что внутреннее напряжение стало невыносимым, требовало выхода. Он направил внутреннюю энергию в русло изнуряющей работы, сконцентрировавшись на усилиях, которые не вызвали общественного осуждения. По иронии судьбы, эти усилия привели к открытиям, способным в будущем вообще освободить его от всякой оглядки на кого бы то ни было и дать волю долго сдерживаемым инстинктам, не опасаясь наказания.

Он не мог отступить назад не только потому, что это шло наперекор его природе, но и из чисто практических соображений. Он начал круто менять мир вокруг себя. По его воле около двух тысяч Новых людей шагали по земле, они отличались от обычных людей так же, как кроманьонцы отличались от своих примитивных предков – неандертальцев. Он не в силах был уничтожить сделанное, ведь ученые и инженеры тоже не могут остановить технический прогресс, вызванный их открытиями. Уоткинс покачал головой.

– Простите... но я думаю, что это вовсе не глупости. «Одержимых» пятьдесят-шестьдесят человек. Или даже больше. Может быть, намного больше.

– Если хотите убедить меня, приведите доказательства, назовите фамилии. Вы можете назвать хоть одну конкретную фамилию, кроме Куина?

– Я думаю, Алекс и Шэрон Фостер. А также один из ваших – Такер.

– Это невозможно.

Уоткинс рассказал, что он обнаружил в доме Фостеров, а также упомянул о криках, доносившихся из леса.

Шаддэк с большой неохотой думал о том, что один из его приближенных может превратиться в «одержимого». Если он не может быть уверенным в своем ближайшем окружении, то как он сможет управлять огромными массами людей?

– Фостеры, возможно, среди «одержимых». Но не Такер. Но даже вместе с ним получается четыре человека. Только четыре. Кто остальные, по-вашему?

Ломен смотрел на туман, причудливо растекающийся по стеклам.

– Сэр, я думаю, не все так просто... Я имею в виду вообще эту проблему. Если власти штата или страны узнают о наших делах, если они поймут, что мы здесь делаем, они в один момент положат этому конец. Разве не так? Кроме того, мы, обращенные, ничем не отличаемся внешне от обычных людей.

– Что из этого?

– Ну... здесь та же самая проблема, которую приходится решать в отношении «одержимых». В дневное время они ничем не отличаются от других Новых людей. Их внутренний порок внешне никак не проявляется.

Возбуждение, согревавшее Шаддэка, ослабло. Критический настрой Уоткинса начал раздражать его. Он встал и подошел к окну. Сунув руки в карманы костюма, он всматривался в отражение своего вытянутого, волчьего лица, в свой призрачный облик. Взглянул на отражение глаз и сразу же перевел взгляд вдаль, туда, где морские ветры ткали из ночной мглы плотную пелену тумана. Шаддэк стоял спиной к Уоткинсу, не желая, чтобы тот догадался о его смятении. Он избегал также встречи с отражением своих глаз, так как не хотел признаться себе, что их уже пронзили холодные иглы страха.

Глава 45

Сэм настоял, чтобы они присели на стулья, расставленные вдоль стены, – там их никто не увидит с улицы. Тесса согласилась, но держалась настороженно. Он объяснил ей, что направлен в город с секретной миссией и поэтому не может предъявить свое удостоверение. Он продемонстрировал ей также все содержимое своего бумажника: водительские права, кредитные карточки, читательский билет из библиотеки, билет из видеотеки, фотографии своего сына и своей покойной жены, выигранный купон на бесплатную пачку шоколадного печенья в любом из магазинов «Миссис Филдс», а также фотографию Голди Хоун, вырванную из журнала. Интересно, носят ли с собой маньяки купоны на бесплатное печенье! Чуть позже, когда Тесса рассказала ему историю своих злоключений в «Ков-Лодже» и ответила на многочисленные вопросы, она начала доверять ему. Для человека, прикидывающегося агентом ФБР, он был слишком серьезен и настойчив.

– Так вы видели, как кого-нибудь убивают?

– Я же говорю вам – их убили, – настаивала Тесса. – Если бы вы слышали их крики, у вас тоже не было бы никаких сомнений. В свое время меня угораздило попасть в Северную

Ирландию, в толпу маньяков, я видела своими глазами, как они насмерть забили двух человек. В другой раз на металлургическом заводе при мне в лицо нескольким рабочим попал расплавленный металл. Я снимала индейцев мискито в Центральной Америке и видела, как на них сбрасывают бомбы с начинкой из металлических игл – они пронзают тело насквозь. И везде я слышала, как кричат люди перед смертью. Так вот, то, что я слышала в мотеле, было еще страшней.

Он посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом. Затем произнес:

– По вашему виду не скажешь...

– Что я много повидала в жизни?

– Именно.

– Я выгляжу неопытной? Наивной?

– Да.

– Это моя беда.

– Но, признайтесь, иногда такая внешность очень помогает?

– Иногда, – призналась Тесса. – Слушайте, вы ведь наверняка что-то знаете. Скажите мне, что творится в этом городе?

– С местными жителями что-то произошло.

– Что?

– Не знаю. Они перестали ходить в кино, например. Закрылся городской театр. Их больше не интересуют предметы роскоши, дорогие подарки; магазины, торгующие этими товарами, также закрыты. Они не пьют шампанское... – Сэм усмехнулся. – Все бары в городе на грани разорения. Кажется, единственная вещь, которая их еще интересует, – это еда. И убийства.

Глава 46

Продолжая стоять у окна, спиной к Ломену, Шаддэк сказал:

– Ладно, Уоткинс, вот что мы сделаем. В компании весь персонал уже прошел через обращение, я дам вам сотню своих сотрудников, они помогут полиции. Вы можете располагать ими по своему усмотрению, с этой минуты они в вашем распоряжении. С их помощью, я надеюсь, вам удастся схватить живьем одного из «одержимых». Не забудьте также про Букера.

Новые люди не нуждались во сне. Дополнительный контингент мог начать действовать немедленно.

Шаддэк добавил:

– Они смогут патрулировать улицы пешком или на машинах, не привлекая особого внимания. Возможно, вам даже удастся отловить всех «одержимых». Если вы притащите сюда один экземпляр в состоянии регрессии, я смогу тщательно изучить его и разработать тесты. Протестировав всех Новых людей, мы выявим «одержимых».

– Я не считаю, что должен заниматься этим делом.

– Это дело полиции.

– Нет, уверяю вас.

– Вы по долгу службы отслеживаете обычных убийц. Это почти то же самое. – Шаддэк говорил раздраженно. – Здесь можно применять те же методы.

– Но...

– Что еще?

– Среди тех людей, которых вы мне дадите, тоже могут попасться «одержимые».

– Исключено.

– Но... как можно быть уверенным?

– Я сказал – это исключено, – резко оборвал Шаддэк, все так же глядя в окно, в ночь и туман.

Оба некоторое время молчали. Затем Шаддэк вновь заговорил:

– Вы должны сделать все, чтобы найти этих проклятых уродов. Все – вы слышите? Мне нужен хотя бы один из них, я должен обследовать его еще до того момента, когда весь Мунлайт-Ков пройдет через обращение.

– Я думаю...

– Говорите.

– Видите ли, я думаю...

– Продолжайте, продолжайте. Так что вы думаете?

– Простите... но нельзя ли приостановить процесс обращений до того момента, когда мы выясним, что происходит с людьми?

– Нет! Черт бы вас побрал! – Шаддэк повернулся к Уоткинсу и впился в него взглядом. Полицейский заерзал на кресле. – «Одержимые» – это мелочь, это ерунда. Что вы можете знать об этой проблеме? Разве вы разработали модель нового человека, нового мира? Это сделал я. Я мечтал об этом, я видел все это как наяву. Я положил все свои силы, нервы, мозг, чтобы эта мечта воплотилась в реальность. И я знаю, что эта аномалия не свидетельствует ровным счетом ни о чем. Поэтому процесс обращения пойдет по установленному графику.

Уоткинс опустил взгляд на свои руки и заметил, как побелели суставы пальцев.

Шаддэк продолжал говорить, меряя комнату босыми ногами.

– Теперь у нас достаточно доз для всего оставшегося населения города. Фактически сегодня вечером мы начали новый, последний этап обращений. Сотни людей будут обращены к рассвету, остальные к полуночи. До того момента, пока все до единого в этом городе не станут обращенными, сохраняется опасность провала операции в случае, если кто-то выдаст нашу тайну внешнему миру. Теперь, когда мы решили проблему производства биочипов, мы должны быстро закрепиться в Мунлайт-Кове, тогда мы сможем действовать уверенно, имея позади надежный тыл. Вам это понятно?

Уоткинс кивнул.

– Вы понимаете, что я говорю?

– Да-да, сэр.

Шаддэк вернулся к своему креслу и сел.

– Вернемся к тому, о чем вы мне говорили по телефону, к делу этого Валдоски.

– Эдди Валдоски, восьми лет. – Уоткинс говорил и смотрел на свои руки. Он делал какие-то механические, неконтролируемые движения, словно выкручивал, выжимал невидимую тряпку. – Найден мертвым в начале девятого вечера. В кювете у шоссе, ведущего в город. Он был... изуродован... искусан, выпотрошен.

– Вы полагаете, это работа «одержимых»?

– Я уверен в этом.

– Кто обнаружил тело ребенка?

– Его родители. Отец. Мальчик сначала играл во дворе, а затем... он исчез после захода солнца. Они начали его искать, не могли найти, испугались, вызвали полицию и продолжали поиски... мы уже мчались туда, но они обнаружили его тело до нашего приезда.

– Как я понимаю, Валдоски еще не проходили через обращение?

– К тому моменту – нет. Но сейчас они уже обращены.

Шаддэк вздохнул с облегчением.

– Было бы гораздо меньше хлопот с этим ребенком, если бы они были среди обращенных.

Начальник полиции поднял голову и нашел в себе смелость взглянуть прямо в глаза Шаддэку:

– Но мальчика-то не оживишь. – Ломен уже не сдерживал себя.

– Конечно, это трагедия. К сожалению, нельзя было предвидеть, что небольшая часть Новых людей вырождается в «одержимых». Но не забывайте: каждый шаг на пути прогресса человечества требовал жертв.

– Он был славный мальчик, – произнес полицейский.

– Вы знали его? Уоткинс заморгал.

– Я учился в колледже с его отцом, Джорджем Валдоски. Я был крестным отцом Эдди. Тщательно подбирая слова, Шаддэк сказал:

– Ужасно. Мы найдем урода, который сделал это. Мы переловим их всех и уничтожим. Однако нас может утешить то, что Эдди умер за великое дело.

Уоткинс посмотрел на Шаддэка с нескрываемым изумлением.

– Великое дело? Что Эдди мог знать о великом деле? Ему было восемь лет.

– И тем не менее. – Шаддэк заговорил голосом, не допускающим возражений. – Эдди погиб из-за неожиданного побочного эффекта процесса обращения, он стал одним из участников великого исторического события. – Шаддэк знал, что Уоткинс был патриотом, гордящимся своей родиной, и подозревал, что это чувство гордости не оставило его и после обращения.

– Послушайте меня, Ломен. Во время Войны за независимость погибли не только колонисты, но и женщины, дети. Неважно, что их смерть была случайной, они стали мучениками во имя победы, они стали в один ряд с солдатами. Так всегда бывает во время революции. Самое главное, что, благодаря и им в том числе, справедливость торжествует, они отдали жизнь за святое дело.

Уоткинс смотрел в сторону.

Шаддэк встал, обошел стол и подошел к нему. Глядя на склоненную голову полицейского, положил руку ему на плечо.

Уоткинс съезжился в кресле.

Продолжая держать руку на его плече, Шаддэк заговорил с истовостью проповедника. Он не был, однако, горячим, страстным религиозным проповедником, обжигающим сердца верующих, он был холодным апостолом логики, разума.

– Помните о том, что вы принадлежите к числу Новых людей. Это означает не только превосходство в силе и выносливости над обычными людьми, это означает не только стойкость к любым недугам и умение восстанавливаться так, как об этом лишь мечтают жалкие экстрасенсы. Это означает также необычайную ясность ума, высшую рациональность мысли. Если вы с этой высоты посмотрите на смерть Эдди, то цена, которую он заплатил своей смертью, не покажется вам слишком большой. Не следует попадать в плен к своим чувствам, Ломен, это не к лицу Новому человеку. Мы создаем мир, который будет эффективным, предсказуемым и стабильным в первую очередь благодаря тому, что мужчины и женщины будут иметь власть над своими чувствами, они будут просчитывать каждую ситуацию с аналитической непредвзятостью компьютера. Взгляните на смерть Эдди Валдоски как на одно из событий в потоке великих свершений во имя торжества Нового мира. Тогда вы сможете переступить пределы эмоциональных ограничений человека, а переступив их, вы обретете неведомое вам прежде чувство покоя и умиротворения.

Когда Шаддэк закончил, Ломен Уоткинс поднял голову и посмотрел на него.

– Там действительно будет царить умиротворение?

– Да.

– И когда будет завершено обращение, установится братство между людьми?

– Да.

– И настанет покой?

– Вечный.

Глава 47

Дом Талбота на улице Конкистадоров оказался трехэтажным, из красной мореной древесины, с большими окнами. Он стоял на холме, и к крыльцу вели каменные ступени. Ни на улице, ни вдоль ступеней, ведущих к дому, не были включены фонари, и Сэм был весьма доволен этим обстоятельством.

Тесса Локленд стояла рядом с ним, она не отставала от него ни на шаг во время их пути от прачечной к дому Талбота. Сэм позвонил в дверь, сквозь свист ветра в ветвях деревьев он

расслышал мелодию звонка за дверью.

Оглядываясь назад, на улицу Конкистадоров, Тесса сказала:

– Иногда этот город кажется моргом, в котором нет никого, кроме трупов, но потом...

– Что потом?

– ...потом, несмотря на тишину и неподвижность, начинаешь ощущать заряженность этого города какой-то энергией, которая затаилась в нем; словно под улицами, под землей спрятана мощнейшая машина... словно каждый дом начинен Техникой. Какой-то тайный механизм застыл наготове и ждет, когда удастся схватить кого-нибудь и протащить через зубчатые колеса и шестерни.

Это был верно схваченный образ Мунлайт-Кова, у Сэма город вызывал именно такое чувство, но он не мог выразить его словами. Он еще раз позвонил в дверь и сказал:

– Мне всегда казалось, что киношникам не обязательно даже быть грамотными.

– В Голливуде действительно работает масса безграмотных людей, но я – вольный стрелок-документалист, поэтому мне дозволено иметь собственные мысли, при условии, конечно, что я не буду выходить за определенные рамки.

– Кто там? – раздался металлический голос, удививший Сэма. Он только сейчас заметил домофон, из которого и раздался этот голос. – Кто там? Ответьте, пожалуйста.

Сэм склонился к домофону.

– Мистер Талбот? Гарольд Талбот?

– Да. Кто говорит?

– Сэм Букер. – Сэм старался говорить тихо. – Извините, что разбудил вас, я приехал в ответ на ваше письмо от восьмого октября.

Талбот молчал. Затем домофон щелкнул и снова раздался голос:

– Я нахожусь на третьем этаже. Мне придется долго спускаться. Я пошлю к вам Муза. Пожалуйста, отдайте ему свое удостоверение, он принесет его мне.

– У меня нет с собой удостоверения ФБР, – шепотом сказал Сэм. – Я нахожусь здесь инкогнито.

– А водительские права у вас есть?

– Есть.

– Этого будет вполне достаточно. – Домофон отключился.

– Кто такой Муз? – спросила Тесса.

– Черт его знает, – ответил Сэм.

Они ждали почти минуту, чувствуя себя очень неудобно на просматриваемом с улицы крыльце. Им пришлось еще раз удивиться, когда из маленькой дверцы, которую они сначала не заметили, выскочила собака и завиляла хвостом у их ног. Сэм даже не сразу понял, что это собака, он отступил на шаг назад и едва не свалился с крыльца.

Тесса наклонилась, чтобы погладить собаку, и прошептала: «Муз?»

Вместе с собакой на крыльцо попал квадратик света, затем дверца захлопнулась, и черная шерсть животного слилась с темнотой.

Сэм почесал у собаки за ухом, она лизнула ему руку.

– Так это тебе я должен отдать свое удостоверение? Собака еле слышно гавкнула, как бы давая положительный ответ.

– Но ты же его съешь, – засомневался Сэм. Тесса возразила:

– Нет, он не станет.

– Вы думаете?

– Муз – славная собака.

– Я ему не доверяю.

– Такая у вас работа.

– Да?

– Никому не доверять.

– Это к тому же в моей натуре.

– Доверьтесь ей, – стояла на своем Тесса.

Сэм отдал собаке свой бумажник. Муз осторожно взял его зубами и побежал в дом через дверцу в нижней части входной двери.

Прошло еще несколько минут. Сэм боролся с зевотой. Было уже два часа ночи, и он подумывал, не добавить ли к своему списку пятую причину: жить стоило ради хорошей мексиканской кухни, пива «Гиннес», Голди Хоун, из-за страха смерти и еще ради того, чтобы выспаться. Заснуть бы мертвым сном. Послышался звон цепочек и грохот задвижек, дверь отворилась вовнутрь, и они увидели мягко освещенный холл.

Гарри Талбот ждал их, сидя в своей коляске, одетый в синюю пижаму и зеленую куртку. Его голова была слегка наклонена в левую сторону, это было одно из следствий ранения. Гарри был красивый мужчина, но к лицу уже подкралась ранняя старость, легли морщины, слишком глубокие для сорокалетнего. Густые волосы наполовину поседели, глаза смотрели устало. На взгляд Сэма, Гарри в молодости был силачом, но паралич ослабил его мускулы. Одна рука лежала на коленях ладонью вверх, пальцы были скрючены, недвижимы. Он был живым монументом утраченным надеждам, перегоревшим мечтам, он был мрачным оттиском памяти о войне, отпечатавшимся на жизни человека.

Когда Тесса и Сэм вошли и закрыли за собой дверь, Гарри протянул им свою здоровую руку и сказал:

– Боже, как я рад вас видеть!

Улыбка удивительно преобразила его лицо. Она была яркой, широкой, теплой улыбкой человека, благословенного Богом.

Муз вернул Сэму бумажник. В целости и сохранности.

Глава 48

Простившись с Шаддэком, Ломен Уоткинс должен был поехать в полицейское управление, чтобы отдать распоряжения относительно сотни людей, откомандированных с «Новой волны». По дороге он, однако, остановился у своего дома на Айсберри-уэй. Дом был скромный, двухэтажный, с тремя спальнями, во французском стиле, окрашенный в белоголубые тона. Со всех сторон его окружали сосны.

Ломен на секунду задержался, выйдя из машины и оглядывая свой дом. Он всегда любил его как убежище от всех тревог, но сейчас искал и не находил в себе этого чувства. Он помнил, сколько счастья было у него связано с этим домом, с его семьей, но он не мог оживить память об этом счастье. Здесь, в этом доме, часто раздавался смех, но это было давно, а сейчас воспоминания об отзвучавшем смехе были неспособны пробудить даже слабую улыбку. К тому же в последнее время он улыбался через силу, он терял чувство юмора.

Интересно, что радость и смех были в его жизни совсем недавно, не далее как в этом августе. Все улетучилось буквально за два месяца после обращения. Теперь это казалось далеким-далеким прошлым.

Забавно.

Хотя теперь в этом нет ничего забавного.

Ломен вошел в дом – на первом этаже стояла кромешная тьма. В пустынных комнатах воздух был неподвижный, затхлый.

Он поднялся на второй этаж. Из-под двери спальни Денни в темную прихожую пробивался слабый свет. Он вошел к сыну и увидел его сидящим за столом, перед компьютером. Большой экран компьютера мерцал в темноте.

Денни продолжал не отрываясь смотреть на экран.

Мальчику было восемнадцать лет, он уже не был ребенком; поэтому он прошел через обращение вместе со своей матерью, вскоре после самого Ломена. Сын был красавцем-парнем, на два дюйма выше отца. В школе у него все шло хорошо, а показатели по интеллектуальным тестам были такие высокие, что Ломена это даже несколько пугало. Он всегда гордился своим Денни. Сейчас, стоя рядом с сыном, он пытался отыскать в себе эту

гордость, но не находил ее. Виной тому был вовсе не Денни, он-то как раз остался молодцом. Но гордость, как и многие другие чувства, являлась препятствием для раскрепощенного разума Новых людей, она мешала сосредоточиваться на эффективной мыслительной деятельности.

Денни был компьютерным фанатиком еще до обращения, одним из тех ребят, которые сами себя называют хэкерами. Для этих ребят компьютеры не только инструмент для работы, не только средство для игр и развлечений, но и способ жизни. После обращения ум и способности Денни были поставлены на службу «Новой волны». Ему установили дома более мощный компьютер и связали через модем с суперкомпьютером, стоящим в управлении компании. Эта громадина, судя по описанию Денни, содержала четыре тысячи миль проводов и тридцать три тысячи быстродействующих процессоров. Суперкомпьютеру дали название «Солнце», возможно, потому, что все исследования в компании проводились на базе этого компьютера и, образно говоря, вращались вокруг него, как планеты вокруг Солнца.

На экране компьютера сменяли друг друга огромные массивы информации. Слова, числа, графики и таблицы появлялись и исчезали в темпе, при котором лишь Новые люди с их сверхвысокой работоспособностью и способностью концентрироваться могли разобраться в значении тех или иных данных.

Ломен тоже был не в состоянии так работать с компьютером, поскольку он не прошел специальный курс в компании «Новая волна». К тому же у него не было ни времени, ни необходимости вникать в тонкости этой профессии.

Денни же поглощал низвергающуюся на него информацию легко, не напрягаясь, он даже не прищуривался, глядя на экран. Пройдя через обращение, парень как бы частично превратился в машину, это позволяло ему без труда вести диалог с другой машиной – компьютером. Никто из обычных людей не был способен на это.

Ломен знал, что его сын занимается исследованиями по проекту «Лунный ястреб». В дальнейшем он должен войти в состав исследовательской группы, которая беспрестанно оттачивала технику и программное обеспечение по этому проекту, добиваясь того, чтобы каждое новое поколение обращенных поднималось над предыдущим, превосходя его в эффективности.

По экрану текла бесконечная река информации, Денни смотрел на нее, не мигая. Обычный человек не смог бы выдержать такого напряжения.

Отсветы от экрана танцевали на стенах, прозрачные тени бродили по комнате.

Ломен положил руку на плечо сына.

Денни не повернул головы. Его губы беззвучно шевелились, он разговаривал сам с собой, не обращая никакого внимания на присутствие отца.

В момент очередного откровения Шаддэк однажды поделился с Ломеном своей идеей о непосредственной связи между компьютером и человеком. Предполагалось, что компьютер будет подключаться к человеческому телу через разъем в области позвоночника. Ломен не понимал, зачем это нужно, и Шаддэк ему объяснил: «Новые люди – это мост между человеком и машиной, Ломен. Но придет день, когда человек сможет перейти через этот мост, он превратится в одно целое с машиной, только тогда человечество сможет стать полностью эффективным, только тогда его можно будет полностью контролировать».

– Денни, – тихо позвал Ломен. Мальчик не отвечал.

Подождав еще немного, Ломен вышел из комнаты.

В другой стороне коридора находилась спальня Ломена и его жены. Грейс лежала на кровати, свет был погашен.

Обращение изменило и Грейс, начать хотя бы с того, что теперь она могла видеть в темноте. Даже при выключенном освещении она различала контуры мебели, рисунок обоев. Для нее, для Ломена ночь из черной превратилась в серую.

Ломен сел на край кровати.

– Привет. Грейс молчала.

Он провел рукой по ее длинным каштановым волосам. Пальцы коснулись ее щек, и он

понял, что она плакала.

Она плакала. Это открытие потрясло его, так как никогда прежде он не видел Новых людей плачущими.

Сердце забилося сильнее, но на этот раз из-за воспрянувшей в нем надежды. Неужели чувства все же остаются, не умирают до конца?

– Что с тобой? – спросил он. – Почему ты плачешь?

– Я боюсь.

Надежда сразу погасла. Это страх довел ее до слез, страх и связанное с ним отчаяние, а он уже знал, что эти чувства являются частью Нового мира, но никак не прежнего.

– Чего ты боишься? – Я не могу уснуть, – ответила Грейс.

– Но ты же не нуждаешься в сне.

– Разве?

– Конечно. Никто из нас больше в нем не нуждается.

Обычным людям сон был необходим, так как биологическое устройство их тел было крайне несовершенно. Во время ночного отдыха восстанавливалась энергия, утраченная во время дневной деятельности, удалялись шлаки, накопившиеся в результате этой деятельности. Организм Новых людей был великолепно отрегулирован. Природное несовершенство заменила тончайшая настройка всех органов. Каждая система, каждый орган, каждая клетка работала во много раз эффективнее, отходов от жизнедеятельности было гораздо меньше, и они удалялись быстрее, ежечасно очищая и омолаживая организм. Впрочем, Грейс знала обо всем этом не хуже его.

– Мне так хочется поспать, – призналась она.

– Это всего лишь привычка, от нее надо отвыкать.

– Дни теперь тянутся неимоверно долго.

– Скоро ты перестанешь это замечать. В Новом мире будет много дел.

– Каких именно?

– Шаддэк нам расскажет о них.

– И все же...

– Наберись терпения.

– Я боюсь.

– Потерпи.

– Мне так не хватает сна.

– Мы в нем не нуждаемся, – сказал Ломен, проявляя терпение, которого он ждал от Грейс.

– Мы не нуждаемся в сне, – сказала она с загадочным видом, – но мы к нему стремились. Они помолчали.

Затем она взяла его руку и поднесла ее к своей обнаженной груди.

Он попробовал вырвать руку, так как боялся того, что могло случиться, что уже случилось не раз, когда они занимались любовью, уже будучи Новыми людьми.

Нет, любовью это нельзя было назвать, это был секс. В этом занятии не было ничего, кроме физических ощущений, не было нежности и сопереживания. Они совокуплялись, толкали и притягивали друг друга, сгибались и разгибались, пытаясь достичь максимального раздражения нервных окончаний. Не заботясь об ощущениях партнера, они думали только о себе, о своем удовлетворении. Они пытались восполнить пробелы в своей эмоциональной жизни чувственными удовольствиями, прежде всего едой и сексом. Однако, лишившись эмоций, их близость становилась... пустой, лишенной смысла, и они компенсировали пустоту невоздержанностью. Простая трапеза превращалась в пиршество; пиршество превращалось в обжорство. Вместо близости возникало безумное, скотское соитие.

Грейс опрокинула его на кровать.

Он не хотел этого, но не мог ей отказать. Буквально был не в состоянии отказать.

Разгоряченно дыша, дрожа от возбуждения, она сорвала с него одежду и легла на него. С губ ее срывались странные нечленораздельные звуки.

Возбуждение Ломена разгорелось, и он набросился на нее, ворвался в нее, теряя ощущение пространства и времени, существуя только для того, чтобы разжигать пламя в своей плоти, раздуть его до нестерпимого жара, влажного жара, распалить себя до того момента, когда все тело охватят языки пламени. Он менял позы, наваливался на нее своей тяжестью, вколачивал себя в ее тело, в нее, в нее, он готов был разорвать ее, его это мало волновало. Она обхватила его, впиалась в него ногтями, расцарапала его до крови. Он тоже не жалел ее, ведь кровь так возбуждает, запах крови, сладкой крови, манящий запах крови. Они не боялись поранить друг друга, так как поверхностные раны сами собой заживлялись за несколько секунд, ведь они были Новыми людьми, раны затягивались, и они снова впивались друг в друга. Они хотели только одного – отдаться во власть стихии, дать волю диким инстинктам, дремавшим внутри их, отбросить все запреты цивилизации и вспомнить о зове своей животной природы. Они стремились сдаться в плен этой дикой силе и ощутить первобытную сладость совокупления, ощутить, как пустота сменяется примитивным смыслом. А после соития они отправятся вместе на охоту, будут охотиться и убивать, будут быстрыми и невидимыми, будут кусать и рвать добычу, впиваться зубами в живую кожу, из-под которой брызнет кровь, сладкая кровь. И текли кровь и сперма...

Ломен долго не мог понять, где он находится.

Когда он пришел в себя, то обратил внимание на дверь – она была приоткрыта. Денни мог увидеть их, если бы вышел в коридор; он наверняка слышал их крики. Однако Ломен, как ни старался, не чувствовал в себе ничего, кроме равнодушия. Скромность и стыд пали жертвами Великого обращения.

Полностью опомнившись, он почувствовал, как страх подкрался к сердцу. Он быстро ощупал себя – лицо, руки, грудь, ноги, – чтобы убедиться, что он не изменился. В пылу соития он мог скатиться в состояние одичания и на пороге оргазма рисковал превратиться в «одержимого». Опасения, к счастью, не оправдались.

Однако он весь был покрыт запекшейся кровью.

Ломен включил ночник.

– Выключи, – сразу попросила Грейс.

Он хотел убедиться, что и жена выглядит так же... по-прежнему.

Нет, жена тоже не превратилась в «одержимую». Только на теле ее виднелось несколько глубоких царапин.

Он выключил свет и сел на край кровати.

Раны и порезы благодаря обращению затягивались буквально на глазах. Иммунная система мгновенно уничтожала болезнетворные вирусы и бактерии. Шаддэк предполагал, что со временем возросшие возможности человеческого организма позволят Новому человеку жить сотни лет.

Конечно, они могли умереть от глубокого ранения, затронувшего сердце или легкие. Но при повреждении других органов, даже жизненно важных для организма, сохранялась возможность для выживания. Им было, безусловно, далеко до машин, у которых можно заменить любую деталь, но они были ближе к совершенству, чем обычные люди.

Жить сотни лет...

Иногда Ломену становилось дурно от такой перспективы.

Жить сотни лет, не зная ничего, кроме страха и физических ощущений...

Он поднялся с кровати, прошел в ванную и принял душ, чтобы смыть с себя кровь.

Он не смел взглянуть на себя в зеркало.

Вернувшись в спальню, он достал из шкафа запасной мундир и оделся.

Грейс по-прежнему лежала в кровати.

– Мне так хочется уснуть, – снова сказала она.

В голосе ее опять были слезы.

Он вышел и закрыл за собой дверь.

Они решили побеседовать на кухне, которая очень понравилась Тессе, так как напоминала ей о детстве и юности. В ту пору их семья любила собираться за кухонным столом, чтобы поболтать за ужином. Кухня объединяла их, она согревала. Даже самые мучительные проблемы решались просто, если их обсуждали на теплой кухне, среди ароматов кофе и горячего шоколада, к которым полагались домашнее печенье или кекс. Здесь было всегда уютно и спокойно.

Кухня в доме Гарри Талбота была очень просторной, так как проектировалась для инвалида, пользующегося коляской. Вокруг стола, стоящего в центре, были широкие проходы, сам стол был низкий, так же как и столы вдоль стен, – все сделано для удобства сидящего в коляске Гарри. В остальном кухня была вполне обычной: шкафы, выкрашенные в мягкий кремовый цвет, бледно-зеленая керамическая плитка, слабо урчащий в углу холодильник. Жалюзи на окнах можно было опускать нажатием кнопки на одном из столов, что Гарри и сделал.

Подняв телефонную трубку, Сэм убедился, что отключена телефонная связь во всем городе, а не только одни телефоны-автоматы. Гарри усадил Сэма рядом с Тессой, а сам стал варить им кофе в кофеварке.

– Замерзли, наверное? – заметил он. – Горячий кофе вам не помешает, я думаю.

Тесса и не собиралась отказываться, она действительно замерзла и была вымотана бессонной ночью. Она только подивилась тому, как Гарри, несмотря на свои увечья, ловко исполнял роль гостеприимного хозяина, застигнутого врасплох незванными гостями.

Управляясь одной здоровой рукой и выказывая при этом удивительную сноровку, Гарри достал упаковку булочек с корицей, большой кусок шоколадного кекса из холодильника, посуду и бумажные салфетки. От помощи, предложенной Тессой и Сэмом, он вежливо и с улыбкой отказался.

Тесса почувствовала, что за этим вовсе не стоит желание что-то доказать себе или другим. Просто Гарри нравится принимать у себя гостей, пусть даже в этот поздний час и при столь необычных обстоятельствах... Вероятно, гости его не балуют своими визитами.

– К сожалению, сливок нет, – извинился Гарри, – есть только пакет молока.

– Великолепно, – успокоил его Сэм.

– Боюсь, молочника из тонкого фарфора у меня тоже не найдется, – снова извинился Гарри, ставя на стол пакет с молоком.

Тесса непроизвольно стала набрасывать в уме сценарий документального фильма про Гарри, про мужество, необходимое для сохранения своей личности в тяжелейших условиях инвалидности. Ее творческая натура давала о себе знать, несмотря на испытания, через которые ей пришлось пройти совсем недавно. Впрочем, Тесса уже давно осознала, что натура художника прорывается сквозь любые обстоятельства, глаз оператора и режиссера не закроешь крышкой, как объектив кинокамеры. Смерть сестры окрашивала ее дни скорбью, но образы, планы фильмов продолжали посещать ее, она отмечала удобные углы для съемок, интересные детали. Даже в пекле войны, спасаясь с афганскими беженцами от советских самолетов, на бреющем полете пролетавших над их головами, она думала только о съемках, только о том, как она будет монтировать этот материал, когда вернется домой. Ее съемочная группа работала всегда так же увлеченно, как и она. Поэтому Тесса и теперь не чувствовала себя виноватой, не видела ничего зазорного в том, что она смотрит на все, даже на трагедию, взглядом художника, для нее это было естественно, это было частью творчества и самой жизни.

Коляска Гарри имела подъемное устройство, позволяющее ему садиться за обычный стол. Он занял место рядом с Тессой.

Муз лежал в углу, посматривая на них изредка, поднимая голову, словно заинтересовавшись каким-то поворотом в их разговоре – хотя, вероятнее, его больше интересовал запах шоколадного кекса. Но ньюфаундленд не позволял себе приблизиться и выпрашивать подачку, и Тесса была поражена его дисциплинированностью.

Когда с кофе и булочками было покончено, Гарри произнес:

– Вы сказали, Сэм, что вас привело сюда не только мое письмо, но и все эти так называемые несчастные случаи. – Он перевел взгляд на Тессу, и, так как сидел от нее по правую сторону, его вечно наклоненная влево голова придала его лицу выражение подозрительности или по крайней мере скептицизма. Ничего подобного на самом деле не было, о чем ясно поведала его теплая улыбка. – А как вы попали сюда, мисс Локленд?

– Зовите меня Тессой, Гарри. Так вот... моей сестрой была Джэнис Кэпшоу...

– Вдова Ричарда Кэпшоу, лютеранского священника? – переспросил Гарри с удивлением.

– Совершенно верно.

– Знаете, они же часто навещали меня. Я не был их прихожанином, но они не обращали на это внимания. Мы стали с ними друзьями. Даже после смерти мужа Джэнис заглядывала ко мне время от времени. Ваша сестра, Тесса, была удивительно милым человеком. – Гарри поставил на стол чашку и протянул Тессе руку. – Она была моим другом.

Тесса пожала руку Гарри. Ладонь была жесткой, ее пожатие было сильным, словно вся сила парализованного тела выразилась в этом жесте.

– Я видел, как они несли ее тело в крематорий похоронного бюро Каллана, – сказал Гарри. – Я видел это в свой телескоп. Я, знаете ли, наблюдатель. Так уж сложилось, из этого состоит моя жизнь. Я наблюдаю. – Гарри слегка покраснел, чуть сильнее сжал руку Тессы. – Я вовсе не подглядываю. Не подумайте чего плохого. Это для меня... как участие в жизни. Я, конечно, много читаю, у меня большая библиотека, я размышляю над многими вещами, но, понимаете, только наблюдение дает мне чувство жизни, реального в ней участия. Мы потом пойдем, посмотрим, как я там все устроил. Мне кажется, вы поймете меня. Я надеюсь на это. Так вот, я видел, как они переносили тело Джэнис той ночью... хотя я догадался о том, что это была именно она, только два дня спустя, когда в местной газете появился рассказ о ее гибели. Я не мог поверить, что она умерла так, как там было написано. До сих пор не верю.

– Я тоже в это не верю, – сказала Тесса. – Именно поэтому я и приехала сюда.

С неохотой Гарри отпустил руку Тессы.

– Столько мертвых тел за последнее время, и большая часть из них кремирована ночью, причем почти всегда поблизости дежурили полицейские. Согласитесь, это странно для такого спокойного города, как этот.

Сэм ответил:

– Двенадцать смертей от несчастных случаев или самоубийств меньше чем за два месяца.

– Двенадцать? – переспросил Гарри.

– Вы не знали, что их так много?

– О нет, их гораздо больше.

На лице Сэма застыло удивление. Гарри договорил:

– Я насчитал двадцать таких случаев.

Глава 50

После ухода Уоткинса Шаддэк вернулся в свой кабинет и сел перед компьютером. Он вышел на связь с «Солнцем» – суперкомпьютером «Новой волны» – и продолжил разработку очередной проблемы, связанной с проектом «Лунный ястреб». Часы показывали половину третьего ночи, но он собирался поработать еще несколько часов, а спать пойти не раньше чем на рассвете.

Спустя несколько минут "зазвонил телефон прямой связи.

Вплоть до ареста Букера компьютер телефонной компании будет соединять только абонентов, прошедших через обращение. Остальные никуда позвонить не смогут, для них линии связи будут отключены. А всем, кто звонит в Мунлайт-Ков, голос с магнитофонной ленты будет вежливо объяснять, что линия находится в ремонте и будет восстановлена через

сутки.

Таким образом, Шаддэк заранее знал, что звонящий ему по телефону принадлежит к числу обращенных и, кроме того, входит в его ближайшее окружение. На дисплее телефонного аппарата высветился номер абонента, и Шаддэк понял, что ему звонит Майкл Пейзер. Он взял трубку и произнес:

– Шаддэк слушает.

Звонивший тяжело дышал прямо в трубку, но не сказал ни слова.

Шаддэк нахмурился.

– Алло?

Снова ничего, кроме дыхания.

– Майкл, это ты? В конце концов в трубке раздался хриплый, гортанный голос, срывающийся на визг, а временами – на шепот. Голос Пейзера, но какой-то изменившийся, необычный:

– ...что-то не так, не так, что-то не так, не могу измениться, не могу... не так... не так...

Шаддэку совсем не хотелось признавать в говорившем Майкла Пейзера, слишком странно, дико звучал голос. Он спросил:

– Кто это?

– ...жажда, жажда... жажду, хочу, я жажду...

– Кто это? – переспросил сердито Шаддэк, но в сознании вертелся другой вопрос: «Что происходит?»

Звонивший издал звук, в котором были боль, ярость, отчаяние, все это вместе смешалось в один кошмарный вопль. Затем раздался грохот упавшей трубки.

Шаддэк положил трубку своего телефона, повернулся к компьютеру и, выйдя на связь с полицией, послал срочное сообщение для Ломена Уоткинса.

Глава 51

Сидя в кресле в темной комнате третьего этажа и склонившись к окуляру телескопа, Сэм Букер изучал служебный двор похоронного бюро Каллана. Ветер, стучащий в окно и раскачивающий деревья, почти унес из города туман, оставив на улицах лишь его обрывки. Фонари возле бюро были погашены, и в темноте был различим свет, пробивающийся сквозь опущенные жалюзи. Несомненно, там, в крыле, где находился крематорий, кипела работа, жгли трупы погибших в «Ков-Лодже».

Тесса устроилась на краю кровати, позади Сэма, и гладила Муза, положившего голову ей на колени.

Рядом в коляске сидел Гарри. При свете карманного фонарика он изучал тетрадь, в которую записывал свои наблюдения за необычными событиями, происходившими в последнее время возле похоронного бюро.

– Первый случай – по крайней мере из тех, что я заметил, – произошел ночью 28 августа, – рассказывал Гарри. – Было двадцать минут двенадцатого. Они привезли сразу четыре трупа, использовали катафалк и машину «скорой помощи». Машины сопровождала полиция. Тела были упакованы в пластиковые мешки, поэтому я ничего не могу о них сказать, но полицейские, санитары и служащие морга были явно чем-то... встревожены. Это было написано на их лицах. Они боялись чего-то. Они то и дело озирались, оглядывали окрестности, словно опасались, что кто-то увидит, чем они занимаются. Это ведь странно, не правда ли? Они же занимались своим обычным делом. Так вот, позже я прочитал в местной газете о семье Майзеров, погибшей в огне, и понял, кого привезли той ночью в похоронное бюро. По моим предположениям, они вовсе не сгорели при пожаре, так же как причиной смерти вашей сестры было совсем не самоубийства.

– По всей вероятности – нет, – сказала Тесса. Не отрываясь от телескопа, Сэм заметил:

– Майзеры фигурируют в моем списке. Этот несчастный случай всплыл, когда

расследовали дело Бустаманте – Санчеса.

Гарри прокашлялся и продолжал:

– Через шесть дней, третьего сентября, в морг вскоре после полуночи привезли еще два трупа. На этот раз это выглядело еще более дико, так как их доставили не на катафалке и не на «скорой помощи». Две полицейские машины заехали задним ходом во двор бюро, и из них выгрузили тела, завернутые в окровавленные лохмотья.

– Вы сказали – третьего сентября? – переспросил Сэм. – В моем списке нет никого на эту дату. Санчес и Бустаманте погибли пятого сентября. Свидетельство о смерти с датой «третье сентября» не выписывалось. Значит, они скрыли этот случай со смертельным исходом.

– В местных газетах не было в эти дни никаких сообщений о чьей-либо смерти, – добавил Гарри.

– Кто же они – эти двое? – спросила Тесса.

– Возможно, это были приезжие, которых угораздило остановиться на ночлег в Мунлайт-Кове и которые попали в какую-то ловушку, – предположил Сэм. – Смерть этих людей можно было скрыть, никто не смог бы узнать, где они погибли. Для всех, кто этим заинтересовался бы, они просто исчезли где-нибудь в пути.

– Тела Санчеса и Бустаманте привезли ночью пятого числа. – читал по тетради Гарри. – Затем, седьмого сентября, появилось тело Джима Армса.

– Но Арме, судя по бумагам, исчез в море. – Сэм оторвался от телескопа и взглянул на Гарри.

– Они привезли его тело в морг в одиннадцать часов вечера. – Гарри наклонился над тетрадью. – Жалюзи на окнах были подняты, и я мог заглянуть в зал морга и видеть все так ясно, как вижу в этой комнате. Я видел тело... это было кровавое месиво. И лицо тоже было все изуродовано. Через пару дней, когда в газете сообщили об исчезновении Армса, я понял, что именно его отправили в печь крематория той ночью.

Спальня была окутана мраком, лишь тонкий луч фонарика освещал страницы открытой тетради. Белые листы, казалось, сами излучали свет, словно Гарри держал в руках священную – или демоническую – книгу.

Свет, отраженный белыми страницами, лежал причудливым отблеском на лице Гарри, делая его старше, чем он был на самом деле. Каждая морщина на этом лице несла память о пережитых болях и минутах отчаяния. У Сэма старый солдат вызывал глубокую симпатию. Вовсе не жалость. Разве можно испытывать жалость к человеку, проявившему такую силу воли? Зато Сэму бросались в глаза горечь и одиночество замкнутого мира, в котором жил Гарри. А соседи? Хороши, нечего сказать. Что им стоило поделиться хоть частью их семейного тепла с Гарри? Пригласить иногда на ужин, на какое-нибудь торжество. Это ведь они виноваты в том, что он избрал такой замысловатый способ участия в жизни общества. Сэма доводила до отчаяния мысль о разобщенности людей, об их неспособности преодолеть эту отчужденность. С горечью он вспомнил о неладах с сыном, и еще одна боль стала саднить его душу.

Обращаясь к Гарри, Сэм сказал:

– Так вы сказали, что вместо тела Армса увидели кровавое месиво?

– Оно все было истерзано, исполосовано.

– То есть он не утонул?

– Утопленники выглядят по-другому.

– Исполосовано... вы именно это хотели сказать? – спросила Тесса.

Сэм понял, что она вспомнила о людях – крики которых она слышала в мотеле, и о своей сестре. Гарри помолчал, затем заговорил:

– Знаете, я видел тело этого несчастного, распростертое на столе в морге, за несколько минут до того, как его отправили в печь. Он был... выпотрошен. Почти обезглавлен. Страшно... растерзан. Он выглядел так, словно подорвался на противопехотной мине и был разорван на куски ее осколками.

Некоторое время они сидели молча, осознавая весь ужас картины, открывшейся тогда перед взором Гарри, один Муз казался невозмутимым. Тесса гладила его за ушами, он тихо урчал от удовольствия.

Иногда совсем неплохо быть одним из «братьев наших меньших», подумал Сэм. Жить, как подсказывают органы чувств, ни о чем не задумываясь. Или взять тот же компьютер – другую крайность... совершенный электронный мозг, холодный расчет, и никаких тебе чувств. Никто, кроме людей, не несет на себе двойное бремя интеллекта и чувств, это страшно усложняет жизнь; вы либо постоянно думаете о своих чувствах вместо того, чтобы действовать инстинктивно, либо стараетесь понять, какое чувство вы должны испытывать в данной ситуации. Ваши мысли и суждения неизбежно окрашены эмоциями – причем некоторые из них находятся на уровне подсознания, и вы не можете даже до конца понять, почему вы приняли то или иное решение, так или иначе поступили. Чувства затуманивают ваш разум, но если вы попытаетесь разобраться в них, то они ускользают от вас. Глубоко чувствовать и одновременно ясно мыслить – это то же самое, что проехать на одноколесном велосипеде по проволоке, натянутой на головокружительной высоте, да еще при этом жонглировать шестью гимнастическими булавами.

– После газетного сообщения об исчезновении Армса, – продолжал Гарри, – я ждал опровержения, но его не было. Тогда-то я и начал понимать, что странные события в похоронном бюро Каллана не просто странные, а связаны с какими-то темными делами. И полицейские тоже приложили к ним руку.

– Паула Паркинс тоже была разорвана на куски, – вспомнил Сэм.

Гарри кивнул.

– Предположительно, своими собственными доберманами.

– Доберманами? – переспросила Тесса.

Во время их разговора в прачечной Сэм рассказал ей, что смерть ее сестры была лишь одним звеном в цепи загадочных самоубийств и смертей в результате несчастных случаев, но в детали он не вдавался. Теперь он коротко поведал ей историю смерти Паркинс.

– Конечно, ее собаки тут ни при чем, – согласилась Тесса. – Она погибла, когда на нее напали те, кто убил Армса и моих соседей по этажу в «Ков-Лодже».

Гарри Талбот впервые слышал о трагедии в мотеле. Сэму пришлось рассказать ему об этом и о том, как они с Тессой встретились в прачечной.

На лице Гарри застыло странное выражение. Обращаясь к Тессе, он сказал:

– Э-э... а вы не разглядели, как выглядели эти существа? Может быть, хоть краем глаза?

– Я видела только ступню одного из них через щель под дверью.

Гарри начал фразу, оборвал ее и замолчал, погрузившись в какие-то свои размышления.

Он что-то знает, подумал Сэм. Он знает что-то, чего не знаем мы.

По какой-то причине Гарри не был готов поделиться тем, что он знал, поэтому он вновь обратился к чтению вслух записей из своей тетради.

– Через два дня после смерти Паулы Паркинс в морг привезли еще одно тело, это было в половине десятого вечера.

– Одиннадцатого сентября? – спросил Сэм.

– Да.

– Свидетельств о смерти с такой датой нет.

– В газетах тоже ничего не было.

– Продолжайте.

Гарри перешел к следующему случаю:

– Пятнадцатого сентября...

– Это были Стив Хейнц и Лаура Далко. Предположительно, он убил ее, затем застрелился сам, – перебил Сэм. – По всей вероятности, мы должны были поверить, что произошла ссора между любовниками.

– Еще одна поспешная кремация, – отметил Гарри, – а двумя Днями позже два новых трупа были доставлены в морг после часа ночи, когда я уже собирался ложиться спать.

– Никаких официальных данных об этих людях, – сказал Сэм.

– Возможно, опять случайные приезжие, свернувшие с автострады, чтобы поужинать? – предположила Тесса. – Или кто-нибудь из жителей округа, проезжавших по загородному шоссе?

– Они вполне могли быть местными жителями, – заметил Гарри. – Я имею в виду тех, кто не живет постоянно в городе, у кого нет своего жилья. Такие люди приезжают, уезжают, и если вы сочините, что кто-то из них внезапно уехал на заработки, то их соседи вам запросто поверят.

Либо эти соседи уже принадлежат к «обращенным» и сами участвуют в сокрытии преступлений, подумал Сэм.

– Затем ночь двадцать третьего сентября, – читал Гарри по своей тетради. – Должно быть, это было тело вашей сестры, Тесса.

– Да.

– К тому времени я уже понял, что необходимо сообщить кому-нибудь об увиденном мной. Кому-нибудь из властей. Но кому? Я не доверял местным властям, так как видел полицейских, доставлявших трупы, о которых не было потом никаких упоминаний в газетах. Сказать шерифу нашего округа? Но он скорее поверит Уоткинсу, чем мне, разве не так? Черт возьми, люди думают, что у инвалидов все немножко не в порядке – не в порядке с головой, я имею в виду, – они почему-то путают физические недостатки с недостатками умственными, путают не всегда осознанно, допускают, во всяком случае, такую мысль. Отсюда предубеждение, отсюда высокая вероятность того, что мне не поверят. И кроме того, согласитесь, сам рассказ звучал бы дико – какие-то мертвые тела, тайные кремации... – Гарри помолчал, нахмурился. – И то, что я – ветеран, имею награды, это тоже для них не причина, чтобы мне верить. Война давно кончилась, для многих это уже история. На самом деле... они наверняка повернули бы дело так, что оказалось бы – во всем виновата война. Они называют это «вьетнамский синдром», послевоенный стресс. У бедного старого Гарри шарики за ролики зашли – разве не видно? – от этой ужасной войны – вот что они сказали бы.

Все это Гарри говорил спокойно, без надрыва. Но слова, произнесенные им, были словно поверхность воды, под которой скрываются глубины, – для Гарри это были глубины боли, одиночества, отчужденности.

Когда он снова заговорил, стало заметно, как он волнуется, несколько раз голос его срывался:

– И еще я должен признаться, что одной из причин моего молчания был... страх. Я не понимал, черт побери, что происходит. Я не знал, какие ставки в этой игре. Они вполне могли заставить меня замолчать, просто сунули бы в печь крематория в одну из ночей. Вы думаете, если я потерял на войне ноги-руки, то мне уже нечего терять?! Но это не так, совсем не так. Для меня жизнь, возможно, даже дороже, чем для целых и невредимых, вот как. Мое неподвижное тело сковало меня, я провел последние двадцать лет вне круговорота жизни и имел достаточно времени для того, чтобы полной мерой познать мир, его красоту и сложность. В конце концов мои увечья привели меня к тому, что я стал гораздо больше ценить жизнь, любить ее. Поэтому я боялся, что они придут ко мне и убьют меня, я не решался рассказать об увиденном. Боже праведный, если бы я заговорил раньше, если бы я раньше связался с ФБР, возможно, удалось бы спасти жизни многих людей. Возможно... удалось бы спасти вашу сестру.

– Не терзайте себя, – сразу же сказала Тесса. – Если бы вы поступили по-другому, вас бы, несомненно, уже превратили в пепел в крематории Каллана, а затем развеяли бы по ветру. Судьба моей сестры была предрешена, вы ничего не могли изменить.

Гарри кивнул, затем выключил фонарик, комната погрузилась в темноту, он явно еще не дочитал свои записи в тетради. Сэм догадался, что благородный душевный порыв Тессы вызвал у Гарри слезы, и он не захотел, чтобы их увидели.

– Двадцать пятого, – продолжал Гарри, не заглядывая в тетрадь, – в четверть

одиннадцатого в крематорий было доставлено еще одно тело. Странно было то, что на этот раз оно было привезено не на катафалке, не на полицейской машине и не на машине «скорой помощи». Труп привез Ломен Уоткинс...

– Это начальник местной полиции, – объяснил Сэм Тессе.

– ...но он приехал на своей личной машине и был одет в гражданскую одежду, – продолжал Гарри. – Они выгрузили тело. Оно было завернуто в одеяло. Жалюзи в ту ночь также были подняты, и я мог все ясно видеть в телескоп. Я не узнал, кто это был, зато состояние, в котором находилось тело, было мне уже знакомо – то же самое я видел, когда привезли Армса.

– Он был разорван в клочья? – спросил Сэм.

– Да. Затем в город приехала бригада из ФБР по поводу дела Бустаманте – Санчеса. Когда я прочитал об этом в газете, я воистину испытал облегчение, так как надеялся, что все тайное станет явным и мы наконец-то получим объяснение случившемуся. Но вскоре в крематорий Каллана привезли еще два мертвых тела. Это было ночью четвертого октября...

– Наша бригада в тот момент была в городе, – удивился Сэм. – Это была как раз середина срока их командировки. За все время их пребывания в городе не выписывалось ни одного свидетельства о смерти. Так вы говорите, что это произошло у них под носом?

– Ну да. Мне даже не надо уточнять по тетради, я помню эти события совершенно отчетливо. Трупы привезли на прицепном фургоне, принадлежавшем Ризу Дорну. Это местный полицейский, но в ту ночь он был без формы. Они забросили трупы в крематорий, сквозь жалюзи я видел, как они засовывают в печь оба тела. Они страшно спешили. Затем седьмого октября вновь была суматоха возле похоронного бюро, но ночью был густой туман, и я не могу ручаться, что это было связано с новыми жертвами. И наконец... нынешняя ночь. Труп ребенка. Маленького ребенка.

– Плюс еще двое убитых этой ночью в «Ков-Лодже», – добавила Тесса. – Всего получается двадцать две жертвы, а не двенадцать, из-за которых приехал Сэм. Этот город превратился в настоящую бойню.

– Жертв может быть даже больше, чем мы думаем, – сказал Гарри.

– Как это?

– Учтите, что я наблюдаю за этим местом отнюдь не каждый вечер, а если и смотрю туда, то лишь время от времени в течение вечера. Кто знает, сколько еще случаев я упустил из виду, сколько мертвых тел превратилось в пепел, когда я не смотрел в ту сторону.

Обуреваемый мрачными мыслями, Сэм снова приник к окуляру телескопа. Служебный двор похоронного бюро был темен и пустынен. Он медленно поворачивал телескоп вправо, просматривая участок к северу от крематория.

– Но зачем этих людей убивали? – спросила Тесса. Никто не мог ей ничего ответить.

– И кто их убивал? – задала она еще один вопрос.

Сэм оглядел кладбище на улице Конкистадоров, затем решительно вздохнул, поднял голову и рассказал им о своих приключениях на Айсберри-уэй.

– Я подумал, что это могли быть ребята, хулиганы, но теперь я полагаю, что мне попались те же существа, которые убили соседей Тессы в «Ков-Лодже», те же существа, которых она мельком разглядела через щель под дверью.

Он почувствовал, как Тесса содрогнулась от ужаса, задав вопрос:

– Но кто же они такие?

Гарри Талбот раздумывал. Наконец он решил:

– Они – «призраки».

Глава 52

Не включая сирен, с погашенными фарами на последнем участке пути Ломен Уоткинс подъехал к дому Майкла Пейзера в десять минут четвертого утра. Его сопровождали еще две машины с пятью полицейскими, все были вооружены. Ломен надеялся, что им придется

применять оружие только для устрашения. Когда они в прошлый – и единственный – раз столкнулись с «одержимым» Джорданом Кумбсом (это случилось четвертого сентября), они не были готовы к схватке с освирепевшим существом, и им пришлось для защиты собственной жизни расстрелять его в упор. Шаддэку для исследований достался только труп. Он был вне себя – у него отняли шанс детально изучить психологию и физические функции одного из этих выродившихся маньяков. Пули с усыпляющим веществом в данном случае не возымели бы никакого действия, так как «одержимые» были людьми, прошедшими через обращение, а это предполагало полное изменение механизма обмена веществ. Организм не только мгновенно сам залечивал свои раны, но и мгновенно нейтрализовал и выводил из себя все токсины, к которым относились и усыпляющие препараты. Утихомирить «одержимого» можно было, только положив его под капельницу, но рассчитывать на такой вариант не приходилось.

Одноэтажное бунгало Майкла Пейзера имело два выхода – с западной и с восточной стороны, содержалось в прекрасном состоянии и было расположено на участке в полтора акра, на котором росло несколько высоких эвкалиптов, еще не потерявших своих листьев. Свет во всем доме был погашен.

Ломен послал двух человек наблюдать за окнами, расположенными в торцах здания. Еще один остался стеречь дверь парадного входа. Сам Уоткинс, взяв с собой двух оставшихся полицейских – Шолника и Пенниурфа, обогнул дом и поднялся по ступенькам черного хода.

Ветер уже разогнал туман, видимость была хорошей. Но тот же ветер, воющий и стонущий в ветвях деревьев, создавал такой шум, что за ним нельзя было услышать никаких других звуков. Это могло помешать им, когда они будут отлавливать Пейзера.

Пенниурф встал слева от двери, Шолник – справа. Оба они имели при себе полуавтоматические винтовки.

Ломен попробовал открыть дверь. Она не была заперта. Он распахнул ее и отступил назад.

Его помощники вошли в темную кухню друг за другом, с винтовками наготове. Они знали, что могут стрелять в Пейзера только в крайнем случае, но не собирались погибать ради того, чтобы доставить Шаддэку это существо живым и невредимым. Через мгновение один из них нащупал на стене выключатель.

После этого в кухню вошел Уоткинс. Он был вооружен револьвером. Пол был усеян пустыми кастрюлями, разбитыми тарелками, валялись открытые консервные банки, разорванные упаковки из-под томатного соуса, белели яичная скорлупа и крошки хлеба. Один из кухонных стульев был повален набок, остальные разломаны, видимо, ударами о стену, так как часть плитки со стен осыпалась и лежала на полу.

Через широкий проем была видна столовая с большим столом, окруженным стульями.

Слева, рядом с холодильником, была дверь. Барри Шолник осторожно приоткрыл ее. На полках по сторонам узкого прохода стояли банки с консервами. Из прохода ступеньки вели вниз, в подвал.

– Подвал проверим позже, – негромко скомандовал Ломен, – сначала обойдем весь дом.

Шолник, стараясь не шуметь, поднял с пола стул и продел одну из ножек в ручку двери, ведущей в подвал. Теперь никто не смог бы оттуда выбраться, пока они будут осматривать дом.

Они постояли на пороге столовой, прислушиваясь.

Снаружи завывал ветер. Где-то в доме хлопало окно. Сверху доносился скрип, на крыше плохо закрепленная деревянная кровельная дранка хлопала при каждом порыве ветра.

Полицейские поглядывали на Ломена, ожидая приказаний. Пенниурфу было двадцать пять лет, но он выглядел на восемнадцать. Его молодое лицо было таким свежим и простодушным, что он напоминал скорее не полицейского, а разносчика религиозных брошюр. Шолник был на десять лет старше своего товарища и имел гораздо более грозный вид.

Ломен знаком показал, куда идти.

Они вошли в столовую и включили свет. В комнате никого не было, поэтому они двинулись дальше – в гостиную.

Пенниурф щелкнул выключателем, и зажглась бронзовая люстра – единственный предмет в комнате, который не был разбит. Обивка на диване и на стульях была изорвана в клочья, по всей комнате валялись обрывки поролона, словно куски ядовитого гриба. Книги были сметены с полок и разодраны. Керамическая ваза, несколько стеклянных украшений и кофейный столик из стекла были разбиты вдребезги. Кто-то оторвал дверцы от подставки под телевизором и нанес сокрушительный удар по его экрану. Здесь вовсю разгулялась чья-то слепая ярость и дикая сила. В комнате стоял сильный запах мочи... и чего-то еще менее противного и менее знакомого. Вероятно, это был запах существа, устроившего этот разгром. Пахло потом и еще чем-то, от чего Уоткинса начало мутить и к сердцу подобрался безотчетный страх.

Слева был проход, ведущий к спальням и ванным комнатам. Ломен на всякий случай держал его под прицелом.

Двое помощников Ломена вышли в коридор. В правой стене помещался встроенный шкаф. Шолник встал напротив двери шкафа с ружьем наготове. Пенниурф, стоящий сбоку, резко открыл дверь. В шкафу была только одежда.

Пока они выполнили самую легкую часть своей работы. Теперь им предстояло осмотреть коридор, в который выходили три двери; одна из них была наполовину распахнута, а две остальные слегка приоткрыты. Свет нигде не горел. Развернуться в узком коридоре было очень трудно, зато у того, кто мог затаиться в темноте, были прекрасные возможности для нападения из-за угла. Гудел ветер. Сквозь шум дождя доносилась его мрачная, на низкой ноте, мелодия.

Ломен никогда не был командиром, который посылает своих подчиненных на опасное задание, а сам отсиживается в безопасном месте. И хотя он избавился после обращения от чувства гордости, самоуважения, долга, так же как и от многих других чувств, у него еще сохранились привычки, связанные с долгом, даже скорее не привычки, а инстинкты, и сейчас он действовал так же, как и в начале своей карьеры. Он первым шагнул в коридор, в который выходили две двери с левой стороны и одна с правой. Быстро и бесшумно он приблизился к дальней двери с левой стороны – к той, которая была наполовину открыта; он толкнул ее вовнутрь и, до того момента, когда дверь, ударившись о стену, снова закрылась, успел заметить, что в ванной комнате никто не прячется.

Пенниурф взял на себя первую дверь с левой стороны. Он вошел и нащупал на стене выключатель.

В этот момент к нему присоединился Уоткинс. Комната, очевидно, служила хозяину кабинетом, здесь имелись два стола, пара стульев, шкафы и по стенам – полки до потолка, заставленные книгами, корешки которых слабо поблескивали. Тут же были установлены два компьютера. Ломен проскользнул в дверь и взял на прицел стенной шкаф. Пенниурф осторожно раздвинул в стороны его зеркальные дверцы.

Никого.

Барри Шолник оставался в коридоре, держа под прицелом дверь комнаты, которую они еще не обследовали. Когда Ломен и Пенниурф присоединились к нему, Шолник раскрыл дверь настежь дулом своего ружья. В комнате было темно. Шолник отступил назад: он был уверен, что из этой темноты навстречу ему кто-то вылетит. Однако все было спокойно. Он помешкал на пороге, затем шагнул в комнату и, щелкнув выключателем, вскричал: «О Боже!» В одно мгновение он вновь оказался в коридоре.

Взглянув через плечо полицейского в комнату, Ломен увидел адское создание, распростертое на полу у противоположной стены. Это был «одержимый», и несомненно, Пейзер, но он выглядел несколько не так, как Джордан Кумбс. Кое-что было похоже, но не все.

Вместе с Шолником Ломен шагнул через порог.

– Пейзер?

Существо, сидящее в дальнем углу, заморгало, начало двигать своим кривым ртом. Шепчущим, гортанным, звериным, получеловеческим голосом оно забормотало:

– Пейзер, Пейзер, Пейзер, я, Пейзер, я, я...

В этой комнате также пахло мочой и ощущался еще другой, более сильный запах – острый, мускусный.

Ломен сделал еще несколько шагов по комнате. Пенниуорф следовал за ним. Шолник оставался в дверях. Ломен остановился в двенадцати футах от Пейзера, а Пенниуорф зашел сбоку и встал рядом с винтовкой наготове.

Джордан Кумбс, которого они четвертого сентября загнали в пустой кинотеатр, тоже имел звериный облик, он отдаленно напоминал гориллу своим коренастым и мощным телом. Внешность Майкла Пейзера была менее безобразной; его тело, распростертое в углу, напоминало скорее волка, чем обезьяну. Бедрa были расположены по отношению к спинному хребту так, что они не давали ему возможности стоять или сидеть прямо. Верхняя часть ног была короткой, а голени – длинными. Все тело было покрыто шерстью, но не очень густой, это было непохоже на настоящую звериную шкуру.

– Пейзер, я, я, я...

Лицо Кумбса отдаленно напоминало человеческое или скорее лицо человекообразной обезьяны, у него были развитые надбровные дуги, плоский нос и мощные челюсти с широкими, острыми зубами, как у бабуина. Чудовищно измененная голова Майкла Пейзера скорее походила на волчью или собачью морду; рот и нос были вытянуты вперед, образуя волчью пасть. Надбровные кости напоминали обезьяньи, но были еще массивней, из-под них выглядывали налитые кровью глаза, посаженные очень глубоко. Но взгляд этих глаз, полный отчаяния и ужаса, был поистине человеческим.

Подняв руку, указывая ею на Ломена, Пейзер проговорил:

– Помоги мне, помоги мне, что-то не так, не так, помоги, помоги...

Ломен уставился на эту преображенную руку с ужасом и изумлением, вспоминая, как начала изменяться его собственная рука, когда он испытывал это дикое искушение у дома Фостеров. Удлиненные пальцы, широкие, грубые суставы. Острые когти вместо ногтей. По своей ловкости эти конечности напоминали человеческую руку, но в остальном выглядели совершенно сверхъестественно.

Дерьмо, подумал Ломен, эти руки, эти руки. Я уже видел их когда-то в кино или по видео, мы тогда взяли посмотреть кассету с фильмом «Вой». Роб Боттин. Так звали мастера по спецэффектам, который создал, оборотня для этого фильма. Он запомнил эту фамилию, так как Денни в то время был без ума от всяческих спецэффектов. Руки, протянутые сейчас к нему, больше всего напоминали лапы оборотня из фильма «Вой».

С ума можно сойти от таких мыслей. Жизнь повторяет фантазию. Фантазия воплощается в реальность. Как будто в последнем десятилетии двадцатого века научно-технический прогресс достиг такого предела, при котором стало возможным воплощение не только мечты о лучшей жизни, но и всех кошмаров. Пейзер предстал в виде дурного, страшного сна, который воплотился в реальность, но от этого сна нельзя пробудиться, это создание не исчезнет, как исчезают чудовища из плохих снов.

– Чем я могу тебе помочь? – осторожно спросил Ломен.

– Пристрелите его, – посоветовал Пенниуорф.

– Нет! – резко возразил Уоткинс.

Пейзер поднял обе свои лапы вверх и некоторое время смотрел на них, как будто только что увидел. Он зарычал, но рычание тут же сменилось на тонкий и жалобный стон.

– Измениться, не могу измениться, не могу, пробую, хочу, хочу, не могу, пробую, не могу...

Шолник, стоявший в дверях, заговорил:

– Господи, да он попался, он в ловушке. А я-то думал, что «одержимые» могут возвращаться в нормальное состояние, когда захотят.

– Так и есть на самом деле, – сказал Ломен.

– Но этот-то не может, – возразил Шолник.

– Он и сам об этом говорит, – поддержал товарища Пенниуорф, его голос звучал тревожно. – Он говорит, что не может измениться.

– Не знаю, не знаю, – сказал Уоткинс. – Я хочу сказать, что другие «одержимые» могут изменяться, когда захотят. Если бы дело обстояло иначе, мы давно бы уже всех их переловили. Но они снова в какой-то момент превращаются в обычных людей и ходят по улицам как ни в чем не бывало. Пейзер, казалось, не замечал присутствия полицейских. Он разглядывал свои руки, издавая резкие гортанные звуки. Таким образом он, вероятно, выражал свое отчаяние.

В какой-то момент руки начали видоизменяться.

– Смотрите, смотрите, – вырвалось у Ломена.

Ломену никогда прежде не доводилось наблюдать такое превращение; он был охвачен любопытством, смешанным с удивлением и ужасом. Когти исчезали на глазах. Плоть внезапно превратилась в подобие податливого воска: она бугрилась, словно закипая изнутри, она пульсировала, но виной тому была вовсе не кровь в венах, нет, это выглядело неестественно, пугающе; плоть принимала новые формы, словно над ней трудился невидимый скульптор. Ломен даже расслышал хруст костей – невидимая сила расщепляла их и соединяла вновь. Плоть плавилась и затвердевала с отвратительным чавкающим звуком. Кисти рук уже стали напоминать человеческие. Вслед за кистями начали изменяться запястья и предплечья, вся рука теряла форму волчьей лапы. Борьба человеческого духа с дикой природой отражалась на лице Пейзера, дух побеждал; первобытный образ уступал место человеческому облику. Впечатление было таким, будто чудовище-Пейзер был лишь отражением, а истинный Пейзер лишь сейчас оборачивался к ним лицом.

Ломен Уоткинс не был ни ученым, ни специалистом по микротехнологиям, он был всего лишь полицейским с высшим образованием. Несмотря на это, он понял, что столь быстрое и кардинальное превращение не могло произойти лишь за счет резко ускорившегося обмена веществ и способностей Новых людей к самозаживлению. Какие бы огромные количества гормонов, энзимов и других активных веществ ни произвел организм Пейзера, их все равно было бы недостаточно для преобразования костей и соединительной ткани за столь короткое время. Такой процесс мог бы занять дни, недели, но не считанные секунды. Это было физически невозможно. Тем не менее это произошло. Значит, Майкл Пейзер был во власти иной, таинственной и пугающей силы, которая по своему могуществу превосходила возможности биологических процессов.

Неожиданно процесс превращения остановился. Ломен мог видеть, что Пейзер изо всех сил рвался к обретению человеческого обличья, он скрипел зубами, напрягал свои полуволчьи-получеловечьи скулы, в глазах его застыло выражение отчаяния и железной решимости, но ничто не помогло ему. Долю секунды он колебался на грани спасения. Казалось, еще немного усилий, еще один рывок, и он достигнет того предела, за которым дальнейшее преображение пойдет уже автоматически, без чудовищного напряжения воли, подобно водному потоку, несущемуся вниз. Но он не смог достичь этого предела.

Пенниуорф издал низкий, сдавленный звук, он словно переживал с Пейзером его отчаяние.

Ломен мельком взглянул на своего помощника. Лоб Пенниуорфа покрыла испарина.

Ломен ощутил, что он тоже вспотел, капли пота стекали по его левой щеке. В бунгало было тепло – время от времени включался и отключался масляный радиатор, но вовсе не жар от него вызывал у них испарину. То был холодный пот ужаса, который давал о себе знать еще и стесненным дыханием, и спазмом в горле. Ломен задыхался, он словно только что пробежал стометровку.

Раздался крик Пейзера – пронзительный, отчаянный. Он снова начал терять человеческие черты. Опять послышался хруст перестраиваемых костей, опять плавящаяся плоть с хлюпаньем принимала новую форму – дикая природа возрождалась на глазах; спустя некоторое время Пейзер вновь предстал перед ними в том образе, в котором они застали

его, – в образе адского создания.

Создание, хоть и было адским, отличалось завидной силой и необычным, гармоничным в своем роде, телосложением. Хищная посадка большой головы была вроде бы неуклюжей по сравнению с человеческой, мощный загривок казался грубее человеческой шеи, но все существо в целом, несомненно, обладало неповторимой звериной фацией.

Они смотрели друг на друга и молчали.

Пейзер съехал на полу, втянув голову в плечи.

Шолник, продолжавший стоять в дверях, нарушил молчание:

– Господи, он – в ловушке.

Скорее всего Майкл Пейзер пал жертвой какого-то технологического сбоя, возникшего в процессе его обращения в Нового человека, но Ломену все казалось, что Пейзер просто не в силах преодолеть соблазн, скрывавшийся в образе дикого, не подвластного никому существа. Он хочет вернуться к самому себе, у него еще есть для этого возможности, но другое, более острое желание пересиливает, не пускает его наверх, тянет вниз – к примитивной, но возбуждающей животной жизни.

Пейзер поднял голову и посмотрел на Ломена, затем на Пенниуорфа, затем на Шолника и снова уставился на начальника полиции. Его поза уже не выражала отчаяния. Ужас и затравленность исчезли с лица. Казалось, его перекошенная пасть смеется над ними, глаза дикаря, пугающие и притягивающие одновременно, пронизывали их взглядом. Пейзер поднес руки к лицу, согнул свои длинные пальцы, когти клацнули друг о друга, он рассматривал их с изумлением, если звери могут изумляться.

– ...охота, охота, охота, погоня, убивать, кровь, кровь, жажда, жажда...

– Как же, черт побери, мы сможем взять его живым, если он не собирается сдаваться? – голос Пенниуорфа звучал странно, он говорил тихо и невнятно.

Пейзер с отсутствующим видом почесал у себя внизу живота. Он снова скользнул взглядом по Уоткинсу, затем по окну, сквозь которое в комнату заглядывала ночь.

– Я чувствую... – Шолник не договорил. Пенниуорф также не мог связать двух слов:

– Если мы... ну, мы можем...

У Ломена все сильнее сжимало грудь. Что-то немыслимое творилось с горлом, он весь обливался потом.

Пейзер издал тонкий, воющий крик; такого крика Ломен никогда прежде не слышал. Это было выражение жажды, тоски по чему-то, но одновременно и вызов, бросаемый животным в ночь, утверждение своей силы и уверенности в своей хитрости и могуществе. Звук от этого крика должен был резать слух, но вместо этого Ломен испытывал то самое неизъяснимое чувство искушения, которое охватило его у дома Фостеров, когда он услышал вой трех «одержимых», доносящийся из ночной мглы.

До боли сжав челюсти, Ломен собрал все свои силы, чтобы и на этот раз устоять перед адским соблазном!

Пейзер вновь закричал, а затем принялся бормотать:

– Бежать, охотиться, свободен, свободен, жажда, со мной, идем? идем, жажда...

Ломен понял, что помимо его воли рука с револьвером опускается вниз. Теперь ствол был направлен не на Пейзера, а в пол.

– ...бежим, бежим, свободны, жажда...

Из-за спины Ломена раздался судорожный, победный вздох облегчения.

Он обернулся и увидел Шолника – тот бросил на пол свою винтовку. Лицо и руки его помощника начали слегка изменяться. Он сорвал с себя свой черный китель, отбросил его в сторону и разордал на себе рубаху. Его щеки и скулы словно расплавились и потекли вперед, а брови ушли назад. Он превращался в зверя.

Глава 53

Когда Гарри Талбот закончил свой рассказ о «призраках», Сэм снова склонился к

телескопу. Он переместил его влево и остановился взглядом на пустыре, на котором Гарри в последний раз видел этих тварей.

Не то чтобы он искал там кого-то, нет, он вовсе не предполагал, что «призраки» вернутся на то же самое место и именно в то время, когда он туда смотрит. И конечно же, среди теней, в траве и кустарнике не осталось никаких следов их пребывания, никаких указаний на то, откуда они взялись и зачем появились здесь. Возможно, Сэм пытался просто привязать фантастический образ «призраков» к действительности, связать воедино в своей голове обезьяноподобных волков и этот пустырь, связать, чтобы представить их себе и понять, какую тактику избрать при столкновении с ними.

У Гарри было что добавить к сказанному. Как если бы они сидели у камина, слушая страшные истории, он рассказал им о том, что увидел в доме Симпсонов, о том, как Денвер Симпсон, док Фиц, Риз Дорн и Пол Готорн набросились на Эдду Симпсон, поволокли ее наверх и насильно сделали ей укол при помощи огромного шприца с золотистой жидкостью внутри.

Гарри показал Сэму, где находится дом Симпсонов. В этом доме к тому времени все было спокойно, свет погашен.

Тесса продолжала сидеть на кровати, поглаживая пса. Она включилась в разговор:

– Все это явно каким-то образом связано между собой: все эти «случайные» трагедии, этот укол, эти... «призраки».

– Да, это все взаимосвязано, – согласился Сэм. – А узел всех этих связей находится в компании «Новая волна».

Теперь была его очередь рассказывать. Он поведал им о том, что ему удалось обнаружить при работе с компьютером в полицейской машине.

– «Лунный ястреб»? – удивилась Тесса. – Обращения? В кого же они обращают этих людей?

– Не знаю.

– Не в... «призраков» же?

– Нет, я что-то не вижу в этом никакого смысла, а кроме того, по моим подсчетам, около двух тысяч человек в этом городе прошли... были обработаны, превращены черт знает в кого. Если этих «призраков» так много и они свободно бегают повсюду, то мы бы натыкались на них на каждом шагу, город был бы похож на огромный зоопарк для чудовищ из Диснейленда.

– Две тысячи! – воскликнул Гарри. – Это две трети всего населения.

– Остальных они предполагают обработать к полуночи, – добавил Сэм. – Через двадцать один час все будет закончено.

– Я догадываюсь, что и я буду в их числе? – спросил Гарри.

– Да. Я увидел вашу фамилию в их списках. Вы намечены к обращению в последней группе, в период от шести часов сегодняшнего вечера до полуночи. То есть до того момента, когда они придут за вами, остается четырнадцать с половиной часов.

– Голова идет кругом, – сказала Тесса.

– Да, – согласился Сэм. – Полное безумие.

– Неужели это происходит наяву? – спросил Гарри. – Если же это сон, то почему у меня на голове волосы дыбом встают?

Глава 54

– Шолник!

Барри Шолник не обращал на Ломена никакого внимания. Он сорвал с себя рубашку, отбросил в сторону ботинки, он был во власти безумия.

– Барри, ради Бога, остановись! – прокричал Пенниуорф. Он был бледен и еле держался на ногах. Его взгляд метался от Шолника к Пейзеру, и Ломен догадывался, что Пенниуорф находится во власти того же искушения, которому уже поддался Шолник.

– ...бежать, свобода, охота, кровь, жажда...

У Ломена от этих слов было такое ощущение, словно кто-то вбивал ему в голову гвоздь, он отдал бы все, только бы не слышать их снова. Нет, это не было болевое ощущение, наоборот, слова эти возбуждали, казались чарующей мелодией, проникающей внутрь его, пронзающей душу. Именно поэтому ему было страшно, он боялся этого искушения, этого соблазна, который мог заставить его сбросить бремя ответственности и забот, отказаться от усложненной жизни разумного существа в пользу животного существования, физических удовольствий. Там, на свободе, не будет никаких запретов, будет только инстинкт охоты, чувство голода и сексуальное удовлетворение. Там не будет раздумий, там все будет зависеть только от силы мышц, не надо будет ломать голову, портить себе нервы, переживать.

– ...жажда, жажда, жажда, жажда, убивать...

Тело Шолника теперь было по-звериному изогнуто, кожа превращалась в шкуру.

– ...иди, быстрее, быстрее, охота, кровь, кровь... По мере того как лицо Шолника изменялось, его рот растягивался почти до ушей, придавая ему вид древнего ящера с вечно оскаленными зубами.

Ломен испытывал невыносимую боль в груди, его сжигал невидимый огонь, жар шел изнутри его тела, организм вырабатывал энергию, необходимую для перерождения. «Нет!» Пот лился ручьями. «Нет!» Комната словно превратилась в жаровню, он чувствовал, как его тело вот-вот начнет плавиться, он сгорит, от него останется лишь горсть пепла.

– Я хочу, я хочу, я хочу, – заладил Пенниуорф, яростно мотая головой, он явно стремился отказаться от наваждения, нахлынувшего на него. Из глаз текли слезы, он дрожал, лицо было белым как мел.

Пейзер поднялся с пола и пошел к двери. Движения его были ловкими и быстрыми, и, несмотря на то что он двигался в полусогнутом состоянии, он был выше Ломена. Он завораживал и пугал одновременно.

Шолник завыл.

Пейзер оскалил свою пасть, показал Ломену свои устрашающие клыки, словно говоря: «Либо ты присоединишься к нам, либо погибнешь».

С криком, в котором слились отчаяние и радость, Нейл Пенниуорф выронил из рук свою винтовку и поднес ладони к лицу. При этом будто произошла алхимическая реакция – лицо и руки начали видоизменяться.

Внутренний жар у Ломена дошел до точки кипения, он прокричал что-то нечленораздельное, в его крике не было ни радости Пенниуорфа, ни победной судороги Шолника. Будучи еще в силах контролировать свои действия, он поднял руку с зажатым в ней револьвером и прицелился в Пейзера.

Выстрел пришелся в грудь «одержимого», тот отшатнулся к стене, забрызгав ее кровью. Пейзер свалился на пол, вопя от боли, хватая ртом воздух, он крутился на полу, как полупридавленное насекомое. Вероятно, его легкие и сердце не получили значительных повреждений. Если кислород еще продолжал поступать в кровь, а сердце разгоняло кровь по всему организму, он мог уже начать самозаживляться; неуязвимость «одержимого» была, пожалуй, выше, чем у сказочного оборотня, ведь оборотня можно было убить серебряной пулей, а «одержимый» даже после пулевого ранения мог вскоре встать на ноги и вновь броситься в атаку.

Страшный жар волна за волной накатывал на Ломена, каждая новая волна была горячей предыдущей. Боль от огромного давления уже была не только в груди, она разлилась по всему телу. Оставалось всего несколько секунд, в течение которых он мог сохранять свой разум для действий и волю для сопротивления. Он подскочил к Пейзеру, приставил револьвер к его тяжело вздымающейся груди и выстрелил еще раз.

Пуля на этот раз попала прямо в сердце. Тело Пейзера подпрыгнуло на полу при выстреле. Лицо «одержимого» исказила судорога, затем он замер с пустотой в глазах и с оскалом, обнажившим нечеловечески широкие, острые, загнутые клыки.

Из-за спины Ломена раздался угрожающий крик.

Обернувшись, он увидел того, кто некогда был Шолником. Два новых выстрела

поразили нападавшего в грудь и в живот.

Упав на пол, помощник Ломена пополз к двери в коридор.

Нейл Пенниуорф лежал на полу возле кровати, согнувшись и обхватив колени руками. Он что-то бормотал, но это уже не были слова об охоте, жажде и крови; он повторял имя своей матери, повторял раз за разом, словно это заклинание могло спасти его от дьявольского наваждения.

Сердце Ломена билось так, что казалось – кто-то бьет в барабан в соседней комнате. Ему чудилось, что все тело его сотрясается вместе с этим чудовищным биением сердца и с каждым ударом он медленно и страшно преобразается.

Ломен пошел вслед за Шолником, нагнулся над ним и приставил дуло револьвера к его спине, к тому месту, где, он полагал, у этого существа находится сердце, и нажал на курок. Когда револьвер коснулся Шолника, тот издал угрожающий крик, но не смог повернуться и выхватить револьвер, так как ослабел от потери крови. Крик оборвался вместе с выстрелом.

В комнате пахло горячей кровью. Запах ее был так сладок и притягателен, что Ломен снова почувствовал страшную тягу к перерождению.

Ломен прислонился к столу у стены и закрыл глаза, пытаясь совладать с собой. Он крепко сжал обеими руками свой револьвер – не для дальнейшей обороны, в нем больше не оставалось патронов, а только потому, что это было творение человеческих рук, инструмент, созданный цивилизацией. Этот предмет напоминал ему о том, что он – человек, венец прогресса, и он не должен бросать все, что создано и накоплено цивилизацией, ради примитивных наслаждений и прихотей животного.

Но запах крови был так сладок и так возбуждал...

Отчаянно стараясь удержать себя от искушения, он начал вспоминать все, что он потеряет, если поддастся ему. Он вспомнил о Грейс, своей жене, вспомнил о том, как он когда-то любил ее. Теперь любви не было, все Новые люди обходились без этого чувства. Воспоминания о Грейс не могли спасти его. Видение их недавнего, животного спаривания мелькнуло у него в мозгу; Грейс не была уже для него любимой женщиной, она была самкой, и оттого воспоминание об их совокуплении лишь разжигало в нем пламя искушения и толкало на край пропасти, из которой уже не выбраться человеком.

Он снова попал в водоворот, его затягивало вниз, в пучину. Так чувствует себя оборотень, глядя в ночное небо, в котором поднимается из-за горизонта полная луна. В его существе шла яростная борьба:

...кровь...

...свобода...

Нет. Разум, знание.

...охота...

...убийство...

Нет. Постигать, учиться.

...еда...

...бежать...

...охотиться...

...насиловать...

...убивать...

Нет. Нет. Музыка, искусство, язык.

Его охватило отчаяние.

Он старался заглушить зов этих страшных сирен голосом разума, но это не помогло. Тогда он вспомнил о Денни, о своем сыне. Он пытался вызвать в себе любовь к сыну, восстановить ее в своем сердце, чтобы она помогла ему, но вместо этого находил лишь слабый отсвет этой любви во мраке своей души. Способность любить отлетела от него на огромное расстояние, как звездная материя от центра Вселенной после Большого взрыва; его любовь к Денни была теперь так далеко во времени и в пространстве, что стала похожей на далекую звезду, свет от которой едва заметен и которая не в силах никого согреть. И все же

это слабое мерцание чувства постепенно начало помогать ему воссоздавать в себе человека, homo sapiens, он перестал стремиться быть существом, бегущим неизвестно куда на четырех лапах.

Бешеный ритм его дыхания слегка ослаб. Сердце билось как сумасшедшее, ударов сто двадцать в минуту, но все-таки не так, как прежде. Сознание прояснилось, но еще не до конца, так как одуряющий запах крови продолжал искушать Ломена. Ломен отпустил свою опору и приблизился к Пенниуорфу.

Его помощник все еще пребывал на полу, скорчившись на боку. Лицо и руки несли кое-какие следы перерождения, но человеческие черты преобладали. Вероятно, воспоминания о матери помогли ему так же, как тонкая ниточка любви к сыну помогла Ломену.

Ломен разжал свои пальцы, крепко сжимающие револьвер, и потрогал Пенниуорфа за плечо.

– Пойдем, нам надо выйти отсюда, парень, надо уходить от этого запаха.

Пенниуорф понял, чего от него хотят, тяжело поднялся с пола. Он облокотился на руку Ломена, и они покинули комнату, в которой остались двое убитых «одержимых», прошли по коридору и оказались в гостиной.

Вонь от человеческих испражнений, стоявшая здесь, перекрыла запах крови, который просачивался сюда из спальни. Им стало легче. Теперь даже эта вонь не показалась им такой ужасающей.

Ломен усадил Пенниуорфа в кресло, это была единственная вещь из мягкой мебели, не разорванная в клочья.

– Сейчас вроде полегче?

Пенниуорф посмотрел на Ломена, помедлил, затем кивнул. С его лица и рук исчезли все признаки зверя, хотя кожа оставалась еще дряблой, но она продолжала возвращаться в нормальное состояние. Пенниуорф словно пережил тяжелую болезнь; по всему лицу шли красные пятна и полосы, от углов рта тянулись два красных шрама. Но даже эти следы исчезали прямо на глазах у Уоткинса, и Нейл Пенниуорф стремительно возвращался к человечеству. По крайней мере в физическом смысле.

– Уверен, что легче? – Да.

– Оставайся здесь.

– Слушаюсь.

Ломен вышел в прихожую и отворил входную дверь.

Полицейский, стоявший на страже у двери, был так напуган стрельбой и криками, доносившимися из дома, что едва не выстрелил в своего начальника.

– Что там произошло? – спросил он у Ломена..

– Соединись по компьютерной связи с Шаддэком, – приказал Ломен. – Он должен немедленно приехать сюда. Прямо сейчас. Мне необходимо увидеться с ним.

Глава 55

Сэм задернул тяжелые синие шторы, а Гарри включил настольную лампу. И хотя свет от нее был слишком слаб, чтобы разогнать темноту, он тем не менее неприятно ударил Тессе в глаза, покрасневшие от усталости.

Она смогла теперь рассмотреть комнату, в которой они сидели. Мебели в ней было совсем мало: стол, стоящий рядом с креслом, телескоп, длинный туалетный столик в восточном стиле, пара тумбочек около кровати, маленький холодильник в углу, широкая кровать с регулируемым наклоном, как у больничной койки. На кровати не было покрывала, зато она была вся завалена подушками и застелена простынями яркой расцветки, узор на них состоял из множества пятен и полос красного, оранжевого, пурпурного, зеленого, желтого, синего и черного цветов. Впечатление было такое, будто над тканью потрудился сумасшедший и слепой художник-абстракционист.

Гарри заметил, что Тесса и Сэм с любопытством поглядывают на эти простыни, и

сказал:

– Знаете, с этими простынями была целая история, но прежде надо дать кое-какое пояснение. Моя экономка, миссис Хансбок, приходит один раз в неделю и покупками для меня практически не занимается. Поэтому я посылаю Муза каждый день на улицу, иногда даже просто за газетой. Я ему на спину надеваю... ну, что-то вроде перекидной сумки. В эту сумку я кладу записку и деньги, и Муз идет в одну из ближайших лавочек, он уже к ней привык, в другие мы ездим только вместе. Продавец этой лавочки Джимми Рамис – мой хороший приятель. Джимми читает мою записку, кладет пакет молока, конфеты или что-нибудь еще в эту сумку, туда же кладет сдачу, и Муз приносит все это домой. Муз – отличная собака, на него можно положиться, умница. В собачьем питомнике их великолепно дрессируют. Этот пес никогда не погонится за кошкой, если у него на спине в сумке газета или пакет молока для меня.

Пес приподнял голову с колен Тессы, оскалил пасть и шумно засопел как бы в благодарность за похвалу.

– Однажды собака вернулась с продуктами, которые я заказывал, но, кроме них, в сумке оказались вот эти самые простыни и наволочки. Я сразу позвонил Джимми Рамису, мол, что это такое, а он отвечает, что он слышать не слышал ни о каких простынях. Но я-то, кажется, понял, в чем тут дело. Отец Джимми является владельцем не только этой лавочки, в которой работает его сын, но и еще одного магазина. Там он устраивает распродажи по сниженным ценам тех товаров, которые не нашли спроса. Они распродают всякую ерунду центов за десять, самое большее – за доллар. Так вот, видно, эти простыни никто не стал покупать даже там, а Джимми увидел эту идиотскую расцветку и решил надо мной подшутить. Правда, по телефону он отпирался: «Гарри, если бы я что-нибудь знал об этих простынях, я бы тебе сказал, но я не знаю, клянусь». Тогда я ему: «Уж не хочешь ли ты сказать, что Муз пошел и купил эти простыни на свои деньги?» А он: «Так он же мог стянуть их где-нибудь». Я стою на своем: «Хорошо, но как пес мог так аккуратно запаковать их в сумку?» Джимми отвечает: «Гарри, честное слово, не знаю, но твой Муз – такая умная собака, черт побери, вот только со вкусом у него не все в порядке».

Тесса заметила, с каким удовольствием расписывает Гарри эту историю, и сразу поняла, в чем тут дело. Ведь, с одной стороны, собака для Гарри была одновременно ребенком, братом и другом, и Гарри радовался, когда люди хвалили Муза за его сообразительность. Но еще важнее для Гарри было то, что эта маленькая шутка сблизила его с людьми, он хоть чуть-чуть, но поучаствовал в жизни города. В его отшельнической жизни было слишком мало таких эпизодов.

– Да ты действительно умная собака, – сказала Тесса Музу.

– В общем, я решил попросить миссис Хансбок постелить их на кровать. Просто так, шутки ради. А потом они мне даже чем-то понравились, – закончил свой рассказ Гарри.

Поправив шторы на окнах, Сэм вновь уселся в кресло и, повернувшись к Гарри, заметил:

– В жизни не видел таких веселых расцветок на простынях. Они не мешают вам спать по ночам?

Гарри засмеялся в ответ.

– Нет, я не страдаю бессонницей. Сплю детским сном. Люди ведь почему плохо спят? Они тревожатся за свой завтрашний день, боятся того-сего. Но со мной-то самое плохое уже произошло. А некоторые не спят, потому что думают о своем прошлом, о том, что не сбылось в их жизни. Это тоже не для меня, честно говоря, я просто не осмеливаюсь думать об этом. – Когда он сказал это, улыбка сошла с его лица. – Так что теперь? Что мы будем делать дальше?

Осторожно убрав с колен голову Муза, Тесса встала и стряхнула с джинсов клочки собачьей шерсти. Она начала размышлять вслух:

– Итак, телефоны отключены, значит, Сэм не может позвонить в Бюро, а если мы попробуем выйти из города пешком, то рискуем наткнуться на полицейский патруль или на

«призраков». Значит, по-моему, у нас остается два варианта: первый – найти радиолюбителя, который согласится передать сообщение по своему радиопередатчику, второй – выбраться из города на машине.

– Не забудьте – дороги перекрыты патрулями, – напомнил Гарри.

Тесса продолжала:– Я это себе представляю следующим образом: мы захватываем грузовик, достаточно большой и тяжелый, прорываемся через заграждения на автостраду и выезжаем за пределы их юрисдикции. Даже если мы попадем в руки полиции округа, это будет хорошо, так как Сэм может попросить их связаться с ФБР и подтвердить его полномочия. Тогда они уже будут действовать на нашей стороне.

– Так-так, и кто же из нас федеральный агент? – спросил Сэм.

Тесса почувствовала, что ее лицо покрывает румянец.

– Извините. Просто, видите ли, режиссер документального кино почти всегда одновременно является еще и продюсером, и директором съемочной группы, а зачастую и сценаристом. Поэтому снять хороший фильм можно только тогда, когда хорошо отработаны все технические вопросы, а это приучает к планированию деятельности, к разработке разных вариантов. Я вовсе не хотела наступать вам на любимую мозоль.

– Ну что вы, наступайте-наступайте, ради Бога.

Сэм сказал это с улыбкой, и Тессе его улыбка понравилась. Она даже сразу прониклась к нему симпатией. Сэм был внешне совсем непримечательным мужчиной, ни красавцем, ни уродом, он был «человеком с улицы». Без особых примет, но обаятельным. Тесса догадывалась, что какие-то проблемы гложут его душу, и скорее всего это не связано с событиями в Мунлайт-Кове. Эта печаль была спрятана глубоко и, возможно, была связана с какими-то личными потерями, с какой-то внутренней обидой, а может быть, с общим пессимизмом, который вызывает постоянный контакт с преступной средой. Улыбка, однако, совершенно преображала лицо Сэма.

– Вы на самом деле собираетесь прорываться на грузовике? – спросил Гарри.

– Это возможно только как крайнее средство, – пояснил Сэм. – Для этого понадобится мощная машина, ее еще надо найти, а потом придумать, как угнать, – это отдельная операция. Кроме того, те, кто блокирует дороги, могут быть вооружены мощным оружием, возможно, автоматами. Даже на тяжелом грузовике прорываться под огнем очень опасно. Конечно, в ад можно отправиться и на танке, но где гарантия, что танковая броня защитит вас от дьявола? Так что лучше не соваться туда без крайней необходимости.

– Так куда же нам тогда деваться? – поинтересовалась Тесса.

– Первым делом надо отдохнуть, – предложил Сэм. – Есть у меня на примете один вариант, как связаться с Бюро. Я уже прикидывал, как лучше это сделать, но, честное слово, утро вечера мудренее. Всего два часа хорошего сна, и появятся бодрость духа и свежесть мысли.

Тесса тоже страшно устала и выбилась из сил, но после всего, что случилось в «Ков-Лодже», она все же была удивлена тому, что ее клонит в сон. Ведь там, у двери своего номера в мотеле, слушая стоны жертв и дикие крики убийц, она полагала, что ей теперь вовеки не удастся заснуть.

Глава 56

Шаддэк прибыл к дому Пейзера в четыре часа утра. Для ночной поездки он выбрал не «Мерседес», а большую машину с кузовом «универсал» угольно-черного цвета с матовыми стеклами. В этой машине между сиденьями, там, где обычно размещается кондиционер, был установлен компьютер. Так как ночь обещала быть беспокойной, Шаддэк посчитал нужным быть все время на связи и держать в руках нити паутины, раскинувшейся над Мунлайт-Ковом. Он припарковал машину напротив дома на стоянке.

Когда Шаддэк шел к входной двери, со стороны океана донесся глухой шум. Сильный ветер, изгоняющий туман на восток, принес с запада шторм. Пару часов назад косматые тучи

закрыли небо и погасили звезды, которые лишь едва блеснули в краткой паузе между густым туманом и грозой. Ночь была темной и мрачной. Шаддэка пробирала дрожь, несмотря на то что поверх шерстяного спортивного костюма он накинул пальто.

Возле дома стояли автомобили с полицейскими. Из-за запыленных стекол машин их лица казались бледными, а Шаддэку было приятно думать, что полицейские смотрят на него с почтением и страхом. Он ведь был в какой-то степени божеством, создавшим их заново.

Ломен Уоткинс ждал его в гостиной. В комнате был полный разгром. Нейл Пенниуорф сидел на единственном из уцелевших кресел; его била дрожь, и он избегал встречаться взглядом с Шаддэком. Уоткинс мерил комнату шагами. На его мундире виднелись следы крови, но было видно, что сам он цел и невредим; если у него и были легкие ранения, то они уже подверглись самозаживлению. Скорее всего кровь на мундире Уоткинса принадлежала кому-нибудь другому.

– Что здесь произошло? – спросил Шаддэк. Оставив этот вопрос без ответа, Уоткинс обратился к офицеру:

– Идите в машину, Нейл. Посидите там вместе с другими.

– Слушаюсь, сэр, – отозвался Пенниуорф. Он продолжал сидеть в кресле, нагнувшись и разглядывая свои ботинки.

– Все будет в порядке, Нейл.

– Хотелось бы.

– Я вас не спрашиваю, а говорю как есть – все будет нормально. У вас достаточно сильная воля, чтобы сопротивляться. Вы это только что доказали.

Пенниуорф кивнул, поднялся с кресла и направился к двери.

– Что все это значит? – поинтересовался Шаддэк. Уоткинс направился к выходу в коридор и проронил:

– Пойдемте со мной. – Его голос звучал холодно и жестко, в нем слышались гнев и страх, но почти совсем не было того подобострастного почтения, с которым он обращался к Шаддэку с тех пор, как в августе прошел через обращение.

Шаддэку эта перемена в Уоткинсе явно не понравилась, он нахмурился и нехотя, но все же пошел за ним.

Полицейский остановился перед закрытой дверью и обернулся к Шаддэку.

– Вы говорили мне, что благодаря введению в организм этих... биочипов наша биологическая эффективность многократно возросла.

– Вы ошиблись в термине. Это вовсе не биочипы, это микросферы чрезвычайно малых размеров.

Несмотря на проблему «одержимых» и другие трудности, возникшие при реализации проекта «Лунный ястреб», Шаддэк продолжал гордиться своими разработками. неполадки можно устранить. Все помехи можно вывести за рамки системы. Он все еще остается гением в своем деле. Это не самообман, это ясно как божий день.

Он – гений...

Обычный микрочип из кварца, открывший эру компьютерной революции, был размером с человеческий ноготь и содержал около миллиона элементов, отпечатанных на нем методом фотолитографии. Самый маленький элемент на этой пластинке был в сто раз тоньше человеческого волоса. Прорыв в области рентгеновской литографии, связанный с использованием гигантских ускорителей частиц – синхротронов, позволил отпечатывать на каждой пластинке до миллиарда элементов, каждый из которых был в тысячу раз тоньше человеческого волоса. Резкая миниатюризация микрочипов была одним из основных путей для увеличения быстродействия компьютеров, улучшения их параметров и возможностей.

Микросферы, разработанные «Новой волной», по своему размеру составляли одну четырехтысячную от обычного микрочипа. На каждой из сфер было до четверти миллиона элементов. Это стало возможным благодаря новым технологиям рентгеновской литографии, позволившим размещать элементы на малых поверхностях, которые к тому же не обязательно должны были быть совершенно плоскими и ровными.

Обращение обычных людей в Новых началось с введения в их организм сотен тысяч таких микросфер, которые разносились током крови по всему телу. Несмотря на то, что эти микросферы были предназначены для активного взаимодействия с организмом, биологически они были абсолютно инертны, и по этой причине иммунная система человека их не отторгала. Существовало много разновидностей микросфер. Некоторые из них предназначались для поддержки сердца и размещались на стенках сосудов, снабжающих кровью сердечную мышцу. Особые микросферы обслуживали печень, легкие, селезенку, головной мозг и многие другие органы. Они образовывали колонии возле соответствующих органов и были сконструированы так, что при соприкосновении соединялись в единый комплекс.

Эти комплексы, разбросанные по всему телу, в общей сложности обеспечивали работу пятидесяти миллиардов микроэлементов, что во много раз превышало возможности самых мощных суперкомпьютеров 80-х годов. Можно сказать, что с введением в организм этих микросфер в теле человека начинал работать сверхмощный суперкомпьютер.

Мунлайт-Ков и его окрестности постоянно находились в поле микроволновой связи, которую обеспечивали огромные антенны-тарелки, размещенные на крыше главного здания компании «Новая волна». Часть возможностей этой связи использовалась для обеспечения полицейской компьютерной системы, а другая часть обслуживала и подпитывала энергией микросферы, находящиеся в организме каждого Нового человека.

Небольшое число микросфер было изготовлено из особого материала и служило в качестве преобразователей и распределителей энергии. Когда человек получал третью дозу микросфер, сферы – преобразователи энергии начинали получать энергию микроволновых волн, превращать ее в электрическую и распределять по всем комплексам микросфер. Этой энергии хватало с избытком, система была очень экономичной.

Другим видом специальных микросфер были микросферы памяти. Они присутствовали в каждом комплексе, часть из них уже имела записанную программу, которая была готова к использованию сразу же после того, как в систему поступало электропитание.

Шаддэк обратился к Уоткинсу:

– Я уже давно убедился, что главной проблемой, осложняющей человеческую жизнь, является эмоциональность. Поэтому я освободил вас от этого бремени и сделал здоровее не только в духовном плане, но и в физическом тоже.

– Каким образом? Я ведь так мало знаю о механике обращения.

– Если говорить коротко, каждый из вас сейчас представляет собой кибернетическую конструкцию, то есть частично вы являетесь людьми, а частично – сложной электронной системой. Но вам вовсе не обязательно добиваться понимания этих вещей, Ломен. Вы ведь пользуетесь телефоном, но вряд ли смогли бы сами собрать телефонный аппарат. То же самое – с компьютером, находящимся внутри вас, вы можете не знать его устройства, но можете им пользоваться.

В глазах Уоткинса появился страх.

– Я пользуюсь им... или он пользуется мной?

– Конечно, нет, он не пользуется вами.

– Конечно...

Шаддэк пока не понимал, что могло привести Уоткинса в состояние такой сильной тревоги. Тем большим был его интерес к тому, что могло быть в спальне, на пороге которой они остановились. Шаддэк, однако, чувствовал необходимость успокоить Ломена, так как от возбужденного полицейского исходила какая-то опасность.

– Ломен, поймите, все эти комплексы микросфер внутри вас ни в коем случае не обладают разумом. Эта система не способна на интеллектуальные усилия. Она всего лишь служанка. Она просто защищает вас от эмоционального яда.

Сильные чувства – ненависть, любовь, зависть, ревность и множество других – периодически дестабилизируют биологические функции организма. Медицинские исследования показали, что эмоции стимулируют выработку определенных химических

веществ, а эти вещества, в свою очередь, влияют на функционирование того или иного органа, снижая или повышая его эффективность, но в любом случае выбивая из колеи. Шаддэк был убежден, что человек, подверженный эмоциям, никогда не может быть абсолютно здоровым и никогда не сможет ясно мыслить.

Микросферный компьютер, ставший одним целым с каждым из Новых людей, постоянно контролировал все органы их тела. При обнаружении различных аминокислотных соединений и других химических веществ, вырабатываемых в определенном эмоциональном состоянии, этот компьютер сразу же начинал посылать импульсы в мозг и прочие органы. Эти импульсы гасили возбуждение, уничтожая если не саму эмоцию, то по крайней мере ее неблагоприятные последствия. В то же время компьютер стимулировал производство в организме большого количества веществ, способных успокоить эмоциональное возбуждение, таким образом, воздействие оказывалось не только на следствие, но и на причину.

– Я избавил вас от всех эмоций, кроме страха, – продолжал Шаддэк, – страх вам необходим для чувств; самосохранения. Теперь, когда ваше тело не боится эмоциональных отравлений, вы можете мыслить свободно.

– Насколько я успел заметить, я пока не стал гением.

– Вы просто не смогли проследить, как расширяются ваши возможности, но наступит день, когда вы сделаете поразительные открытия.

– Когда же этот день наступит?

– Тогда, когда ваш организм полностью очистится от эмоционального шлама, накопившегося за всю вашу жизнь. И не забывайте к тому же, что ваш внутренний компьютер, – Шаддэк похлопал слегка Уоткинса по плечу, – запрограммирован на то, чтобы стимулиро-вать выработку организмом таких аминокислотных соединений, которые предохранят стенки ваших сосудов от склеротических изменений, уничтожат раковые клетки в момент их появления – словом, сделают все необходимое, чтобы вы были во много раз здоровее любого обычного человека и жили бы также гораздо дольше.

Шаддэк предполагал, что у Новых людей ускорятся процессы заживления, но он был поражен той фантастической скоростью, с которой шло заживление ран. Он пока не мог до конца понять механизмы, при помощи которых ткани могли формироваться столь быстро, и сейчас был занят разгадкой именно этой тайны проекта «Лунный ястреб». Заживление, безусловно, не могло происходить без значительных энергетических затрат, в эти моменты обмен веществ чудовищно ускорялся, запасы организма расходовались за считанные минуты, и человек, мгновенно похудевший, обливающийся потом, испытывал зверский аппетит.

Уоткинс нахмурился и стер дрожащей рукой пот со лба.

– Я могу понять, как за две минуты заживляется рана, но какая сила позволяет нашим телам полностью менять свою форму, превращаться во что-то немыслимое – вот этого я понять не могу. Ясно, что даже целые юры химикатов, о которых вы говорите, не могут расплавить наши тела и вновь их воссоздать в другом виде за несколько минут. Так что же с нами происходит?

На мгновение Шаддэк встретился взглядом с глазами Уоткинса, отвернулся, закашлялся и сказал:

– Послушайте, я вам все объясню чуть позже. Сейчас я бы хотел посмотреть на Пейзера. Надеюсь, вам удалось утихомирить его, не причинив ему большого вреда.

Шаддэк уже шагнул к двери, чтобы открыть ее. В этот момент Уоткинс схватил его за руку и остановил. Шаддэк был в шоке. Он не позволял никому прикасаться к себе.

– Уберите руку.

– Почему наше тело способно настолько быстро изменяться?

– Я же сказал, я объясню вам это позже.

– Нет. – Уоткинс был настроен так решительно, что его лицо прорезали волевые морщины. – Я должен получить ответ сейчас. Я боюсь и не могу отвечать за себя. В этом состоянии я не могу действовать нормально, Шаддэк. Посмотрите на меня. Я в шоке. Чувствую, еще немного, и меня разнесет на куски. На миллионы кусков. Вы не знаете, что

произошло здесь недавно, иначе вы, наверное, чувствовали бы себя так же. Мне надо знать – в чем причина этих мгновенных превращений?

Шаддэк неохотно проронил:

– Я как раз сейчас работаю над этой проблемой. От удивления Уоткинс разжал пальцы и выпустил его руку:

– Как? Вы... хотите сказать, что не знаете причин?

– Это явление было неожиданностью для меня. Я уже начал разбираться в причинах. – Шаддэк лгал. – Но предстоит еще много работы. – Он пока только предполагал, что процессы превращения имеют в своей основе те же механизмы, которые позволили Новым людям с феноменальной скоростью заживлять свои раны.

– Получается, что вы подвергли нас этому эксперименту, не просчитав всех его последствий?

– Я всегда видел в этом проекте спасение для людей, великий подарок судьбы, – нервно обронил Шаддэк. – Ни один ученый не в состоянии предугадать все побочные эффекты. Главное в этом деле – быть уверенным в том, что благо, которое принесет открытие, перевесит все его неприятные моменты.

– Но оказалось, что неприятные моменты перевесили все преимущества. – Уоткинс говорил, задыхаясь от возмущения в такой степени, в какой позволяли его сдерживающие механизмы. – Боже, как вы осмелились проделать это с нами?

– Я старался для вашего же блага.

Уоткинс посмотрел Шаддэку в глаза, затем распахнул дверь в спальню и произнес:

– А теперь взгляните на это.

Шаддэк шагнул через порог комнаты, ковер которой, а местами и стены были густо забрызганы кровью. От страшной вони он поморщился. Шаддэк считал все человеческие запахи отвратительными, вероятно, потому, что они напоминали о несовершенстве человеческого организма по сравнению с машиной. Постояв у первого трупа, который лежал лицом вниз у самой двери, он заметил и второе тело в углу комнаты.

– Значит, их было двое? Здесь было двое «одержимых», и вы убили обоих? У меня было целых две возможности изучить их психологию, а вы не оставили мне ни одной?

Уоткинс не собирался оправдываться.

– Ситуация была критической. Иначе поступить мы не могли.

Его возмущение достигло высшего предела, доступного Новым людям, возможно, это запретное чувство подпитывалось страхом, который не мог быть подавлен.

– Когда мы вошли, Пейзер был уже в состоянии вырождения, – объяснил Уоткинс. – Мы искали его по всему дому и наткнулись на него здесь.

Уоткинс в деталях описывал происходящее, а в душе Шаддэка нарастало тревожное предчувствие, которое он старался скрыть и которое даже пытался отогнать от себя. Когда он заговорил, в голосе его был только гнев и ни капли обеспокоенности:

– Вы хотите сказать, что оба ваших человека – Шолник и Пенниуорф – превратились в «одержимых», вы хотите сказать, что и вы сам – «одержимый»?

– Да, Шолник действительно превратился в «одержимого». Насколько я понимаю, Пенниуорф пока избежал этой участи благодаря тому, что он изо всех сил сопротивлялся искушению. Точно так же сопротивлялся я. – Уоткинс упрямо выдерживал взгляд своего босса, не отводя ни на секунду глаз, это еще больше раздражало Шаддэка. – Я сейчас говорю вам о тех же вещах, о которых говорил несколько часов тому назад у вас в кабинете. Каждый из нас, да-да, буквально каждый из нас потенциально является «одержимым». Это вовсе не исключение из правил, это правило для Новых людей. Вы вовсе не создали нового и лучшего человека, так же как не создал его и Гитлер в ходе своих расовых экспериментов. Вы не Господь Бог; вы всего лишь доктор Моро.

– Вы не смеете разговаривать со мной в таком тоне! – возмутился Шаддэк, вспоминая про себя, кто такой доктор Моро. Эта фамилия что-то напоминала ему, но он не мог припомнить, что именно. – Когда говорите со мной, не забывайте, кто перед вами.

Уоткинс понизил голос, вспомнив, что Шаддэк мог уничтожить любого Нового человека так же просто, как задуть свечу. Однако он продолжал говорить напористо и не вкладывал в интонации никакого уважения к собеседнику.

– Вы так и не сказали о том, что вы думаете по поводу самой неприятной новости.

– Какой именно?

– Разве вы не слышали, что я вам сказал? Я сказал, что Пейзер попал в ловушку. Он не смог вернуть себя в прежнее состояние.

– Я очень сомневаюсь, что он на самом деле застрял в этом одичалом состоянии. Новые люди способны полностью контролировать свой организм, они делают это даже лучше, чем предполагалось. Если он не смог вернуться к человеческому облику, значит, он имел какие-то проблемы с психологией. Возможно, на самом деле он не очень-то и хотел превращаться обратно в человека.

Уоткинс некоторое время молча смотрел в глаза Шаддэку, затем покачал головой и произнес:

– Вы просто не можете понять суть. Речь идет об одном и том же. Какая, к черту, разница, виноваты микросферы или психология? Что бы там ни было, результат один и тот же – человек попал в ловушку, он оказался заперт в тюрьме, в шкуре зверя.

– Еще раз говорю вам – не смейте разговаривать со мной в подобном тоне. – Шаддэк произнес эти слова твердо, надеясь, что повторение приказа подействует так же, как при дрессировке собаки.

Несмотря на превосходство в интеллектуальном и психологическом плане, Новые люди оставались все же людьми, и в той степени, в которой они были людьми, они уступали в эффективности машине. Компьютер достаточно запрограммировать один раз, с этого момента он будет действовать по программе и уже не отклонится от нее. Шаддэк пока не знал, возможно ли усовершенствовать Новых людей до такой степени, что они будут функционировать так же четко и безотказно, как средняя машина IBM PC.

Хотя Уоткинс обливался потом, был бледен и взгляд его блуждал, он все-таки представлял опасность для Шаддэка. Когда полицейский сделал пару шагов, чтобы приблизиться к нему, Шаддэк испугался и попятился, но держался при этом весьма уверенно и не спускал с Уоткинса глаз, следя за ним, как за опасным зверем.

– Взгляните на Шолника, – сказал Уоткинс, показав носком ботинка на лежащее тело. Ногой он перевернул его навзничь.

Даже изуродованный пулевыми ранениями, забрызганный кровью, Шолник нес на себе следы страшного перерождения. Особенно ужасно выглядели глаза: они были янтарно-желтыми с черными зрачками, причем зрачки были не круглой, а овальной формы, как у змеи.

За окном прогрохотал гром, удар был еще сильнее, чем тот, что услышал Шаддэк, когда подходил к дому.

Уоткинс прервал молчание:

– Вы объясняли мне, что «одержимые» добровольно поворачивают в обратную сторону по лестнице эволюции человеческого рода.

– Именно так.

– Вы объясняли, что в наших генах записана вся история эволюции человеческого рода, что в нас еще есть следы наших далеких предков, и «одержимые» каким-то образом нашли доступ к этому генетическому материалу и охотно преобразились в существ, от которых когда-то произошел человек.

– Вы можете дать другое объяснение?

– Ваша версия худо-бедно подходит, если взять случай с этим беднягой Кумбсом, которого нам пришлось пристрелить, загнав в кинотеатр. Он действительно был чем-то средним между человеком и обезьяной.

– Моя версия великолепно все объясняет.

– Но, Господи, посмотрите на Шолника. Взгляните на него! Когда я выстрелил в него,

он уже наполовину превратился в какое-то чудовище, в нем было еще что-то от человека, но частично он, черт... он напоминал нечто среднее между ящерицей и змеей. Вы, может быть, станете рассказывать мне, что мы произошли от рептилий, что в наших генах сохранилась память о наших предках-ящерах, живших миллионы лет назад?

Шаддэк резко вынул руки из карманов, они сразу же выдали своей дрожью его тревожное состояние.

– Да будет вам известно, первые живые существа появились в воде, затем они начали понемногу выползать на сушу – они представляли собой рыб с подобием ног, – так вот от этих существ и произошли первые рептилии, а уж от рептилий в ходе долгой эволюции произошли млекопитающие. Если даже наш генетический материал и не содержит фрагменты генов этих рептилий – а я думаю, что содержит, – то в нас наверняка сохранилась генетическая память о первых этапах эволюции, она закодирована в таком виде, который мы пока не можем познать.

– Вы просто заговариваете мне зубы, Шаддэк.

– А вы, видно, решили во что бы то ни стало вывести меня из себя.

– Да бросьте вы! Лучше подойдите сюда, ко мне, приглядитесь к Пейзеру. Он ведь был вашим давним другом, не так ли? Посмотрите, посмотрите внимательней, кем он был в момент своей смерти.

Пейзер лежал на спине, без всякой одежды, одна нога подогнута, другая выпрямлена, рука была прижата к груди, на которой виднелось несколько пулевых ранений. И лицо, и тело – хоть в нем, несмотря на волчью пасть и клыки, и можно было еще узнать Майкла Пейзера – все-таки больше напоминало ужасающее призрачное чудовище, человека-волка, оборотня, персонажа то ли сказочного карнавала, то ли старого фильма ужасов. Кожа у существа была грубой и толстой. Местами ее покрывала густая шерсть. В лапах чувствовалась огромная сила, клыки выглядели устрашающе.

Любопытство Шаддэка пересилило его отвращение и страх, он подобрал полы своего пальто, боясь замазать их кровью, и приблизился к телу Пейзера, чтобы получше его рассмотреть.

Уоткинс подошел с другой стороны и склонился над телом.

В ночи прокатился новый удар грома; мертвец, лежащий перед ними, широко открытыми глазами смотрел в потолок, во взгляде его было истинно человеческое выражение, никак не сочетавшееся с уродливой призрачной внешностью.

– Теперь вы мне станете рассказывать, что на каких-то этапах эволюции наши предки были собаками или волками? – спросил Уоткинс.

Шаддэк ничего не ответил. Уоткинс не сдавался.

– Вы, может быть, скажете, что в нас есть гены собак и мы можем при желании воспользоваться этими генами, чтобы воссоздать себя в их образе? Или я должен поверить в то, что Господь Бог в свое время взял ребро доисторической собаки Лэсси и создал из него мужчину, чтобы затем из его ребра создать женщину?

Шаддэк из любопытства дотронулся до руки Пейзера, которая была явно предназначена для охоты и убийств, как штык солдатского ружья для атаки и рукопашного боя. Рука была холодна как лед.

– Это нельзя объяснить с биологической точки зрения, – продолжал Уоткинс, глядя в глаза Шаддэку. – Пейзер не мог обрести этот волчий образ, опираясь на гены, на генную память, которая якобы у него сохранилась. Каким же образом произошло превращение? Тут дело вовсе не в ваших биочипах. Тут что-то другое... гораздо более странное.

Шаддэк в знак согласия кивнул головой. Ему пришло в голову удачное объяснение, и он не мог сдержать возбуждения.

– Да, здесь что-то гораздо более странное, но, кажется, я... понимаю, в чем здесь дело.

– Ну так скажите мне. Мне важно это понять. Чертовски важно. Я должен понять все до тонкостей. Прежде, чем это случится со мной.

– Есть теория о том, что форма является функцией сознания.

– Это как?

– Если проще, мы – такие, какими представляем себе самих себя. Я не имею в виду под этим популярные представления из области психологии о том, что можно стать тем, кем ты хочешь стать, если ты достаточно самолюбив. Речь совсем о другом. Я имею в виду нашу физическую сущность, я говорю о том, что в нас заложен потенциал безграничного развития, что мы способны преодолеть морфологический стаз, продиктованный нашим генетическим материалом.

– Я ни черта не понял.

Шаддэк выпрямился. Снова засунул руки в карманы пальто.

– Давайте я объясню по-другому: согласно этой теории, сознание наделено самой большой силой во всей Вселенной, оно может изменять физический мир по своему желанию.

– Ну, вас занесло.

– И тем не менее.

– Это мне напоминает экстрасенса, который усилием воли гнет ложки и останавливает часы.

– Эти люди в большинстве своем просто шарлатаны. Но если серьезно, то в нас действительно заложены большая сила и власть над собой. Мы просто не знаем пока, как добраться до рычагов этой власти, так как в течение миллионов лет мы позволяли физическому миру господствовать над нами. Во имя порядка, по привычке, из-за боязни хаоса мы отдавались во власть физического мира. Но то, что мы видим здесь, – сказал он, указывая на Шолника и Пейзера, – это куда более сложно и удивительно, чем сгибание ложки усилием воли. Как я понимаю, Пейзер чувствовал тягу к перерождению по причинам, которых я не знаю. Возможно, это было просто желание острых ощущений...

– Желание острых ощущений, – голос Уоткинса понизился, он стал говорить спокойно, даже как-то обреченно, в его словах чувствовался такой страх и отчаяние, что Шаддэку вновь стало не по себе. – Да, животная сила – это возбуждает. Это – животная жажда. Ты чувствуешь животный голод, животное вожделение, жажду крови – и тебя неудержимо влечет ко всему этому, потому что это кажется таким... простым, таким могучим, таким естественным. Это называется свобода.

– Свобода?

– Свобода от ответственности, от тревог, от бремени цивилизации, от обязанности ломать себе голову над проблемами. Это искушение влечет к себе неудержимо, ты видишь в этом новом существовании легкость и привлекательность. – Уоткинс явно говорил о своих собственных ощущениях в тот момент, когда его тянуло превратиться в примитивное существо. – Когда ты превращаешься в животное, мир сужается под твои органы чувств, для тебя существует лишь боль и удовольствие, и нет необходимости размышлять. Ты как будто сливаешься с природой.

Шаддэк молчал, пораженный страстью, с которой Уоткинс – будучи в жизни очень сдержанным человеком – говорил об искушении. Раздался новый раскат грома, самый сильный по сравнению с предыдущими. Задрожали стекла. Шаддэк сочинял на ходу новую теорию:

– Итак, важно отметить, что, когда Пейзер почувствовал необходимость превращения в зверя, в хищника, он не мог регрессировать по человеческой генетической линии. Так как, по его мнению, волк, очевидно, олицетворял хищника, он и решил превратиться в нечто подобное волку.

– Вот так, значит, – скептически хмыкнул Уоткинс.

– Да, вот так. Хотя это трудно себе представить. Превращение в данном случае представляет собой большей частью ментальный процесс. Хотя, конечно, оно влечет и физические изменения. Но мы не можем говорить о полном изменении материи... речь идет только о биологических структурах. Базовые нуклеотиды остались прежними, но порядок считывания с них генной информации кардинальным образом изменился. Структурные гены были превращены в операторные усилием воли...

Голос Шаддэка сорвался, возбуждение смешалось со страхом и не дало возможности продолжать, он задыхался. Проект «Лунный ястреб» вел к результатам, которых он не мог и предполагать. Неожиданные открытия были источником как радости, так и нарастающей тревоги. Радости – в силу того, что ему удалось дать человеку способность изменять свою физическую форму, а может быть, и материальную сущность простым усилием воли. Тревогу вызывало то обстоятельство, что он не был уверен, что ему удастся проконтролировать Новых людей в смысле использования ими своих новых возможностей.

– Я сделал вам хороший подарок – благодаря компьютерной поддержке и освобождению от эмоций вы можете теперь направить силы своего разума на управление собственной материальной сущностью. Ваше сознание может управлять формой.

Уоткинс мотнул головой. Мысль Шаддэка явно не называла у него восторга, наоборот, пугала его.

– Возможно, Шолник и Пейзер хотели стать теми, кем они стали. Но, черт побери, я этого никогда не хотел. Когда меня охватило это искушение, я чуть с ума не сошел от такой перспективы. Я не хотел меняться. Это как бы нашло на меня... так, наверное, полная луна действует на оборотней.

– Нет-нет, – стоял на своем Шаддэк. – На самом деле подсознательно вы хотели измениться, Ломен, и, без сомнения, частично хотели этого и осознанно. О вашем желании в какой-то степени свидетельствует хотя бы тот факт, что вы говорили об искушении очень образно и возбужденно. Вам удалось воспротивиться, так как превращение было неприемлемо для вас в большей степени, чем сохранение своего обычного образа. Если бы вы утратили страх пред превращением... или если бы новый образ Стал для вас более привлекательным... тогда баланс нарушился бы в другую сторону и вы бы изменились. Но здесь не может быть никакого влияния внешних сил. Это вопрос вашей собственной воли.

– Тогда почему Пейзер не смог вернуться к человеческому образу?

– Как я уже говорил и как вы предполагали, он не очень-то и хотел этого.

– Он был в ловушке.

– Никто его не принуждал.

Уоткинс взглянул на уродливое тело «одержимого».

– Что вы с нами сделали, Шаддэк?

– Вы не поняли моих объяснений?

– Что вы сделали с нами?

– Вы не цените дара, которым теперь наделены.

– Под даром подразумевается страх, заменивший нам все остальные чувства?

– Нет. Просто теперь ваш разум свободен и вы способны полностью контролировать вашу физическую сущность. – Шаддэк говорил с жаром. – Есть только одна вещь, которой я не понимаю. Почему все без исключения «одержимые» избрали для себя способ примитивного существования. Ведь вы, несомненно, имеете все возможности для совершенствования. Вы можете свободно развиваться, превосходить остальных людей во всем, становиться выше, чище, здоровее. Возможно, в какой-то момент вы сможете превратиться в существ, воплощающих в себе чистый разум, свободный от всякой телесной оболочки. Почему же Новые люди избрали вместо этого путь вырождения?

Уоткинс оторвал взгляд от мертвого тела и взглянул на своего повелителя. Глаза Уоткинса словно вобрали в себя черную тень смерти и выглядели погасшими, полумертвыми.

– Какой толк обладать божественной властью, если ты не можешь при этом испытывать простых человеческих радостей?

– Разве? Вы можете позволить себе все, что угодно, – Шаддэк явно был озадачен.

– Мы не можем любить.

– Как вы сказали?

– Мы не можем любить, ненавидеть, радоваться. Мы можем только испытывать страх.

– Зачем вам эти чувства? Вы освободились от страшного бремени, избавившись от них.

– У вас, безусловно, гениальная голова, – продолжал Уоткинс, – но вы, видимо, не

можете понять меня, так как ваша душа... изуродована, искалечена.

– Я не позволю вам говорить со мной, как с...

– Я просто пытаюсь объяснить вам причины, по которым предпочтение отдается примитивным формам жизни. Причина проста – для думающего существа не может существовать наслаждений без чувств. Если вы отказали человеку в чувствах, если вы отказали человеку в наслаждениях, он ищет состояния, в котором сложные чувства отделены от наслаждений. Он находит то, что искал, если превращается в безмозглое и дикое животное.

– Чепуха. Вы просто... Уоткинс грубо перебил Шаддэка:

– Выслушайте меня, ради Бога. Даже доктор Моро, насколько я помню, выслушивал то, что ему говорили существа, которых он создал.

С лица Уоткинса сошла бледность. Глаза ожили, загорелись, в них даже появился какой-то звериный блеск. Он стоял всего в двух шагах от Шаддэка и, казалось, написал над ним, хотя на самом деле ростом был ниже своего шефа. Чувствовалось, что он напуган, страшно напуган – и очень опасен.

Уоткинс продолжал:

– Вот вам пример – сексуальная жизнь. Для того чтобы получать удовольствие в сексе полной мерой, необходимо, чтобы в отношениях двоих присутствовала любовь или по крайней мере какая-то взаимная симпатия. Конечно, если человек имеет какие-то психические отклонения, он может получать удовольствие в сексе, реализуя свое стремление к превосходству или насилию, – для ущербного человека даже отрицательные эмоции могут быть приятными. Но когда у человека в сексе не возникает вообще никаких эмоций, это становится бессмысленным, это превращается в животный инстинкт, в механические движения.

В окнах спальни сверкнула молния, страшный раскат грома, казалось, встряхнул дом. Яркая вспышка на мгновение затмила слабый свет ночника.

При этом необычном свете Шаддэку показалось, что с лицом Уоткинса что-то случилось... черты его странно исказились. Но после вспышки молнии Уоткинс вновь стал похож на самого себя, возможно, Шаддэку просто почудилось.

Уоткинс говорил и не мог остановиться: страх развязал ему язык.

– Впрочем, это относится не только к сексу, но и к другим физическим наслаждениям. К еде, например. Да, я еще могу ощущать вкус шоколада, когда я его ем. Но я уже не переживаю той гаммы удовольствий, которую я испытывал прежде, до обращения. Вы замечали в себе эту перемену?

Шаддэк не ответил на вопрос Уоткинса и надеялся, что ничем не выдаст свою тайну – ведь он не стал проходить через обращение. Он ожидал, что в процессе эксперимента удастся получить больше данных и усовершенствовать болезненную операцию превращения. Он не без оснований опасался, что Уоткинс весьма отрицательно отнесется к тому, что их создатель и повелитель не стал принимать дара, которым благословил своих подданных.

Уоткинс продолжал:

– Вы знаете, почему меня теперь не радует еда? Прежде вкус шоколада, например, был для меня связан с тысячами разных воспоминаний. Я подсознательно помнил, когда я впервые попробовал его, я помнил, что нам его давали в детстве по праздникам. Это создавало особое настроение. Но когда теперь я чувствую этот вкус, у меня нет никаких дополнительных ощущений. Я помню, какое настроение у меня было прежде, но теперь его нет и в помине. Вкус шоколада больше ни с чем у меня не ассоциируется. У меня внутри пустота, у меня украли чувства. У меня забрали все чувства, кроме страха, и теперь мир окрасился в серый цвет, в серый, мертвенный цвет, словно я уже вошел в царство мертвых.

Неожиданно левая часть головы Уоткинса начала распухать. Скулы налились и стали широкими. Изменилась форма ушей, они стали вытягиваться в длину.

В страхе Шаддэк попятился назад.

Уоткинс наступал на него, все время повышая голос, он начал проглатывать некоторые

звуки, но голос его звучал твердо, наполненный скорее не злобой, а страхом, беспокойством и мрачной решимостью:

– Какого черта мы должны стремиться к каким-то там высшим формам, ведь там будет еще меньше удовольствий для тела и для души? Наслаждение интеллектом – это еще не все, Шаддэк. Жизнь гораздо богаче. Если в ней не останется ничего, кроме интеллекта, она станет невыносимой.

Лоб Уоткинса прямо на глазах уходил назад, он словно плавился, подобно снегу на солнце, вокруг глаз проступали мощные очертания костей.

Шаддэк уперся спиной в стенной шкаф. Уоткинс продолжал наступать и бросать слова прямо в лицо Шаддэка:

– Боже праведный! Разве вы еще не поняли? Даже человек, прикованный к больничной койке, парализованный, имеет в жизни кое-что еще, кроме интеллектуальных радостей. Никто не отнимал у него чувств, никто не оставлял его наедине со страхом и чистым интеллектом. Нам нужны удовольствия, Шаддэк, удовольствия, удовольствия. Без них жизнь ужасна, бессмысленна.

– Остановитесь, Уоткинс.

– Вы сделали эмоциональную разрядку невозможной для нас, в дополнение к этому мы не можем теперь наслаждаться плотскими радостями, так как они ничто, если нет никаких чувств. Человеку нужны радости и для души, и для тела, поймите это.

Ладони Уоткинса стали шире, суставы пальцев словно опухли, вместо ногтей показались коричневатые острые когти.

– Вы не контролируете свое тело, – предупредил Шаддэк.

Уоткинс, казалось, не слышал его, он говорил теперь каким-то странным, чужим голосом из-за того, что рот его тоже менял свою форму:

– Именно поэтому нас так тянет в дикое животное состояние. Мы бежим куда глаза глядят от вашего интеллекта. Да, в зверином образе нам дано узнать лишь плотские удовольствия, радость плоти, плоти... но, по крайней мере, мы забываем о том, что потеряли, нас ничто не отвлекает, наше удовольствие правит бал, мы купаемся в нем, таком глубоком и сладком. Вы сделали нашу жизнь невыносимой, пустой, вы превратили ее в мертвечину... поэтому нам ничего не остается, как только деградировать душой и телом... чтобы найти смысл в нашем существовании. Мы... нам хочется бежать сломя голову из страшной клетки, от бессмысленной жизни, которой вы наградили нас. Люди – не машины. Люди... Люди... Люди – не машины.

– Вы – «одержимый»! Боже, Ломен!

Уоткинс остановился и застыл, словно парализованный. Затем замотал головой, как будто пытаясь сбросить с себя наваждение. Он поднял руки, посмотрел на них и закричал от ужаса. Он увидел себя в зеркале стенного шкафа, и крик его превратился в хриплый и дикий вопль.

В тот же момент Шаддэк ощутил запах крови, наполнявший комнату. В голове промелькнула мысль о том, что Уоткинс тоже чувствует этот запах, и его этот запах не раздражает, а, наоборот, возбуждает.

Еще раз сверкнула молния, грянул гром. Следом хлынул ливень, застучал в окна.

Уоткинс перевел взгляд на Шаддэка, поднял руку, как будто намереваясь ударить его, затем повернулся и побежал вон из комнаты в коридор, подальше от сладкого запаха крови. В коридоре Уоткинс упал на колени, затем повалился на бок. Свернувшись в клубок, сотрясаемый судорогой, изрыгая вопли и ругательства, он бесконечно повторял:

– Нет, нет, нет.

Глава 57

Ломену Уоткинсу удалось остановиться на самом краю пропасти.

Почувствовав, что снова владеет собой, он сел на полу и прислонился к стене. Уоткинс

был весь в испарине и ощущал зверский голод. Он истратил всю свою энергию на борьбу со страшным искушением. Он испытывал чувство облегчения, но одновременно – чувство пустоты, он словно был в сантиметре от заветного плода, но не смог его сорвать.

Откуда-то доносился глухой шуршащий звук. Сначала Уоткинс подумал, что у него шумит в голове, что нервные клетки гибнут в мозгу, раздавленные страшным напряжением борьбы. Однако он тут же сообразил, что это всего-навсего дождь, стучащий по крыше.

Уоткинс открыл глаза, но сначала не мог ничего видеть: перед глазамиплыли круги. Затем возник Шаддэк, он стоял в другом конце коридора, в дверном проеме. Худой, с вытянутым лицом, со светлыми, почти как у альбиноса, волосами, с желтыми глазами, закутанный в свое темное пальто, он напоминал призрак или даже само воплощение смерти.

Если бы он на самом деле был смертью, Уоткинс с удовольствием поднялся бы и устремился навстречу.

Шаддэк не был смертью. Поэтому Уоткинс оставался на полу, ожидая, когда к нему придут силы. Он крикнул Шаддэку:

– Больше никаких обращений! Вы должны прекратить ваш эксперимент!

Шаддэк молчал.

– Так вы что, не собираетесь останавливаться? Шаддэк впился глазами в Уоткинса.

– Вы сумасшедший, – сказал Ломен, – вы – полный кретин. К сожалению, у меня только две возможности – подчиниться вам или... застрелиться.

– Никогда больше не говорите со мной в таком гоне. Никогда. Не забывайте, кто я такой для вас.

– Я-то помню, кто вы такой, – парировал Ломен. Он сумел наконец подняться на ноги, но стоял нетвердо. – Именно вы сделали это со мной. Сделали без моего согласия. Поэтому имейте в виду – когда я не смогу удержаться от искушения и превращусь в «одержимого», я больше не буду бояться вас. Так вот, тогда я напрягу свою память, чтобы вспомнить, где вы находитесь, и приду к вам.

– Угрожаете, Ломен? – спросил Шаддэк. Он явно не ожидал таких слов от Уоткинса.

– Нет, – пояснил Ломен, – слово «угроза» здесь не подходит.

– Я вам советую одуматься. Помните – если со мной что-либо случится, компьютер «Солнце» выдаст команду, которую примут микросферы в вашем организме, и...

– ...и тогда в одно мгновение все мы умрем, – закончил Уоткинс мысль Шаддэка. – Да, я знаю об этом. Вы мне об этом уже говорили. Если умираете вы, остальные умирают вместе с вами, так же как те фанатики в Джонстауне много лет назад. Они отправились на тот свет вслед за своим пастором Джимом Джонсом. Вы – наш Джим Джонс, Джим Джонс технотронной эры с сердцем из кварца и головой, набитой микросхемами. Нет, я вовсе не угрожаю вам, ваше преподобие, слово «угроза» – слишком сильное слово. Человек, угрожающий кому-либо, должен ощущать свою власть над другими, он должен пылать гневом. Я – один из Новых людей. Я не могу испытывать ничего, кроме страха. Мне ведом лишь страх. Страх. Нет, это не угроза. Ничего подобного. Это – мое обещание. Запомните, Шаддэк.

Шаддэк шагнул в коридор. Казалось, вместе с ним по коридору движется поток холодного воздуха. Когда Шаддэк приблизился к нему, Уоткинс почувствовал озноб.

Они долго смотрели друг другу в глаза.

Наконец Шаддэк нарушил молчание:

– Вы будете продолжать делать то, что я вам прикажу.

– У меня нет выбора, – ответил Уоткинс. – Вы сделали из меня человека, у которого никогда нет выбора. Я, несомненно, полностью в вашей власти, но меня удерживает вовсе не почтение к вам, а страх.

– Тем лучше, – сказал Шаддэк.

Он отвернулся от Ломена и пошел по коридору к гостиной и затем – к выходу из дома, в ночь, в дождь.

Часть вторая

Рассвет в преисподней

Я не мог расстаться с мыслью о том, что я причастен к неправедным и страшным делам. У меня было ужасное чувство бессилия.

Андрей Сахаров

Власть развращает, но в еще большей степени лишает рассудка; люди, причастные к власти, теряют дар предвидения и приобретают опасную торопливость в своих действиях.

Уилл и Ариэль Дюран

Глава 1

Перед рассветом, проспав всего час, Тесса Локленд очнулась от прикосновения чего-то холодного, затем почувствовала, что ее правую руку лижет горячий, шершавый язык. Во время сна рука свисала с кровати и почти доставала до пола. Кто-то пробовал ее ладонь на вкус.

Тесса в одно мгновение вскочила с кровати, не в состоянии даже вздохнуть от ужаса.

Ей только что снилась бойня в «Ков-Лодже», снились увиденные мельком твари, с их скользкой и быстрой походкой, с их угрожающими клыками и изогнутыми, острыми, словно бритва, когтями. Ей показалось, что ночной кошмар воплотился в реальность, что чудовища захватили дом Гарри и прикосновение к ее руке есть не что иное, как игра с жертвой, за которой последует неожиданная, зверская хватка.

Но это был всего лишь Муз. Она смогла различить неясный силуэт собаки в слабом свете, проникавшем из-под двери, ведущей в коридор второго этажа. Можно было перевести дыхание и успокоиться. Муз положил передние лапы на матрас, он был явно не прочь забраться на кровать. Слабо повизгивая, он требовал к себе внимания.

Тесса хорошо помнила, что, войдя в комнату, закрыла за собой дверь. Она уже не раз убеждалась в сообразительности Муза и не удивилась тому, что собака оказалась в спальне. Ведь все двери в доме Гарри имели не круглые ручки, а рукоятки, которые можно было поворачивать, нажимая на них рукой или лапой.

– Скучно тебе? – спросила Тесса, почесывая ньюфаундленда за ушами.

Пес заскулил и придвинулся к ней ближе.

В окно застучали тяжелые капли дождя. Дождь был сильный, слышно было, как его струи рассекают листву деревьев, окружавших дом. От порывов ветра дрожали стекла.

– Как бы ни было тебе скучно, приятель, я чертовски хочу спать. Так что придется тебе отправляться восвояси.

Она перестала гладить пса. Муз понял, что от него требуется. Он снял передние лапы с кровати, нехотя побрел к двери, оглянулся, вышел в коридор и, постояв на распутье, свернул налево.

Слабый свет из коридора был едва заметен, но раздражал Тессу. Она встала и закрыла дверь. Еще не дойдя до кровати, она поняла, что ей уже не удастся быстро уснуть.

Одной из причин было то, что она не раздевалась ко сну – на ней были джинсы, рубашка и свитер, – она сняла только кроссовки и поэтому чувствовала себя довольно неудобно. Если она разденется, решила она про себя, то будет еще хуже, так как станет чувствовать себя совсем незащищенной и вообще не сможет заснуть. После того, что случилось в мотеле, Тесса хотела быть постоянно наготове.

Кроме того, она занимала единственную свободную спальню в доме – была, правда, и вторая, но в ней не было мебели, – где матрас и стеганое покрывало издавали запах плесени: комнатой не пользовались много лет. Это была спальня отца Гарри, ему же когда-то

принадлежал и весь этот дом. Талбот-старший скончался 17 лет назад, через три года после возвращения Гарри с войны.

Тесса просила Гарри не беспокоиться насчет ее и не застилать постель. Она лежала поверх покрывала и могла, если станет холодно, забраться под него. Ей действительно стало холодно, она накрылась покрывалом, и в нос ударил еще более сильный запах плесени.

Сквозь шум дождя она услышала, как включился мотор лифта. Вероятно, Муз отправился на второй этаж. Интересно, он всегда по ночам бродит по дому?

Несмотря на страшную усталость, Тесса не могла заснуть, она была слишком встревожена событиями нынешней ночи. Надо было обдумать множество серьезных вещей.

Нет, она думала не о бойне в «Ков-Лодже». И не о тех несчастных, чьи обезображенные трупы поспешно сжигали в крематории. Не о Пауле Паркинс, разорванной в клочья какими-то неизвестными существами. Не об ужасных ночных преследователях. Конечно, все эти мрачные образы не могли не влиять на ход ее мыслей, но по большей части они были лишь фоном для ее размышлений о своей собственной жизни.

Ощувив дыхание смерти, Тесса более чем когда-либо осознавала свое бессилие перед мрачной гостьей. Жизнь не могла быть вечной. За работой, в суете дней, эта истина часто забывалась.

Теперь она не могла не думать об этом, ее мучили мысли о том, не напрасно ли она прожила свои годы, не растратила ли их даром. Да, работа доставляла ей радость. Да, она была счастливой женщиной, для Локлендов с их врожденным чувством юмора было просто глупо чувствовать себя несчастными. Но, если говорить честно, следовало признать, что она не получила от жизни того, чего действительно хотела. И если она будет продолжать жить так, как жила, то она этого и не получит.

А хотелось ей всего-навсего иметь свою семью, знать, что есть место на свете, которое принадлежит только ей. Конечно, эта мечта пришла из ее детства и юности в Сан-Диего. Она безумно любила свою сестру Джэнис, сама купалась в материнской и отцовской любви. Счастье и покой, вынесенные ею из юности, позволили Тессе достойно перенести нужду, отчаяние и страх, которые встретились ей на жизненном пути, когда она только начала работать над своими фильмами. Первые два десятилетия ее жизни были наполнены радостью, эта радость перевешивала все плохое, что случилось потом.

Лифт тем временем поднялся на второй этаж, затем через некоторое время с грохотом и лязгом снова отправился вниз. Забавно – Муз настолько приучился пользоваться лифтом, что уже совсем не ходит по лестнице, хотя это было бы для него быстрее. У собак, оказывается, есть свои привычки.

В детстве у нее тоже были собаки, сначала великолепный золотистый спаниель по кличке Барни, а затем ирландский сеттер Микки Финн...

Джэнис вышла замуж и покинула родительский дом шестнадцать лет тому назад. Тессе тогда исполнилось восемнадцать. Это был переломный момент в их жизни. С той поры начался распад, который со слепой неумолимостью разрушал их уютную дружную семью. Через три года умер отец Тессы; вскоре после его похорон и она уехала из отчего дома на съемку своего первого фильма. Она не забывала навещать мать, заезжала к сестре, но лучшие годы, увы, уже миновали.

Теперь вот и Джэнис ушла из жизни. Когда-нибудь наступит час Марион, это даже не зависит от того, бросит она или нет свои прыжки с парашютом.

Больше всего на свете Тессе хотелось воссоздать семейное счастье со своим мужем и детьми. В двадцать три года она вышла замуж за человека, у которого, как оказалось, стремление иметь детей было гораздо сильнее, чем любовь к жене. Когда они узнали, что детей у них никогда не будет, он ушел от нее. Приемные дети его не устраивали. Ему нужны были свои, рожденные от него. От свадьбы до развода прошло четырнадцать месяцев. Тессе тогда было очень плохо.

После этого Тесса с головой ушла в работу и снимала так много, как никогда раньше. Она со свойственной ей принципиальностью понимала, что мир, который она запечатлевала

своей кинокамерой, должен был заменить ей семью. Она старалась вместить сложнейшие проблемы в тесные рамки тридцати, шестидесяти или девяноста минут, она старалась показать за это время весь мир, сведенный к своей сути, к семейному масштабу.

Все это, конечно, так. Но этой ночью, мучаясь бессонницей в доме Гарри Талбота, Тесса понимала и то, что в своей работе она никогда не найдет полного удовлетворения. Ей необходимо переиграть свою жизнь, снова начать искать свое счастье. Конечно, нельзя быть полноценным человеком без любви ко всему человеческому роду, но эта абстрактная любовь может быстро превратиться в пустую и бессмысленную, если рядом нет близких, нет собственной семьи. Ибо только в семье человек изо дня в день доказывает через отношение к конкретным людям свою любовь к человечеству. Да, она была «своей» в мире кино, но ей страшно не хватало теплого общения с близкими людьми.

Одиночество и покинутость Тессы были сродни этой покинутой комнате, в которой она сейчас вспоминала свою жизнь, вдыхая пыль и запах плесени. Но как же начать эту новую жизнь, как начать ей, уже давно не ходившей на свидания, искавшей утешения только в работе, ей, женщине тридцати четырех лет? Она ведь так долго запрещала себе даже думать о подобных вещах. Она вновь ощутила себя в тупике, она помнила это состояние по тому дню, когда ей сказали, что у нее никогда не будет детей. И конечно, в эти мгновения мучительный поиск выхода из одиночества был для нее куда важнее вопросов о странных существах на улицах города.

Близкое знакомство со смертью может иногда вызвать удивительные мысли.

Через какое-то время усталость заглушила боль, саднящую ее душу, и она погрузилась в сон. Засыпая, она успела подумать, что Муз, вероятно, неспроста приходил в ее комнату, возможно, он хотел предупредить ее о какой-то опасности. Хотя скорее всего, случись что, он бы залаял.

Успокоившись, Тесса заснула.

Глава 2

Шаддэк, покинув дом Пейзера, вернулся в свой ультрасовременный особняк на северной оконечности бухты. Дома он пробыл недолго. Он приготовил для себя три сэндвича с ветчиной, завернул их в фольгу и уложил в переносной холодильник вместе с несколькими банками кока-колы. Холодильник он поставил в багажник своего автомобиля, туда же положил одеяло и подушку. Из оружейного шкафа в своем кабинете он взял револьвер «смит и vesson», «магнум-357» и двенадцатизарядный полуавтоматический карабин «ремингтон», а также целую кучу патронов к этому оружию. Вооружившись таким образом, он отправился под проливным дождем в путь, чтобы, не покидая города и его окрестностей, следить за развитием ситуации по компьютерной связи. Он хотел дожидаться того момента, когда первая фаза проекта «Лунный ястреб» будет закончена. Этот момент должен был наступить в полночь, через девятнадцать часов.

Угроза Уоткинса действовала ему на нервы. В машине он чувствовал себя спокойнее, так как теперь Уоткинсу было бы трудно найти его и привести свои угрозы в исполнение. Когда в полночь процесс обращения будет закончен, Шаддэк сможет действовать более решительно. Тогда-то он и разберется с полицейским.

Уоткинс будет схвачен и окажется в наручниках еще до того, как превратится в «одержимого». После этого Шаддэк сможет доставить его в свою лабораторию и досконально изучить его физиологию и психологию. Он должен обязательно найти причины чумы, поразившей его подопытных.

Объяснения Уоткинса Шаддэка не устраивали. Нет, говорил он себе. Новые люди вовсе не хотят отказываться от своих новых возможностей. Если принять версию Уоткинса, то придется признать, что проект «Лунный ястреб» – это вовсе не спасение человечества, а проклятие для него. Тогда труд всей его жизни окажется не только напрасным, но и вредоносным. Таких мыслей Шаддэк допустить не мог.

Создатель и хозяин Новых людей считал себя равным Богу по силе и власти. С какой стати он должен отказываться от своей роли?

Покой влажных от дождя предрассветных улиц нарушали лишь машины патрулей – полицейских и гражданских. В каждой из машин сидели по два человека, они обшаривали город в надежде отыскать Букера, Тессу Локленд, дочь Фостеров или кого-нибудь из «одержимых». И хотя никто из патрульных не мог видеть Шаддэка сквозь затемненные стекла машины, он все равно был уверен, что люди узнают его по марке автомобиля.

Многих из этих людей Шаддэк знал, они работали в компании «Новая волна» и попали в число сотни патрульных всего несколько часов назад по его приказу. За мокрыми от дождя ветровыми стеклами их бледные лица, казалось, существовали сами по себе, вне тел, на этих лицах было написано полное безразличие, это были маски манекенов или роботов.

Город прочесывали и пешие патрули, но они скрывались в тени домов или держались темных переулков. Шаддэк не увидел ни одного из них.

На улицах города Шаддэку встретились две бригады людей, ответственных за обращение жителей. Они быстро и деловито переходили от дома к дому. Всякий раз после очередной процедуры они вводили данные о вновь обращенных в компьютер сопровождавшей их машины. Таким образом, на центральном пункте, находившемся в штаб-квартире компании «Новая волна», всегда имелись самые свежие сведения о ходе обращения жителей города.

На одном из перекрестков Шаддэк включил свой компьютер и увидел на экране последнюю информацию об эксперименте. До итоговой цифры на данном этапе не доставало всего пяти человек. Бригады слегка опережали график.

Ливень, подстегнутый западным ветром, серебром засверкал в свете фар. Деревья дрожали, словно охваченные страхом. Шаддэк не останавливался ни на минуту, он кружил в ночи подобно неведомой птице, предпочитающей охотиться на своих жертв в ненастную погоду.

Глава 3

С Такером во главе они охотились и убивали, кусали и рвали на части, кромсали на куски и кусали, убивали и поедали свою добычу. Они пили кровь, кровь сладкую и густую, сладкую и теплую, вкусную кровь, они пили кровь, утоляя жажду своей плоти, охлаждая жар, который терзал их изнутри. Кровь, только кровь.

Постепенно Такер дошел до понимания одной интересной закономерности в своем состоянии – чем дольше он в нем находился, тем меньше обжигало его изнутри пламя, тем легче ему было оставаться в своем примитивном образе. Что-то подсказывало ему, что в этой легкости есть какая-то опасность для него, но мозг Такера в его нынешнем состоянии не был способен анализировать сложные впечатления.

Итак, они кружили по полям и холмам в лунном свете, кружили и гнали дичь, они были свободны в этом лунном свете и тумане, в тумане и ветре, и Такер был у них вожаком. Они останавливались лишь затем, чтобы убить и разорвать на куски добычу, или для того, чтобы совокупиться с самкой, которая обнаружила для себя в этих грубых соитиях новое, незнакомое, возбуждающее удовольствие.

Начался дождь.

Стало холодно.

Ливень хлестал вовсю.

Грохотал гром, и молния разрезала небо.

Краем сознания Такер помнил о том, что собой представляют эти яркие зигзаги, прочерчивающие небо. Но все о них он был не в силах вспомнить и был напуган, он прятался от них в чаще леса, он таился вместе со своей стаей в тени деревьев, пока не смолкали раскаты грома.

Такер начал искать место, где можно будет укрыться от бури. Он помнил, что им

следует вернуться туда, откуда они пришли, туда, где есть сухие и светлые комнаты, но он не мог точно вспомнить, куда именно надо идти. Кроме того, путь назад означал конец их свободе и обретение прежнего облика. Он не хотел этого. Не хотели этого и самец с самкой, сопровождавшие его. Они хотели снова и снова кружить по полям, снова гнать дичь, убивать и рвать на куски и быть свободными, свободными. Если они пойдут назад, они потеряют эту свободу. Именно поэтому они двинулись вперед, пересекли шоссе, поднялись на холмы, избегая по пути редких жилых домов.

Наступал рассвет, он пока едва брезжил, но Такер чувствовал, что до того, как он наступит, им надо найти укрытие, убежище – место, где они смогут свернуться клубком, прижавшись друг к другу, где они смогут разделить на троих темноту и тепло, темноту и тепло, они разделят там тепло, и кров, и память о совместной охоте. Там они будут в безопасности, там им не будет страшен мир, ставший для них чужим, там им не надо будет возвращаться в человеческий облик. Когда снова наступит ночь, они вновь отправятся на охоту и начнут убивать свою добычу, кусать и рвать ее на части, и, возможно, наступит день, когда на Земле будет много таких, как они, тогда они уже не будут в меньшинстве и смогут охотиться при свете дня, но этот момент еще не настал, пока не настал.

Им встретила по пути заброшенная дорога, и Такеру показалось, что он знает это место, и эта дорога вскоре приведет их к тому месту, где они смогут найти столь желанное для них убежище. Он пошел по этой дороге, она вела через холмы, он подбадривал своих компаньонов низким раскатистым рыком. Через несколько минут они вышли к дому, заброшенному строению, превратившемуся уже в полуразвалины. Окна в доме были выбиты, входная дверь едва держалась на заржавевших петлях. В пелене дождя виднелись и прочие строения, сарай рядом с домом был почти разрушен, другие пристройки к дому имели не менее жалкий вид.

Между окнами второго этажа на стене дома виднелась надпись, а под ней еще одна. Обе они были выведены от руки и явно сделаны в разное время и разными людьми. Такер понимал, что эти надписи должны что-то означать, но не мог их прочитать, хотя и старался вспомнить язык тех существ, к которым он когда-то принадлежал.

Двое других членов стаи тоже подошли к дому. Они уставились на черные буквы на белом фоне. Неясные символы в пелене дождя. Странные загадочные знаки.

КОЛОНИЯ «ИКАР»

И под этой надписью вторая:

РЕСТОРАН НАТУРАЛЬНЫХ БЛЮД

В БЫВШЕЙ КОЛОНИИ «ИКАР»

Над разрушенным сараем имела еще одна надпись: «БЛОШИНЫЙ РЫНОК», но и она ни о чем не говорила Такеру, и спустя мгновение он решил не тратить больше времени на разглядывание букв. Самым главным для них было то, что поблизости нет людей, в воздухе совсем не чувствовалось их запаха. Таким образом, убежище, в котором они так нуждались, было наконец перед ними, здесь будет их укрытие, их нора, их тепло и мрак, тепло и мрак, покой и мрак.

Глава 4

Сэм устроился на ночлег в гостиной первого этажа. Он постелил себе на диване, взяв у Гарри лишь подушку и одеяло. Он хотел быть поближе к входной двери, чтобы проснуться при малейшем шуме. По графику, который Сэм просмотрел в полицейской машине, Гарри Талбота не должны беспокоить до вечера сегодняшнего дня. Вряд ли они станут изменять свой график только из-за того, что в городе появился агент ФБР. Но меры предосторожности все же следовало принять.

У Сэма часто бывала бессонница, но в эту ночь она его не беспокоила. Сбросив башмаки и вытянувшись на диване, он пару минут вслушивался в шум дождя и пытался отключиться от беспокойных мыслей. Вскоре сон пришел к нему.

Ему в эту ночь снились сны. Они редко ему снились.

Он видел во сне Карен, свою умершую жену, и, как всегда в этих ночных кошмарах, она была высохшей и обескровленной, она была на последней стадии рака, когда ей уже не помогали никакие лекарства. Он понимал, что должен спасти ее. Но не мог ничего сделать. Он чувствовал себя беспомощным, жалким и страшно испуганным.

Но он не проснулся от этого кошмарного сна.

Потом во сне он переместился в какое-то темное и заброшенное здание. Оно было похоже на отель, изображенный на одной из картин Сальвадора Дали: коридоры этого отеля были всяк на свой лад; одни очень короткие, другие – столь длинные, что конца их не было видно; стены и полы были расположены по отношению друг к другу под совершенно немыслимыми углами, двери в номера были все разных размеров, некоторые были так малы, что в них могла протиснуться только мышь, другие были вполне обычного размера, прочие же больше подошли бы для гиганта ростом футов в тридцать.

Неведомая сила заставила Сэма заглянуть в некоторые из комнат отеля. В них он обнаружил много знако-мых людей, которых он знал по своей прошлой и нынешней жизни.

В нескольких комнатах ему повстречался Скотт, их разговоры между собой оставили у Сэма тяжелый и неприятный осадок, все они заканчивались совершенно беспочвенными оскорблениями со стороны Скотта. Еще хуже было то, что в этом кошмаре сын представал перед Сэмом то шестнадцатилетним юнцом, то десятилетним мальчиком, то ребенком пяти лет. Но в любом возрасте он был чужим, холодным, враждебным, он просто задыхался от злобы. «Что с тобой, этого не может быть, ты ведь ребенком был совсем другим?» – спрашивал его Сэм, а тот в ответ разражался площадной бранью.

Во всех комнатах, где обитал Скотт, стены были увешаны огромными плакатами с рок-певцами стиля блэк-метал, облаченными с ног до головы в кожу, увешанными металлическими цепями. На лбу и на запястьях у каждого были татуировки – символы сатанизма. Мигающий и странный свет заполнял эти комнаты. В темном углу кто-то притаился. Скотт явно знал о существовании этого незнакомца и не боялся его, но Сэму он внушал необъяснимый страх.

После этого кошмара он также не проснулся.

В других комнатах этого немыслимого отеля он обнаруживал умирающих людей – всегда одних и тех же – Арни Тафта и Карла Сорбино. Они были агентами ФБР, он работал вместе с ними, их застрелили у него на глазах.

Вместо двери в одну из комнат вела автомобильная дверца, если точнее – сверкающая дверца голубого «Бьюика» 54-й модели. Войдя внутрь, он обнаружил в этой огромной комнате с серыми стенами переднее сиденье от автомашины, приборную доску и рулевое колесо. Других частей от машины не было, предметы валялись на полу, словно останки какого-то доисторического животного. На месте водителя сидела женщина в зеленом платье, она сидела спиной к Сэму. Он, конечно, сразу узнал ее и хотел выйти из комнаты, но ноги ему не подчинялись. Его словно притягивало к этой женщине. Он сел на сиденье рядом с ней и неожиданно превратился в мальчика семи лет, именно столько было ему в тот день, когда произошла эта катастрофа на шоссе. Он заговорил, но своим взрослым голосом, он сказал: «Привет, мам». Она обернулась, и он увидел, что правая сторона ее лица была вдавлена, один глаз вытек, из рваной раны торчала кость. Сквозь разорванную щеку виднелись сломанные зубы, поэтому улыбка на лице матери превратилась в отвратительный оскал.

Неожиданно они оказались в настоящей машине, они перенеслись в свое прошлое. Навстречу им по скоростной трассе мчался пьяный водитель на грузовике. Белый грузовик уже пересекал желтую разделительную линию и на бешеной скорости приближался к ним. Сэм закричал: «М-а-а-а-м!» – но она не смогла отвернуть машину в сторону, так же как не смогла сделать этого тридцать пять лет тому назад. Встречный грузовик налетел на них, словно притянутый магнитом, и всей своей огромной массой врезался лоб в лоб в их «Бьюик». Наверное, так чувствуешь себя, если находишься внутри бомбы в тот момент, когда она взрывается: страшный вой и скрежет разрывающегося металла. Все вокруг стало

черным. Когда он вынырнул из этой черноты, то обнаружил, что находится внутри изуродованного корпуса автомашины. Он сидел скорчившись, лицом к лицу со своей погибшей матерью, и прямо перед ним была пустая глазница ее глаза. Он начал кричать.

Этот кошмар не был последним.

На этот раз он очутился в больнице, возможно, он попал туда после автомобильной катастрофы, это был первый случай, когда он пережил клиническую смерть, всего в его жизни было шесть подобных случаев. При этом, однако, он уже не был ребенком, он был взрослым. Через несколько мгновений он понял, что перескочил в другой период своей жизни, – ему делали срочную операцию по поводу огнестрельного ранения в грудь. Это было как раз после той самой перестрелки, в которой погиб Карл Сорбино. В то время как бригада хирургов, склонившись над его телом, пыталась спасти ему жизнь, он воспарил над своей телесной оболочкой и взирал на них сверху. У него не было при этом страха, а только изумление перед происходящим. Все происходило в точности так же, как когда-то в действительности.

Затем он попал в тоннель, он летел сквозь него к удивительному сиянию, на тот свет. На этот раз он знал, что ждет его там, так как уже не раз переживал это в своей жизни. Он испытывал ужас, он не хотел сталкиваться с этим вновь, он не хотел заглядывать туда. Но его несло все быстрее и быстрее через тоннель, он пролетел через него пулей, и ужас его становился все невыносимее. Ожидание того момента, когда он вынужден будет заглянуть на тот свет, было несравнимо ужаснее всех его перебранок со Скоттом, ужаснее изуродованного, одноглазого лица его матери, ему становилось все страшнее (все быстрее и быстрее он летел). Наконец его страх стал совсем невыносимым, и он начал кричать (он летел еще быстрее), он кричал (все быстрее полет) и кричал...

На этот раз кошмар заставил его проснуться.

Он сел на диване и заглушил крик, прежде чем тот вырвался у него из горла.

Секундой позже Сэм понял, что он не один в комнате. В темноте кто-то двигался. Он автоматически выхватил свой револьвер из кобуры, лежавшей на полу рядом с диваном.

Это был Муз.

– Ну-ну, приятель.

В ответ пес ласково зарычал.

Сэм протянул руку, чтобы погладить собаку, но ньюфаундленд уже удалялся от дивана. Из-за того, что ночь была не слишком темной, окна выделялись на черном фоне стены в виде темно-серых прямоугольников. Муз направился к одному из окон, положил лапы на подоконник и уткнулся носом в стекло.

– Хочешь, чтобы тебя выпустили на улицу? —

спросил Сэм, хотя прекрасно помнил, что выпускал пса на десять минут, прежде чем пошел ложиться спать.

Собака никак не отреагировала на его слова, а продолжала стоять у окна в напряженной позе.

– Что-то происходит? — поинтересовался Сэм и, задавая вопрос, уже знал на него ответ.

Быстро и бесшумно он пересек темную комнату. Наткнулся на какую-то мебель, но на пол ничего не упало, и вот он уже у окна, рядом с собакой.

Дождливая ночь, казалось, достигла своей самой беспроглядной предрассветной черноты, но Сэм уже привык к темноте и мог видеть, что вызвало беспокойство собаки. Футах в тридцати от окна находилась боковая стена соседнего дома. В небольшой ложбине между домами беспорядочно росли кустарник и несколько сосен, послушно гнувшихся под напором сильного ветра.

Сэм сразу же заметил двух «призраков», так как они двигались навстречу ветру и выделялись среди покорно клонившихся в другую сторону деревьев. Они находились футах в пятнадцати от окна и направлялись к улице Конкистадоров. И хотя Сэм не мог разглядеть в подробностях их облик, он отчетливо видел по особой посадке их головы и шаркающей, но грациозной походке, что это были отнюдь не обычные люди. В какой-то момент они

остановились возле большой сосны, и один из них взглянул на дом Талбота. Сэм увидел слегка сверкающие, необычайные, янтарного цвета глаза. На какое-то мгновение Сэм застыл на месте, охваченный не столько страхом, сколько изумлением. Затем он сообразил, что существо смотрит прямо в окно дома, как будто увидев его там. Неожиданно «призрак» повернул к дому Талбота.

Сэм присел на корточки у окна и прислонился к стене, он также прижал к полу собаку. Та, вероятно, каким-то образом чуяла опасность, так как ни разу не залаяла и не заскулила, она полностью доверилась Сэму, легла на пол и растянулась на нем, положив голову на лапы. Мгновением позже сквозь шум ветра и дождя Сэм услышал торопливые шаги за стеной. Это был мягкий, шаркающий звук. Затем кто-то стал царапать стену.

Сэм держал свой револьвер наготове в правой руке, чтобы отразить нападение, если «призрак» вздумает разбить окно и проникнуть в комнату.

Несколько секунд прошли в тишине. Время текло медленно. Левой рукой Сэм поглаживал Муза по спине. Он чувствовал, как собака дрожит.

Тук-тук-тук.

Неожиданный звук удивил Сэма, он предполагал, что существо уже исчезло.

Тук-тук-тук.

Существо стучало в стекло, как бы проверяя, насколько прочно оно, или вызывая человека, который прятался в доме.

Тук-тук-тук. Пауза. Тук-тук-тук.

Глава 5

Такер со своими компаньонами укрылся от ветра и дождя на ветхом крыльце старого дома. Полусгнившие половицы громко скрипели под их шагами. На одном из окон хлопала на ветру единственная уцелевшая ставня, остальные уже давно сгнили и отвалились.

Такер попытался объяснить, куда он ведет своих товарищей по стае, но найти и произнести нужные слова оказалось делом необычайно трудным. Помимо гортанных возгласов, хрипов и лая, он смог выдать из себя только отдельные слова: «...здесь... прятаться... здесь... спокойно».

Второй самец, по-видимому, полностью потерял дар речи, так как не мог произнести ни слова.

С явным усилием самка отозвалась: «...спокойно... здесь... дом».

Такер взглянул на своих товарищей по стае и понял, что они очень изменились внешне за время их ночных приключений. Вчера вечером самка напоминала кошку – своими повадками, телом, кошачьими ушами и острыми зубами, которые она ощеривала, если шипела от ярости, гнева или любовного желания. Черты кошки еще сохранились, но теперь она стала больше походить на Такера, на волка – крупная голова сужалась спереди, напоминая скорее волчью, а не кошачью морду. Ноги тоже похожи на волчьи, а ступни как будто образовались в результате скрещивания человека и волка, передние же конечности представляли собой нечто среднее между рукой и лапой, но на них имелись когти, куда более длинные и опасные, чем волчьи. Второй самец, который раньше странным образом совмещал в себе черты какого-то насекомого и гиены, теперь тоже был ближе по своей внешности к волчьему облику Такера.

С общего молчаливого согласия Такер стал вожаком их маленькой стаи. Подчиняясь его воле во всем, его компаньоны переняли и его внешний вид как образец для подражания. Он понял, что это важный момент в их нынешнем существовании, возможно, это даже общий закон их новой жизни.

Такер не увидел в этой способности постоянно изменять свой внешний вид никакой опасности для себя. На дальнейшие рассуждения у него не хватило терпения. Его больше беспокоил насущный вопрос поиска убежища.

– ...спокойно... сюда... здесь.

Он провел их через сломанную дверь в прихожую старого дома. Штукатурка в комнате покрылась трещинами и местами полностью осыпалась, сквозь нее виднелась дранка, напоминающая кости полуразложившегося тела. В гостиной с голых стен свешивались лохмотья обоев, как будто старый дом сбрасывал свою кожу в процессе превращения не менее страшного, чем то, которое пережил Такер и его товарищи по стае.

Такер решил произвести осмотр дома, и это обследование обернулось для него в целую цепь открытий. Сопровождаемый своими компаньонами, он обнаружил в темном углу столовой целую кучу каких-то поганок, в другой комнате на стене слабым светом светилась плесень.

На полу повсюду был крысиный помет, валялась иссохшая тушка птицы, очевидно, залетевшей в разбитое окно и сломавшей себе крыло. В кухне на полу лежал полусгнивший труп пришедшего сюда умирать койота.

Во время обследования дома Такер понял, что это место, конечно, не является идеальным для убежища. Комнаты были слишком большими, и в них гуляли сквозняки, так как стекла в окнах были выбиты. И хотя в воздухе совсем не ощущалось человеческого запаха, он догадывался, что люди изредка все же забредают сюда, и это может послужить причиной для беспокойства.

Надежное убежище все же было найдено, когда Такер обнаружил на кухне люк в подвал. По скрипучим ступенькам они спустились в темное подземелье. Здесь не было холодных сквозняков, пол и стены были сухими, а воздух чистым, с запахом извести, так как стены подвала были покрыты штукатуркой на известковом растворе.

Видимо, случайные прохожие редко заглядывают в подвал, подумал Такер, если же кто-то из них рискнет спуститься сюда... что ж, тем хуже для него, он попадет в ловушку, из которой ему не выбраться.

Это было прекрасное, лишенное окон укрытие. Такер пробежался по периметру подвала, его когти стучали и царапали пол. Он обнюхал углы и обследовал полуразвалившуюся печь. К его удовлетворению, ничто не внушало беспокойства. Они могут свернуться здесь на полу и отдохнуть, будучи уверенными, что никто их не обнаружит, а если даже и обнаружит, то незваному гостю не поздоровится, они отрежут ему путь к отступлению и расправятся с ним.

В таком глубоком, темном и спокойном месте они могут превратиться в кого захотят и никто их не увидит.

Последняя мысль поразила Такера. Превратятся в кого захотят?

Он не понимал, откуда возникла эта мысль и что она означала. Он просто неожиданно почувствовал, что, вырождаясь в «одержимых», они запустили какой-то механизм, который не в силах контролировать и который теперь зависит от какой-то примитивной части их мозга. Такера охватила паника. Он до этой ночи уже неоднократно превращался в «одержимого», и ему всегда удавалось возвращаться в человеческий облик. Но теперь... Страх лишь на одно мгновение сковал его, так как он не мог долго сосредоточиваться на одной мысли, он даже не мог теперь вспомнить, что означает слово «одержимый». Тем более что его в этот момент отвлекла самка, пожелавшая совокупиться с ним.

Вскоре все три тела сплелись в один клубок, они царапали друг друга, содрагались и сливались в одно целое. Их протяжные возбужденные крики наполняли пустой дом подобно голосам привидений, поселившихся в заколдованном месте.

Глава 6

Тук-тук-тук.

Сэма так и тянуло подняться, взглянуть в окно и наконец-то оказаться лицом к лицу с загадочным существом, ему не терпелось увидеть его вблизи.

Но, принимая во внимание опасные повадки этих тварей, надо было учитывать и возможность нападения и перестрелки. Это наверняка привлекло бы внимание соседей, а

затем и полиции. Сэм не мог лишиться себя надежного укрытия, ему просто было некуда отсюда идти.

Он только крепче сжал рукоятку револьвера, держа другую руку на спине Муза, и продолжал сидеть под подоконником и прислушиваться к звукам с улицы. Он слышал голоса, но слов разобрать было нельзя, так как сквозь стекло проникало только несвязное бормотание. К первому голосу присоединился второй, они, вероятно, спорили о чем-то.

Затем последовало молчание.

Сэм прислушивался, ожидая, что после паузы опять раздадутся голоса или стук в стекло, но ничего не было слышно. Наконец, когда его ноги уже начали затекать, он убрал свою руку со спины Муза и, поднявшись, выплянул в окно. Он был готов к тому, что увидит ужасную тварь, прижавшуюся своей безобразной мордой к стеклу, но за окном никого не было.

В сопровождении собаки Сэм обошел одну за другой все комнаты первого этажа, заглядывая в окна, выходившие на разные стороны. Не было бы ничего удивительного, если бы эти существа попытались проникнуть в дом, разбив окно.

Но, если не считать дождя, стучавшего по крыше и с журчанием бегущего по водостокам, в доме стояла полная тишина.

Сэм решил, что «призраки» ушли и их интерес к дому Талбота был всего лишь случайностью. Они явно не охотились именно за ним, а просто заметили его фигуру в окне и решили разобраться, не представляет ли он для них опасности. Как только они убедились, что человек прячется за толстым стеклом, они решили, что не стоит рисковать, поднимая шум в центре города. Эти существа явно предпочитали действовать скрытно и тихо. Если они и издавали свои странные, протяжные крики, разносящиеся эхом по городу, то только тогда, когда на них накатывало какое-то особое настроение. И именно по этой причине они нападали в основном на людей, живших где-нибудь на отшибе.

Сэм возвратился в гостиную, засунул револьвер в кобуру и вытянулся на диване.

Муз сел на полу рядом с ним и некоторое время смотрел на Сэма, словно удивляясь, как это можно так спокойно лежать и спать после того, что произошло.

– Пойми, приятель, некоторые мои сны куда страшнее того, что мы видели сегодня ночью, – объяснил Сэм. – Если бы меня можно было так просто напугать, я действительно надолго лишился бы сна.

Собака зевнула, встала, пошла в прихожую, нажала на кнопку лифта. Загудел мотор, и лифт унес Муза наверх. Ожидая, когда его снова посетит сон, Сэм старался думать о чем-нибудь приятном, о чем-нибудь таком, что он с удовольствием увидел бы во сне: хорошая мексиканская кухня, слегка охлажденное пиво «Гиннес» и Голди Хоун. В идеале ему хотелось бы увидеть во сне, как он идет с сияющей от счастья Голди Хоун в лучший мексиканский ресторан. Там они ужинают, пьют «Гиннес» и смеются до упаду.

Но все вышло иначе. Ему приснился его отец-алкоголик, в чьи руки он попал в возрасте семи лет, когда его мать погибла в автомобильной катастрофе.

Глава 7

Согревшись под мешками, сложенными в кузове грузовика, Крисси спала так крепко, что проснулась только тогда, когда дверь гаража с грохотом и скрипом отворилась. Она едва не вскочила во весь рост от неожиданности. Вовремя вспомнив о том, где находится, она зарылась поглубже в мешки, служившие ей одеялом. Крисси старалась ничем не выдать себя.

По крыше гаража стучал дождь. Потoki дождя устремились по водосливу вниз, и журчание падающей воды напоминало шипение тысячи свиных бифштексов на огромной сковородке. Крисси вновь почувствовала голод. Она умирала от голода, слушая это шипение.

– Ты взяла коробку с моими бутербродами, Сара? Крисси не могла точно утверждать, что этот голос принадлежит мистеру Юлейну, она знала его плохо, но через секунду стало понятно, что это был именно он, так как она услышала голос Сары Юлейн, ее она очень

хорошо знала.

– Эд, я бы хотела, чтобы ты вернулся домой после того, как подбросишь меня до школы. Возьми выходной. Какая радость от работы в такую погоду?

– Да, косить траву я сегодня действительно не смогу, – отвечал Эд, – но у меня есть много другой работы. Я просто надену в этом случае свою непромокаемую куртку. В ней никакой дождь не страшен. Если бы у Моисея была такая куртка, когда он переправлялся через Красное море, ему точно не пришлось бы просить помощи у Господа Бога.

Крисси приходилось дышать через плотную, пропитанную запахом травы мешковину. В какой-то момент у нее защипало в носу, она страшно испугалась, что чихнет.

ГЛУПАЯ МАЛЕНЬКАЯ ДЕВЧОНКА ЧИХНУЛА, ОБНАРУЖИВ ТЕМ САМЫМ СЕБЯ ПЕРЕД КРОВОЖАДНЫМИ ПРИШЕЛЬЦАМИ: ОНА БЫЛА СЪЕДЕНА ЗАЖИВО: «ЭТО БЫЛ ЛАКОМЫЙ КУСОЧЕК, – ПРИЗНАЛАСЬ КОРОЛЕВА ПРИШЕЛЬЦЕВ, – А НУ-КА, ДОСТАВЬТЕ СЮДА ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ТАКИХ ЖЕ МАЛЕНЬКИХ ОДИННАДЦАТИЛЕТНИХ ДЕВЧОНОК».

Открывая дверь в кабину грузовика, в паре футов от того места, где сидела Крисси, Сара сказала:

– Ты доиграешься со своим здоровьем, Эд.

– Ты считаешь, что я хрупок, как фиалка? – игриво спросил Эд, открывая дверцу с другой стороны.

– Нет, я думаю, ты больше похож на увядший старый одуванчик.

Эд засмеялся.

– Ты была обо мне такого же мнения вчера вечером?

– Да, представь себе. Но все дело в том, что ты – мой увядший старый одуванчик, и я вовсе не хочу, чтобы ты в какой-то момент разлетелся в пух при сильном порыве ветра.

Хлопнула одна дверца, за ней – вторая.

Крисси была уверена, что ее не заметили. Она откинула с головы мешковину, зажала пальцами нос и стала дышать ртом до тех пор, пока у нее не перестало щипать в носу.

Эд Юлейн завел мотор, дал ему прогреться, затем начал задним ходом выезжать из гаража. Крисси слышала сквозь шум мотора, как он переговаривается с женой, слов разобрать было нельзя, но, по всей видимости, они продолжали подшучивать друг над другом.

На лицо Крисси упали холодные капли дождя, она вновь натянула на себя мешковину, оставив для дыхания лишь узенькую щелочку. Теперь не страшно, даже если она чихнет, шум дождя и гул мотора заглушали все остальные звуки.

Обдумывая подслушанный ею разговор и слушая, как мистер Юлейн хохочет в кабине грузовика, Крисси в какой-то момент решила, что может довериться этим людям. Если бы они были пришельцами, они бы не стали так глупо шутить и обмениваться флиртом. Они могли, конечно, прикидываться перед кем-нибудь, чтобы показать, что они и есть настоящие Сара и Эд Юлейн, но здесь был не тот случай, они разговаривали с глазу на глаз, и им не было никакой необходимости разыгрывать спектакль. А настоящие пришельцы, если рядом нет обычных людей, не прошедших через это загадочное превращение, могли говорить, наверное, только о... ну, скажем, о планетах, которые они уже захватили, о погоде на Марсе, о ценах на топливо для своих «летающих тарелок» или о том, как быстрее взять под свой контроль жителей Земли. Кто их знает? Одно ясно – они ну никак не могли разговаривать так, как разговаривали супруги Юлейн..

Но, с другой стороны...

Не исключено, что эти пришельцы из космоса брали Эда и Сару Юлейн под свой контроль только по ночам и, может быть, они еще не привыкли полностью к исполнению роли человеческих существ. Возможно, они специально говорят между собой как люди, чтобы потом оказаться незамеченными в обществе настоящих людей. Ясно как день – если они обнаружат Крисси, они тотчас выпустят свои щупальца и клешни, и тут – одно из двух: либо они съедят ее живьем, без всяких приправ, либо засушат, приклеят на тарелку и возьмут

эту тарелку на свою планету, чтобы там повесить ее на стенку своей кухни. Или другой вариант – они вытащат у нее мозги и будут использовать их в космическом корабле как микропроцессор для своей космической кофеварки.

Когда нападают инопланетяне, надо держаться настороже и действовать крайне осмотрительно. Крисси решила придерживаться своего первоначального плана.

Пластиковые мешки с удобрениями, черноземом и приманкой для улиток, стоявшие по бокам ее гнездышка, частично защищали ее от косого дождя, но влага постепенно пропитывала лежащую сверху мешковину. Когда ткань промокла насквозь, Крисси почувствовала, как вода проникает под одежду, заставляя ее дрожать от холода.

Время от времени Крисси высовывалась из-под мешков, чтобы проверить, где они едут. Когда она увидела, что они свернули с местного шоссе на Оушн-авеню, она скинула с себя мокрые мешки и выбралась из своего убежища.

В задней части кабины имелось окошко, и, обернувшись, любой из супругов Юлейн увидел бы Крисси. Мало того, мистер Юлейн мог увидеть ее в зеркало заднего обзора, так как Крисси даже не особенно пряталась, готовясь прыгнуть в тот момент, когда грузовик будет проезжать мимо костела Девы Марии.

Крисси продвигалась поближе к заднему борту машины, перебираясь через садовый инвентарь. Она припала к мокрым доскам, дрожа от холода под проливным дождем.

Грузовик пересек Шаста-уэй, это был первый перекресток после въезда в город. Они ехали теперь через деловую часть города, до церкви оставалось еще четыре квартала.

К удивлению Крисси, на тротуарах не было видно прохожих, а на проезжей части – машин. На часах было 7.03, в это время жизнь в городе обычно уже начиналась. Вероятно, дело еще в плохой погоде, люди не хотят выходить на улицу без крайней необходимости.

Но возможно и другое объяснение: пришельцы уже контролируют большинство жителей города, и им больше нет необходимости прикидываться, что они ведут обычную человеческую жизнь; весь город в их власти, и теперь осталось только разыскать тех, кто еще не попал под их контроль. Думать о таком развитии событий было слишком тяжело для Крисси.

Когда до церкви оставался всего один квартал, Крисси начала перебираться через заднюю стенку кузова. Она перенесла через борт сначала одну ногу, потом другую и, ухватившись руками за край, встала на задний бампер грузовика. Сквозь окошко в кабине она могла видеть спины супругов Юлейн. Обернись кто-нибудь из них, взгляни мистер Юлейн в зеркало – и ей не миновать неприятностей.

Кроме того, ее мог заметить и случайный прохожий, в этом случае ей точно прочитали бы нотацию: «Ты куда это забралась, тебе что, жить надоело?» Но прохожих, к счастью, нигде не было видно, она доехала до следующего перекрестка без приключений.

Заскрипели тормоза, мистер Юлейн остановился у перекрестка на красный свет.

Воспользовавшись моментом, Крисси прыгнула на асфальт.

Мистер Юлейн свернул на перекрестке налево. Он поехал к школе Томаса Джефферсона на Паломино-стрит, в которой работала миссис Юлейн и в которую, будь все как обычно, пришла бы вскоре и Крисси. Но сейчас она перебежала на другую сторону улицы, прошлепала через лужу и взбежала по ступенькам парадного входа костела Девы Марии. Она торжествовала победу. Несмотря на преграды, она сумела добраться до святого места.

Оставалось только повернуть массивную ручку из бронзы и открыть резную дверь в храм. Крисси помедлила на пороге и оглянулась на город. Окна магазинов, офисов и квартир, запотевшие до белизны, напоминали глаза, пораженные катарактой. Тонкие деревья гнулись под напором ветра, старые деревья подрагивали, точно в страхе, все остальное вокруг застыло в неподвижности. Ветер налетал порывами, иногда он переставал гнать дождь на восток и превращал его в водяную пыль, нависшую над Оушн-авеню, так что, если бы Крисси на мгновение забыла о холоде, ей могло бы показаться, что она находится в городе-призраке посреди пустыни, по улицам которого бродят злые духи, сотканые из пыли и

песка.

Из-за угла на перекресток выползла патрульная полицейская машина. В ней сидели двое полицейских. Они не смотрели в ту сторону, где стояла Крисси.

Крисси уже пришла к выводу, что доверять полиции не следует. Она открыла входную дверь и проскользнула внутрь, не дожидаясь того момента, когда полицейские обратят на нее внимание.

Вступив в церковный придел, украшенный дубовыми панелями, и вдохнув запах благовоний, Крисси почувствовала себя в безопасности. Она вошла через арку в алтарь, опустила пальцы в мраморную чашу со святой водой, перекрестилась и прошла по центральному проходу к четвертому ряду скамей. Здесь она встала на колени, снова перекрестилась и села на скамью.

Жаль, что на полированной поверхности дерева сразу же появились мокрые пятна, но ничего нельзя было поделать, с ее одежды вода текла ручьем.

Месса шла своим чередом. Кроме Крисси, в храме присутствовали лишь двое верующих, что само по себе было удивительно. Крисси обычно ходила с родителями только к воскресной мессе, в будний день она в последний раз была в церкви много лет назад и плохо помнила, сколько тогда было народу. Но скорее всего пришельцы и тут оставили свой след. Они наверняка не верят в Бога или, что еще хуже, верят в какого-нибудь демона по имени Яга или Скоблатт.

К удивлению Крисси, мессу служил не отец Каstellи, а молодой священник, недавно назначенный в приход. Его звали отец О'Брайен. Имя его было Том, и, подражая отцу Каstellи, он иногда призывал прихожан называть его отцом Томом. Молодой священник был приятным человеком – может быть, не таким приятным и веселым, как отец Каstellи, но Крисси он нравился, хотя она ни за что не могла заставить себя называть его столь фамильярно. Ведь если быть последовательной, тогда и папу римского следует величать папой Джонни. Родители Крисси часто вели разговоры о переменах в церкви, о том, что она стала менее официальной, они относились к этому с одобрением. Но Крисси уважала традиции и иногда жалела, что не родилась в те времена, когда мессы служили на латыни, когда они были таинственными и торжественными, когда в службу не входил глупый и пошлый ритуал «дарования мира», совершаемый самими прихожанами и обращенный к их соседям по церковным скамьям. Однажды Крисси присутствовала на службе в соборе в Сан-Франциско, там она была на каникулах. Мессу служили на латыни, по старым канонам, и Крисси просто влюбилась в этот обряд. Понятно, когда делают более совершенные самолеты, превращают черно-белое телевидение в цветное, спасают человеческие жизни с помощью более эффективных лекарств и медицинской техники, заменяют грампластинки на компакт-диски – все эти перемены нормальны и желательны. Но в жизни есть вещи, которые нельзя менять, так как в них люди ценят именно их неизменность. Если живешь в мире, где все постоянно меняется, то обязательно должно быть место, где царят мир и покой. Эта мысль казалась Крисси настолько естественной, что она не могла понять восторга ее родителей перед изменениями в церкви. Впрочем, взрослые иногда бывают такими недалекими.

Крисси посидела и послушала мессу примерно две минуты, то есть ровно то время, в течение которого ей надо было прочесть молитву и попросить благословения у Пресвятой Девы Марии. За эти минуты она также успела убедиться, что отца Каstellи в церкви не было – он иногда любил сидеть на скамье, как простой прихожанин, – не было его и у алтаря. Крисси встала еще раз на колени, перекрестилась и пошла назад, к выходу из церкви. Там мягко мерцали лампы, спрятанные за янтарно-желтыми стеклами. Крисси открыла входную дверь и собиралась уже шагнуть за порог.

Вниз по Оушн-авеню спускалась еще одна полицейская машина, но уже другая, не та, что она видела недавно. Эта была поновее, и в ней сидел только один полицейский. Машина двигалась медленно, полицейский словно высматривал кого-то на улицах.

Когда полицейский автомобиль пересекал перекресток у костела Девы Марии, ему навстречу выполз еще один автомобиль. Это был обычный «Шевроле» синего цвета.

Необычным было то, что люди в этой машине вели себя точно так же, как полицейские, – они явно высматривали кого-то. Разъезжаясь на перекрестке, водители двух машин не обменялись никакими знаками, но Крисси почувствовала, что они заняты одним и тем же делом. И полицейские, и люди в штатском кого-то усиленно искали.

«Они ищут меня», – подумала Крисси.

Они охотятся за ней, так как она слишком много знает. Так как она вчера утром видела у себя дома своих родителей, обратившихся в пришельцев. Так как она была теперь препятствием для их планов установить контроль над всей человеческой расой. Так как пришельцы, возможно, хотят попробовать, какая она на вкус, если приготовить ее с гарниром из марсианского картофеля.

До сих пор Крисси видела только, как пришельцы берут людей под свой контроль, но ни разу не наблюдала, как они расправляются с людьми, пожирая их. И все же она продолжала думать, что аппетит у пришельцев отнюдь не вегетарианский, они наверняка лакомятся человеческим мясом. Крисси просто чувствовала, что так оно и есть. Когда машины разъехались в разные стороны, она приоткрыла дверь пошире и вышла наружу. Внимательно осмотрелась, нет ли поблизости других патрулей. Никого не было видно, и она свернула за угол здания. Здесь она также проверила, нет ли опасности, и направилась к жилому дому пастора.

Этот двухэтажный кирпичный дом был украшен по фундаменту гранитными плитами и выглядел весьма солидно. Разросшиеся у входа деревья прикрывали своей кроной Крисси от дождя, но она уже все равно вся промокла до нитки. Когда она ступила на порог дома, ее теннисные туфли при каждом шаге отвратительно чавкали.

Крисси уже собиралась нажать на кнопку звонка у входной двери, но ее вновь стали одолевать сомнения. Ей стало вдруг казаться, что она хочет переступить порог дома, над которым уже властвуют пришельцы, – мысль была довольно дикой, но полностью сбрасывать со счетов такую возможность было бы неразумно. Кроме того, она сообразила, что отец О'Брайен неспроста читает утреннюю мессу, возможно, он подменил отца Каstellи, дав ему отдохнуть, а она своим приходом в ранний час нарушит отдых пастора.

ЮНАЯ КРИССИ, – продолжала сочинять девочка, – БЫЛА, БЕЗУСЛОВНО, ОЧЕНЬ ХРАБРОЙ И СООБРАЗИТЕЛЬНОЙ. НО ЕЕ ОБОСТРЕННАЯ ЩЕПЕТИЛЬНОСТЬ В ВОПРОСАХ ЭТИКЕТА СЫГРАЛА С НЕЙ ЗЛУЮ ШУТКУ. В ТО ВРЕМЯ КАК ОНА, СТОЯ НА КРЫЛЬЦЕ ДОМА ПАСТОРА, РАЗМЫШЛЯЛА О ПОДХОДЯЩЕМ ПРЕДЛОГЕ ДЛЯ СТОЛЬ РАННЕГО ВИЗИТА, КРОВОЖАДНЫЕ ДЕВЯТИГЛАЗЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ УЖЕ ПРИМЕТИЛИ ЕЕ И, НЕОЖИДАННО НАПАВ СЗАДИ, СЪЕЛИ ЕЕ НА МЕСТЕ. К СЧАСТЬЮ, ОНА БЫЛА ПОЧТИ МЕРТВОЙ ОТ УСТАЛОСТИ И НЕ ПОЧУВСТВОВАЛА, КАК ЖЕСТОКО ОНИ РАСПРАВИЛИСЬ С НЕЮ, СМЕРТЬ ЕЕ БЫЛА БЕЗБОЛЕЗНЕННОЙ И МГНОВЕННОЙ.

Крисси позвонила. Два раза.

Мгновение спустя за причудливо изломанным декоративным стеклом, составлявшим верхнюю часть двери, показалась уродливая, призрачная фигура. Крисси уже была готова бежать со всех ног куда глаза глядят, но вовремя сообразила, что это всего лишь искаженная декоративным стеклом фигура пастора.

Отец Каstellи открыл дверь и застыл от удивления при виде ранней гостьи. Он был одет в черные брюки, в черную рубашку и в серый кардиган, так что, слава Богу, похоже, она не разбудила его. Пастор был невысокого роста, примерно пять футов семь дюймов, плотного телосложения, но не толстяк, его черные волосы уже поседели на висках. Его орлиный нос не мог создать впечатления суровости: все остальные черты лица были удивительно мягкими и придавали их обладателю – очень добродушный и сердечный вид. Он моргал явно от удивления – Крисси впервые видела его без очков – и наконец вымолвил:

– Крисси?

После этого на его лице появилась знакомая улыбка, и Крисси поняла по ней, что наконец-то попала туда, куда надо.

– Ну же, рассказывай, что тебя привело сюда в такую погоду? – Он заглянул за дверь и увидел, что на крыльце больше никого нет. – А где же твои родители?

– Святой отец, – начала Крисси, не удивившись тому, что голос ее дрогнул, – я должна поговорить с вами.

Улыбка исчезла с лица пастора.

– Что-нибудь случилось?

– Да, святой отец. Все очень плохо. Ужасно, ужасно плохо.

– Заходи же, заходи в дом. Да ты промокла до нитки! – Он провел ее в прихожую и закрыл дверь. – Милая девочка, так в чем же дело?

– Пришельцы, святой отец, – выдохнула Крисси, дрожа то ли от холода, то ли от страха.

– Проходи скорее на кухню, – предложил пастор. – Это самая теплая комната в доме. Я как раз приготовил завтрак.

– Я боюсь, что на ковре останутся следы от моих туфель, – сказала Крисси, указывая на красивую ковровую дорожку, устлавшую коридор. По сторонам от нее виднелся начищенный дубовый паркет.

– Об этом не беспокойся. Это старый ковер, он существует для того, чтобы по нему ходили. Этим надо пользоваться. Будешь пить со мной какао? Я всегда готовлю себе на завтрак большой кофейник хорошего какао.

Крисси, испытывая неизмеримую благодарность, пошла вслед за пастором по мягко освещенному коридору, в котором чувствовался запах лимона, сосновой смолы и чуть-чуть – ладана.

Кухня в доме пастора была очень уютной. Чистый пол из зеленоватого линолеума. Стены выкрашены в мягкий салатный цвет. Кухонные шкафы были из темного дерева с белыми фаянсовыми ручками. Поверхность столов была из серой и зеленой пластмассы. Здесь имела вся необходимая кухонная техника – холодильник, плита, микроволновая печь, тостер, электрическая открывалка для банок – все как в обычной кухне. Это удивило Крисси, хотя тут не было, в общем-то, ничего удивительного. Священникам ведь тоже надо что-то себе готовить. Ведь не просить же Бога о том, чтобы он даровал им кусок хлеба с маслом и кофейник с горячим какао.

Запахи на кухне были восхитительные. Закипал кофейник с какао. Жарились тосты. На плите на небольшом огне поджаривалась колбаса.

Отец Кастелли предложил Крисси устраиваться на одном из пластмассовых стульев, окружавших стол, и стал расставлять перед ней тарелки, достал чашку; он суетился вокруг нее, словно она была цыпленком, а он – заботливой наседкой. Он поднялся наверх, принес два чистейших, пахнувших свежестью полотенца и предложил:

– Одним полотенцем вытри волосы, а в другое завернись, как в шаль. Сейчас ты живо у меня согреешься. – Пока Крисси выполняла его распоряжения, пастор снова сбегал наверх, за аспирином.

Положив таблетки на стол, он стал наливать ей апельсиновый сок.

– Апельсиновый сок – это именно то, что тебе сейчас надо. В нем полно витамина С. Аспирин с витамином С – это как бы двойной удар – он вышибет простуду из организма еще до того, как она там устроится. – Пастор повернулся к ней с бокалом сока в руке, и ей показалось, что он смотрит на нее с чувством жалости и понимания. – Дорогая девочка, так что же заставило тебя подняться так рано? – Казалось, пастор не расслышал ее слов о пришельцах. – Нет, подожди, расскажешь все за завтраком. Ты ведь не откажешься позавтракать со мной?

– Нет, я просто умираю от голода. Со вчерашнего вечера мне не удалось перехватить ничего, кроме двух шоколадных батончиков.

– Кроме двух шоколадных батончиков? – Пастор вздохнул. – Шоколад, конечно, дарован нам Богом, но его часто использует дьявол, чтобы ввергнуть нас в грехи чревоугодия. – Он погладил себя по круглому животу. – Я, конечно, тоже люблю поесть, но я никогда, ни-ког-да, – он подчеркнул это слово, – не предавался греху чревоугодия. К тому же,

видишь ли, есть только один шоколад вредно, от него портятся зубы. Поэтому... у меня на сковородке – хорошая порция жареной колбасы, нам двоим вполне хватит на завтрак. Я как раз собираюсь еще поджарить себе пару яиц. Будешь яичницу?

– Да, с удовольствием.

– А тосты будешь?

– Конечно.

– Вот еще булочки с корицей. А вот – горячее какао. Крисси выпила аспирин, запила его соком. Готовя яичницу, пастор оглянулся и еще раз внимательно посмотрел на Крисси:

– С тобой все в порядке?

– Да, святой отец.

– Точно?

– Да, сейчас я чувствую себя гораздо лучше.

– Я очень рад, что за завтраком у меня такая приятная гостья.

Крисси допила апельсиновый сок. Пастор продолжал:

– Когда отец О'Брайен приходит после мессы, он ничего не ест. Говорит, что всегда, когда волнуется, не хочет ничего есть. – Отец Кастелли прищелкнул языком. – У всех молодых священников бывают желудочные колики, когда они начинают служить в приходе. Несколько месяцев у них дрожат коленки, как только они всходят на алтарь. Это ведь не так просто – отслужить мессу, молодые священники всегда боятся что-нибудь перепутать, они... они, наверное... думают, что тем самым они оскорбят Бога. Но дело в том, что Бога оскорбить не так-то легко. Если бы он был таким слабонервным, он бы давно перестал нянчиться с человеческим родом. Тогда они приходят после мессы и готовы съесть за завтраком целого быка.

Крисси понимала, что пастор говорит обо всем подряд только для того, чтобы как-то успокоить ее. Он наверняка заметил, насколько она измотана. Он хочет просто подбодрить ее, чтобы потом поговорить в спокойной обстановке. Она и не возражает против этого ни капельки. Ей действительно необходимо, чтобы ее поддержали.

Отец Кастелли продолжал заниматься приготовлением завтрака. Он поставил на стол всю необходимую посуду и снова обратился к Крисси:

– Ты, девочка, выглядишь не просто испуганной, ты как будто только что видела призрака. Но теперь тебе надо успокоиться. Конечно, даже взрослые люди иногда боятся чего-то, но надо понять, что мы сами создаем для себя большинство наших страхов. Если мы можем их создать, значит, мы в состоянии также и избавиться от них.

– В моем случае это не очень просто, – возразила Крисси.

– Посмотрим.

Пастор разложил яичницу с колбасой по тарелкам. Для Крисси впервые за целые сутки мир вокруг приобрел нормальные черты. Когда отец Кастелли предложил приступить к завтраку, Крисси с облегчением вздохнула. Ей страшно хотелось есть.

Глава 8

Шаддэк обычно ложился спать на рассвете, поэтому во вторник рано утром он поминутно зевал и протирал глаза. Он кружил по городу в поисках места, где он смог бы поспать в машине несколько часов. Только бы поблизости не было Ломена Уоткинса. Уже начинался день – серый, мрачный: солнце лишь изредка проглядывало сквозь тучи и слепило глаза.

Ему пришла в голову мысль отправиться к дому Паулы Паркинс, той женщины, которая пала жертвой «одержимых» в сентябре. Ее участок размером в полтора акра находился на окраине города, в самой необжитой его части. Родственники из Колорадо выставили его на продажу через местное агентство по торговле недвижимостью, но предложение не нашло покупателя. Шаддэк заехал во двор, поставил машину в пустой гараж, выключил двигатель и закрыл массивные ворота.

Он вынул банку кока-колы, съел бутерброд с ветчиной. Стряхнул крошки. В задней части кузова были сложены одеяла, Шаддэк улегся на них и погрузился в сон.

Бессонницей он никогда не страдал, возможно, потому, что был уверен в своем жизненном предназначении, в своей судьбе и не тревожился за завтрашний день. По его глубокому убеждению, все должно было развиваться по плану, разработанному им самим.

На жизненном пути ему постоянно попадались приметы, говорившие о его незаурядности, знаки судьбы сулили ему успех в любом из начинаний.

Впервые он узнал о приметах от Дона Ранингдира. Ранингдир – что значит «Бегущий Олень» – был индейцем, Шаддэк так и не смог понять, какого племени, и служил садовником в доме отца Шаддэка в Фениксе. Он брался, впрочем, за любую работу. Бегущий Олень был ловким и быстрым во всем. Обветренное лицо, стальные мускулы, натруженные руки. Яркие, маслянисто-черные глаза излучали удивительную энергию. Многие не выдерживали этого взгляда и опускали глаза... или, наоборот, не могли пошевелиться, как бы этого ни хотели. Индеец начал присматриваться к юному Томми Шаддэку, позволяя ему время от времени выполнять вместе с ним ту или иную работу по хозяйству. Отца и матери Томми в это время не бывало дома, и никто не знал, что мальчик проводит время с человеком явно не его круга. Получалось так, что Томми в возрасте от пяти до двенадцати лет все свое свободное время проводил с индейцем. Родителям было не до сына.

В памяти Томми очень отчетливо отпечатался день, когда Бегущий Олень обратил его внимание на одну примету – змею, впившуюся в собственный хвост...

Томми было тогда лет пять. Он ползал среди своих игрушек фирмы «Тонка» на заднем дворе их большого дома в Фениксе. Но больше, чем игрушки, его интересовал индеец, подстригавший кустарник большими садовыми ножницами. Стояла полуденная жара. Индеец снял с себя рубашку, на загорелом теле перекачивались мощные мускулы. Мальчик завороченно смотрел на сильное мужское тело.

Судья Шаддэк, отец Тома, был худощавым, бледным мужчиной, его сын телосложением пошел в отца и был чрезвычайно худ. На тот момент Бегущий Олень работал у них всего две недели, но даже за это время Томми почувствовал необъяснимую тягу к этому человеку. Бегущий Олень просто иногда улыбался ребенку и рассказывал сказки о койотах и гремучих змеях и о других животных пустыни. Иногда он называл Томми «Маленький Вождь», это было первое прозвище, которое мальчик получил в своей жизни. Мать всегда называла его Томом или Томми, отец обращался к нему торжественно – Томас. Так вот, в тот жаркий день он играл в свои игрушки, но с каждой минутой все больше отвлекался, пока не бросил их совсем и не уставился на Бегущего Оленя как завороченный.

Неизвестно, сколько времени продолжалось это оцепенение. Он очнулся от голоса Бегущего Оленя, звавшего его.

– Маленький Вождь, подойди сюда, взгляни, что здесь происходит.

Эти слова поразили его, он не мог произнести ни звука. Руки и ноги ему не повиновались. Он словно обратился в камень. – Иди же, иди сюда, Маленький Вождь. Ты должен это увидеть.

Томми удалось в конце концов подняться на ноги, он выбежал на лужайку и приблизился к кустарнику, окружавшему плавательный бассейн, туда, куда звал его Бегущий Олень.

– Это большая редкость, – торжественно произнес индеец и указал на зеленую змейку, лежавшую у его ног на горячем от солнца бетонном обрамлении бассейна.

В страхе Томми отпрянул назад.

Однако индеец схватил его за руку, притянул к себе и сказал:

– Не бойся, это всего лишь безобидный уж. Он тебя не укусит. Но он здесь не случайно, он послан сюда, чтобы подать тебе знак.

Широко открытыми глазами Томми глядел на семнадцатидюймовую змею, свернувшуюся буквой О. Хвост змеи оказался в ее пасти, она словно пожирала сама себя. Змея была совершенно неподвижна, ее остекленевшие глаза смотрели не мигая. Томми

подумал, что она мертва, но, по твердому убеждению индейца, это было не так.

– Это верная и очень важная примета. О ней знают все индейцы, – пояснил Бегущий Олень. Он присел на корточки перед змеей и заставил мальчика сесть с ним рядом. – Это знак, – прошептал он, – знак свыше, он послан великими духами. Он имеет особое значение для детей, значит, и для тебя тоже. Это очень важная примета.

Не отрывая изумленных глаз от змеи, Томми спросил:

– Примета? Что ты говоришь? Это не примета. Это змея.

– Нет, это предзнаменование, предупреждение. Это знак свыше, – сказал Бегущий Олень.

Они сидели на корточках перед змеей, и Бегущий Олень давал Томми объяснения своим пронизывающим, вкрадчивым голосом. Он ни на секунду не выпускал руки мальчика. Прямые лучи солнца жгли каменный край бассейна, горячий воздух волнами поднимался вверх. Змея лежала настолько неподвижно, что казалась изумрудным колье с двумя рубинами – глазами. Спустя мгновение Томми вновь впал в оцепенение, а голос Бегущего Оленя все змеился вокруг его головы, проникал в череп и оплетал мозг.

Мало того, Томми уже казалось, что говорит с ним вовсе не индеец, а сама змея. Он неотрывно глядел на нее и почти не замечал присутствия Бегущего Оленя, так как слова змеи завораживали и манили, переполняли его чувства и захватывали всю его душу, несмотря на то, что он даже не мог полностью понять их смысл. «Это знак судьбы, – шептала ему змея, – знак власти и судьбы, ты будешь обладать огромной властью, куда большей, чем твой отец, ты будешь человеком, которому будут подчиняться, которому будут поклоняться. Ты будешь смело смотреть в будущее, так как сможешь творить его собственными руками. Ты будешь иметь все, мир будет принадлежать тебе. Но до той поры, когда ты подрастешь, этот знак судьбы должен стать нашей тайной. Никто не должен знать о нем, о том, что я принесла его тебе. Если люди узнают о твоём высоком предназначении, они наверняка убьют тебя, перережут тебе глотку, вырвут тебе сердце, закопают тебя глубоко в землю. Наследник высокого престола, земной Бог должен до поры до времени оставаться в тени. У тебя нет другого выхода, если ты хочешь достичь вершины власти. Тайна. Пусть это будет нашей тайной. Я – змея, пожирающая сама себя, я исчезну в самой себе, и никто не узнает о послании, которое я принесла тебе. Доверяй только этому индейцу, больше никому».

Никому. Никогда.

Томми упал в обморок на краю бассейна и пролежал в постели два дня. Врач не мог понять, что случилось с ребенком. Ни высокой температуры, ни воспаленных гланд, ни тошноты, ни ломоты в суставах, вообще не было никакой боли, никаких жалоб. Ребенка охватил какой-то странный недуг, ослабивший его до такой степени, что он не мог удержать в руках даже книгу, не мог смотреть телевизор. У мальчика пропал аппетит. Он спал по четырнадцать часов в сутки, а когда не спал, был в полузабытии. «Возможно, небольшой солнечный удар, – сказал доктор, – если он не оправится за два дня, мы заберем его в больницу для обследования».

В то время, когда отец находился в суде или встречался с адвокатами, а мать Тома была в клубе или на одном из благотворительных обедов, индеец незаметно проскальзывал в дом и проводил у постели мальчика минут по десять-пятнадцать. Он что-то нашептывал Томми своим мягким, удивительно ритмичным голосом.

Мисс Карваль, прислуга и нянька Тома, конечно, знала, что ни миссис Шаддэк, ни судья не одобрили бы этих ежедневных свиданий индейца с мальчиком. Но у мисс Карваль было доброе сердце, и ей было не по нраву холодное отношение четы Шаддэков к собственному сыну. Кроме того, ей нравился Бегущий Олень. Она закрывала глаза на его визиты к мальчику, так как не видела в них ничего дурного. Она только попросила, чтобы Томми не проболтался родителям о том, что он проводит время с индейцем.

Как раз тогда, когда ребенка уже собирались класть в больницу, он выздоровел, и солнечный удар был оставлен в качестве диагноза. С тех пор Томми не расставался с индейцем ни на минуту все то время, пока родителей не было дома. Когда мальчик начал

ходить в школу, он прибежал домой сразу же после уроков; от приглашений своих товарищей прийти к ним в гости и поиграть он отказывался: ему было гораздо интереснее провести пару часов с индейцем до того времени, когда родители возвратятся домой.

Неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом индеец приручал Томми, учил его разбираться в приметах, которые на разные лады предсказывали мальчику великое будущее. Цветы клевера с розеткой из четырех листьев под окном спальни Томми. Дохлая крыса, плавающая в бассейне. Хор пиликающих сверчков из-под письменного стола Томми, когда он однажды вернулся из школы. Несколько раз в его вещах неожиданно появлялись монеты: он то находил по одному пенни в каждом из своих башмаков, то в карманах брюк оказывались десятицентовики, а однажды в яблоке, которое Бегущий Олень очистил для него, оказался целый серебряный доллар. Индеец рассматривал монеты с благоговейным трепетом, считая их появление одной из самых важных примет.

— Об этом — молчок, — заговорщически прошептал индеец, когда в ночь перед девятой годовщиной Томми услышал у себя под окном тихий звон колокольчиков и сказал наутро об этом индейцу.

На рассвете того же дня он увидел, как на поляне перед его окном горит свеча, но когда он тихо, чтобы не разбудить родителей, выбрался из дома, то свечи уже не было на прежнем месте.

— Всегда храни молчание об этих приметах, иначе люди догадаются, что Провидение благоволит к тебе, поймут, что ты будешь властвовать над ними, и убьют тебя, пока ты еще ребенок, пока ты еще слаб и беззащитен.

— Кто эти люди?

— Люди, все, кто живет вокруг тебя, — загадочно пояснял Бегущий Олень.

— Кто, например?

— К примеру, твой отец.

— Не может быть.

— Да-да, именно он, — шептал индеец, — он же обладает властью. Ему нравится властвовать над другими, нравится, что его все боятся, что ему все покоряются. Ты же видишь, как люди кланяются ему, пресмыкаются перед ним.

Томми действительно отмечал про себя подобострастие, с которым люди всегда обращались к его отцу. Особенно этим отличались друзья отца по местному политическому клубу. Пару раз Томми видел, какими выразительными и, наверное, более искренними взглядами обменивались эти люди за спиной отца. Они восхищались, даже преклонялись перед отцом, но за глаза боялись его и презирали.

— Твоему отцу нужна вся власть без остатка, он не поделится ею ни с кем, даже со своим собственным сыном. Если он узнает, что тебе уготована огромная власть, большая, чем досталась ему... никто не сможет тебя спасти. Даже я не смогу.

Будь семейная жизнь Шаддэков хоть чуть-чуть душевнее, теплее, может быть, Томми стал бы возражать индейцу, стал бы защищать своего отца. Но отец говорил с сыном всегда свысока, он никогда не был ласков с ним, поэтому Томми было просто неизвестно, что такое отцовская нежность.

Время от времени индеец приносил для мальчика сладкие гостинцы. Он называл их «леденцами из сока кактуса». В бумажке всегда было два кусочка; каждый из них брал по одному, и они наслаждались угощением, сидя во внутреннем дворике во время обеденного перерыва у индейца или прогуливаясь по усадьбе вокруг дома. Вскоре после того, как леденец растворялся во рту, мальчиком овладевало странное ощущение. Он чувствовал необычайную радость. Он не шел. Он летел. Цвета вокруг становились гораздо ярче, приятнее. Индеец тоже преображался на глазах. Его волосы становились угольно-черными, кожа приобретала бронзовый блеск, зубы начинали сверкать белизной, в глазах появлялась беспросветная темнота. Всякий звук — стрекот кузнечиков, шум самолетов, заходящих на посадку в аэропорт Феникса, жужжание насоса возле бассейна — все превращалось в музыку; мир переполнялся звуками, но все мелодии лишь вторили голосу Бегущего Оленя. Все запахи

становились резче: цветы, скошенная трава, машинное масло начинали благоухать. Даже запах пота от тела индейца казался приятным. Тело Бегущего Оленя пахло свежее испеченным хлебом, сеном.

Томми мало что запомнил из речей, произнесенных индейцем в эти моменты, но отдельные места из монологов Бегущего Оленя врезались в память, словно индеец вколачивал их в детское сознание. Речь шла большей частью о примете, связанной с появлением силуэта ястреба на фоне лунного диска. «Если великие боги пошлют тебе знак лунного ястреба, знай, что тебя ждет огромная власть, ты будешь выше всех людей на свете. Ты будешь непобедим. Непобедим! Но помни, тот, кто увидит этот знак на небе, должен доказать, что он достоин великой участи, великие духи будут ждать от тебя доказательств». Эти слова отпечатались в мозгу Томми навсегда. Обычно спустя примерно час после этих бесед Томми приходил в себя и шел в свою комнату отдохнуть. В такие дни его сны были необычайно красочны, наполнены плещущей через край жизнью, и в них всегда присутствовал Бегущий Олень. Сны и пугали и успокаивали одновременно.

Однажды в дождливый субботний день ноября, в тот год, когда Томми исполнилось десять лет, он сидел за верстаком, стоявшим в углу их большого гаража на четыре машины. Он наблюдал, как индеец чинит электрический нож, которым судья пользовался раз в год, чтобы разделать индейку для рождественского ужина. В воздухе была приятная прохлада и сырость, очень необычная для тех широт, где расположен Феникс. Индеец и Томми поговорили о дожде, о приближающихся праздниках, о школьных делах Томми. Приметы и их роль в человеческой судьбе, конечно же, не были единственной темой их разговоров, и за это Томми любил индейца. Бегущий Олень был, кроме всего прочего, очень благодарным слушателем.

Индеец закончил ремонт электрического ножа и включил его в сеть. Нажал на выключатель. Лезвие задвигалось взад-вперед с такой скоростью, что край его стал неразличим для глаз.

Томми заплотировал.

– Видишь? – спросил индеец, подняв нож повыше. Он повернул его лезвием к свету, лившемуся от ламп под потолком.

Яркие отблески полетели от движущегося с огромной скоростью лезвия, оно словно резало свет на мелкие кусочки.

– Что я должен увидеть? – спросил Томми.

– Нож, Маленький Вождь. Это – машина. Простенькая, но все же машина. Конечно, не такая сложная, как автомобиль, самолет, электрическая инвалидная коляска. Ты знаешь, кстати, что мой брат... он парализован... он вынужден постоянно пользоваться такой коляской. Ты знал об этом, Маленький Вождь?

– Нет.

– Один из моих братьев умер, второй – парализован.

– Бедняга.

– Вообще-то, он мне не родной брат, а двоюродный, но другого у меня нет.

– Как это случилось? Почему? Индеец словно не слышал вопроса.

– Этим ножом режут индейцев, их можно прирезать и простым ножом, но человек изобрел для своего удобства вот эту хитрую штуку. Скажу тебе, что вообще все машины устроены хитрее и умнее, чем сам человек.

Индеец слегка опустил нож и повернулся к Томми. Он держал перед собой стрекочущее лезвие и смотрел поверх него в глаза Томми.

Мальчик почувствовал, что впадает в состояние, напоминающее то, в котором он находился, когда съедал сладости, изготовленные из сока кактуса.

– Белый человек верит в могущество машин, – заговорил индеец, – он считает, что машины надежнее и умнее человека. Если ты действительно хочешь преуспеть в мире белых людей, Маленький Вождь, ты должен стать почти таким же, как машина. Ты должен стать неутомимым и сильным, как машина. Ты должен неумолимо идти к своей цели, не позволяя

никаким чувствам и желаниям отвлекать тебя от ее достижения.

Индеец медленно приблизил жужжащее лезвие к лицу Томми, мальчик не мог оторвать глаз от сверкающего металла.

– Вот этим лезвием я мог бы отрезать твой нос, вырезать тебе губы, отрезать скулы и уши...

Томми хотел соскользнуть со стула и броситься бежать.

Он не мог сдвинуться с места.

Он почувствовал, что индеец сжал его руку в своей руке.

Но даже если бы никто его не удерживал, он все равно не смог бы убежать. Он был парализован. И не только страхом. Что-то странно манящее было в этих страшных минутах: угроза смерти вызывала в нем удивительное чувство... возбуждения.

– ...я мог бы вырезать круг на твоей голове, снять с тебя скальп, обнажить твой череп. Ты умер бы от потери крови или от другой причины, но...

Лезвие было уже меньше чем в двух дюймах от кончика носа Томми.

– ...но машина продолжала бы работать... Остался один дюйм.

– ...нож продолжал бы жужжать и резать... Осталось полдюйма.

– ...потому что машины не умирают.

Томми уже чувствовал легкий-легкий ветерок от движущегося лезвия.

– ...машины неутомимы и надежны. Если ты хочешь чего-нибудь достичь в мире белых людей, Маленький Вождь, ты должен стать таким же, как машина.

Индеец выключил нож. Положил его на верстак. Томми сидел недвижим, как камень. Наклонившись к нему, индеец сказал:

– Если ты хочешь стать великим, если ты хочешь понравиться великим духам, если ты хочешь исполнить их волю, когда они пошлют тебе знак лунного ястреба, тогда тебе надо стать решительным, неутомимым, холодным, расчетливым, непреклонным – словом, таким, как машина.

После этого случая, чаще всего в те моменты, когда они вместе делили сладкую, одурманивающую трапезу, они часто говорили о надежности и неутомимости машин. Томми рос и мужал, но в его снах чаще появлялись не сексуальные образы, а лунный ястреб и еще какие-то загадочные люди, у которых внутри было полно транзисторов, проводов и переключателей.

Томми исполнилось уже двенадцать лет. На дворе стояло лето. В один из жарких дней мальчик узнал, что случилось с двоюродными братьями его друга-индейца. По крайней мере, он узнал кое-что из их жизни. Остальное он дорисовал в своем воображении.

В тот день индеец и он сидели во внутреннем дворике, завтракали и любовались радугой, которая то возникала, то пропадала в брызгах фонтанчиков, орошавших водой лужайку перед домом. Томми до этого несколько раз спрашивал о судьбе братьев индейца, но никогда не получал ответа. На этот раз Бегущий Олень, взглянув на видневшиеся вдали туманные вершины гор, сказал сам:

– Я открою тебе мой секрет.

– Я слушаю.

– Этот секрет, так же как и знаки, подаренные тебе судьбой, надо хранить от всех в тайне.

– Обещаю.

– Тогда слушай. Несколько молодых людей, вчерашних школьников, напились допьяна и отправились гулять. Может быть, они искали женщин, может быть, просто приключений. Случайно на автостоянке они встретились с моими братьями. Жена одного из братьев тоже была там. Подвыпившие белые люди начали издеваться над индейцами, начали приставать к жене моего брата. Они вбили себе в голову, что она должна непременно пойти с ними. Началась драка. Их было пятеро против двоих индейцев. Они забили одного из них насмерть железными прутьями. Второй брат остался инвалидом на всю жизнь. Жену брата они увели с собой и изнасиловали.

Томми потерял дар речи после этого откровения индейца.

Через несколько минут, справившись с собой, он произнес:

– Я ненавижу белых людей. Индеец улыбнулся.

– Я говорю серьезно, – настаивал Томми, – А что потом было с этими парнями? Их посадили в тюрьму?

– Нет, о чем ты говоришь? – Индеец рассмеялся прямо в лицо Томми. Смех был очень горький. – У них родители – очень важные персоны. У них у всех – мешки денег. Они все могут. Судья просто отпустил их детишек «за недостаточностью улик».

– Если бы их судил мой отец, он бы точно посадил их в тюрьму.

– Думаешь? – ехидно спросил индеец.

– Он бы ни за что их не отпустил.

– Уверен? Томми замялся.

– Ну да... я уверен. Индеец молчал.

– Я ненавижу белых людей, – повторил Томми, желая скорее угодить индейцу, а не выразить то, что было у него на душе.

Индеец снова рассмеялся и потрепал Томми по плечу.

Лето кончалось. Однажды в августе на закате душного дня индеец подошел к Томми и прошептал торжественным и зловецким голосом:

– Сегодня в небе взойдет полная луна, Маленький Вождь. Вечером ты пойдешь на задний двор и будешь смотреть на нее. Мне кажется, что именно сегодня перед твоим взором появится наконец тот самый знак, самый важный из всех знаков.

Стемнело, в небе вошла полная луна. Томми вышел во двор и встал на краю бассейна, на том самом месте, с которого он семь лет назад увидел змею, пожирающую собственный хвост. Он долго смотрел на луну, в воде красовался овальный желтый диск ее отражения. Луна была идеально круглой, она висела низко над землей и казалась огромной.

Вскоре во внутренний двор вышел судья. Он позвал Томми, тот ответил, но не сразу:

– Я здесь.

Судья встал рядом с ним на край бассейна.

– Что ты здесь делаешь, Томми?

– Жду.

– Чего ты ждешь?

Именно в этот момент Томми увидел ястреба на фоне лунного диска. На протяжении многих лет он слышал о том, что однажды увидит это зрелище, он был готов его воспринять, он понимал, что это означает для него. И вот – свершилось – ястреб застыл в своем полете на желтом круге луны.

– Он там! – закричал Томми, забыв в это мгновение о том, что нельзя доверять тайну знаков судьбы никому, кроме индейца.

– Что там? – не понял судья.

– Разве ты не видишь?

– Это просто луна.

– Ты плохо посмотрел, ты не увидел это.

– Что «это»?

Непонимание отцом важной приметы только еще раз убедило Томми в его собственной исключительности и в том, что этот знак судьбы был послан именно ему. В этот момент он вспомнил о предупреждении индейца. Он быстро нашел выход из положения:

– Я видел только что... падающую звезду.

– Так ты стоишь здесь, чтобы понаблюдать за падающими звездами?

– Это метеориты, – затараторил мальчик, – видишь ли, сегодня ночью Земля должна пройти через метеоритный пояс, так что их должно быть много.

– С каких это пор ты стал увлекаться астрономией?

– Я вовсе и не увлекаюсь ею, – пожал плечами Томми, – я просто хотел посмотреть, как это выглядит. Оказалось, довольно невыразительно.

Томми повернулся и пошел к дому. Судья отправился вслед за ним.

На следующий день, в среду, мальчик рассказал индейцу о знаке лунного ястреба, увиденном им накануне.

– Вот только я не получил никакого послания от великих духов. Я не знаю, каких доказательств они хотят от меня.

Индеец в ответ улыбнулся и долго, мучительно долго молчал. Затем произнес:

– Маленький Вождь, поговорим об этом во время обеденного перерыва.

По средам мисс Карваль не приходила, и Томми с индейцем были в доме одни. Они сели во внутреннем дворе дома. У индейца ничего с собой не было на обед, он принес только леденцы из сока кактуса. Томми такое угощение вполне устраивало.

Уже давно мальчик полюбил эти леденцы, но не за их вкус, а за действие, которое они оказывали на него. За долгие годы он так пристрастился к этой сладости, что уже не мог без нее обходиться.

Вскоре Томми оказался в уже ставшем для него привычным состоянии наркотического опьянения, краски дня сразу стали ярче, а звуки – отчетливей. Он ощущал восхитительные запахи природы, мир, казалось, раскрылся перед ним во всей своей красоте. Они проговорили с индейцем около часа, и после этой беседы Томми понял, чего хотят от него великие духи, – они хотели, чтобы он через четыре дня, в воскресенье, убил своего отца.

– В воскресенье у меня, как обычно, будет выходной, – сказал Бегущий Олень, – поэтому я, к сожалению, не смогу поддержать тебя в эти мгновения. Но ведь именно этого и хотят от тебя великие духи – они хотят, чтобы ты смог доказать свое право на власть в одиночку, безо всякой поддержки. Но у нас, к счастью, есть еще несколько дней на подготовку, так что в воскресенье ты будешь чувствовать себя во всеоружии.

– Да, конечно, – ответил в полусне Томми, – конечно, мы все подготовим.

Вечером этого дня отец Томми пришел позже обычного, так как после заседаний в суде встречался со своими коллегами по политической деятельности. Жалуясь на ужасную жару, он сразу прошел к себе наверх, чтобы принять душ. Мать Томми пришла на полчаса раньше, чем отец. Она сидела в кресле в гостиной, положив ноги на низкую подставку, и читала последний выпуск журнала «Город и деревня». Миссис Шаддэк потягивала из бокала то, что она называла «маленьким коктейлем перед ужином». Она даже не подняла головы, когда муж крикнул ей сверху, что он пришел домой.

Как только отец поднялся к себе, Томми пошел на кухню и достал из ящика стола остро отточенный нож, которым изредка пользовался мясник, приходивший к ним для разделки туш.

Индеец в это время работал в саду, косил траву на газоне.

Томми прошел в гостиную, подошел к матери и поцеловал ее в щеку. Она была удивлена таким знаком внимания со стороны сына, но еще больше ее удивил нож в его руке. Он ударил ее этим ножом в грудь – три раза. Потом поднялся с окровавленным ножом в руках наверх и вонзил его в грудь своего отца, когда тот выходил из душа.

После этого Томми пошел к себе и снял с себя одежду и ботинки. На ботинках крови почти не было, несколько пятен было на джинсах, рубашка же была вся залита кровью. Он наскоро умылся, смыл с себя следы крови и переоделся. Потом аккуратно завернул окровавленную одежду в полотенце и отнес ее в кладовку, он собирался убрать ее из дома позднее.

Спустившись вниз, он даже не посмотрел в ту сторону, где лежало на полу тело его матери. Он прошел прямо в кабинет отца и достал из ящика револьвер.

В кухне Томми выключил свет, вечерний закат еще освещал часть кухни, но в углах было темно. Нож он положил на холодильник, стоявший в углу. Револьвер Томми пристроил на сиденье стула, стул слегка задвинул под стол, так, чтобы оружия не было видно, но его легко можно было бы достать в любой момент.

Затем Томми вышел во двор и позвал индейца. Тот не слышал его крика из-за шума газонокосилки, но, случайно взглянув на дом, увидел, что мальчик машет ему рукой. Он

выключил мотор и с удивлением на лице подошел к дому.

– Что случилось, Томас? – спросил он; индеец знал, что и судья, и миссис Шаддэк уже были дома.

– Мать зовет тебя, она хочет, чтобы ты ей в чем-то помог, – объяснил Томми. – Она попросила, чтобы я тебя разыскал.

– Ей нужна моя помощь?

– Да. Она сейчас в гостиной.

– А что случилось?

– Ну, она хочет, чтобы ты помог ей... она тебе скажет, это долго объяснять.

Индеец пошел вслед за Томми на кухню, они прошли мимо холодильника, направляясь к двери в гостиную.

На пороге Томми резко остановился, повернулся к индейцу и сказал:

– Чуть не забыл, мать сказала, что тебе понадобится нож, возьми вот этот, на холодильнике.

Индеец обернулся, увидел на холодильнике нож и взял его в руку. Глаза его расширились от ужаса.

– Маленький Вождь, на этом ноже кровь. Здесь кровь...

Томми к этому моменту уже схватил револьвер со стула. Когда индеец обернулся к нему, он, держа револьвер обеими руками, нажал на спусковой крючок и не отпускал его до тех пор, пока не кончились патроны. Отдача была настолько сильной, что он едва удержался на ногах. По крайней мере два выстрела достигли цели, а одна из пуль попала индейцу в горло.

Индеец рухнул на месте. Нож выпал у него из руки и отлетел в сторону.

Ботинком Томми подтолкнул нож поближе к телу индейца.

Томми понял послание великих духов совсем иначе, нежели его наставник. Великие духи хотели, чтобы он освободил себя от всех, кто имел хоть малейшую власть над ним, он должен был освободиться от отца, от матери, от индейца. Только тогда он сможет выполнить свое великое предназначение – стать властелином над людьми.

Он просчитал все три убийства с расчетливостью компьютера и привел свой план в исполнение хладнокровно и аккуратно. Он не чувствовал никаких угрызений совести. Никакие переживания не мешали ему осуществлять дьявольский замысел. Он лишь слегка трусил и был чуть-чуть возбужден, но в то же время чувствовал как бы душевный подъем, однако эти отголоски чувств не отвлекали его от дела.

Томми оглядел тело индейца, затем подошел к телефону, набрал номер полиции и, срываясь в истерику, рассказал, что их слуга-индеец из чувства мести только что убил его отца и мать и он, Томми, минуту назад застрелил индейца из отцовского револьвера. Он нарочно говорил так, чтобы сначала никто не смог бы понять его, он бился в истерику, и из него приходилось вытягивать каждое слово. В течение нескольких минут полицейские пытались успокоить его, чтобы получить от него адрес места трагедии. Он готовил эту сцену в течение дня и очень старался. Ему теперь было даже приятно, что у него получается так убедительно.

Затем Томми вышел из дома и сел на землю у входа. Он рыдал все время до приезда полиции. Плач у него получался даже лучше, чем истерика. От плача ему становилось легче.

Ястреба на фоне лунного диска он видел еще два раза в течение своей жизни. Он видел этот знак тогда, когда он хотел его видеть, когда он нуждался в поддержке великих духов, когда ему надо было знать, идет ли он по правильному пути.

Больше он никогда никого не убивал: в этом просто не было необходимости.

Его бабушка и дедушка со стороны матери взяли мальчика к себе – он стал жить в другом районе Феникса. Его новая семья не отказывала ему ни в чем, они словно боялись, что после пережитой трагедии любой отказ будет воспринят им особенно остро, доставив ему новые страдания. Он был единственным наследником своего отца, к этому добавлялись солидные суммы страховок его родителей. Ему было обеспечено отличное образование, у него имелся большой стартовый капитал, чтобы начать свое дело после окончания

университета. Перед ним открывались неограниченные возможности. И благодаря Бегущему Оленю он еще имел преимущество перед другими в том, что касается знания примет, указывающих на его великое предназначение. Он знал, что ему предсказана огромная власть над людьми.

Только сумасшедшие убивают без необходимости.

Но за редким исключением убийство является не самым эффективным способом решения проблемы.

Сейчас, свернувшись на заднем сиденье своего автомобиля, Шаддэк снова вспомнил, что он баловень судьбы и ему не случайно было дано увидеть три раза великий знак – ястреба на фоне лунного диска. Он выкинул из головы все свои страхи перед Ломеном Уоткинсом и все свои сомнения относительно своего проекта. Он зевнул и погрузился в сон.

Ему снился все тот же сон. Огромная машина. Наполовину металлическая, наполовину – из живой человеческой плоти. Раздавался мерный перестук поршней. Человеческие сердца-насосы без устали перекачивали кровь – топливо для гигантского механизма. Кровь и топливо, металл и кости, пластмасса и мышцы, провода и нервы.

Глава 9

Крисси никогда раньше не думала, что священники так много едят. Стол на кухне пастора ломился от еды: на нем стояло огромное блюдо с жареной колбасой, яичница, гора бутербродов, упаковка булок с корицей, булки с джемом, кастрюля с картофелем, фрукты и большой кофейник с какао, а также молоко.

Конечно, отец Кастелли был крупным мужчиной, но Крисси всегда считала, что священники воздерживаются от излишеств и отказывают себе во всем, что касается еды и питья, точно так же как они отказываются от женитьбы. Если пастор за каждой едой съедает столько, сколько он съел сейчас, то он должен весить в два раза больше, быть в два раза толще. Куда там, он должен весить в три раза больше!

За завтраком Крисси рассказывала пастору о пришельцах, взявших под свой контроль ее родителей. Зная предрасположенность отца Кастелли к объяснению всех причин через духовные понятия и чтобы его заинтриговать, Крисси все время напирала на то, что душами ее родителей овладел дьявол, хотя ей больше была по душе версия о нашествии космических пришельцев. Она пересказала пастору все, что она видела вчера утром у себя дома, описала свое заточение в кладовке, поведала о погоне, которую устроили за ней Такер и ее родители, превратившиеся в неведомых существ.

Священник время от времени реагировал на ее рассказ возгласами удивления и обеспокоенности и несколько раз требовал от Крисси подробностей. При всем при этом он ни разу не прервал своей трапезы. Он поглощал еду с таким аппетитом, что это поневоле производило отталкивающее впечатление. Крисси была поражена не только его обжорством, но и формой, в которой это обжорство выражалось. Пару раз яичный желток попал ему на подбородок, и, когда Крисси набралась храбрости, чтобы указать ему в вежливой форме на его упущение, он пошутил и стер желток салфеткой. Но минутой позже желток снова оказался у него на подбородке. Скатерть возле тарелки пастора была вся усыпана крошками, крошки усеивали также весь перед его рубашки...

Крисси уже начала подозревать, что пастор обречен на Божью кару, так же как обречен на нее всякий, кто предается греху чревоугодия.

Но она вовсе не изменила своего отношения к отцу Кастелли, она, наоборот, прониклась к нему уважением за то, что он ни разу не усомнился в достоверности ее рассказа. Он слушал ее с интересом и крайне внимательно, он выражал свое беспокойство, и в его возгласах иногда даже проскальзывал страх.

– Крисси, я тебе скажу так. О пришельцах сняты, наверное, тысячи фильмов, написаны десятки тысяч книг, и я всегда считал, что эти книги и фильмы – плод человеческого воображения, а значит, Бог вложил эти фантазии в человека. Так что, почему бы и нет? Разве

может кто-нибудь утверждать, что эти пришельцы ни в коем случае не могли приземлиться в нашем городе? Я всегда смотрел фильмы про пришельцев, мне они очень нравились, но, признаюсь тебе, я никогда не думал, что могу сам оказаться в ситуации, которую видел в кино. – Отец Каstellи говорил совершенно искренне, он относился к Крисси как к равной.

Пастор еще продолжал поглощать пищу с неослабевающим аппетитом, а Крисси уже отставила тарелку и закончила свой рассказ. На кухне было тепло, она быстро согрелась и обсохла, только ее туфли оставались мокрыми. Крисси почувствовала большое воодушевление, когда нашла наконец понимание и поддержку.

– Так что мы будем делать, святой отец? Наверное, нам надо звонить и вызывать войска, как вы думаете?

– Да, наверное, надо вызывать войска и еще – морскую пехоту, – сказал пастор, помолчав. – В таких делах морская пехота может быть эффективней.

– Вы думаете...

– Что, милая моя?

– Вы думаете, у нас есть какой-нибудь шанс... хоть крошечный шанс спасти моих родителей? Ну, чтобы они стали такими, как прежде?

Пастор положил булочку, которую уже собирался проглотить, и, протянув освободившуюся руку через стол, взял Крисси за руку. Ладонь у пастора была вымазана в масле, но девочка восприняла этот жест одобрения с благодарностью, ей очень нужна была поддержка в эти минуты.

– Конечно же, ты снова обретешь своих родителей. – Отец Каstellи говорил с чувством. – Можешь мне верить – так и будет.

Крисси прикусила губу, чтобы не расплакаться.

– Так и будет, – повторил пастор. Неожиданно его лицо стало меняться, надуваться. Но не так, как надувается воздушный шарик: на лице вздувались лишь отдельные части, под кожей словно ходили желваки, оно все пульсировало.

– Так и будет!

Крисси была в шоке и не могла даже крикнуть от ужаса. Она не могла сдвинуться с места. Страх сковал ее, заморозил так, что она не могла ни моргнуть, ни перевести дыхание.

Она даже слышала, как скрипели, смещаясь, кости, плоть словно расплавлялась, чтобы через минуту принять новую форму. Этот процесс сопровождался отвратительными чавкающими звуками.

Голова пастора совершенно изменила свою форму, частично сместившись назад, в этой голове уже мало что напоминало человека, это была голова моллюска, неизвестного насекомого, в ней было также что-то от шакала, глаза сверкали яростью, налились кровью.

Крик наконец вырвался из груди Крисси:

– Нет! – Сердце билось как сумасшедшее. – Нет-нет, убери руки, отстань,пусти меня!

Рот пастора стал широким, губы растянулись до ушей, во рту виднелись два ряда устрашающих зубов, огромная пасть словно усмехалась.

– Нет, нет! – Крисси попыталась подняться на ноги.

Пастор продолжал удерживать ее за левую руку.

Его голос стал похож на тот, которым переговаривались между собой Такер и ее родители, преследуя Крисси вчера вечером.

– ...жажда, жажда... хочу... дай мне... дай... жажда... Пастор, правда, выглядел совсем иначе, нежели ее родители, но пришельцам вовсе и необязательно быть похожими.

Существо, сидящее напротив, раскрыло пасть, и Крисси с ужасом увидела, что с верхних зубов чудовища свешиваются нити тягучей, желтоватого цвета слюны. В глубине рта плясало нечто, отдаленно напоминающее язык, но больше похожее на чертика на пружинке, выскочившего из табакерки. Казалось, внутри одной пасти существует вторая, меньшего размера, но с не менее острыми и устрашающими зубами.

Отец Каstellи начинал напоминать какое-то странно знакомое существо – что-то вроде чудовища из фильма «Пришельцы». Он не был его точной копией, но явно напоминал этот

персонаж.

Крисси как будто попала из реальной жизни в фильм ужасов, несомненно, именно такие фильмы любил пастор. Может быть, пастор принял именно ту форму, какую хотел? Может быть, он хотел предстать перед Крисси именно в образе чудовища из космоса, чтобы поддержать версию о нашествии пришельцев на город?

Это было похоже на дурной сон.

Тело пастора также принимало другую форму – это было заметно по одежде. В некоторых местах рубашка обвисла – плоть под ней, видимо, расплавилась и переместилась в другое место, в других местах, наоборот, натянулась, вероятно, там возникли формы, несвойственные человеческому телу. Часть пуговиц отлетела, не выдержав давления. Лопались швы, воротник рубашки оторвался и упал на деформированную грудь существа.

Крисси задыхалась, из ее горла вырывался непрерывный истеричный крик, она безуспешно пыталась освободиться от мертвой хватки чудовища. Ей удалось встать на ноги, отшвырнуть стул в сторону, но вырваться она не могла. Его пальцы словно приклеились к ее руке.

Руки пастора тоже, в свою очередь, начали меняться. Пальцы удлинились, на концах у них появилось нечто вроде когтей.

– ...жажда... хочу, хочу... жажда...

Правой рукой Крисси схватила со стола кухонный нож, размахнулась и со всей силой опустила его на руку пастора, в то место, где она еще сохраняла человеческую форму. Крисси надеялась, что нож пригвоздит руку к деревянной поверхности стола, но лезвие пронзило лишь плоть чудовища. Вопль пастора был столь оглушительным и резким, что казалось, в окне задрожали стекла.

Чудовищная рука хищника разжалась. Крисси была свободна. К счастью, ей вовремя удалось отдернуть руку, так как через мгновение его лапа вновь попыталась схватить ее, но лишь скользнула по кончикам пальцев.

Дверь-, ведущая из кухни, была позади пастора. Через нее нельзя было пройти, не повернувшись к нему спиной.

С криком ярости и стоном пастор выдернул нож из раны и отбросил его в сторону. Своей чудовищно изменившейся рукой он сбросил тарелки с остатками еды. Рука продолжала удлиняться, на ней стал появляться чешуйчатый покров, напоминающий панцирь насекомого.

«Пресвятая Мария, Матерь Божья, помолись за меня, Пречистая Матерь, помоги, непорочная, замолви за меня слово, прошу тебя», – молила Крисси.

Пастор схватил стол за край и отшвырнул его в сторону, словно он ничего не весил. Стол разлетелся в куски, ударившись о холодильник.

Теперь ничто не отделяло Крисси от пастора.

От существа, которое когда-то было пастором.

Крисси попробовала сделать пару шагов к двери.

Существо сразу же метнулось в сторону, преграждая ей путь.

Крисси повернула в другом направлении, как бы намереваясь прорваться к окну. Обман удался – когда она снова ринулась к двери, чудовище уже не могло дотянуться до нее своими длинными лапами.

«Вероятно, бежит он быстро, – сообразила Крисси. – Быстрее, чем я». Она слышала за спиной топот его ног.

Только бы добежать до двери, ведущей из дома, только бы вырваться на улицу. Возможно, там она будет в безопасности. Крисси полагала, что это существо не станет преследовать ее на виду у всех. Наверняка еще не все жители города попали под влияние пришельцев, и он не осмелится показаться в таком виде, не осмелится напасть на нее.

Ей бы только добраться до двери и сделать еще пару шагов.

Она пробежала уже две трети пути, она уже ждала, что вот-вот когти разорвут сзади ее рубашку, но в этот момент дверь открылась и на пороге возник второй священник, отец

О'Брайен. Он шагнул в дом и застыл в изумлении.

Крисси сразу же поняла, что и этому священнику нельзя доверять.

Живущий в доме, захваченном пришельцами, не мог не заразиться от них. Неважно, как это называть – зараза, влияние, контроль, – в любом случае отец О'Брайен был опасен.

Нельзя было двигаться ни вперед, ни назад. Направо идти также было невозможно, так как там за гостиной наверняка был тупик – во всех смыслах этого слова. Нельзя было терять ни минуты. Крисси повернула к двери, ведущей на лестницу. Она стала быстро подниматься на второй этаж...

Внизу хлопнула дверь.

На повороте лестницы она услышала, как два священника бегут за ней.

На верхней площадке имелось несколько дверей, ведущих в спальни.

Крисси помчалась в конец коридора и влетела в одну из спален. В спальне стояла кровать, шкаф для белья, тумбочка, шкаф с книгами. На стене висело распятие. Крисси захлопнула за собой дверь, но запирать ее не стала, не было времени и не было смысла – ее все равно вышибут.

Повторяя: «Мария, Матерь Божья, Мария, Матерь Божья», задыхаясь от бега, Крисси подбежала к окну, задернутому зелеными шторами. Она раздвинула шторы, в стекло хлестал дождь.

Ее преследователи были уже в коридоре, и шаги глухо отдавались по всему дому.

Крисси схватилась обеими руками за ручку на окне и попыталась поднять раму вверх. Рама не сдвинулась с места. Крисси крутила задвижку, но ничего не помогало.

В коридоре хлопали дверьми, они проверяли все комнаты подряд.

Возможно, раму покрасили и краска склеила створки окна, не исключено, что виновата была и сырая погода – дерево разбухло, и раму заклинило. Крисси отступила от окна.

За спиной у нее с треском распахнулась дверь, и кто-то торжествующе завопил.

Не оглядываясь назад, Крисси закрыла лицо руками и бросилась из окна. У нее в голове мелькнула мысль о смерти. Только бы внизу был газон. Если там внизу тротуар или железная ограда – это конец.

Звон разбитого стекла еще не успел стихнуть у нее в ушах, как она оказалась на крыше крыльца всего в двух футах ниже окна. Это было действительно чудо. Она даже не обрезалась о стекло. Крисси, повторяя свою молитву, осторожно перебиралась к краю крыши. Мокрая черепица была скользкой. Вот уже она на краю. Девочка стала сползать вниз, держась за желоб для дождевой воды, который предательски прогибался под тяжестью ее тела. Крисси взглянула на окно, из которого она только что выпрыгнула.

Из него уже выбиралось на крышу существо, напоминающее огромного волка.

Крисси прыгнула вниз. Она приземлилась на садовую дорожку, больно ударившись левым боком, зубы лязгнули друг о друга с такой силой, что она едва не лишилась их. Она также сильно ушибла себе руку.

Но времени на то, чтобы плакать от боли, не было. Крисси только застонала и, преодолевая боль, повернула от дома к выходу на улицу.

Ей не повезло. Она попала на задний двор дома. С правой стороны была тыльная стена костела Девы Марии, с других сторон двор был окружен кирпичной оградой высотой футов в семь.

Из-за этой стены и высоких деревьев, росших вдоль нее, Крисси не могла видеть соседних домов, а если она не видела соседей, то, значит, и они не могли видеть ее, даже выглянув из окна.

Именно изолированностью этого двора от остального мира и можно было объяснить тот факт, что оборотень, выбравшийся из окна, собирался преследовать ее и дальше, хотя на улице было уже совсем светло.

В какую-то секунду у нее возникла мысль – не вбежать ли обратно в дом, а затем выйти на улицу через парадный подъезд, но она сразу отбросила ее, спросив себя: «Разве это не безумие?»

Звать на помощь тоже не было смысла. Ей не хватало воздуха даже для того, чтобы просто нормально дышать, не говоря уже о громком крике. Ей надо было просто держаться, чтобы не упасть в обморок. Но даже если она закричит, чтобы позвать на помощь, она не может быть уверена, что люди поймут, куда бежать. К тому времени, пока ее найдут, она уже будет разорвана в клочья или обращена в себе подобных по их обряду. Секунды, которые она потратит на крик, будут дорого ей стоить.

Вместо того чтобы кричать, она, прихрамывая, побежала к стене, огораживающей двор. Она понимала, что ей, с ее поврежденной рукой, не забраться так высоко, но могло повезти, если найдется подходящее дерево, росшее у стены. Она залезла бы наверх по веткам и затем прыгнула бы на улицу или в соседний двор.

Сквозь шум дождя она расслышала, как позади рычит ее преследователь, и решила обернуться. Существо, напоминающее огромного волка, совсем недавно было отцом О'Брайеном; на нем висели лохмотья рубашки, другой одежды не было и в помине. Оно уже спускалось с края крыши.

Вот наконец и подходящее дерево. В тот момент, когда она его увидела, Крисси заметила еще один путь для спасения – калитку в юго-западном углу стены. До этого она была не видна, так как ее загораживал кустарник. Теперь она его обогнула, и калитка оказалась прямо перед ней.

Крисси набрала в легкие побольше воздуха и изо всех сил припустилась вперед. Подбежав к калитке, она откинула задвижку и выбежала в проход между двумя домами. Она сразу свернула влево от Оушн-авеню, по направлению к Якоби-стрит. Она бежала, не останавливаясь, почти до конца квартала, не решаясь обернуться назад.

Когда она все же обернулась, то увидела, что ее никто не преследует. Итак, она дважды едва не угодила в лапы пришельцев, и оба раза ей удавалось спастись. Она знала, что в третий раз чуда может и не произойти.

Глава 10

Около девяти утра, проспав всего четыре часа, Сэм Букер проснулся от звона посуды, раздававшегося из кухни. Он поднялся с дивана, протер заспанные глаза, надел ботинки, нацепил на плечо кобуру и спустился на первый этаж.

Тесса Локленд тихо напевала какую-то мелодию и расставляла на сервировочном столике тарелки, чашки, ложки и ножи, готовя все для завтрака.

– Доброе утро. – Она буквально просияла, когда Сэм вошел в кухню.

– И что же в нем доброго? – спросил Сэм.

– Ну хотя бы то, что за окнами шумит дождь, – ответила Тесса. – Я люблю дождь, люблю, когда в воздухе свежесть и чистота.

– А меня дождливая погода всегда угнетает.

– Разве плохо – сидеть на теплой, сухой, уютной кухне, когда за окном ливень?

Сэм прикоснулся к своему подбородку – у него уже была порядочная щетина.

– По-моему, здесь несколько душновато.

– А вы не считаете, что у нас еще один повод для того, чтобы радоваться, – мы ведь остались в живых после этой кошмарной ночи.

– Да, это радует.

– Боже праведный! – Тесса поставила на столик тостер и подняла взгляд на Сэма. – У вас в ФБР все такие?

– Какие?

– Ну такие занудные.

– Я себя к занудам не отношу.

– У вас такое кислое выражение лица, что у меня во рту уже оскомины.

– Просто жизнь состоит не из одних только радостей.

– Разве?

- В жизни есть трагедии, есть много обычной, черной работы.
- Да, но разве в ней нет радостей, нет праздников?
- У вас в кино все такие?
- Какие?
- Ну такие беспечные.
- Я вовсе не беспечная. Вам показалось.
- Точно?
- Точно.

– Мы заперты наглухо в городе, в котором нормальную жизнь как будто отменили навсегда, в котором людей разрывают на части какие-то неизвестные существа, в котором ночью по улицам бродят «призраки», в котором какой-то компьютерный гений сумел полностью извратить законы биологии человека. Кроме того, учтите, что у нас очень хорошие шансы быть убитыми или обращенными к полуночи. Я вхожу в кухню с этими мыслями в голове, и что же я слышу – вы насвистываете мелодию «Битлз» и сияете от счастья.

- Это вовсе не мелодия «Битлз».
- Да?
- Это из «Роллинг стоунз».
- Какая разница? Тесса вздохнула.
- Послушайте, если вы хотите помочь мне съесть этот завтрак, помогите мне сначала его приготовить, а не стойте в дверях с сердитым лицом.
- О'кей, что надо делать?
- Во-первых, подойдите к интерфону и свяжитесь с Гарри, наверное, он уже не спит. Скажите, что завтрак будет готов... минут через сорок. На завтрак будут блинчики, яйца и жареная ветчина.

Сэм нажал на кнопку интерфона и сказал: «Привет, Гарри». Гарри сразу же ответил, он уже проснулся. Гарри пообещал, что спустится вниз через полчаса.

- Чем еще помочь? – спросил Сэм Тессу.
- Достаньте из холодильника молоко и яйца, но только, ради Бога, ни в коем случае не открывайте упаковку.
- Почему? Тесса засмеялась.
- От вашего кислого лица прокиснет молоко.
- Очень смешно.
- Разве нет?

Накрывая на стол, разбивая яйца в стеклянные тарелки, чтобы затем быстро приготовить для каждого яичницу на жаровне, давая указания Сэму, что откуда принести, нарезая лук и ветчину, Тесса не переставала напевать песни из репертуара Патти ла Белле и «Пойнтер Систерс». Сэм знал, что именно она поет, потому что Тесса все ему объясняла. Она объявляла название перед каждой песней подобно заправскому диск-жокею. В результате Сэм получил небольшой музыкальный урок. Тессе хотелось поднять ему настроение. Напевая, она пританцовывала, выделявая замысловатые телодвижения и прищелкивая в такт пальцами. Она просто жила этой музыкой.

Тесса великолепно развлекала сама себя, но Сэм понимал, что она хочет и его увлечь этой музыкой, этим танцем. На душе у Сэма было тяжело, и он не мог избавиться от этой тяжести. Так что, когда Тесса улыбнулась ему, он не ответил на ее улыбку. Однако как чертовски хороша была эта женщина! Правда, у нее не было прически, она не пользовалась утром косметикой, на одежде виднелись мятые складки, но весь этот бесшабашный вид даже добавлял ей очарования.

Время от времени она переставала петь, чтобы спросить о чем-нибудь Сэма, но начинала снова напевать и пританцовывать уже в тот момент, когда он еще продолжал отвечать на ее вопрос.

- Так вы придумали, как нам выбраться из этой ловушки?

– Есть одна мысль.

– Патти ла Белле, «Новый стиль», – прервала она Сэма, назвав следующую песню. – Так что, эта ваша мысль? Это, наверное, большой-большой секрет?

– Нет. Но мне прежде надо поговорить с Гарри, получить от него кое-какие сведения. Я вам расскажу за завтраком.

По указанию Тессы Сэм в это время нарезал большой кусок чеддера тонкими ломтиками. Тесса вновь прервала пение и спросила:

– Что вы имели в виду, когда говорили, что в жизни есть трагедии, есть много обычной, черной работы?

– Просто так оно и есть.

– Но в жизни есть немало поводов для веселья...

– Нет.

– ...в жизни есть красота...

– Нет...

– ...надежда...

– Это только слова.

– Это на самом деле существует.

– Нет, этого нет.

– Да.

– Нет.

– Почему у вас столько скепсиса?

– Это мой взгляд на вещи.

– Откуда у вас такой взгляд?

– Что же вы ко мне так пристали?

– «Пойнтер Систерс», «Нейтронный танец». – Тесса пропела отрывок из этой песни, пока выбрасывала скорлупу и очистки от лука в мусорное ведро. Затем она вновь оборвала мелодию и переспросила: – Так что же должно было случиться с вами, если вы теперь повсюду видите одни трагедии и черную работу?

– Вам будет неинтересно слушать.

– Нет, рассказывайте. Сэм закончил нарезать сыр и положил нож на стол.

– Вы действительно хотите об этом знать?

– На самом деле, рассказывайте.

– Начать с того, что моя мать погибла в автомобильной катастрофе, когда мне было семь лет. Я сидел рядом с ней в машине, когда это случилось. После катастрофы меня не могли вытащить из машины в течение часа, и все это время я находился лицом к лицу со своей мертвой матерью, я видел перед собой ее разбитую голову и вытекший глаз. После этого я долго лежал в больнице, а выйдя оттуда, оказался в доме моего отца, с которым мать уже давно развелась. Это был настоящий сукин сын, он пил без просыпу, а когда был более или менее трезвым, колотил меня или привязывал к стулу на кухне и оставлял на много часов. Я уже не мог терпеть и справлял свою нужду прямо под себя. Тогда он приходил и бил меня уже за это.

Сэм удивился, откуда у него нашлись эти слова, внутри словно рухнули какие-то барьеры, изливалось все то, что накопилось за долгие годы неослабевающего контроля над своими чувствами.

– Так вот, когда я закончил школу, я ушел из отцовского дома, зарабатывал сам себе на жизнь и на продолжение учебы, снимал комнату, спал в комнате, кишасей тараканами. Наконец я добился чего хотел – пошел в ФБР, так как мне хотелось хоть где-нибудь, хоть редко, но видеть в жизни торжество справедливости, я хотел сам участвовать в ее установлении. Наверное, такое стремление было у меня по причине того, что сам я со справедливостью почти совсем не сталкивался. На работе я понял, что справедливость торжествует в лучшем случае в половине всех дел. Преступники в основном выходят сухими из воды, как бы ты ни старался; они в большинстве своем очень сообразительные ребята, а

те, кто с ними борется, никогда не могут позволить себе неразборчивость в средствах борьбы, и в этом они сразу проигрывают перед преступниками, которые не гнушаются ничем. Кроме того, если ты – агент ФБР, то изо дня в день сталкиваешься с дном общества, с подонками, и от этого цинизм только прибавляется, ты уже перестаешь верить людям, доверять им.

Сэм говорил быстро, он даже начал задыхаться.

Тесса давно уже прервала свое пение.

Он продолжал говорить, почти не следя за собой, не контролируя свои чувства. Его речь сливалась в одну бесконечную фразу.

– Я женился. Карен была прекрасной женщиной, вы бы сразу с ней сошлись, если бы познакомились, ее все боготворили. Но она заболела, у нее обнаружили рак, она умирала очень тяжело, это было ужасно, страшнее, чем когда показывают это в фильмах, у нее была жуткая агония. Тогда же я потерял сына. Нет-нет, не подумайте плохого, он жив, ему сейчас шестнадцать, а было девять, когда умерла мать. Но он жив только физически и интеллектуально, эмоционально он мертв, он сжег свое сердце, у него внутри холод, ничего, кроме холода. Он без ума от компьютеров и телевидения, и еще он без конца слушает «блэк-метал». Вы знаете, что такое «блэк-метал»? Это музыка в стиле «тяжелый металл», к которой добавлен сатанизм. Моему сыну очень нравится сатанизм, так как он освобождает человека от всяких моральных обязательств, он говорит, что все относительно, что его отчужденность – это хорошо, что его эмоциональная холодность – это хорошо, что, если тебе хорошо, значит, все идет нормально. Вы знаете, что он мне однажды заявил?

Тесса покачала головой.

– Он мне сказал так: «Люди – это пыль. Люди в счет не идут. Вот вещи – это важно. Деньги – это важно. Ликер, который я пью, – это важно. Стереоплеер, который я слушаю, – это важно. Все, от чего я ловлю кайф, – важно. А сам я – ничего не значу». Он объясняет мне, что ядерные бомбы страшны только потому, что они могут уничтожить вещи, а не потому, что они могут уничтожить людей, – люди ведь, по его понятиям, это – пыль, люди – это грязные твари, которые только и делают, что портят все вокруг. Вот так он думает. Вот во что он верит. Он говорит, что может доказать мне в два счета, что он прав. Он говорит мне: «Посмотри, к примеру, на толпу людей, окруживших на автосалоне последнюю модель „Порше“, посмотри на их лица. Они восхищаются машиной, они думают о машине, им наплевать на людей, наплевать друг на друга. Им наплевать на труд, вложенный в эту машину, им наплевать на людей, создавших этот автомобиль. Для них „Порше“ существует как дар природы, он как бы вырос из земли сам собой. Им совсем неинтересно, как инженеры создавали эту машину, им неважно, как ее собирали рабочие. Для них живой является машина, она для них живет людей. Они питаются энергией от этой машины, от ее изящных линий, их возбуждает власть над ней, когда они садятся за руль. Поэтому машина становится для них куда важнее любого человека».

– Это полный бред, – убежденно сказала Тесса.

– Но я слышу это от своего сына, я знаю, что это чушь, я пытаюсь его переубедить, но у него есть на все готовый ответ, он считает, что ему уже все на свете известно. Иногда я задумываюсь над таким вопросом... если бы я был другим, если бы у меня была другая жизнь, может быть, тогда я мог бы привести какие-то другие, более убедительные аргументы? Может быть, тогда я смог бы спасти своего сына.

Сэм замолчал.

Он понял, что дрожит.

Некоторое время на кухне стояла тишина.

Затем Сэм произнес:

– Вот поэтому я и говорю, что в жизни много трагедий и много черной работы.

– Простите меня, Сэм.

– В этом нет вашей вины.

– И вашей тоже нет.

Сэм завернул оставшийся сыр в пергамент и отнес его в холодильник. Тесса в это время

готовила тесто для блинчиков.

– Но ведь у вас была Карен, – сказала она, – в вашей жизни были и любовь, и красота.

– Да, были.

– Но тогда...

– К сожалению, все это в прошлом.

– Все на свете кончается.

– Именно об этом я и говорю.

– Но это же не значит, что мы не должны радоваться тому, что послала нам судьба. Если все время смотреть в будущее со страхом и ждать конца радостных дней, то никогда не удастся познать радость до конца.

– Именно об этом я и говорю, – повторил Сэм. Тесса перестала мешать тесто и повернулась к Сэму.

– Но здесь же и кроется ваша ошибка. Я хочу сказать, что в жизни есть много поводов для радости, для веселья, для удовольствий... но если мы не пользуемся этими поводами, если мы все время со страхом смотрим в будущее, то у нас не остается никакой памяти о радостных днях, никакой поддержки в трудные времена, у нас не остается надежды.

Сэм слушал Тессу, любуясь ее красотой и жизнелюбием. Но вслед за этим его посетили мысли о том, как она будет выглядеть, когда состарится, заболеет, умрет, и после этих мыслей он уже не мог смотреть на нее. Он отвернулся и уставился в окно.

– Извините, Тесса, я, кажется, расстроил вас. Но вы сами просили, чтобы я вам все рассказал. Вы же хотели знать, почему у меня такое кислое выражение лица.

– О, от вас не только оскомина, – сказала Тесса, – вы пошли еще дальше – от такой кислоты сводит челюсти.

Сэм слегка вздрогнул.

Они вновь принялись за приготовление завтрака.

Глава 11

Спасшись от священников-оборотней, Крисси то бежала, то шла пешком примерно в течение часа, на ходу обдумывая, куда ей теперь податься. Сначала она собиралась пойти в школу и рассказать все своей учительнице – миссис Токава. Но теперь, после неудачной попытки разговора с пастором, Крисси не решалась довериться и учительнице. Она предполагала, что пришельцы первым делом взяли под контроль тех, кто занимал хоть какую-нибудь официальную должность в городе. Со священниками все было ясно, полиция тоже наверняка уже в руках пришельцев, так что логично было предположить, что и школьные преподаватели пали жертвой инопланетян.

Скитаясь по улицам, Крисси то проклинала дождливую погоду, то благодарила небо за дождь. Туфли, куртка и джинсы были мокрыми насквозь, и от холода ее трясло мелкой дрожью. Но при всем при этом радовало то, что люди сидели в такую погоду по домам и ей не приходилось каждую минуту прятаться. В добавление к дождю ветер принес с моря туман, правда, не такой густой, как предыдущей ночью, но он все же служил дополнительным укрытием для нее на улицах города.

Гроза давно прошла, Крисси могла идти спокойно, не опасаясь молний, которых она всегда боялась.

ЮНАЯ ОСОБА СОЖЖЕНА ЗАЖИВО УДАРОМ МОЛНИИ И СЪЕДЕНА ЗАТЕМ КРОВОЖАДНЫМИ ПРИШЕЛЬЦАМИ; ПОСЛАНЦАМ ИЗ КОСМОСА ПОНРАВИЛИСЬ ЖАРЕНЫЕ ЛОМТИКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЯСА; ОНИ ЗАЯВИЛИ: «НАМ ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ОТРАБОТАТЬ НАИБОЛЕЕ УДОБНУЮ ФОРМУ РАЗДЕЛКИ НА ЛОМТИКИ И ПРОДУМАТЬ ВОПРОС, ДОБАВЛЯТЬ ЛИ К ЭТОМУ БЛЮДУ ЛУК».

Крисси старалась двигаться по городу как можно быстрее, особенно внимательно она смотрела по сторонам, когда перебегала через улицу, так как ей время от времени попадались машины; сидевшие в них бледнолицые люди озирались все время по сторонам – это были,

безусловно, патрульные машины. Дважды она едва не натыкалась на них, и ей с трудом удавалось отскочить в сторону, чтобы притаиться где-нибудь за забором. Примерно через четверть часа после того, как она покинула церковный двор, она заметила, что патрульных машин стало значительно больше. Но особенно опасными были пешие патрули. Они ходили по улицам в своих дождевиках, и, попадись она им на глаза, ей пришлось бы совсем туго.

То и дело приходилось застывать за деревом или нырять в тень. Она пряталась за мусорные ящики, под раскидистые ели, чьи лапы стелились по самой земле. Несколько раз она заползала под машины и пережидала там, пока патруль пройдет мимо.

Но даже в этих убежищах она не чувствовала себя в безопасности. Она опасалась, что кто-нибудь из оборотней-пришельцев выследит ее и вызовет полицию.

Сейчас она выбралась на пустырь, простиравшийся по Юнипер-лейн от похоронного бюро Каллана до одного из соседних домов. Здесь рос кустарник, который стал для нее очередным убежищем. Крисси уже начала сомневаться, удастся ли ей найти в городе кого-нибудь, кто сможет ей помочь. В первый раз за все время опасных приключений ее начала покидать надежда.

Посреди поляны росла огромная ель, она накрывала своими огромными ветвями и тот кустарник, в котором укрылась Крисси. Здесь было сухо, дождь не проникал через густые ветви, и, что еще важнее, здесь никто не мог ее заметить с улицы или из окон близлежащих домов.

Тем не менее почти каждую минуту Крисси поднимала голову и оглядывала окрестности, чтобы убедиться, что ей не угрожает опасность. В какой-то момент ее внимание привлек высокий дом с большими окнами на улице Конкистадоров. Это был дом Талбота. Крисси сразу же вспомнила человека в инвалидной коляске.

Он был у них в школе Томаса Джефферсона, когда во время Дня поминовения для школьников устроили несколько лекций. Большая часть этих лекций ничем не запомнилась Крисси, но именно лекция человека в инвалидной коляске произвела на нее большое впечатление. Он говорил им о страданиях инвалидов и об удивительных способностях, которые эти люди развивают у себя.

Сначала этот человек вызвал у Крисси острое чувство жалости, ей было жалко его, говорившего с жаром, но прикованного к коляске, с парализованными ногами и одной из рук, повисшей плетью, с головой, постоянно склоненной набок и трясущейся. Но потом она вслушалась в то, о чем он говорил, и поняла, что этот человек с прекрасным чувством юмора вовсе не несчастен, и поэтому было бы оскорбительным жалеть его. После лекции осталось время для вопросов, и этот человек с большой охотой рассказал им о многих подробностях своей жизни, о ее радостях и печалях, так что в конце концов Крисси стала смотреть на него с нескрываемым восхищением.

И еще у него была рядом великолепная собака по кличке Муз.

Теперь, вглядываясь в дом этого человека из-за веток и высокой травы, Крисси думала, не пойти ли ей в этот дом в надежде найти помощь.

Она легла на сухую траву и стала обдумывать этот вариант спасения.

Безусловно, паралитик в инвалидной коляске — это человек, которым пришельцы займутся в самую последнюю очередь, если вообще займутся.

Крисси сразу же после этой мысли стало стыдно за себя. Она почему-то отнесла инвалида к людям второго сорта. А чем он хуже других в глазах пришельцев?

Хотя, с другой стороны... с какой стати пришельцы станут возиться с инвалидом? С какой стати они будут обращать на него внимание? В конце концов, они же пришельцы, они же пришли сюда, они здесь чужие. Мало ли какие у них там ценности. Они распространяют свою заразу или сеют свои семена или еще что-то среди людей, они пожирают людей, так с какой стати им церемониться с инвалидами? Глупо ждать от них этого, они же не джентльмены, помогающие старушкам переходить через улицу.

Гарри Талбот.

Чем больше Крисси думала о нем, тем сильнее становилась ее уверенность в том, что

именно этот чело-век мог не попасть под контроль кровожадных пришельцев.

Глава 12

Отпустив последнюю едкую реплику в адрес Сэма, Тесса смазала сковородку маслом, поставила ее на включенную плиту и приготовила блюдо для готовых блинчиков.

После этого голосом, по которому Сэм сразу понял, что она не оставит попыток убедить его пересмотреть свой мрачный взгляд на жизнь, она сказала:

– Так скажите...

– Может быть, уже хватит об этом?

– Нет.

Сэм вздохнул. Она продолжала:

– Если вы всегда пребываете в унынии, то почему вы...

– ...Не покончите самоубийством, хотите сказать?

– Ну хотя бы.

Сэм горько усмехнулся.

– Когда я уехал сюда из Сан-Франциско, я играл сам с собой в одну мрачную игру – пытался подсчитать те причины, по которым мне еще стоит жить. Я насчитал таковых четыре и думаю, что это не так уж мало, вот поэтому я пока не собираюсь расставаться с жизнью.

– Так какие же это причины?

– Первая – хорошая мексиканская кухня.

– Да, я бы тоже не стала с этим расставаться.

– Вторая – пиво «Гиннес».

– Я предпочитаю «Хейнекен».

– Хорошее пиво, но оно не может оправдать существование. «Гиннес» – может.

– Какова третья причина?

– Вы знакомы с Голди Хоун?

– Что вы! Я и не хочу с ней знакомиться, боюсь разочароваться. Я имею в виду ее экранный образ, идеальную Голди Хоун.

– Выходит, она – девушка вашей мечты?

– Она для меня значит даже больше. Она... ну, как вам сказать... она совершенно не измучена жизнью, несломлена ею, она полна любви, она счастлива, она невинна... она – сама радость.

– Вы надеетесь когда-нибудь встретить ее?

– Шутите?

Тесса продолжала расспросы:

– Знаете что?

– Что?

– Если вы когда-нибудь на самом деле встретите Голди Хоун, если она вдруг подойдет к вам на каком-нибудь вечере и скажет что-нибудь смешное, что-нибудь остроумное и захочет, то вы, может статься, и не узнаете ее.

– Не беспокойтесь, я ее обязательно узнаю.

– Нет, у вас не получится. Вы будете так поглощены своими мыслями о несправедливости, о пороках общества, о трагедиях и черной работе, что вы просто упустите момент. У вас перед глазами будет туман из ваших мрачных мыслей, вы ее просто не увидите сквозь этот туман. Ну ладно, а какая четвертая причина?

Сэм замялся.

– Страх смерти.

Тесса от удивления даже заморгала.

– Я не понимаю. Если жизнь настолько ужасна, то почему надо бояться смерти?

– Дело в том, что я уже не раз в своей жизни находился в состоянии клинической смерти. Последний раз это было, когда мне делали операцию, извлекали пулю из грудной

клетки. Вот тогда-то я чуть было не сыграл в ящик. Я почувствовал, как поднимаюсь над собственным телом, взлетаю к потолку, смотрю сверху на хирургов, а затем лечу со страшной скоростью по темному тоннелю к источнику ослепительного света. Одним словом, мне удалось досмотреть кино до самого конца.

Тесса была явно под впечатлением этого рассказа. Ее голубые глаза расширились от изумления.

– Что же было дальше?

– Я увидел то, что находится там, за гранью жизни.

– Вы говорите серьезно, не шутите?

– Совершенно серьезно.

– Вы хотите сказать, что видели то, что будет явлено нам после смерти?

– Да.

– Там Господь Бог?

– Да.

Пораженная, Тесса произнесла:

– Но если вы знаете, что Бог существует, что мы идем к нему через всю нашу жизнь, значит, у жизни есть смысл, значение.

– Ну и что?

– Я хочу сказать, что в основе мрачного взгляда на жизнь, в основе депрессии у многих людей лежит именно непонимание смысла собственной жизни. Поэтому большинству из нас не хватает именно того опыта, который пережили вы. Испытай мы то же самое, у нас не было бы сомнений в смысле жизни. Мы тогда не боялись бы никаких трудностей, мы знали бы, что есть высший смысл, что существует жизнь после жизни. Так что вам не на что жаловаться, мистер. Почему вы не пересмотрели после этого свой взгляд на жизнь? Разве вы безголовый болван?

– Болван?

– Отвечайте на мой вопрос.

В это время загудел мотор лифта – Гарри вызвал его на третий этаж.

– Сейчас спустится Гарри, – заметил Сэм.

– Отвечайте на мой вопрос, – повторила Тесса.

– Скажем так: то, что я там увидел, не прибавило мне оптимизма. Я бы даже сказал, что увиденное напугало меня до смерти.

– Да? Не мучайте меня, скажите. Так что там, на том свете?

– Если я скажу вам, вы будете считать меня сумасшедшим.

– Вам нечего терять. Я уже считаю вас сумасшедшим.

Сэм вздохнул, тряхнул головой и в душе пожелал, чтобы этот разговор кто-нибудь прервал. Как же ей удалось так ловко вывернуть его наизнанку? Лифт, судя по звуку, уже поднялся на третий этаж. Тесса отошла от кухонного стола и приблизилась к Сэму.

– Так признавайтесь, что вы увидели там, не тяните.

– Вы не поймете.

– Я вроде не идиотка.

– О, я вовсе так не считаю. Вы, конечно, поймете, что я там увидел, но вам трудно будет представить, что это значит для меня.

– Сами-то вы понимаете значение того, что видели?

– О да! – торжественно произнес Сэм.

– Так вы скажете мне все по доброй воле или мне придется взять со стола нож и начать вас пытаться?

Лифт уже спускался вниз.

Сэм с надеждой посмотрел в холл.

– Я в самом деле не хотел бы говорить об этом.

– Так не хотите?

– Нет.

– Вы видели Бога, но не хотите об этом говорить?

– Именно так.

– Вообще-то те люди, которым посчастливилось встретиться с Богом, после этого только об этом и говорят. Эти люди основывают целые религии, они начинают говорить с миллионами людей о своей встрече.

– Но я...

– Я всегда считала, и это, наверное, действительно так и есть, что люди, пережившие клиническую смерть, пересматривают свой взгляд на жизнь и уже не могут жить как прежде. Эти люди всегда меняются к лучшему. Если прежде человек был пессимистом, он становится оптимистом. Атеисты становятся искренне верующими. Меняется система ценностей, люди начинают любить жизнь как таковую. Они просто начинают светиться от счастья! А вы не изменились. Да что там, вы стали еще мрачнее, еще холоднее.

Лифт остановился на первом этаже.

– Сейчас войдет Гарри, – предупредил Сэм.

– Скажите, что вы там увидели?

– Может быть, я скажу вам, – пообещал Сэм, удивляясь, что у него откуда-то появилась необходимость раскрыть перед этой женщиной всю душу, – но в другое время и в другом месте. Я скажу вам, что я видел. Но не теперь, после.

В кухню вбежал Муз, он повизгивал от радости и бросался ко всем целоваться. Вслед за ним вкатил на своей коляске Гарри.

– Доброе утро, – приветствовал он Сэма и Тессу.

– Как вы отдохнули? – спросила Тесса и подарила Гарри такую лучезарную улыбку, что Сэм сразу пожалел, что она была адресована не ему.

Гарри ответил:

– Спал как убитый, но при этом благодарил Бога за то, что до сих пор жив.

– Что будете есть? Блинчики?

– Да, съел бы сразу целое блюдо.

– Яичницу?

– Из дюжины яиц.

– Тосты?

– Да, парочку десятков.

– Как приятно, когда у мужчины хороший аппетит. Гарри продолжал шутить:

– Целую ночь бегал наперегонки и очень проголодался.

– Бегали?

– Во сне. За мной гонялись «призраки».

Гарри достал из нижнего шкафа упаковку еды для собаки и наполнил до краев миску Муза, стоявшую в углу кухни. Тесса подошла к плите, попросила Сэма присмотреть за яичницей и сама начала перекладывать на блюдо первую порцию поджаристых блинчиков. Спустя минуту снова начался ее сольный концерт.

– Патти ла Белле, «Веселись и ни о чем не думай», – объявила Тесса и вновь запела и закружилась в танце.

– Эй, – подключился Гарри, – если нужна музыка, я сейчас все устрою.

Он подъехал на коляске к радиоприемнику, который был вмонтирован в один из шкафов, включил его и настроил на волну музыкальной станции. Зазвучала песня «Я понял все, осушив бокал». Это была старая песня, ее авторами были Глэдис Найт и Пипе.

– Ну, теперь все в порядке, – сказала Тесса и начала выделять такие па, что Сэм совершенно не мог понять, как она при этом умудряется еще и выпекать такие аппетитные блинчики.

Гарри хохотал и заставлял свое кресло крутиться на месте в такт танцевальной мелодии. Сэм пытался их урезонить:

– Послушайте, разве вы не понимаете, что в этом городе вот-вот наступит конец света?

Гарри и Тесса продолжали веселиться, не обращая ровным счетом никакого внимания

на его реплику.

Сэм понял, что иного отношения к себе он и не заслуживает.

Глава 13

Обходными путями, под дождем, в тумане, прячась за каждым кустом, Крисси вышла на аллею, ведущую к улице Конкистадоров. Она проникла на задний двор дома Талбота через калитку в ограде и стала перебегать от дерева к дереву. Крисси едва не наступила на собачье дерьмо – Муз был прекрасной собакой, но и у него были недостатки. В конце концов она добралась до заднего крыльца дома.

За окном звучала музыка. Это была какая-то давно вышедшая из моды мелодия, ее часто исполняли еще в те времена, когда ее родители были совсем молодыми. Они говорили Крисси, что очень любят эту песню. И хотя Крисси не могла припомнить название песни, она вспомнила название группы – это был ансамбль Джуниора Уолкера «Олл Старз».

Прикинув, что музыка вместе с шумом дождя должна заглушить все остальные звуки, девочка смело шагнула на крыльцо дома и на корточках подобралась к ближайшему окну. Она замерла под окном, пытаясь расслышать, о чем говорят в доме. Слышался оживленный разговор, смех, иногда кто-то подпевал мелодии, звучащей из радиоприемника.

Вряд ли пришельцы ведут себя так. Скорее подобным образом могут вести себя совершенно обычные люди.

Разве станут инопланетяне слушать музыку Стиви Уандера, «Фор Топе» или «Пойнтер Систерс»? Вряд ли. Музыка пришельцев наверняка представляет собой что-то вроде звуков охотничьих рожков средневековых рыцарей в сопровождении лая охотничьих собак. Это, должно быть, что-то совершенно безумное.

Крисси осторожно заглянула в окно через просвет между портьерами. Она увидела мистера Талбота, сидящего в своем кресле. Муз лежал на полу рядом с ним. В комнате находились также еще двое – незнакомые Крисси мужчина и женщина. Мистер Талбот отбивал такт своей здоровой рукой по подлокотнику инвалидной коляски, а Муз отчаянно вертел хвостом, явно не попадая в такт музыке. Второй мужчина перекладывал яичницу со сковородки на тарелку, он то и дело поглядывал на женщину, видимо, не одобряя ее немислимого танца, но все же слегка притопывая правой ногой в ритме танца. Женщина с удивительной ловкостью перебрасывала поджаристые блинчики со сковородки на блюдо, в то же самое время она ни на секунду не переставала пританцовывать, она изгибалась всем телом, она дьявольски хорошо умела двигаться в танце.

Крисси опустила в окно на корточки и стала обдумывать увиденное. Для обычных людей такое поведение было бы нормальным, но пришельцы вряд ли стали бы так заводить себя от старой музыки, готовя свой завтрак. Крисси ни за что не поверила бы, что пришельцы – вроде этих оборотней-священников – имеют хоть какое-нибудь чувство юмора или ритма. Они, несомненно, заняты исключительно тем, что высматривают очередную жертву или изобретают новые рецепты приготовления блюд из несовершеннолетних.

Тем не менее Крисси решила подождать и посмотреть сначала, как эти люди ведут себя за столом. По репликам Такера и ее родителей вчера в лесу и по манерам фальшивого отца Кастелли она поняла, что пришельцы – обжоры, каких свет не видывал, каждый из них ест за пятерых. Если Гарри Талбот и его гости не станут сметать все со стола, как саранча, то она, пожалуй, сможет довериться им.

Глава 14

Ломен Уоткинс задержался в доме Пейзера, чтобы проследить за уборкой помещений и переносом тел «одержимых» в катафалк, присланный из похоронного бюро Каллана. Он остался в этом доме, так как не без оснований опасался за своих людей, которые, не выдержав искушения от запаха крови, могли бы потерять свой человеческий облик, а он

потерял бы столь нужных ему исполнителей его воли. Ломен знал, что все они, включая и его самого, все время балансируют на грани падения в бездну безумного превращения. По той же причине он поехал сопровождать катафалк до похоронного бюро и успокоился только тогда, когда трупы Пейзера и Шолника сгорели дотла в пламени печи крематория.

После этого он проверил по компьютерной связи, как продвигаются дела с поисками Букера, Тессы Локленд и Крисси Фостер, и дал новые указания патрулям. Сообщение из дома пастора Кастелли пришло к нему, когда он уже был у себя в офисе; Ломен сразу же отправился на место происшествия, чтобы из первых уст услышать рассказ о неудачной попытке поймать девчонку. Он услышал массу оправданий, большей частью весьма неуклюжих. Судя по всему, священник и его помощник не смогли удержаться и превратились в «одержимых», чтобы позабавиться с девчонкой. Им, наверное, не терпелось пощекотать себе нервы, устроив охоту на нее. Заигравшись, они ее и упустили. Конечно же, их невозможно теперь заставить признаться в этом прегрешении.

Ломен сразу же дал указания усилить патрули в районе костела, но это ничего не дало. Девчонка словно сквозь землю провалилась. Однако если уж она попала в город, а не пошла по направлению к автомагистрали, то у них появлялись хорошие шансы поймать ее и обратить еще до захода солнца.

В девять часов утра Ломен заехал к себе домой на Айсберри-уэй, чтобы позавтракать. После того как он едва не превратился в «одержимого» в залитой кровью комнате в доме Пейзера, он чувствовал, что мундир на нем висит мешком. Он потерял несколько фунтов веса, когда его организм вырабатывал энергию для превращения, а потом – для противодействия этому превращению.

В его доме было темно и тихо. Денни скорее всего опять сидит у себя наверху, уткнувшись в свой компьютер. Грейс, должно быть, ушла на работу. Она преподавала в школе Томаса Джефферсона, ей необходимо было делать вид, что все идет как обычно, ведь в Мунлайт-Кове еще не завершился процесс всеобщего обращения.

На данный момент ни один ребенок в возрасте до двенадцати лет еще не был обращен. Причиной тому были трудности, с которыми столкнулись инженеры компании, определявшие дозу, необходимую для несовершеннолетних. Буквально несколько часов назад проблему удалось решить, так что к полуночи все дети в городе должны будут пройти через эту болезненную процедуру:

Ломен постоял на кухне, прислушиваясь к шуму дождя и тиканью часов.

Налил в стакан воды, выпил, налил второй: организм после ночных происшествий был очень сильно обезвожен.

В холодильнике было полно еды: ветчина, ростбиф, половина жареной индейки, блюдо с бифштексами, куриные отбивные, колбаса, копченое мясо. Организм Новых людей требовал пищи, богатой белками, он совершенно не мог обходиться без мяса.

Ломен достал из шкафа хлеб, из холодильника – ростбиф, ветчину и банку горчицы. Он нарезал хлеб, мясо, намазал ломти мяса сверху горчицей и стал есть, откусывая большими кусками. Глотал, почти не прожевывая. Еда не доставляла ему теперь такого удовольствия, как прежде: запах еды, ее вкус вызывали только животное возбуждение, хотелось рвать пищу на куски зубами, не прибегая к помощи рук. Ломен пытался остановить себя, но это ему не удалось, он теперь пожирал завтрак совершенно по-животному. Он впал в какое-то полубессознательное состояние, загипнотизированный ритмом, в котором двигались его челюсти. В какой-то момент разум его прояснился, и он понял, что минуту назад достал из холодильника куриные отбивные и проглотил их, даже не заметив, что мясо было сырым.

После этого он вновь продолжал бессознательно поглощать пищу.

Закончив с едой, Ломен пошел наверх провести Денни.

Он открыл дверь. На первый взгляд все вокруг было точно так же, как вчера вечером. Жалюзи на окнах опущены, портьеры задернуты, только экран компьютера светился зеленоватым светом. Денни сидел перед компьютером, погруженный в цифры, проплывавшие по экрану.

В этот момент Ломен увидел нечто такое, что заставило его задрожать от ужаса.

Он закрыл глаза.

Подождал.

Открыл глаза.

Нет, ему не показалось.

Он почувствовал, что пол уходит у него из-под ног. Он хотел бы выбежать из комнаты в коридор, захлопнуть за собой дверь и, забыв, что он видел, убежать куда глаза глядят. Но ноги словно приросли к паркету, он не мог отвести глаз в сторону.

Денни отсоединил клавиатуру от компьютера и положил ее на пол. Потом снял с компьютера переднюю панель. Руки Денни держал на коленях, но Ломен вряд ли смог бы назвать их руками. Пальцы страшно изменились, они удлинились, и на их концах вместо ногтей появились провода, по виду похожие на медные жилы. Они змеились и исчезали во чреве компьютера.

Денни уже не нуждался в клавиатуре.

Он стал частью компьютерной системы. Через компьютер и модем он напрямую связал себя с центральным электронным мозгом компании «Новая волна». Он стал одним целым с компьютером «Солнце».

– Денни?

Его сын перешел в иное состояние, он не уподобился «одержимым». Он устремился не в прошлое, а в будущее, воплощая мечту Шаддэка.

– Денни? Мальчик не отвечал.

– Денни?

От того места, где стоял компьютер, до Ломена донеслись звуки, похожие на пощелкивание и гудение какого-то электронного устройства.

Ломен заставил себя войти в комнату и приблизиться к столу. Он посмотрел на своего сына и содрогнулся.

Нижняя челюсть у Денни отвисла. По подбородку текла слюна. Денни прирос к компьютеру настолько крепко, что, по всей видимости, забыл о еде и других естественных надобностях; он мочился под себя.

Глаза исчезли. На их месте появилось нечто, напоминающее две блестящие, как зеркала, сферы. В этих сферах отражались цифры, бегущие по экрану компьютера.

Пощелкивание и гудение, как теперь ясно понимал Ломен, исходили вовсе не от компьютера, эти звуки издавал Денни.

Глава 15

Яичница удалась на славу, блинчики были выше всяких похвал, дымящийся кофе был крепок ровно настолько, насколько это требовалось для полного удовольствия. За едой Сэм изложил друзьям свое понимание ситуации.

– Начнем с того, что ваш телефон, Гарри, все так же отключен, я уже проверял его сегодня утром. Рисковать жизнью, прорываясь из города пешком или на автомобиле, пока не стоит, они надежно блокировали все выходы из города, этот вариант мы оставим на самый крайний случай. Насколько я понимаю, кроме нас, в этом городе никто не видит ничего странного... или сверхъестественного в событиях этих дней. Никто не собирается поднимать тревогу. Кроме нас и еще этой дочери Фостеров, о которой я узнал из переговоров полицейских по компьютерной связи.

– Если речь на самом деле идет о ребенке, – вмешалась Тесса, – даже если она подросток, у нее почти нет шансов на спасение. Как это ни печально, но мы должны иметь в виду и самый трагический исход.

Сэм согласился с оценкой Тессы.

– Если такой же исход постигнет нас, когда мы попытаемся выбраться из города, то уже никто не сможет поднять тревогу. Поэтому мы должны выбрать вариант, связанный с

наименьшим риском.

– По-моему, при любом действии риск меньше, чем при бездействии, – высказал свою точку зрения Гарри.

Он расправлялся с остатками яичницы, помогая себе кусочком хлеба. Гарри удивительно ловко орудовал своей единственной здоровой рукой.

Сэм полил блинчики кленовым сиропом и понял, что у него не на шутку разыгрался аппетит. Перед смертью не наешься, подумал он, а вслух сказал:

– Видите ли, Гарри... весь этот город – не что иное, как огромная паутина.

– Паутина?

– Ну да. Паутина из компьютерной связи. Компания «Новая волна» оснастила этой связью местную полицию, а полиция оплела паутиной весь город.

– Они и для школ не пожалели компьютеров, – вспомнил Гарри, – я читал об этом в газетах весной или в начале лета. Компания оснастила компьютерами и программным обеспечением обе наши школы – начальную и среднюю. Они назвали это «жестом гражданской солидарности».

– Звучит весьма зловеще, если знаешь, к чему это привело, – вмешалась в разговор Тесса.

– Да, это была дьявольская затея. Тесса продолжала:

– Видимо, эти люди действовали с дальним прицелом. Они помогли своей техникой полиции, затем школе, а конечной целью было привязать и тех и других крепче к компании «Новая волна» и затем следить за каждым их шагом.

Сэм, разделавшись с блинчиками, положил вилку на стол.

– Если я не ошибаюсь, примерно одна треть горожан работает в «Новой волне»?

– Да, примерно так, – согласился Гарри. – Мунлайт-Ков очень разросся после того, как здесь десять лет назад обосновалась эта компания. По сути дела, весь город попал в зависимость от нее: компания не только дает работу, она во многом определяет жизнь в городе.

Сэм сделал несколько глотков кофе, по крепости не уступающего бренди.

– Треть всего населения... значит, так – это примерно сорок процентов всех взрослых в городе.

Гарри поддакнул:

– Да, где-то так.

– Если все сотрудники компании посвящены в тайны этого заговора, можно предположить, что они первыми прошли через... обращение.

– Это однозначно, – кивнула Тесса.

– Эти люди наверняка помешаны на компьютерах, так что дома они есть у всех, могу поспорить.

Никто спорить не стал.

– Несомненно также, что все эти компьютеры через модемы связаны с компанией и сотрудники могут работать дома по вечерам или в выходные дни. Сейчас, когда до полного обращения всех жителей остались считанные часы, я думаю, что сотрудники компании работают круглые сутки, даже ночью им надо обрабатывать поступающие данные. Если Гарри подскажет, кто из его соседей работает в «Новой волне»...

– Таких несколько, – перебил его Гарри.

– ...Тогда я мог бы незаметно проникнуть в один из этих домов. Если хозяин на работе, можно попытаться выйти на связь с внешним миром через его телефон.

– Погодите, погодите, – вмешалась Тесса, – вы же сами начали с того, что все телефоны в городе отключены.

Сэм пояснил:

– Нам известно только одно – отключены телефоны-автоматы и домашний телефон Гарри. «Новая волна» контролирует компьютер на телефонной станции. Значит, они могут выбирать, какую линию отключить, а какую нет. Бьюсь об заклад, что они не отключили

телефоны у тех, кто прошел через это... обращение. Им ведь обязательно нужна телефонная связь. Именно сейчас, когда все ждут окончания игры и работают сутками. Ставлю два против одного, что они отключили только телефоны-автоматы в гостиницах и у тех людей, кто еще не стал в ряды обращенных.

Глава 16

Ужас пронизал Ломена Уоткинса насквозь, наполнил его существо до такой степени, что, казалось, еще чуть-чуть, и он, подобно перенасыщенной влагой туче, прольется на землю ливневым дождем. Он был в ужасе от себя, от того, в кого он превратился. Он боялся не только за своего сына, ставшего одним целым с компьютером. Он боялся своего сына, боялся до смерти, ему было страшно прикоснуться к нему.

По экрану с бешеной скоростью проскакивали огромные потоки информации, казалось, зеленые волны накатываются на экран одна за другой. В глазах Денни, подобных двум шарикам ртути, отражался прибой из цифр, букв, графиков и таблиц. Глаза не моргали.

Ломен вспомнил слова Шаддэка, сказанные им в доме Пейзера. Шаддэк тогда убедился собственными глазами в ошибочности своей теории о генетической регрессии «одержимых». Пейзер в своем новом образе больше всего походил на волка, а волк явно не был в числе предков человека. Шаддэк сразу изобрел новую теорию, согласно которой новый человек приобретает способность усилием воли изменять свой внешний облик. Новые люди не могли мириться с полным отсутствием эмоциональных переживаний и искали способы компенсировать этот недостаток, превращаясь в примитивные существа. Исходя из этой теории, можно предположить, что его сын стремился именно к этому, желанному для него, но столь нелепому образу.

– Денни?

Молчание.

Никаких звуков теперь не стало слышно. Даже пощелкивание и гудение прекратились.

Металлические провода, тянущиеся от пальцев Денни к компьютеру, время от времени подрагивали, словно через них толчками пульсировала какая-то загадочная жидкость, подобная человеческой крови, соединяя механическую и органическую части единого механизма.

Ломен чувствовал, как сердце бешено колотится, как бы пытаясь вырваться на волю. Он и сам бы сейчас убежал из этой комнаты на край света, но ноги его приросли к полу. Он весь взмок. Он чувствовал, что бешеный расход энергии вскоре превратит в ничто те огромные запасы калорий, которые он проглотил за завтраком.

Он судорожно пытался сообразить, что ему надо теперь сделать. Первой в голову пришла мысль позвонить Шаддэку и попросить его о помощи. Шаддэк, возможно, понимает, что произошло с его сыном, и сможет, запустив обратный процесс, вернуть ему Денни.

«Если бы это было так», – опомнился Ломен. Он ведь прекрасно понимал, что проект «Лунный ястреб» вышел из-под контроля и пути этого эксперимента неисповедимы, в том числе и для самого Томаса Шаддэка.

Кроме того, Шаддэка вряд ли смутит то, что произошло с Денни. Он будет, наоборот, восхищен, он будет вне себя от восторга. Он увидит в этом нелепом превращении воплощение своей мечты о слиянии человека и машины. Он ведь стремился к этому всю жизнь.

В ушах Уоткинса до сих пор звучали слова Шаддэка, сказанные им в залитой кровью комнате в доме Пейзера: «...есть только одна вещь, которую я не понимаю. Почему все без исключения „одержимые“ избрали для себя способ примитивного существования? Ведь все вы, несомненно, имеете возможности для совершенствования. Вы можете свободно развиваться, превосходить остальных людей во всем, становиться выше, чище, здоровее...»

На взгляд Ломена, все в случае с его сыном было иначе. Уродливые пальцы-провода и глаза-экраны вовсе не свидетельствовали о переходе в новую, высшую форму

существования. Это была просто еще одна из форм вырождения, она была ничем не лучше, чем волчья статья Майкла Пейзера или пародия на обезьяну Кумбса. Подобно Пейзеру, Денни принес в жертву интеллектуальную индивидуальность для того, чтобы убежать от действительности; просто вместо того, чтобы стать одним из членов примитивного стада, он выбрал для себя стадо более возвышенное – компьютерное. Денни принес в жертву последнее, что делало его человеком, – свой разум и превратился в примитивное существо, не сравнимое по сложности с человеческой личностью.

С подбородка Денни на его рубашку сполз сгусток слюны, оставив на ткани мокрый след.

«Ведом ли тебе страх, Денни? – подумал Ломен. – Наверняка тебе уже неведома любовь. Так же, как и мне. Но боишься ли ты чего-нибудь?»

Конечно же, нет. У машин нет чувства страха.

Обращение лишило Уоткинса всех чувств, кроме страха, теперь все его дни и ночи превратились в бесконечную череду страхов и беспокойств. Но, несмотря на все это, он начал со временем испытывать противоестественную любовь к страху, он даже лелеял его в себе, так как именно страх был тем чувством, которое роднило его с прошлым. Если у него отнимут и страх, он полностью превратится в машину. В его жизни тогда не останется ничего человеческого.

Денни принес в жертву это свое последнее и потому бесценное чувство. В его жизни остались только логика, аксиомы, бесконечные цепи математических расчетов, бесконечная обработка и толкование фактов. И если Шаддэк не ошибается в своем прогнозе о продолжительности жизни Новых людей, то непомерно длинные, серые дни Денни растянутся на долгие столетия.

Внезапно Денни снова начал издавать странные «электронные» звуки. Они, отражаясь, от стен, наполнили комнату.

Эти звуки напоминали какие-то мрачные возгласы и крики, которые могли бы, вероятно, издавать обитатели океанских глубин.

Если Шаддэк появится здесь и увидит Денни, он совсем свихнется от радости и уже не сможет остановиться. Он будет изо всех сил пытаться превратить всех остальных Новых людей в подобие Денни. Он захочет иметь целую армию кибернетических монстров. От такой перспективы у Ломена зашевелились волосы на голове.

Электронное существо вновь смолкло.

Ломен достал из кобуры револьвер. Руки его дрожали.

По экрану еще быстрее помчались волны цифр и символов, эти же волны мчались в сферах-глазах Денни.

Не отрывая взгляда от существа, которое совсем недавно было его сыном, Ломен пытался вызвать в себе те чувства, которые он когда-то испытывал к Денни: отцовскую любовь, гордость за его успехи, надежды на счастливое будущее своего ребенка. Он пытался восстановить в памяти их поездки на рыбную ловлю, вечера у телевизора, книги, которые они вместе читали, долгие часы совместной работы над сложными заданиями для школы. Он хотел вспомнить то Рождество, когда Денни получил в подарок свой первый велосипед, тот день, когда Денни впервые привел в дом свою подружку – дочку Талмаджа... Ломен был в состоянии воссоздать картины тех дней до мельчайших подробностей, но они не согревали его. Он понимал, что он должен что-то чувствовать, если собирается через минуту застрелить своего собственного сына, он должен ощущать еще что-то, кроме страха, но у него ничего не получалось. Если бы в нем осталось еще хоть чуть-чуть человечности, он был бы в состоянии проронить слезу, хотя бы одну-единственную. Но его глаза были сухими, в них не было слез.

Внезапно на лбу у Денни появился какой-то странный нарост.

Ломен вскрикнул и от удивления попятился назад.

Сначала ему показалось, что нарост превращается у него на глазах в червя, так как поверхность отростка разделяется на сегменты и маслянисто поблескивает. Отросток был

толщиной с карандаш. Но, по мере того как он удлинялся, Уоткинс все больше убеждался в том, что новообразование не имеет ничего общего с живой природой, а скорее относится к технике – на конце у этого странного провода имелся электрический разъем. Подобно отвратительному пресмыкающемуся, этот отросток раскачивался перед лицом Денни, удаляясь от него все дальше. В конце концов он коснулся компьютера и остановился.

«Денни сам пожелал, чтобы все произошло именно так», – напомнил Ломен сам себе.

Дух повелевал материей, генетика здесь была ни при чем. Сила воли воплощалась в материальную силу, речь не шла о биологическом безумии. Денни стремился к этому превращению, иной он не представлял себе свою жизнь. Если он не мог иначе, разве был кто-нибудь в состоянии помешать этому?

Отвратительный червеобразный отросток проник во внутренности компьютера, исчез в них и, вероятно, замкнул свои контакты там, где нужно, связав Денни с машиной в еще более прочную пару.

Раздался ужасающий «электронный» возглас. Ни губы, ни язык Денни при этом не шевельнулись. У Ломена кровь застыла в жилах.

Страх Ломена перед решительным шагом был разрушен другим страхом – страхом бездействия. Он сделал несколько шагов вперед, приставил револьвер к правому виску Денни и два раза нажал на спусковой крючок.

Глава 17

Крисси сидела, сжавшись в комок, на заднем крыльце дома Талбота. Время от времени она осторожно заглядывала в окно кухни, в которой трое людей что-то оживленно обсуждали, забыв про свой завтрак. Постепенно Крисси убеждалась, что этим людям вполне можно довериться. Она могла слышать сквозь оконное стекло за неумолчным шумом дождя лишь обрывки их разговора. Однако даже по этим обрывкам Крисси поняла, что эти люди обсуждают трагические события в городе. Она поняла также, что двое незнакомцев прячутся в доме у мистера Талбота и скрываются, возможно, от тех же самых существ, от которых скрывается она сама. Она даже услышала, что они разрабатывают план, как связаться с внешним миром.

Крисси решила, что в дверь стучать не стоит. Дверь была массивная, в верхней части у нее не было стекла, так что обитатели дома не могли видеть, кто стучит. Крисси к тому же понимала, что нервы у этих людей на пределе. Неожиданный стук в дверь может довести их до инфаркта, или, чего доброго, они схватятся за ружья и разнесут дверь в щепки, а вместе с дверью достанется и Крисси.

Вместо этого Крисси просто поднялась во весь рост и постучала в окно.

Мистер Талбот от удивления вскинул голову и повернулся к окну, в тот же момент мужчина и женщина вскочили со стульев, словно куклы, которых дернули за веревочки.

Муз залаял. Все трое, а также и собака замерли, уставившись в окно. Если судить по выражению их лиц, то можно было подумать, что за окном находится не одиннадцатилетняя девочка, а маньяк, вооруженный стальной цепью, с маской на безобразном лице.

Вероятно, здесь, в городе, кишасшем кровожадными пришельцами, даже маленькая, промокшая до нитки, изможденная девочка могла напугать взрослых людей, видящих опасность на каждом шагу. И в надежде рассеять их страх она прокричала сквозь оконное стекло: , – Помогите мне! Помогите мне, пожалуйста!

Глава 18

Машина завывала. Две пули, выпущенные в висок, раскроили ее череп и сбросили тело на пол. Провода, тянувшиеся от пальцев, порвались. Червеобразный отросток лопнул. Машина корчилась на полу в страшнейших судорогах.

Ломен мог думать о теле, распростертом на полу, только как о машине. Он не мог

думать о нем как о своем сыне. Это было бы невыносимо.

Лицо умирающего было искорежено выстрелами, превращено в асимметричную, сверхъестественную маску.

Глаза, минуту назад сверкавшие серебром, сейчас почернели. Казалось, что кто-то вместо шариков ртути поместил в глазницы две капли черной нефти.

В трещине, расщелившей череп пополам, Ломен увидел вместо серого вещества мозга сплетение проводников и какое-то подобие электронных плат, похожих на керамические пластинки. Из раны вытекала кровь и струился голубоватый дым.

Машина взывала еще громче. Но на этот раз «электронный» крик донесся не со стороны умирающего тела, а из компьютера, стоящего на столе. Звук был странным, в нем слышалось что-то жалобное, человеческое.

Впечатление было такое, что в компьютере осталась часть разума Денни.

Поток цифр и символов на экране вдруг остановился. Вместо него весь экран стало заполнять одно-единственное слово, повторенное тысячи раз:

НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ...

В этот момент Ломен осознал, что Денни, его сын, умер лишь наполовину. Разум, живший в теле мальчика, угас, а часть его, переселившаяся в компьютер, продолжала жить. Именно эта часть стонала сейчас металлическим голосом машины.

На экране появились другие слова:

Я ПОТЕРЯЛ СЕБЯ, Я ПОТЕРЯЛ СЕБЯ, Я ПОТЕРЯЛ СЕБЯ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ...

Ломен почувствовал, как стынет его кровь, он никогда раньше не знал, что на сердце может быть так холодно.

Он попятился назад от лежащего на полу тела и прицелился в компьютер на столе. Он расстрелял в него все патроны, первым же выстрелом разбив стекло экрана. Вокруг сразу стало темно. Электронный мозг компьютера был уничтожен. Из него вылетели тысячи искр. Погасла последняя искра, и комната погрузилась в полную темноту.

В помещении стоял запах горелой изоляции.

Ломен выбрался из комнаты на лестничную площадку, постоял, привалившись к стене, и начал спускаться вниз.

Он перезарядил свой револьвер и положил его в кобуру.

На улице все так же шел дождь.

Ломен сел в машину и включил зажигание.

– Шаддэк, – произнес он вслух.

Глава 19

Тесса, не теряя ни минуты, взяла на себя заботу о Крисси. Она отвела ее наверх, оставив Гарри, Сэма и Муза в кухне, и первым делом помогла девочке снять с себя мокрую одежду.

– Э, да у тебя зуб на зуб не попадает, крошка.

– Мое счастье, что я их не лишилась нынешней ночью.

– Да у тебя вся кожа синяя, как у индейки.

– Мое счастье, что ее с меня не содрали.

– Я заметила, что ты хромаешь.

– Да, я растянула лодыжку.

– Ты уверена, что это всего лишь растяжение?

– Да, ничего серьезного. А кроме того...

– Я знаю, – перебила ее Тесса, – твоё счастье, что у тебя еще есть лодыжки.

– Да, я именно это хотела сказать. Так как, насколько я знаю, пришельцам человеческие лодыжки очень по вкусу, они для них то же самое, что для некоторых людей – куриные ножки.

Крисси села на край кровати, закутавшись в шерстяное покрывало, и ждала, пока Тесса достанет из бельевого шкафа кусок ткани и из коробки для шитья несколько английских булавок.

– Рубашки, которые носит Гарри, для тебя слишком велики, так что я приспособлю для тебя вот эту ткань. А пока твоя одежда будет сушиться, мы спустимся вниз, и ты расскажешь Гарри, Сэму и мне все, что с тобой произошло.

– Это было настоящее приключение, – начала Крисси.

– По тебе заметно, что пришлось несладко.

– Из этих приключений могла бы получиться целая книга.

– Ты любишь книги?

– Да, очень.

Краснея, но решив вести себя достойно и не капризничать, Крисси сбросила с себя покрывало и позволила Тессе закатать ее в кусок ткани. Тесса при помощи булавок соорудила что-то вроде римской тоги.

Пока Тесса трудилась над ее нарядом, Крисси продолжала рассуждать:

– Я, наверное, когда-нибудь напишу книгу о том, что случилось со мной в этот день. У нее будет название «Нашествие пришельцев» или «Гнездо королевы пришельцев». Второе название мне меньше нравится, я его возьму, только если где-нибудь действительно обнаружится гнездо «королевы пришельцев». Я не знаю, может быть, им и гнезда не нужны, может быть, они размножаются как-то иначе, не так, как змеи или насекомые. Может быть, они устроены как растения? Кто знает? Если окажется так, я назову книжку «Семена из космоса», «Растения из невесомости» или «Мерзкие марсианские мухоморы». Правда, хорошо, когда в названиях книг есть аллитерация? Аллитерация. Вам нравится это слово? Мне – очень. Я вообще люблю красивые слова. Конечно, можно найти и более поэтичное название для книги, например: «Корни пришельцев» или «Листья пришельцев». Послушайте, что я поняла – если они в самом деле растения, то мы спасены – их начнут есть какие-нибудь жуки или червяки, у них, у пришельцев, ведь еще нет иммунитета против вредителей растений. Помните, именно так случилось с марсианами в романе «Война миров».

Тессе совсем не хотелось разубеждать девочку и говорить ей, что враги спустились вовсе не со звезд. Ей очень нравилось слушать рассуждения Крисси. Тесса вдруг заметила, что левая рука Крисси тоже пострадала. Вся ладонь была расцарапана, на ней запеклась кровь.

– Это произошло, когда я спрыгнула с крыши над крыльцом дома пастора, – объяснила Крисси.

– Ты прыгала с крыши?

– Да. Представьте себе, это было так захватывающе. Это чудо-юдо, этот волк полез в окошко вслед за мной, и мне уже некуда было деваться. Я прыгнула и растянула себе лодыжку, а потом бежала через весь двор до калитки от этих тварей. Вы знаете, мисс Локленд...

– Называй меня просто Тесса.

Крисси никогда не называла взрослых по имени. Она какое-то время молчала, словно собираясь стоять на своем. Но потом решила, что отказывать в такой просьбе – это все-таки грубо, и продолжила:

– Хорошо... Тесса. Так вот. Я до сих пор так и не поняла, что же пришельцы собираются с нами делать, если мы попадем к ним в лапы. Может быть, они любят почки и для этого убивают людей? А может, они вовсе и не людоеды? Может быть, они просто запускают каких-нибудь особых насекомых в уши людей и эти насекомые пробираются в человеческий мозг, и он становится управляемым на расстоянии? В любом случае я правильно сделала, что спрыгнула с крыши и не попала в лапы этим пришельцам.

Закончив с тойгой, Тесса повела Крисси вниз. По пути она зашла в ванную комнату и заглянула в аптечку, чтобы выбрать какое-нибудь лекарство для расцарапанной ладони Крисси. В аптечке нашелся пузырек с йодом, пластырь и несколько ватных тампонов,

которые пролежали здесь так долго, что упаковочная бумага успела пожелтеть. Но вата внутри осталась белоснежной, йод от времени также не пострадал.

Крисси села на край ванны, закуталась в тогу и стойчески терпела, пока Тесса обрабатывала ей рану. Она не заплакала, даже не пискнула от боли.

Но рот у нее не закрывался:

– Так получилось, что вообще-то я падала с крыши два раза в своей жизни. Наверное, мой ангел-хранитель спасает меня и следит, чтобы я не разбилась. Первый раз я падала с крыши полтора года назад. Это было весной. Птицы, кажется, это были скворцы, построили гнездо на крыше конюшни. А мне обязательно нужно было посмотреть, как выглядят птенцы в гнезде. Так вот, когда родителей не было дома, я взяла лестницу и, дождавшись, когда мама этих птенцов улетела, быстренько забралась на самый верх. Ну, скажу вам, зрелище. Эти птенцы, оказывается, пока они еще не обросли перьями, уроды уродами. Конечно, не такие страшные, как эти прищельцы, но все равно лучше на них не смотреть. Они все какие-то морщинистые, у них на голове только клюв и глаза, а крылья – как сломанные руки. Если бы у людей младенцы выглядели такими уродами, я думаю, человеческая раса давно бы вымерла: никто бы не захотел видеть перед собой такое создание.

Тесса продолжала смазывать ладонь Крисси йодом, пытаясь скрыть улыбку. В какой-то момент она исподтишка взглянула на Крисси и увидела, что девочка зажмурилась и скорчила гримасу, стараясь не выдать криком, как ей больно.

– Так вот, вскоре вернулись папа и мама – скворцы, – продолжала Крисси. – Они увидели, что я добралась до их гнезда, и начали кричать и бросаться на меня. Я до такой степени испугалась, что сорвалась с лестницы и упала вниз. И совершенно, ну ни капельки не ушиблась, но упала прямо в кучу конского навоза. Вот уж тоже мало приятного, скажу вам. Я, конечно, люблю лошадей, но они были бы в тысячу раз прият-, нее, если бы научились для таких дел пользоваться картонками, как кошки.

Тесса была от этой девочки просто без ума.

Глава 20

Сэм навалился на стол локтями и внимательно слушал рассказ Крисси Фостер. Да, конечно, Тесса слышала крики «призраков» во время бойни в «Ков-Лодже» и мельком видела ноги одного из них. Гарри тоже не раз видел их, но на достаточно большом расстоянии, сквозь туман и ночью. Сэму тоже довелось увидеть двух «призраков» нынешней ночью через окно. Однако Крисси была единственной из присутствующих, кто встречался с ними лицом к лицу и неоднократно.

Но не только это привлекало внимание Сэма. Он был также увлечен ее живыми манерами, хорошим чувством юмора и богатством мимики. Девочка, совершенно очевидно, обладала немалой силой духа, у нее была не по годам сильная воля, без которой ей ни за что не удалось бы выжить нынешней ночью и утром. При всем при этом она сумела сохранить очаровательное впечатление непосредственности, ее воля вовсе не ожесточила ее. Она была из тех детей, глядя на которых понимаешь, что для жалкого человеческого рода еще не все потеряно.

Когда-то и его Скотт был таким ребенком. Именно поэтому Сэм любовался Крисси Фостер. Он видел в ней своего потерянного сына. Таким, каким он был до... превращения. Он смотрел на Крисси и слушал ее с таким острым чувством невозвратимой потери, что эта боль отдавалась в сердце и перехватывала горло. Он словно ожидал не только услышать от девочки нужную ему информацию, но и получить от нее ответ на вопрос, почему его собственный сын потерял разом и всю надежду, и всю свою непосредственность.

Глава 21

Спрятавшись в темноте подвала бывшей колонии «Икар», Такер и его стая не смыкали

глаз, так как совсем не нуждались в сне для пополнения сил. Они просто лежали, свернувшись клубком. Время от времени Такер и другой самец совокуплялись с самкой, и во время этих соитий они, не жалея друг друга, царапались до крови. Им просто надо было ощущать запах свежей крови, чтобы удовлетворять свои инстинкты.

Темнота и замкнутость их бетонного убежища-склепа привели к тому, что Такер постепенно стал плохо ориентироваться в пространстве и времени. Он почти ничего сейчас уже не помнил о той части своей жизни, которая предшествовала вчерашнему превращению в зверя и ночной охоте. Он почти не осознавал себя как индивидуальность. Нельзя слишком выделяться, когда стая выходит на охоту, еще меньше причин для этого, если прячешься в темном уютном убежище. В этом замкнутом пространстве они были прежде всего стаей, единым организмом, в котором ни одна из частей не имела права на самостоятельность. Перед внутренним взором Такера проплывали образы диких, сливающихся с тенями существ, которые крадутся по ночным лесам и лунным полянам. Время от времени человеческие видения также появлялись в его сознании, но эти образы лишь пугали его, и он отгонял их подальше, чтобы вновь погрузиться в атмосферу охоты, погони и соитий. В этом мире насилия он переставал быть собой и принадлежал только своей стае. Он был лишь одним из краев одной большой тени, он был лишь одним отростком большого организма. Ему не надо было думать ни о чем, у него было только одно желание – чтобы его существование длилось дольше и дольше.

В какой-то момент он понял, что он уже выскользнул из своей волчьей формы, которая стала для него слишком тесной. Он уже больше не хотел быть вожаком стаи, в этой роли было слишком много ответственности, надо было хоть немного, но думать. А он хотел не думать совсем. Просто быть. Существовать. Ограничения любой физической формы казались ему нестерпимыми.

Он чувствовал, что второй самец и самка следили за его вырождением и брали с него пример.

Он чувствовал, как плавится его плоть, как растворяются его кости, как его внутренние органы и сосуды теряют свои формы и функции. Он опустился по лестнице эволюции, миновав стадию первобытной обезьяны, миновав стадию примитивных существ, выползших из моря на сушу миллионы лет тому назад, он опускался все ниже и ниже, пока не превратился в жидкую пульсирующую массу, в суп из протоплазмы, содрогающийся в темном подвале бывшей колонии «Икар».

Глава 22

Ломен позвонил в дверь резиденции Шаддэка, ему открыл Эван, дворецкий.

– Извините, мистер Уоткинс, но господина Шаддэка нет дома.

– Где он?

– Не знаю.

Эван был уже обращен в Нового человека. Ломен хотел действовать наверняка и выстрелил ему сначала два раза в голову, а затем два раза в грудь. Теперь дворецкий лежал на полу в прихожей, мозг и сердце его были уничтожены. Или правильнее было бы называть их процессором и насосом. В каких терминах нужно было говорить об этих существах? В терминах биологии или механики? Насколько они приблизились к машинам?

Ломен прикрыл входную дверь и переступил через тело Эвана. Он дозарядил свой револьвер и обыскал весь огромный дом комнату за комнатой, этаж за этажом. Он искал Шаддэка. Ломен надеялся, что им будет двигать всепоглощающее чувство мести, он будет сгорать от ярости, и успокоение придет только тогда, когда он увидит Шаддэка мертвым у своих ног. Но всех этих чувств он так и не испытал.

Смерть его сына не расплавила лед в его сердце. Он не испытывал ни раскаяния, ни ярости.

Им двигало лишь одно чувство – чувство страха. Он хотел убить Шаддэка, прежде чем

сумасшедший гений превратит его в нечто еще более ужасное.

Если он убьет Шаддэка, который постоянно находится на связи с суперкомпьютером «Новой волны» – по этой связи передается телеметрическая информация о сердечном ритме его шефа, – то суперкомпьютер «Солнце» выдаст команду на уничтожение. По микроволновой связи эта команда будет принята всеми микросферами, внедренными в тела Новых людей. Каждая из этих микросфер в то же мгновение выполнит программу, направленную на остановку сердца у своего хозяина. Все «обращенные» в Мунлайт-Кове погибнут мгновенно. Вместе со всеми погибнет и он, Ломен.

Но теперь Ломена это не волновало. Страх перед его нынешней жизнью перевешивал страх смерти. Он боялся превратиться или в «одержимого», или во что-то не менее, по его понятиям, безобразное – в человека-компьютер, в улучшенную копию его сына Денни.

Он ясно представлял себе, каким он будет, – сверкающие ртутью шарики глаз, червеобразный отросток, тянущийся от его лба к компьютеру. Ломен почувствовал, что сходит с ума, ему хотелось бежать, удрать из своего тела, из той оболочки, которую он вынужден носить на себе.

Убедившись, что дома Шаддэка нет, Ломен решил отправиться в его офис в компании «Новая волна». Вероятно, творец нового мира укрылся там, чтобы нарисовать новые картины ада, который он почему-то все время называл раем.

Глава 23

Сэм собрался выходить в начале двенадцатого. Тесса вышла на заднее крыльцо дома вместе с ним и закрыла за собой дверь, оставив Гарри и Крисси на кухне. Деревья за домом были высокими, и соседи никак не могли заметить их, укрывшихся в тени под крышей крыльца.

– Послушайте, – начала она, – вам нет никакого смысла идти одному.

– Напротив, в этом есть очень большой смысл. Воздух был сырым и холодным. Тесса поплотнее закуталась в свою куртку и сказала:

– Я бы могла звонить в звонок у парадного входа и отвлекать внимание хозяина, а в это время вы проникли бы в дом с заднего входа.

– Я не хочу подвергать вас опасности.

– Я позабочусь о себе сама.

– То, что вы вполне самостоятельная, я знаю.

– Так пойдемте вместе?

– Нет, я всегда буду действовать в одиночку.

– Да, вы, кажется, возвели свое одиночество в жизненный принцип.

Сэм усмехнулся:

– Надеюсь, мы не будем сейчас вновь затевать перебранку о том, что такое жизнь – сплошное удовольствие или ад на земле?

– Что вы, Сэм. Мы вовсе не бранились с вами, а немного поспорили.

– Хорошо-хорошо. Но поймите, я ведь не случайно специализируюсь на нелегальных операциях, у меня в этом деле большой опыт. Я привык работать в одиночку, Тесса, мне не нужен помощник еще и по той причине, что я не хочу видеть впредь, как люди умирают у меня на глазах. Тесса поняла, что последняя фраза Сэма относилась не только к его коллегам по работе, убитым на заданиях, но и к его умершей жене.

– Оставайтесь здесь с Крисси, – продолжал Сэм, – и постарайтесь уберечь ее при любых обстоятельствах. Она, кстати, во многом такая, как и вы.

– Что вы сказали?

– Она одна из тех, кто умеет радоваться жизни. Она влюблена в жизнь, по-настоящему влюблена, что бы с ней в этой жизни ни случилось. Это редкий и бесценный дар.

– Но ведь вы тоже умеете это делать?

– Нет, я никогда не умел.

– Но черт бы вас побрал с вашим пессимизмом, ведь каждый человек рождается со способностью радоваться жизни. Вы не потеряли эту способность, уверяю вас. Вы просто забыли, где она спрятана в вас, вы обязательно вновь ее найдете.

– Берегите Крисси, – повторил Сэм, спускаясь с крыльца под нескончаемый дождь.

– Не забудьте, что вы обязательно должны вернуться целым и невредимым. Вы же обещали рассказать мне, что ждет нас там, в конце тоннеля, на том свете. Так что придется вам вернуться живым.

Сэм уже шел к калитке, исчезая в серебристых потоках дождя и в облаках густого тумана.

Тесса смотрела ему вслед и понимала, что, даже если он никогда не расскажет ей о том свете, она все равно будет ждать его возвращения. Для этого появилось много других, сложных и удивительных причин.

Глава 24

Дом Кольтрана был вторым по счету от дома Талбота, если идти к югу по улице Конкистадоров. Двухэтажный дом. Покатая крыша из деревянной черепицы. Вместо заднего крыльца в доме был крытый внутренний дворик.

Сэм прокрался вдоль задней стены дома и под стук дождя по крыше, напоминающий треск поленьев в камине, проник во внутренний двор, а из него – через стеклянные двери – в мрачную прихожую. Следующая дверь вела в кухню. На пороге кухни Сэм вытащил свой револьвер из кобуры.

Конечно, в дом можно было попасть и с парадного входа, позвонив в звонок, это, по крайней мере, не вызвало бы у обитателей дома никаких подозрений. Но, чтобы проделать это, требовалось выйти на улицу. Там его могли заметить не только соседи, но и патрули, о которых упоминала Крисси.

Сэм постучал в дверь. Четыре коротких удара. Никто не ответил. Сэм снова постучал, погромче, затем забарабанил со всей силой. Если бы кто-нибудь был дома, ему наверняка ответили бы из-за двери.

Если никто не отвечает, это означает только одно – Харли и Сью Кольтран сейчас на работе, ведь они – служащие компании «Новая волна».

Дверь в кухню была закрыта. Сэм надеялся, что не на ключ.

Свои инструменты Сэм оставил у Гарри дома, с собой у него была только тонкая металлическая пластинка. В телевизионных спектаклях задвижку на двери часто открывают, используя пластмассовую кредитную карточку, но этот нехитрый инструмент очень ненадежен и часто трескается, если его просовывают в дверную щель. Сэм предпочитал старые проверенные способы. Он осторожно ввел пластинку в щель между дверью и дверной рамой, продвинул ее под язычок замка и давил до тех пор, пока задвижка не вышла. Слава Богу, дверь не была заперта на ключ. Сэм надавил на нее, и она, слегка скрипнув, легко отворилась.

Сэм вошел в кухню и прикрыл за собой дверь, проследив за тем, чтобы она снова не захлопнулась. Если ему придется спасаться бегством, то времени на возню с дверью лучше не терять.

В кухне было темно, лишь слабый свет дождливого дня проникал в окно. При этом свете казалось, что поли плитка на стенах были выполнены из какого-то серого однородного материала.

Минуту Сэм стоял неподвижно, прислушиваясь.

Слышно было только тиканье настенных часов.

По крыше стучал дождь.

Волосы сбились Сэму на лоб, он рукой убрал их назад.

Когда он сделал шаг, его промокшие ботинки предательски заскрипели.

Он направился прямо к телефону, который был укреплен на стене над боковым

кухонным столиком. Он поднял трубку – гудка не было. Однако телефон не был отключен, в трубке что-то попискивало, раздавались щелчки, слабые гудки – все это вместе сливалось в какую-то мрачную неземную мелодию, музыку электронных устройств.

Сэм почувствовал, что на него повеяло холодом.

Он осторожно, стараясь не шуметь, положил трубку на рычаг.

Сэму пришла в голову мысль о том, что такие сигналы, возможно, слышны в телефонной трубке, если кто-то использует эту линию для компьютерной модемной связи. Может быть, кто-то из супругов Кольтран работает сейчас дома и находится на компьютерной связи с компанией «Новая волна»?

Шестым чувством Сэм понимал, что происхождение этих звуков имеет какое-то иное, невероятное объяснение.

Дверь из кухни вела в столовую. Два больших окна в столовой были завешены полупрозрачными занавесками, от них сумрак в комнате становился совсем густым. Шкаф, стол и стулья казались не предметами, а лишь тенями от вещей.

Сэм вновь стал вслушиваться в тишину. Никаких звуков.

Дом был выстроен в классическом калифорнийском стиле, в нем не было холла на первом этаже. Из одной комнаты в другую вели проходы с арками без дверей. Через один из таких проходов он вошел в гостиную, где, слава Богу, на полах было сплошное ковровое покрытие, и его хлюпающие ботинки не издавали почти никаких звуков.

В гостиной было чуточку светлее, чем в других комнатах дома, но и здесь серый цвет преобладал над всеми остальными. Часть окон гостиной выходила на парадное крыльцо, и в них не стучал дождь. Но дождь всюду заливал окна с северной стороны комнаты, и слабый свет из этих окон разбивался на множество черных точек, скользивших вниз. Сэму казалось, что по стеклу ползут тысячи амёб, казалось, вот-вот, и они переползут на него и он ощутит на своей коже тысячи скользких прикосновений.

Это освещение и скверное настроение создавали ощущение какого-то старого черно-белого кино. Словно он попал на старый фильм ужасов.

В гостиной никого не было, но неожиданно из какого-то помещения первого этажа донесся громкий звук – по всей видимости, из комнаты, находившейся в юго-западном углу дома. Там, за небольшим холлом, как заметил Сэм, была дверь. Сначала это был вопль, заставивший его вздрогнуть, за этим воплем последовал крик, который не мог быть ни голосом человека, ни ревом машины, это было нечто среднее, это был какой-то металлический возглас, в котором слышались ужас и отчаяние. Вслед за ним раздалось глухие пульсирующие звуки, словно где-то билось сердце и его удары усиливались мощным усилителем.

Затем вновь наступила тишина.

Сэм поднял револьвер, он готов был выстрелить в любой предмет, который сдвинется с места. Но все вокруг было неподвижно, ничто не нарушало тишины.

Этот вопль, этот странный крик ни в коем случае не могли издавать «призраки», которых он видел прошлой ночью из окна дома Гарри и которых описывала им Крисси. До этой минуты он больше всего опасался встречи именно с такими существами. Но теперь столкновение с новым чудовищем пугало еще больше.

Сэм выжидал. Больше не было слышно ни звука.

У него было необъяснимое чувство, что кто-то прислушивается к его шагам так же внимательно, как он прислушивается к шорохам в доме.

Сэм уже начал подумывать, не вернуться ли ему в дом Гарри, чтобы разработать новый план связи с ФБР. Мексиканская кухня, пиво «Гиннес» и фильмы с Голди Хоун – особенно «В полном разгаре» – теперь казались ему бесценными сокровищами, они были сейчас для него не надуманным смыслом существования, а удовольствиями настолько изысканными, что у него не было слов, чтобы описать их.

Единственной причиной, которая не позволила ему покинуть этот чертов дом, была Крисси Фостер. Он вспомнил ее сверкающие чистые глаза. Ее непосредственное детское

лицо. Ее оживление и выразительность, с которыми она пересказывала свои приключения. Да, он, наверное, потерял Скотта, и, наверное, уже поздно что-то исправить. Но Крисси была еще жива в самых разных смыслах этого слова – она была жива физически, умственно, эмоционально, – и ее жизнь зависела от него, от Сэма. Никто другой не сможет спасти ее от обращения.

До наступления полуночи оставалось чуть меньше двенадцати часов.

Сэм прошел через гостиную и вышел в коридор. Он прижался спиной к стене в нескольких шагах от полуоткрытой двери в комнату, из которой доносились странные звуки.

В данный момент там раздавалось какое-то пощелкивание.

Сэм напрягся и приготовился действовать.

Звуки были негромкими и мягкими. Они совсем не были похожи на скрежет когтей по стеклу, который он слышал прошедшей ночью. Звук был похож скорее на щелканье контактов многочисленных реле, на звук от падения множества костяшек домино: щелк-щелк-щелк-щелк-щелк-щелк-щелк-щелк...

Снова стало тихо.

Держа револьвер обеими руками, Сэм ступил на порог комнаты и толкнул дверь ногой. Он шагнул в комнату и сразу же занял удобную позицию для стрельбы.

Жалюзи на окнах были опущены, и комната освещалась только светом от двух компьютерных экранов. На экранах были фильтры, они превращали изображение в черный текст на янтарно-желтом фоне. Из-за этого все предметы в комнате, на которые падал свет, как бы светились золотом. Перед терминалами спиной друг к другу сидели два человека.

– Не двигаться! – выкрикнул Сэм.

Люди за компьютерами никак не отреагировали. Они были настолько неподвижны, что сначала Сэм подумал, что они мертвы.

Необычное освещение в комнате с непривычки резало глаза. Когда глаза привыкли к этому свету, Сэм увидел, что люди за компьютерами не только неподвижны, но и мало чем напоминают обычных людей. Холодная волна ужаса судорогой прошла по его телу.

Голый человек, не обращающий никакого внимания на Сэма, был, по всей вероятности, Харли Кольтраном. Он сидел в рабочем вращающемся кресле на колесиках перед компьютером в правой части комнаты и был соединен с компьютером посредством двух кабелей в дюйм толщиной. Эти кабели, казалось, состояли из какого-то органического, телесного материала и светились как живые в янтарном свете экрана.

Они тянулись от компьютерного блока, с которого была снята передняя панель, прямо в грудную клетку мужчины, под его ребра, они сливались с кожей в одно целое. Они пульсировали.

– Боже праведный, – прошептал Сэм.

Руки ниже локтя, казалось, были полностью лишены плоти и кожи, от них остались только сверкающие золотом кости. Эти кости торчали из локтевого сустава подобно рычагам механического робота. Клеммы на концах костей плотно удерживали кабели.

Когда Сэм приблизился к Кольтрану, то увидел, что и суставы, из которых торчали кости, были не похожи на человеческие, кости были скреплены жестко и даже армированы металлическими прутьями. Сэм с ужасом наблюдал, с какой страшной силой вибрируют кабели. Если бы не захваты-руки, эти кабели давно порвались бы.

Беги отсюда.

Это шептал ему внутренний голос, он уговаривал его уходить, и как можно скорее. Но этот голос не принадлежал взрослому Сэму Букеру, это был голос Сэма-ребенка. Душа своим детским голосом призывала его спастись, она звала его вырваться из этого ужаса. Крайняя степень ужаса, подобно машине времени, в одно мгновение перенесла его на много лет назад, в то забытое, но невыносимое состояние, в котором дети проводят часть своего детства.

Уходи отсюда, беги, беги, уходи отсюда.

Сэм изо всех сил старался не поддаваться искушению.

Он хотел понять. Что здесь происходит? Что случилось с этими людьми? Почему? В какой связи это находится с «призраками», которые бродят по ночам в городе? Очевидно, что, открыв какие-то новые микротехнологии, Томас Шаддэк нашел способ изменять радикально и навсегда биологию человека. Общая картина была Сэму ясна, но, зная только это и больше ничего, он был подобен человеку, знающему, что в море водится рыба, но ни разу не видевшему ее. Под поверхностью факта скрывались глубины, полные тайн.

Уходи отсюда.

Ни мужчина, ни женщина, казалось, не замечали его присутствия в комнате. Непосредственная опасность ему, видимо, не угрожала.

«Беги», – шептал ему перепуганный насмерть мальчуган.

По янтарному полю экрана нескончаемым потоком" двигались цифры, символы, графики, таблицы самых разных типов и степеней сложности. Харли Кольтран неотрывно следил за ними, упершись взглядом в мигающий экран. Глаза его, однако, не имели ничего общего с глазами обычного человека, так как у Харли Кольтрانا их вообще не было. Их сменили своеобразные сенсорные устройства: крошечные кристаллы из рубинового стекла, узлы тонких проводников, керамические пластинки с вафельным рисунком на поверхности.

Сэм держал револьвер в правой руке. Он больше следил за предохранителем, а не за спусковым крючком, он боялся, что, потеряв над собой контроль, начнет стрелять.

Грудная клетка человека-машины мерно вздымалась и опускалась. Рот был приоткрыт, и из него ритмично вырывался теплый воздух.

На висках и на шее мужчины было заметно биение частого пульса. Однако пульсирующие узелки были расположены не только там, но и в других местах, совершенно несвойственных обычному человеку: в центре лба, на скулах, в четырех точках на груди и на животе, на предплечьях. Сосуды в этих местах как бы приподнялись из плоти и выступали на поверхности кожи темными пульсирующими островками. По всей видимости, вся сосудистая система существа изменила свое строение и свойства, чтобы обслуживать новые функции организма. Еще более диким было то, что эти пульсы бились явно с разной частотой, словно у этого организма было два сердца.

Из полуоткрытого рта человека-машины раздался чудовищный вопль. От неожиданности Сэм вздрогнул и тоже вскрикнул. Это были те самые звуки, которые он слышал в гостиной и которые привели его сюда, но он раньше предполагал, что их может издавать только компьютер.

Сэм поморщился от электронного свиста, звеневшего в ушах, и внимательнее посмотрел на «глаза» человека-робота. Датчики явно были включены. Рубиновые кристаллы светились каким-то внутренним светом, и Сэм предположил, что они зафиксировали его присутствие, подобно приборам ночного видения или каким-то иным способом. А может быть, он ошибается, и Кольтран вовсе не замечает его, так как благодаря своему превращению он переместился в иную систему координат, и в этой системе Сэм не имеет никакой ценности, никакого значения.

Вопль стал стихать, затем внезапно прекратился полностью.

Не соображая, что он делает, Сэм поднял револьвер и с расстояния в восемнадцать дюймов прицелился в лицо Харли Кольтрانا. Он сам не заметил, как снял револьвер с предохранителя и положил палец на спусковой крючок, готовясь к выстрелу.

Он колебался. В конце концов, Кольтран оставался, пусть в малой степени, человеком. Никто не знает, насколько добровольно он принял этот ужасный образ. Может быть, в этом превращении он нашел для себя счастье? Сэму было явно не по себе в роли судьи, не менее трудно давалась ему и роль карающего меча. Ведь сам он считал, что человеческая жизнь на земле ненамного отличается от ада, и, следовательно, он не мог не допускать, что Кольтран нашел из этого недостойного существования пусть странный, но выход.

Полуорганические поблескивающие кабели-сосуды, соединяющие человека с машиной, сокращались и подрагивали. Они бились, удерживаемые лишь захватами-руками.

Изо рта человека-машины вырывалось дыхание, в котором странным образом

смешались запахи жареного мяса и перегретой изоляции.

Датчики-глаза сверкали и поворачивались в своих гнездах-глазницах.

На лице Кольтрана, позолоченном отсветами с экрана, застыла маска, неподвижность которой нарушали лишь несколько пульсирующих точек. Пульсы на скулах и висках напоминали спрятавшихся под кожей насекомых.

Содрогнувшись от отвращения, Сэм нажал на спусковой крючок. В замкнутом пространстве выстрел прозвучал как удар грома.

Голова Кольтрана откинулась назад, затем упала на грудь, истекая кровью и выпуская из себя едкий дым.

Кабели-сосуды продолжали сокращаться в том же ритме, словно через них все время перекачивалась какая-то таинственная жидкость.

Сэм чувствовал, что Кольтран продолжал жить. Он прицелился в экран компьютера.

Внезапно одна из костлявых лап-захватов Кольтрана выпустила кабель. Со стуком и хрустом костей она мгновенно вытянулась вверх и вцепилась в запястье Сэма.

Сэм закричал от боли.

Его крику вторили электронные пощелкивания, гудки и свисты.

Адская рука обхватила запястье с такой силой, что костяные пальцы Кольтрана начали разрезать кожу. Сэм почувствовал, что манжета его рубашки пропитывается теплой кровью. Он лихорадочно начал соображать, что нечеловеческой силы робота достаточно для того, чтобы перекусить его руку и сделать его инвалидом. Если же этого не произойдет, то железный захват перекроет кровообращение в его руке, и он выпустит из пальцев револьвер.

Кольтран тем временем пытался поднять свою простреленную голову.

Сэм вспомнил в эту минуту изуродованное лицо своей матери, ее зловещий, немой, застывший оскал...

Он ударил ногой по креслу Кольтрана, надеясь, что оно покатится и его мучитель оторвется от источника своей силы. Но колеса кресла были заблокированы.

Хватка стала еще сильнее, и Сэм застонал, у него помутилось в глазах.

Он, однако, заметил, что Кольтрону удастся, пусть медленно, но поднимать голову вверх.

«Господи, я не хочу видеть это обезображенное лицо!»

Сэм собрал все свои силы и правой ногой ударил три раза подряд по кабелям-сосудам, связывающим Кольтрана с его компьютером. Кабели оборвались и с хлюпающим звуком отвалились от тела Кольтрана; он обмяк в кресле. В тот же момент мертвая хватка костяной руки ослабла, и, освободив кисть Сэма, рука-клемма со стуком упала на подлокотник кресла.

В комнате продолжали раздаваться затухающие удары электронного сердца, их сопровождало еще какое-то странное гудение.

Сэм был в шоке; он схватил левой рукой свое правое запястье, как будто это могло хоть немного смягчить боль.

Неожиданно что-то схватило его за ногу.

Сэм увидел, что кабели, оборванные им только что, превратились в подобие змей, они были все еще подключены к компьютеру и получали из его недр энергию. Они увеличились: выросли в длину в два раза. Один из них обвился вокруг его левой лодыжки, а второй вокруг правой голени.

Сэм попытался вырваться.

Это ему не удалось.

«Змеи» поползли вверх по его ноге.

Сэм понял, что они стремятся добраться до не защищенной одеждой кожи в верхней части его туловища, они хотят установить контакт с его плотью и таким образом и его превратить в часть компьютерной системы.

Револьвер был наготове. Сэм вновь прицелился в экран.

На экране больше не было потока цифр и символов. Вместо них там появилось лицо Кольтрана. На нем вновь сверкали датчики-глаза, и казалось, он смотрит с экрана на Сэма и

говорит с ним:

– ... жажда, жажда... хочу... жажда.

Сэм не понимал происходящего, но сознавал, что Кольтран все еще продолжал жить. Он не умер – во всяком случае, смерть тела Кольтрана еще не означала его полной смерти. Какая-то часть человека еще оставалась там, в компьютере.

Словно подтверждая это, Кольтран расплавил стекло экрана, и оно приняло форму его лица. Стекло как будто мгновенно превратилось в желатин, и Кольтран выступил своим стеклянным лицом из компьютера, решив больше не прятаться в нем.

В это трудно было поверить. Тем не менее это происходило на глазах у Сэма. Харли Кольтран, по всей видимости, обладал способностью видоизменять материю усилием своей воли, своего разума, который теперь существовал отдельно от его тела.

Сэма сковал ужас. Он был не в состоянии нажать на спусковой крючок.

Мир раскололся, и через трещину хлынул кошмарный поток злого умысла, ничем не ограниченного в своих возможностях. Этот обвал грозил разрушить другой мир, тот, который был хорошо известен Сэму и который он – неожиданно для себя – полюбил самой горячей любовью.

Одна из «змей» поползла ему до пояса и сумела пробраться под свитер. Сэм почувствовал страшную боль, как будто до него дотронулись раскаленным добела железным прутом. Эта боль вывела его из оцепенения.

Сэм выстрелил в компьютер два раза. Первым выстрелом он разрушил экран компьютера, взорвал лицо Кольтрана, которое, несмотря на удивительные превращения, так и осталось обычным стеклом. Второй выстрел пришелся на основной блок компьютера, микропроцессор был разрушен, и вместе с ним прекратилась жизнь электронного чудовища-Кольтрана.

Щупальца-«змей» упали на пол. Они корчились словно в конвульсиях и уменьшались в размере.

Комнату по-прежнему наполняло электронное гудение, пощелкивание и свист, правда, мало-помалу звуки стихали.

Сэм обернулся. Женщина, сидевшая раньше спиной к нему, теперь поворачивалась лицом. Черные блестящие «змей» растягивались, позволяя ей поворачиваться в кресле. Женщина, так же как и ее муж, была обнаженной, все тело ее свидетельствовало о чудовищном превращении, которое она добровольно претерпела. Вместо глаз у нее также появились электронные датчики, но иного рода. Это были большие, раза в три крупнее обычных человеческих глаз, хрусталики из красноватого стекла, глазные впадины также расширились до этого размера. Вероятно, эти датчики были способны воспринимать весь спектр излучений, и Сэм понял, что его увидели. Все тело женщины было пронизано сосудами, лежащими прямо у поверхности кожи; можно было разглядеть все сплетения, все пульсирующие точки. Она напоминала какое-то странное учебное пособие, тем более что некоторые сосуды были предназначены явно не для крови, и жидкость, струившаяся в них, просвечивала сквозь стенки сосудов то зеленым, то желтоватым цветом, мерцающим в темноте.

Не успел Сэм опомниться, как произошло следующее – прямо на поверхности ее лба вдруг возникла и помчалась на него «змея» толщиной с карандаш. «Змея» вонзилась в лоб Сэма над правым глазом. Он почувствовал, как она просверливает его кожу. Правый глаз залила кровь. Но два его выстрела раздалились почти одновременно с ударом «змей». Он не промахнулся. Первый выстрел поразил женщину в грудь, второй разнес на куски компьютер. Искры взлетели к потолку и погасли. «Змея» обмякла и свалилась на пол, не успев подключить его мозг к компьютерной системе.

Сумрак в комнате лишь слегка нарушался полосками света, проникавшими сквозь щели в жалюзи.

Сэму ни с того ни с сего пришла на ум фраза, сказанная специалистом по компьютерам во время одного из семинаров в ФБР: «Компьютеры работают более эффективно, если они

соединены между собой: при этом происходит параллельная обработка данных».

Он истекал кровью. Отступив к двери, Сэм щелкнул выключателем и включил торшер. Он начал заряжать свой револьвер, не теряя из виду тела электронных чудовищ. В карманах куртки еще оставались патроны.

В комнате было на удивление тихо.

Ничто не двигалось.

Сердце Сэма колотилось так, что, казалось, оно вот-вот вырвется из грудной клетки.

Два патрона упали на пол, так как руки продолжали дрожать. Сэм не осмелился нагнуться, чтобы подобрать их. Он был почти убежден, что если он хоть на секунду ослабит внимание, то одно из чудовищ воспользуется этим, чтобы с быстротой молнии подлететь к нему и атаковать его своими щупальцами-«змеями».

Сэм услышал, что на улице идет дождь. После утреннего затишья вновь начинался ливень. За шумом дождя вряд ли кто-то услышал выстрелы. Сэм, во всяком случае, очень надеялся на это. Если же он ошибается, ему, очевидно, придется вскоре снова вступить в перестрелку.

Сэм стер со лба кровь, убедился, что вполне хорошо видит правым глазом.

Но правая рука продолжала болеть. Если будет надо, он может стрелять и левой, их этому учили.

Зарядив револьвер, Сэм подошел к столу, на котором стоял дымящийся компьютер Кольтрана, отсоединил телефон от модема и подключил его напрямую к телефонной розетке. Он поднял трубку и с удовлетворением услышал, что линия работает.

Во рту пересохло. Сэм боялся, что не сможет говорить, когда ему ответят.

Он набрал номер отделения ФБР в Лос-Анджелесе.

Раздались щелчки, затем наступила пауза.

После нее голос с магнитофонной ленты произнес: «К сожалению, телефонные разговоры по этой линии в настоящий момент невозможны».

Сэм повесил трубку, вновь поднял и повторил набор.

«К сожалению, телефонные разговоры по этой линии...»

Сэм бросил трубку.

В Мунлайт-Кове, как теперь стало ясно, работали далеко не все телефонные линии. И ясно было также, что даже с работающих телефонов можно было позвонить лишь по определенным номерам. По разрешенным номерам. Местная телефонная компания, по сути дела, превратилась в коммутатор для особого рода людей – для «обращенных».

Он стоял в раздумье у телефона, когда услышал какое-то движение сзади него. Кто-то старался подкрасться незаметно. Сэм мгновенно обернулся. Сю Кольтран находилась в трех футах от него. Она уже не была прикована к компьютеру, а через один из кабелей подсоединена к электророзетке.

Сэму шли на ум совсем уже нелепые мысли: «Да, доктор Франкенштейн, настали совсем другие времена, теперь уже не нужны ваши ухищрения, не нужен антураж из грома и молний: теперь мы просто подсоединяем чудовищ к розеткам, энергию для них дает государственная энергетическая компания».

Сю Кольтран издала крик, похожий на вопль доисторического зверя, и бросилась на Сэма. Вместо пальцев на руках у нее были странные шипы, напоминавшие разъемы для компьютера, но гораздо острее, они выглядели как когти.

Сэм упал на бок, столкнувшись с креслом, в котором сидел труп Харли Кольтрана, и в падении выстрелил в чудовище, летевшее на него. Все пять пуль ушли одна за другой.

Три первые опрокинули Сю Кольтран навзничь. Две последние попали в стену и вырвали из нее куски штукатурки; Сэм расстрелял все патроны, так как не смог снять пальца со спускового крючка.

Она попыталась подняться вновь.

Почти как вампиры, которых не убьешь пулей, подумал Сэм.

Ему надо было иметь под рукой нечто, что соответствовало бы серебряным пулям для

оборотней. Сосуды чудовища все еще продолжали светиться, в некоторых местах из-под кожи вылетали искры, видимо, пули замкнули какие-то контакты.

В револьвере уже не оставалось патронов.

Сэм пошарил в своих карманах. Патронов не было.

«Уходи отсюда», – сказал внутренний голос.

Раздался еще один электронный вопль, оглушительный, режущий.

Чудовище снова выпустило в направлении Сэма двух «змей», но они не долетели до него – видимо, энергия у существа была уже на исходе, – а втянулись обратно, словно щупальца в тело моллюска.

Сью Кольтран тем не менее медленно поднималась с пола.

Сэм отполз к двери и нашарил на полу два патрона, которые выронил, когда перезаряжал оружие. Он затолкал их в барабан револьвера.

– ...ж-а-а-ж-д-а-а... ...ж-а-а-ж-д-а-а...

Она уже поднялась на ноги и шла к нему.

Сэм, держа револьвер обеими руками, тщательно прицелился и выстрелил ей в голову.

«Надо выключить ее процессор, – подумал он с мрачным юмором, – она не остановится, пока он работает. Если вывести из строя процессор, она превратится в набор деталей».

Сью Кольтран рухнула на пол. Свет в рубиновых глазах погас, они почернели. Она уже не шевелилась.

Неожиданно из ее черепа вырвались языки пламени.

Сэм подбежал к розетке, к которой было подключено существо, и ударом ноги вышиб из нее кабельный разъем.

Робот-женщина продолжала гореть. Сэм не мог допустить, чтобы в доме начался пожар. Если в сгоревшем доме обнаружат трупы, то все соседние дома будут обысканы. Сэм уже собирался набросить на горящую голову какую-нибудь тряпку, как горение прекратилось.

В комнате стоял запах гари и еще чего-то, что не поддается определению.

Сэм едва держался на ногах. Его тошнило. Он сжал зубы и собрал всю свою волю.

Отчаянно хотелось бежать из этой комнаты куда глаза глядят, но Сэм заставил себя задержаться еще на одну минуту и выдернуть из сети вилки обоих компьютеров. Они, конечно же, окончательно вышли из строя, но он из суеверия опасался, что если у компьютеров будет хоть какая-то возможность получать энергию извне, то она возродит их снова подобно тому, как это произошло в фильме про доктора Франкенштейна. В дверях комнаты Сэм остановился, оперся спиной о косяк, чтобы дать отдых гудевшим от напряжения ногам, и бросил еще один взгляд на трупы чудовищ электронного века. Он почему-то думал, что после смерти они вновь обретут свой нормальный образ, так же как оборотни в фильмах после того, как их поразит серебряная пуля. Но так бывает только в кино. Здесь же не было ничего сверхъестественного. Человек сам для себя устроил этот ад, обойдясь без помощи злых духов и ночных призраков. Кольтраны остались после смерти такими, какими были до нее, – чудовищами, состоящими наполовину из плоти, наполовину из металла; наполовину из крови, наполовину из кремния.

Сэм не понимал, каким образом они превратились в тех, кем явились его взору, но он с трудом вспомнил, что для таких существ есть особый термин. Их называют киборгами – людьми, чья жизнь зависит или поддерживается тем или иным электронным или механическим устройством. Киборгами являются люди, носящие на себе электронные стимуляторы сердечного ритма, и это им на благо. Киборгами являются люди, потерявшие функцию обеих почек, – они постоянно нуждаются в гемодиализе при помощи специального аппарата, но эта помощь им на благо. В случае же с Кольтранами понятие киборга было доведено до абсурда. Достижения кибернетики обернулись для них кошмаром: не только их физиология, но и их разум стали зависеть и, возможно, даже определяться машиной.

Сэм начал задыхаться. Он покинул задымленную комнату и, пройдя через весь этаж, вновь оказался у кухонной двери, через которую он вошел в дом.

На всем пути к этой двери он каждую секунду ожидал услышать за спиной этот странный получеловеческий, полумашинный голос, кричащий о своей «ж-а-а-ж-д-е-е». Он боялся, что, оглянувшись, вновь увидит за собой одного из Кольтранов, которому удалось восстановиться благодаря остаткам электроэнергии в аккумуляторах.

Глава 25

У главных ворот компании «Новая волна», расположившейся на северной границе Мунлайт-Кова, всегда дежурил охранник с эмблемой компании на нагрудном жетоне. Он наклонился к въезжавшей в ворота полицейской машине и, узнав Ломена Уоткинса, не стал его даже останавливать. Уоткинса здесь хорошо знали еще с тех времен, когда в городе не было ни одного Нового человека.

Штаб-квартира компании была расположена в здании, сама архитектура которого подчеркивала мощь, престиж и преуспевание «Новой волны».

Комплекс зданий проектировал один из самых модных архитекторов. Он был явно равнодушен к скругленным углам и не оставил на домах ни одной прямой стены, все вертикальные части сооружений представляли собой сочетание вогнутых и выгнутых поверхностей. Два огромных трехэтажных здания были построены в две очереди с перерывом в четыре года, украшены по фасаду ракушечником, имели большие затемненные стекла и прекрасно вписывались в окружающую местность.

Из тысячи четырехсот служащих компании примерно тысяча были жителями Мунлайт-Кова. Остальные обитали в близлежащих районах округа. И все они, и те и другие, конечно же, попадали в поле действия микроволновой антенны – тарелки, расположенной на крыше главного здания.

Объезжая здания компании, чтобы поставить свою машину на стоянку, Ломен подумал: «Нет никаких сомнений – Шаддэк превратился в нашего преподобного Джима Джонса. Он может в любой момент потянуть за собой в небытие всех своих последователей. Это фараон наших дней. Если он умирает, все, кто служил ему при жизни, должны умереть, чтобы продолжать служить ему в ином мире. Дерьмо. Да никто уже давным-давно не верит в эту загробную жизнь».

Впрочем, нет. Люди, верующие в Бога, верят и в загробную жизнь, это вселяет в них надежду. Но для этой веры необходимо иметь хоть какие-то человеческие чувства».

Новые люди верили в Бога точно так же, как они верили в Санта-Клауса. Единственное, во что они действительно верили, – это во всемогущество техники и кибернетическое будущее человечества.

Возможно, некоторые из них не верили даже в это.

Ломен относился к таким людям. Он уже не верил ни во что – и это пугало его до смерти, так как прежде он верил очень во многое.

Уровни прибылей и продаж у компании «Новая волна», как и число ее служащих, были очень высокими даже для микротехнологической промышленности. Ее решимость платить сколько угодно за талантливые мозги была видна хотя бы по большому количеству автомобилей престижных марок на ее автостоянке. Здесь были «БМВ», «Порше», «Корветы», «Кадилаки», «Севилы», «Ягуары», а также последние модели японских автомобилей, напичканные самыми передовыми разработками.

На этот раз на стоянке была примерно половина от общего количества автомобилей. Возможно, владельцы второй половины работали на дому, используя модемную связь. Сколько их было, таких, как Денни?

Поставленные рядами автомобили на мокрой эстакаде напоминали Ломену правильные ряды могильных камней на кладбище. Все эти совершенные машины, весь этот холодный металл, все эти сотни ветровых стекол, отражающих плоское серое осеннее небо, вдруг показались ему знаком предсказания скорой смерти. Ломену открылось на этой стоянке будущее всего этого города: неподвижность и жуткая вечная кладбищенская тишина.

Если власти за пределами Мунлайт-Кова прознают о случившемся в этом городе, если вдруг окажется, что практически все Новые люди превратились в «одержимых», если выяснится, что проект «Лунный ястреб» имеет катастрофические последствия, то средством спасения будет не сильнодействующий наркотик, как у преподобного Джима Джонса из Джонстауна. Этим средством станут электронные команды на уничтожение, которые будут приняты микросферами каждого Нового человека, переведены на язык команд управления и доведены до трагического исхода. Все Новые люди погибнут одновременно, и в одну минуту Мунлайт-Ков превратится в кладбище для непогребенных.

Ломен ехал через всю стоянку, он направлялся на место, зарезервированное для руководителей компании.

Ломен размышлял: «Если ждать того момента, когда Шаддэк убедится в провале своего проекта и захочет сам увести с собой в могилу тысячи обращенных, это может иметь последствия, очень выгодные для компьютерного гения. Он подаст это так, что мир изумится степени его власти над людьми, над их жизнью и смертью.

Другие маньяки в разных странах сделают из него героя, кумира. Они захотят повторить его эксперимент. Именно на это будет рассчитывать Шаддэк при провале своего проекта. Если же проект «Лунный ястреб» закончится успешно, то Шаддэку, возможно, удастся обратить всех людей на Земле. Тогда он воистину станет хозяином мира. Но он не хочет проигрывать при любом исходе дела. Даже если он умрет, то умрет, покрытый славой гения, он оставит после себя легенду, в которую поверят многие тысячи других безумцев. Они тоже захотят стать Гитлерами электронной эры».

Ломен выруливал на стоянку для директоров.

Он вытер пот с лица. Руки его дрожали.

Ему безумно хотелось бросить все свои планы и отдаться во власть сладкой, примитивной свободы. Но ему удалось и на этот раз преодолеть искушение.

Он продолжал анализировать ситуацию: «Единственный способ разрушить легенду о гении – это убить Шаддэка еще до того, как он покончит жизнь самоубийством. Конечно, в этом случае и он, и все остальные Новые люди тоже умрут, но мир будет знать о том, что Джим Джонс новой эры погиб от руки одного из своих последователей. Это сразу же очертит границу власти Шаддэка, он уже не будет считаться гением всех времен и народов. Это будет ущербное божество, он разделит участь доктора Моро, и его проект будет выглядеть жалкой попыткой одного из многих маньяков, потерпевших неудачу».

Ломен с разочарованием обнаружил, что на стоянке нет ни одной из машин, принадлежавших Шаддэку. Может быть, его подвез до работы один из его заместителей или он поставил машину в другом месте?

Ломен припарковал свой автомобиль на место, предназначенное для самого Шаддэка, и выключил двигатель.

Револьвер был у него в кобуре. Он еще раз проверил, заряжен ли он.

Еще по дороге от дома Шаддэка до штаб-квартиры компании, остановившись на обочине, Ломен написал записку, которую собирался положить на труп Шаддэка. В ней он подробно объяснил, почему ему пришлось убить своего создателя. Когда труп обнаружат люди из внешнего мира, им станет понятно, что произошло в Мунлайт-Кове.

Он убьет Шаддэка вовсе не потому, что считает себя таким благородным. Самоотверженность невозможна без глубоких чувств, а он их начисто лишен. Он убьет Шаддэка только для того, чтобы тот не узнал ничего о Денни. Если Шаддэк узнает, что соединение человека и машины в одно существо возможно и уже осуществилось на практике, то он найдет способ проделать то же самое с другими, он найдет способ превратить их всех в некие придатки к компьютерам.

Вместо глаз – шарики ртути...

Слюна из постоянно открытого рта...

Червеобразный отросток, выросший изо лба мальчика и стремящийся слиться с компьютером...

Эти холодящие кровь образы, дополненные десятками других, не менее страшных, вновь и вновь возникали в мозгу Ломена Уоткинса.

Он убьет Шаддэка только для того, чтобы самому не стать подобием Денни. Развенчание легенды о Шаддэке-гении будет всего лишь полезным побочным эффектом его рационалистичного поступка.

Ломен положил револьвер обратно в кобуру и вышел из машины. Он вбежал в парадный подъезд главного здания компании сквозь крутящиеся стеклянные двери, повернул направо и подошел к столу дежурного секретаря. Обстановка в приемной была ничуть не менее роскошной, чем в самых знаменитых электронных компаниях Силиконовой долины, которая находилась к югу от Мунлайт-Кова. Здесь было много мрамора, много полированной бронзы, хрусталя. Все должно было говорить о процветании «Новой волны».

В этот день в приемной дежурила Дора Ханкенс. Он был знаком с ней едва ли не с детства, она была на год старше его. Когда он учился в колледже, у него пару раз были свидания с ее сестрой.

Дора посмотрела на Ломена, но не сказала ни слова.

– Шаддэк у себя? – спросил он.

– Нет.

– Точно?

– Да.

– Когда будет?

– Спроси у его секретаря.

– Да, я, пожалуй, поднимусь вверх.

– О'кей.

Ломен вошел в лифт и нажал на кнопку, чтобы ехать на третий этаж. Ему вспомнился его разговор с Дорой Ханкенс незадолго до того, как они оба прошли через обращение. Они тогда просто поболтали ни о чем, спросили друг друга о семейных делах, обсудили погоду. Теперь такой разговор между ними невозможен. Разговор ни о чем – это удовольствие, которое теперь им недоступно. «Обращенные» не видят в обмене любезностями никакого смысла. Ломен помнил, что такие разговоры были частью его прежней жизни, но не мог вспомнить, для чего они были нужны и почему когда-то доставляли удовольствие.

Офис Шаддэка находился в северо-западном крыле третьего этажа. В первой комнате его офиса располагалась приемная, устланная бежевым ковром от Эдварда Филдса, здесь стояла кожаная мебель фирмы «Рош Бобуа», середину комнаты занимал стол из темной бронзы с крышкой из дюймового полированного стекла. Единственным предметом искусства была картина Яспера Джонса, это была не копия, а оригинал.

«Что же станет с художниками в наступающем Новом мире?» – подумал Ломен Уоткинс.

Он приблизительно знал, что с ними будет. Они останутся без работы. Ведь искусство – это чувства, выраженные с помощью кисти, красок, холста, с помощью слов или музыкальных звуков. В Новом мире не будет чувств, а значит – не будет и искусства. А если оно и будет, то родится новый жанр – искусство страха. Произведения писателей будут изобиловать словами и образами, выражающими мрак и ужас. Композиторы будут создавать только похоронные марши. Художники будут предпочитать черную краску всем другим.

Вики Ланардо, секретарша Шаддэка, сидела за своим столом. Она безо всяких приветствий сообщила Ломену, что босса нет на месте.

Дверь в кабинет Шаддэка была открыта. Свет был выключен. Помещение освещали лишь слабые отблески серого дня, пробивавшиеся сквозь жалюзи.

– Когда он будет?

– Не знаю.

– У него что-нибудь назначено на сегодня?

– Нет.

– Вы знаете, где он сейчас?

– Нет.

Ломен покинул приемную. Он обошел другие комнаты третьего этажа, но никаких следов пребывания Шаддэка не обнаружил. Очевидно, «великий человек» решил следить за последним этапом обращения горожан из своего автомобиля.

«Он боится меня, – подумал Уоткинс, – он испугался, когда я пригрозил застрелить его. Он боится меня и поэтому отсиживается в машине или в каком-нибудь убежище, где его трудно найти».

Ломен вышел из здания, сел в свою машину и отправился на поиски своего создателя.

Глава 26

Сэм сидел на скамейке в ванной комнате первого этажа, а Тесса вновь играла роль медсестры, которую недавно ей уже пришлось исполнять для Крисси. Но раны Сэма были куда серьезней.

На лбу у него, над его правым глазом, была рана величиной с цент. В центре ее кожа была содрана до самой кости. Тесса зажала кровоточащую рану тампоном, затем обработала ее йодом и наложила повязку из ваты и марли. Но даже после всех этих процедур на марле проступило бурое пятно крови.

Пока Тесса обрабатывала раны, Сэм рассказывал о том, что с ним приключилось:

– ...И если бы я не выстрелил ей в голову, тогда бы... если я помедлил бы еще мгновение, я думаю, этот отросток, не знаю, как еще его назвать, он бы просверлил мой череп и вонзился бы мне в мозг. Она подсоединилась бы ко мне так же, как она была подсоединена к своему компьютеру.

Крисси уже переделалась в высохшие джинсы и рубашку и стояла у дверей ванной комнаты с побелевшим от ужаса лицом и ловила каждое слово из рассказа Сэма.

Гарри сидел в своей инвалидной коляске рядом с ней.

Муз на сей раз расположился у ног Сэма, видимо, собака сочла, что сейчас поддержка нужна именно ему, а не Гарри.

Сэма от пережитого знобило. Этот озноб явно не был следствием долгого пребывания под дождем. Он не мог сдержать дрожь, и время от времени было слышно, как его зубы выбивают частую дробь.

Чем дальше рассказывал Сэм, тем больше его озноб передавался Тессе, и в какой-то момент она тоже начала дрожать.

Кожа на запястье правой руки Сэма была глубоко разрезана с двух сторон, когда Харли Кольтран своим костяным зажимом схватил его руку с револьвером. Слава Богу, важные сосуды не пострадали. Тесса быстро смогла остановить кровотечение. Правда, на запястье остались кровоподтеки, но с ними ничего нельзя было поделать. Сэм жаловался на боль в суставе, его рука плохо действовала, однако, по мнению Тессы, серьезной травмы сустава не было.

– ...Впечатление такое, что они каким-то образом получили возможность управлять своей физической формой, – продолжал Сэм свой рассказ. – Они, судя по всему, способны превращаться в кого угодно. Похоже, что Крисси была права, когда предположила, что один из этих священников захотел и тут же превратился в персонаж из фильма ужасов...

Крисси подтвердила кивком головы сказанное ею ранее.

– Я хочу сказать, что наблюдал собственными глазами, как они превращались непонятно в кого, выпускали из себя эти змеевидные отростки. Правда, надо добавить, что эта их власть над собственным телом и то, что они хотели сделать с собой, – все это больше похоже на дурной сон.

Рана на животе Сэма была третьей и последней. Так же, как и рана на лбу, она представляла собой кружок вырванного мяса и кожи величиной с монету в один цент. Но в отличие от первой, как бы просверленной чем-то острым, эта была похожа скорее на ожог от прикосновения раскаленного металла. Вероятно, именно поэтому кровотечения из раны

почти не было.

Гарри задал Сэму вопрос:

– Как вы считаете, эти люди сами захотели превратиться в тех, в кого превратились, или их каким-то образом принудили к этому машины?

– Не знаю, – признался Сэм, – думаю, нельзя исключить ни того, ни другого.

– Но каким образом это могло произойти? Как возможно произвести такие глубокие изменения в человеческом организме? И каким образом связать то, что произошло с Кольтранами, с этими «призраками» на улицах?

– Черт бы меня побрал, если я знаю, как ответить на эти вопросы, – ответил Сэм. – Каким-то образом все это связано с «Новой волной». Должно быть так. Никто из нас не обладает достаточными знаниями в области микротехнологии, чтобы вести серьезный разговор на эту тему. Это пока кажется нам чудом, чем-то сверхъестественным. Единственный способ разобраться в происходящем состоит в том, чтобы связаться с внешним миром и получить оттуда помощь. Если мы изолируем Мунлайт-Ков, осмотрим все лаборатории, все документы компании «Новая волна», мы, вероятно, сможем восстановить всю картину, так же как пожарные эксперты восстанавливают картины по оставшемуся после пожара пепелищу.

– Пепелище? – повторила Тесса. Сэм уже встал, и она помогала ему надеть рубашку. – Эти ваши слова о пожаре, пепелище, да и все остальное звучит так, словно нас отдаляют от взрыва, от катастрофы считанные часы. Вы так на самом деле считаете?

– Да, я так считаю, – твердо ответил Сэм.

Он попытался застегнуть пуговицы на рубашке одной рукой, но понял, что ничего из этого не выйдет. Тесса начала ему помогать. Она почувствовала, что Сэма все так же бьет озноб.

Он продолжал:

– Я делаю такой вывод, так как они не случайно замечают следы... не случайно в городе бродят по улицам странные существа... все это признаки катастрофы, они пытаются что-то поправить, но у них ничего не получается, и они оказываются все ближе к краю пропасти.

Сэм задышался; он сделал паузу, набрал в грудь побольше воздуха.

– То, что я увидел в доме Кольтрана, никак не могло быть кем-то запланировано. Люди сами на такое не решатся, и никто не может их заставить пойти на это. Эксперимент явно вышел из-под контроля, эти люди сошли с ума, все встало с ног на голову. Если подобное происходит и в других домах города, то, клянусь Богом, в течение ближайшего времени та бомба, которую задумали создать в «Новой волне», взорвется прямо у них под ногами, хотя бы они этого или нет. Этот взрыв, эта катастрофа уже разносит город на куски, и мы с вами находимся едва ли не в центре этого взрыва.

Тесса отметила про себя не только бледность и озноб Сэма. С того момента, как он вернулся и она начала обрабатывать его раны, его словно подменили, это был совсем другой человек. Он и вел себя по-другому, был ни с того ни с сего нежен и ласков. Тессе такая перемена озадачила и даже напугала. Сэм обнял Тессу за плечи и стал успокаивать ее, говоря, что с ним все в порядке, когда она с ужасом увидела рану на его лбу. Он, казалось, был до смерти рад увидеть их всех живыми и... не изменившимися за время своего отсутствия. Он крепко обнял также и Крисси, словно она была его родной дочерью, и стал ей повторять: «Все будет нормально, все будет хорошо». Он видел, что девочка дрожит от страха. Потом Сэм схватил здоровую руку Гарри и долго не отпускал ее. Когда Тесса перевязывала его раны, он несколько раз дотрагивался до ее рук и даже один раз коснулся своей ладонью ее щеки, словно не веря, что человеческая кожа может быть такой живой и теплой. С такой же нежностью он прикоснулся к рукам Крисси. Насколько заметила Тесса, до своего возвращения из дома Кольтрана Сэм был абсолютно не склонен к телячьим нежностям. Он был сдержанным, волевым, холодным, он даже устанавливал какую-то дистанцию при общении с другими. Но за короткое время он преобразился, под влиянием увиденного словно

треснула скорлупа его замкнутого мира, и он открылся, ему был необходим теперь живой человеческий контакт. Раньше он даже не включал это понятие в список из мексиканской кухни, пива «Гиннес» и фильмов с Годди Хоун.

Тесса здраво рассудила, что толчок, приведший к такой перемене в поведении, должен быть настолько страшным, что его можно сравнить разве что с обращением к Богу больного человека на смертном одре. Может быть, Сэм стал сомневаться в возможностях их спасения из города? А может быть, возмещая сейчас то, чего был лишен в течение долгих лет своей одинокой жизни, он считает это своего рода исповеданием грехов перед бесконечной и беспросветной чернотой, которая уже распростерла над ними свои крылья.

Глава 27

Шаддэк проснулся. Он опять видел во сне милую его сердцу картину слияния живой природы человека с наивысшими достижениями техники. Гигантское создание из плоти и металла обладало невероятной мощностью и было предназначено для каких-то тайных, неведомых пока Шаддэку целей. Этот сон всегда освежал его и придавал сил.

Шаддэк выбрался из машины и потянулся. Он нашел в гараже необходимые инструменты, взломал дверь дома Паулы Паркинс и принял душ.

Вернувшись в гараж, он открыл ворота. Выехал на улицу, где можно было без помех принимать сообщения, поступавшие по спутниковой связи.

Дождь не прекращался, рытвины на проселочной дороге были заполнены водой. По воздуху уже протянулись нити тумана, они предвещали приход с моря густой пелены, которая, вероятно, будет еще более плотной, чем вчерашним вечером.

Он съел еще один бутерброд с ветчиной и запил его кока-колой из холодильника. Одновременно он наблюдал на дисплее компьютера, как продвигается работа по проекту «Лунный ястреб». До шести часов вечера необходимо было обратиться четыреста пятьдесят человек. Сейчас было только 12.50. Тремстам девяти жителям уже были сделаны инъекции микросфер. График обращения выполняли с опережением. Шаддэк проверил, как идет процесс поиска Сэмюэла Букера и Тессы Локленд. Ни тот, ни другая не были обнаружены.

Шаддэка вроде бы должно было тревожить их исчезновение. Но теперь, выспавшись, он смотрел на вещи весьма оптимистично. Ведь он видел великий знак, он видел ястреба на фоне лунного диска целых три раза, и у него не было сомнения, что в конце концов он достигнет всех намеченных целей.

Дочь Фостеров тоже нигде не могли найти. Но и это его не тревожило. Возможно, ночью ей попалось на пути одно из этих чудовищ. Иногда «одержимые» тоже могут приносить пользу.

Не исключено, что Букер и Локленд также пали жертвой этих созданий. Будет забавно, если окажется, что «одержимые» – единственное слабое звено проекта, которое могло послужить серьезной помехой, – вдруг окажут ему неоценимую услугу, сохранив в тайне от остального мира проект «Лунный ястреб».

Шаддэк пытался связаться по компьютерной связи с Такером, разыскивал его и на работе, и дома, но нигде не мог найти. Может быть, Уоткинс был прав в своих предположениях? Может быть, Такер действительно, подобно Пейзеру, превратился в «одержимого» и не смог вернуться обратно в человеческий образ. Возможно, он скитается сейчас по лесам, пойманный, как в ловушку, в свой звериный образ?

Выключив компьютер, Шаддэк вздохнул. После того как все население города пройдет через обращение, первый этап эксперимента еще не будет закончен. Останется еще одна операция. Надо будет кое-кого уничтожить, очиститься от скверны.

Глава 28

В подвале бывшей колонии «Икар» три тела превратились в одно целое. Этот единый

организм не имел четких форм, был начисто лишен костей, каких-либо отличительных черт или частей тела. Он представлял собой полужидкую массу пульсирующей материи, в которой не было ни сердца, ни мозга, ни каких-либо других органов. Это был первичный организм, сгусток белка, без мозга, но соображающий, без глаз, но видящий, без ушей, но слышащий, без желудка, но голодный.

Комплексы сложнейших электронных микросфер полностью растворились и исчезли в нем. Компьютерная сеть не могла больше существовать в полностью изменившейся внутренней среде, и, с другой стороны, сам организм не нуждался больше в поддержке своих функций при помощи дополнительных устройств. Связь с компьютером «Солнце» полностью прекратилась. Если передатчик из штаб-квартиры компании пошлет сигнал об уничтожении, то он не будет принят организмом и это существо останется жить.

Таким образом, избежать смерти извне удалось, упростив свое строение до предела.

Из трех отдельных сознаний возникло одно. Оно было затемнено и упрощено точно в такой же степени, в какой было упрощено тело, в котором оно обитало.

Это существо уже не обладало памятью, так как память невозможна без понимания последствий событий, контактов с другими, а последствия – плохие или хорошие – предполагают ответственность за свои действия. Именно ответственность была пожертвована в первую очередь, когда существо стало выходить из звериного состояния. Другой причиной исчезновения памяти было то, что память может причинять боль, боль от жизненных потерь.

Таким же образом была принесена в жертву способность смотреть в будущее, строить планы, мечтать.

Теперь у этого существа уже не было ни прошлого, ни будущего. Оно жило только настоящим временем, ничего не чувствуя, ни о чем не беспокоясь.

Осталась только одна потребность. Потребность выжить.

А для того чтобы выжить, необходима была одна вещь – пища.

Глава 29

Посуда от завтрака была убрана еще тогда, когда Сэм сражался в доме Кольтрана с чудовищами, которые частично были людьми, частично компьютерами и частично зомби – а также, насколько он мог понять, еще и какими-то нагревательными устройствами, так как они здорово обожгли Сэма. Теперь, когда раны Сэма были перевязаны, они вновь вчетвером собрались за кухонным столом, чтобы обсудить план дальнейших действий.

Муз устроился рядом с Крисси и так смотрел на нее своими живыми карими глазами, как будто обожал ее больше жизни. Крисси не могла отказать ему в поглаживании и почесывании за ушами, чего, собственно, Муз и добивался.

– Величайшей проблемой нашего века, – начал торжественно Сэм, – является решение вопроса о том, как совместить пользу и вред технологического прогресса. Можем ли мы доверить компьютеру переделку нашего мира, нашей жизни без риска оказаться в какой-то момент в его власти? – Сэм посмотрел в сторону Тессы, ища поддержки. – Это не такой уж простой вопрос.

Тесса ответила:

– Я тоже не считаю, что здесь все просто. Иногда у нас, у людей, появляется какая-то необъяснимая, слепая вера в машины, вера в то, что едва ли не все, что выдает компьютер, – это истина в последней инстанции...

– Люди забывают старую поговорку, – съязвил Гарри, – собака лает, ветер носит.

– Вот именно, – согласилась Тесса, – иногда, когда мы получаем от компьютера результаты анализа, мы почему-то относимся к ним так, как будто машина не может ошибиться. Но это очень опасно, потому что с этим компьютером мог работать маньяк, сумасшедший, именно он мог ввести в компьютер данные.

– Кроме того, – добавил Сэм, – у людей есть склонность, нет, даже скорее потребность

ставить себя в зависимость от машин.

– Точно-точно, – поддержал его Гарри, – есть у нас у всех такая чертова привычка отбрыкиваться от ответственности как только можно. Эта привычка заложена в наших генах, тут не может быть никаких сомнений. Если человек и добивается чего-нибудь в своей жизни, то только благодаря тому, что он умеет иногда побороть в себе эту привычку. Я подозреваю, что именно отвращение к долгу внушил человеку дьявол, когда совращал Еву яблоком из райского сада. В этой привычке – корень любого зла.

Крисси заметила, что этот поворот разговора по-настоящему увлек Гарри. Он здоровой рукой при помощи рычага приподнял свое кресло-коляску повыше. Обычно бледное его лицо покраснелось. Руку свою он сжал в кулак и смотрел прямо на него, словно в кулаке у него было зажато нечто чрезвычайно ценное, словно он ухватил за хвост идею и не хотел упускать ее до тех пор, пока не изложит все, что думает по этому поводу.

Гарри рассуждал так:

– Почему люди воруют, убивают, лгут и мошенничают? Потому, что они безответственны перед другими людьми. Политики стремятся к власти, и они всегда на коне, когда курс, проводимый ими, привел к успеху. Но где они, если их политика потерпела крах? Они – в кустах, они – в тени. В мире полным-полно людей, которые обязательно хотят научить вас жить, научить, как построить рай на земле, но где они, когда их идеи оказываются никуда не годными? Где они, когда их идеи заканчиваются Дахау или ГУЛАГом? Когда все кончается обычным убийством людей, как это было в Юго-Восточной Азии, откуда нам пришлось с позором убираться. Эти политики отворачиваются, прячут глаза, они хотят показать, что никоим образом не отвечают за бойню, за катастрофу.

Гарри вздрогнул, и Крисси вздрогнула вместе с ним, хотя она не была до конца уверена, что поняла весь смысл его слов.

– Боже мой, – воскликнул Гарри, – достаточно задуматься над этим один раз, и эта мысль приходит к тебе снова и снова, тысячи раз. Я впервые задумался над вопросом об ответственности людей за содеянное, пожалуй, только на войне.

– Вы имеете в виду войну во Вьетнаме? – спросила Тесса.

Гарри кивнул. Он не спускал глаз с собственного кулака.

– На войне, для того чтобы выжить, надо ежеминутно быть ответственным. Ответственным за себя, за каждый свой шаг. А также за своих товарищей по оружию, ведь на войне одному не выжить. Наверное, война хороша только одним – она приучает тебя разбираться в людях, ты начинаешь понимать, что разница между хорошим и плохим человеком состоит в основном в том, насколько они способны отвечать за свои слова и поступки. Поэтому я не жалею, что побывал на войне, пусть даже мне это стоило очень многого. Зато я выучил самый важный в жизни урок, я научился отвечать за все, что делаю. Я до сих пор мучаюсь, когда думаю о людях, которым мы должны были помочь, придя с оружием во Вьетнам, и которым мы помочь не смогли. Я не сплю ночью, когда думаю о расстрелянных, о похороненных в братских могилах. Я плачу, так как эти люди зависели и от меня тоже, ведь и я тоже ответствен за то, что их бросили на произвол судьбы.

Наступило молчание.

Крисси почувствовала, как что-то сжимает до боли ее грудь, такая боль возникала у нее в школе, когда учитель – любой учитель, по любому предмету – начинал рассказывать что-то такое, чего она еще не знала и что меняло ее взгляд на жизнь. Такое случалось нечасто, но всегда это чувство было и пугающим, и влекущим к себе одновременно. Сейчас она ощущала то же самое, но сильнее в сто раз любого открытия в стенах школы.

Тесса прервала молчание.

– Гарри, мне кажется, нельзя так казнить себя. Гарри поднял взгляд на Тессу.

– Если ты начинаешь за что-то отвечать, то никакая мера ответственности не будет слишком большой. – Он улыбнулся. – Я знаю, Тесса, на самом деле вы все понимаете душой. Просто не хотите признаться в этом.

Гарри перевел взгляд на Сэма и продолжал:

– Некоторые, впрочем, совсем не усваивают такого урока, даже побывав на войне. Я иногда встречаюсь с другими ветеранами вьетнамской войны и не вижу в них понимания. Я стараюсь избегать таких людей, хотя это, наверное, несправедливо. Но я не могу ничего с собой поделать. Зато, если я встречаю человека, который усвоил главный урок войны, я доверяю такому человеку, как самому себе. Я такому человеку доверяю всей душой, хотя в нашем случае, кажется, покушаются именно на ответственность и хотят отнять ее навсегда. Я верю, что вы, Сэм, спасете нас. – Гарри разжал свой кулак. – Я не сомневаюсь в этом ни минуты.

Тесса была в недоумении. Она обратилась к Сэму:

– Разве вы были во Вьетнаме? Сэм кивнул.

– Да, я был во Вьетнаме после института. После возвращения я поступил в ФБР.

– Вы ничего об этом не рассказывали. Сегодня утром, когда мы готовили завтрак, вы перечисляли мне трагедии, которые заставили вас переменить взгляд на жизнь. Вы назвали смерть вашей жены, гибель своих коллег, проблемы с сыном, но вы не упоминали о войне.

Сэм посмотрел на свое перебинтованное запястье и после паузы ответил:

– Война – это такая вещь, о которой мне тяжело говорить. (

– Звучит странно.

– Совсем не странно, – вмешался Гарри. – Это действительно такая вещь, которую трудно вынести и о которой тяжело говорить.

Сэм сказал:

– Если бы я не разобрался в своих ощущениях, в своем военном опыте, я бы, наверное, продолжал много и часто рассказывать о войне. Но я разобрался. Я по-нял. И теперь для меня говорить о войне с человеком, с которым я познакомился совсем недавно... это тяжело, поймите.

Тесса посмотрела на Гарри и спросила:

– Вы поняли, что Сэм был во Вьетнаме?

– Да.

– Просто поняли по каким-то признакам?

– Ну да.

Сэм выпрямился.

– Клянусь, Гарри, я сделаю все, чтобы мы выбрались отсюда. Но прежде я должен разобраться в тех силах, против которых мне придется действовать. Корень зла, очевидно, в компании «Новая волна». Надо понять, что они задумали и каким образом можно помешать их планам осуществиться. Не поняв этого, мы не сможем ничего сделать.

В этом месте разговора Крисси почувствовала, что уже ничего не понимает в разговоре взрослых, хотя все услышанное было безумно интересным, а некоторые вещи ужасно хотелось понять. Крисси решила, что настал и для нее момент сказать свое слово.

– Вы точно уверены, что они не пришельцы?

– Мы уверены, – ответила с улыбкой Тесса, а Сэм ласково провел рукой по ее волосам.

– Просто я подумала, – продолжала Крисси, – что инопланетяне могли приземлиться на территории компании «Новая волна» и использовать эту территорию как свою базу. Может быть, они хотят превратить нас всех в подобие компьютеров, как это случилось с Кольтранами. Мы будем чем-то вроде рабов для них. Это больше похоже на правду, чем моя первая версия об их ужасной прозорливости. Ведь у пришельцев, наверное, все в организме построено по-другому, у них, наверное, и желудок другой. С какой стати им питаться живыми людьми? У них ведь может от этого начаться изжога или даже понос.

Сэм, сидевший рядом с Крисси, взял руки девочки в свои и бережно сжал их, стараясь не причинить боль ее поцарапанным ладоням.

– Крисси, мне кажется, ты слишком близко приняла к сердцу то, что сказал Гарри...

– О да, – с жаром ответила девочка, – я не пропустила ни слова.

– Ну тогда ты поймешь и меня, когда я скажу, что сваливать на пришельцев из космоса все эти ужасы – это тоже одна из форм ухода от ответственности. А ведь на самом деле в этих

ужасах виноваты люди, да-да, люди и их реальная и колоссальная способность причинять вред другим. Конечно, трудно поверить, что кто-нибудь, даже сумасшедший, мог захотеть, чтобы Кольтраны превратились в тех, в кого они превратились, но это, к сожалению, так и есть. Если мы будем относить все эти события на счет пришельцев, Бога, дьявола, троллей или кого-нибудь еще, то мы не сможем до конца понять ситуацию и не сможем найти из нее выход. Понимаешь?

– Да, почти.

Сэм улыбнулся. У него была очень хорошая улыбка, только он редко улыбался.

– Я думаю, ты понимаешь даже больше, чем «почти».

– Да, больше, чем «почти», – согласилась Крисси. – Конечно, было бы лучше, если бы во всем оказались виноваты пришельцы. Мы бы обнаружили их гнездо, их убежище, сожгли бы его, взорвали бы их корабль, и с этим было бы покончено. Но если виноваты не пришельцы, а люди – примерно такие же, как мы, – тогда, наверное, окончательно покончить с этим удастся очень и очень не скоро.

Глава 30

Ломен Уоткинс исколесил весь город из конца в конец в поисках Шаддэка. Дождь не переставал, а отчаяние Ломена нарастало с каждой минутой. Он снова посетил дом Шаддэка и выяснил, что в гараже отсутствует угольно-черный автомобиль с матовыми стеклами. Однако и это уточнение ни к чему не привело, Шаддэк как сквозь землю провалился.

Повсюду, где он появлялся, ему попадались бригады обращения и патрули. Они действовали скрытно, и, вероятно, «необращенные» не замечали их работы, но Уоткинс своим профессиональным взглядом всюду отмечал их присутствие.

На северном и южном въездах в город, а также в начале Оушн-авеню подчиненные Уоткинса заворачивали обратно машины тех, кто хотел попасть в город. Выхлопные газы от двигателей, работающих на холостом ходу, смешивались с клочьями тумана, уже начинавшими подниматься с побережья. Красно-голубые сигнальные фонари подсвечивали хвосты дыма и тумана, и казалось, что на асфальт стекают потоки крови, то ярко-красной – артериальной, то черной – венозной.

Желающих въехать в город было совсем немного, так как Мунлайт-Ков не был ни главным городом округа, ни торговым центром для сельских жителей. Кроме того, он находился там, где заканчивалось местное шоссе, и никто не выбирал эту дорогу для транзитного проезда в другие города. Тех, кто все же хотел попасть в город, заворачивали обратно, рассказывая одну и ту же историю о выбросе токсических веществ в окрестностях Мунлайт-Кова. Если люди настаивали на въезде, то их задерживали и отправляли в изолятор. Они должны были находиться там до того момента, пока не будет принято решение – расстрелять их или обратить в Новых людей. Со времени введения карантинного режима прошло немного времени, и из небольшого числа желающих въехать в город лишь шесть человек было задержано и помещено в изолятор.

Шаддэк выбрал весьма удачное место для проведения своего эксперимента. Мунлайт-Ков был относительно изолированным городом, и въезд в него можно было легко контролировать.

Ломен подумывал и о том, не приказать ли ему разблокировать город и не отправиться ли в Абердин-Уэлс, где он смог бы рассказать обо всем местному шерифу. Тогда проект «Лунный ястреб» будет раскрыт и прекращен извне.

Он уже не боялся гнева Шаддэка, или своей смерти, или... вернее, так, он боялся этого меньше, чем превращения в подобие Денни.

Ломен был скорее согласен попасть в руки шерифа и правосудия, даже в руки ученых, которые захотят разрезать его на куски для своих исследований, чем оставаться в городе и в какой-то момент превратиться либо в «одержимого», либо в придаток компьютера.

Но тут Ломен осознал, что офицеры просто не выполняют его приказ и не выпустят его

из города, так как боятся Шаддэка до смерти и его слово для них – закон. Они боятся своего создателя больше, чем кого-либо другого, так как не видели Денни в образе компьютера и не знают, что превращение может быть столь страшным и необратимым. Как звери доктора Моро, они были послушны Закону и не осмеливались – по крайней мере, до сих пор – послушаться своего создателя. Возможно, они постараются помешать Уоткинсу, предающему проект «Лунный ястреб», и его попытка вырваться из города закончится смертью или заключением в тюремную камеру.

Если его задержат или убьют, он никогда не сможет отомстить Шаддэку. Ломен представил себя сидящим за решеткой, представил, как издевательски улыбается Шаддэк по ту сторону прутьев камеры, как эти прутья превращаются в компьютер и его соединяют в одно целое с машиной.

Глаза – как шарики ртути...

Ломен продолжал кружить по городу, поглядывая по сторонам сквозь заливаемое дождем ветровое стекло. Дворники мерно стучали, как бы отсчитывая минуты. Времени до полуночи оставалось все меньше.

Ломен был подобен человеку-пуме, вышедшему на охоту. Он охотился на своего создателя, на доктора Моро, в джунглях на острове, название которому было Мунлайт-Ков.

Глава 31

Поначалу белковое тело довольствовалось поглощением всякой мелочи, до которой оно могло дотянуться своими щупальцами. На полу, на стенах оно переловило всех жуков, пауков, червяков. Названия этих насекомых студнеобразное существо уже не помнило, но это не мешало ему всасывать их в свою утробу.

Вскоре, впрочем, все насекомые, все черви в подвале были уничтожены. Существо все больше хотело есть.

Оно пыталось переползти в другое место, но из этих попыток ничего не вышло, ткани уже утратили всякую память о структурах, необходимых для передвижения.

Сознание, все еще теплившееся в этой желеобразной, массе, было уже не способно на понимание своего места в природе, но у него еще сохранялась возможность слегка изменять свое строение в зависимости от потребностей. Внезапно на теле существа возникло несколько отверстий, напоминавших рот, но лишенных губ и зубов. Из этих отверстий вырвался звук, который по своей частоте не был бы воспринят человеческим ухом.

В пространстве между перекрытием подвала и полом первого этажа сновали десятки мышей, они искали себе еду, строили свои гнезда. Услышав звук из подвала, они замерли как вкопанные.

Существо ощущало этих мышей не как животных, а как теплые точки чего-то, что годится в пищу. Ему нужна была пища, оно нуждалось в еде.

Эту нужду и пыталось выразить существо своим протяжным криком на высокой ноте.

У мышей этот звук вызывал судороги. Они начинали хвататься за свою мордочку передними лапками, как будто на нос им попала паутина, и пытались избавиться от ее липких нитей, счесывая их со своей шерстки.

На чердаке Дома обитала небольшая колония из восьми летучих мышей. Они также отреагировали на звуки из подвала. Они сорвались с потолка, на котором висели, и начали метаться по чердаку, меняя углы полета и едва не разбиваясь о стены.

Существо из подвала ничего не получило в ответ на свой крик. Крик был услышан, но должного действия на животных не произвел.

Бесформенное существо замолчало.

Его многочисленные отверстия-рты закрылись.

Летучие мыши, постепенно успокаиваясь, одна за другой возвращались на свои места для отдыха.

Мыши также преодолели шок и отправились по своим делам.

Пару минут спустя белковое существо снова начало издавать звуки, но в другой тональности.

Летучие мыши слетели со своих мест и начали кружиться по чердаку с такой бешеной скоростью, что постороннему наблюдателю могло бы показаться, что их не восемь, а как минимум сотня. Хлопанье крыльев летучих мышей заглушило стук дождя по крыше.

Мыши опять присели на задние лапки и наострили уши. Те, кто находился поближе к источнику звука, задрожали от ужаса, словно увидев готовую к прыжку кошку.

С писком летучие мыши устремились с чердака в пустую комнату второго этажа и продолжили там свой бесконечный танец.

Две мыши начали подползать к открытой двери кухни, но на пороге замерли, не зная, что делать дальше.

Существо из подвала утроило мощность своего зова.

Одна из мышей на пороге кухни упала замертво, из ее ушей сочилась кровь.

Летучие мыши начали ударяться о стены комнаты, их радары были парализованы.

Существо из подвала несколько уменьшило громкость крика.

Летучие мыши спускались все ниже и вскоре оказались в кухне на первом этаже, где стали кружиться над мышами, число которых в кухне все увеличивалось.

Внизу, в подвале, у существа образовался один огромный рот из множества маленьких.

Летучие мыши одна за другой начали пикировать в эту пасть, исчезая, словно игральные карты в рукаве шулера. Они сразу же тонули в кипящей протоплазме и растворялись в концентрированных пищеварительных кислотах.

Целая армия мышей и четыре крысы покинули свои убежища и торопливо устремились вниз по ступенькам подвала, падая друг на друга и возбужденно попискивая. Они все стали добычей прожорливой белковой массы.

После всей этой суматохи в доме вновь установилась тишина.

Существо заглушило свой зов. Зов сирены. Ненадолго.

Глава 32

Офицер полиции Нейл Пенниуорф получил приказ на патрулирование северо-западного сектора Мунлайт-Кова. В своей машине он был в одиночестве, так как даже с учетом усиления из служащих компании «Новая волна» людей не хватало, каждый патрулировал достаточно большой район города.

В данный момент одиночество даже радовало Пенниуорфа. Он опасался, как бы с ним не повторилась история, которая произошла в доме Пейзера, когда он едва не поддался искушению при запахе крови и при виде переродившегося компьютерщика. Нейл тогда избежал полной потери своего облика... но был на грани бездны. Если он еще раз увидит кого-нибудь из «одержимых», то не исключено, что спастись ему не удастся.

Но одиночество одновременно и пугало его. Он уже устал от беспрестанной борьбы с искушениями, с желанием сбросить с себя оковы обычного человеческого поведения, бремя ответственности, и его все больше тянуло покончить со страданиями. Если он не выдержит и это с ним произойдет в одиночестве, без поддержки извне, ему будет совсем плохо. Пенниуорф физически чувствовал страх, который сжимал ему грудь железными обручами. Было трудно дышать.

Ему стало казаться, что его автомобиль, уменьшаясь в размерах, также начинает сжимать его со всех сторон. Мерное щелканье дворников превратилось в бьющие по ушам удары. От них можно было оглохнуть. Пенниуорф несколько раз останавливал автомобиль, открывал дверцу и выбирался наружу, под дождь, чтобы втянуть в себя освежающий воздух.

С каждым разом, однако, и мир вокруг машины становился все меньше, сжимался. Пенниуорф остановил машину на Холливел-роуд в полумиле к западу от компании «Новая волна» и вышел из машины. На этот раз лучше ему не стало. Серые тучи закрывали горизонт со всех сторон. Полупрозрачный занавес из тумана и дождя отделял от полицейского весь

остальной мир. Воздух был перенасыщен влагой. Дождь уже заполнил до краев все канавы на обочине дороги, он лился рекой с каждой ветки, с каждого листа, стучал по мостовой, по крыше автомобиля, дождь хлюпал, хлопал, бил по щекам. Казалось, его потоки направлялись на Пенниуорфа какой-то посторонней силой, которая стремилась этим водопадом из капель бросить его на землю, поставить на колени.

Оставалось только лезть обратно в машину, что он с удовольствием и сделал.

Он понял в эту минуту, что его угнетала вовсе не теснота в машине и не одуряющий бесконечный ливень. Его угнетало само существование в образе Нового человека. Так как из чувств ему остался только страх, то он чувствовал себя загнанным в угол, в узкое пространство, где он не мог нормально двигаться. Он задыхался вовсе не от внешнего воздействия, он задыхался от внутреннего напряжения, от того, что Шаддэк сотворил с ним.

Все это означало, что для него нет никакого выхода.

Ему оставалось только превратиться в «одержимого».

Нейл больше не мог терпеть, больше не мог жить этой жизнью без чувств. Но его также ужасала мысль о перерождении в какое-то примитивное существо.

Выхода не было.

Нейл был совершенно истощен мыслями о своем несчастье, но забыться и ни о чем не думать тоже был не в состоянии. Он был в ловушке.

В конце концов он нашел способ хоть чуть-чуть отвлечься – включил дисплей бортового компьютера и стал просматривать сообщения, попавшие в эфир за последние часы, и следить за ходом обращения в городе. Это занятие постепенно настолько увлекло его, что мрачные мысли начали улетучиваться, а приступ клаустрофобии закончился так же неожиданно, как и начался.

Нейл еще подростком увлекся компьютерами, но это увлечение не превратилось в манию. Конечно же, все началось с компьютерных игр, затем родители подарили сыну недорогой компьютер. Подзаработав немного денег во время летних каникул, Нейл купил себе модем. И хотя на телефонную связь с отдаленными абонентами он почти не выходил из-за высокой платы и не мог поэтому пользоваться гигантскими базами данных в больших городах, он все-таки почувствовал преимущества высоких технологий.

Сейчас, сидя в своем автомобиле на Холливел-роуд и глядя на экран компьютера, Нейл любовался этим творением человеческого разума. В этой штуке все было логично, все было предсказуемо и лишено каких бы то ни было противоречий и страданий. Этот компьютерный уютный мир был разительно несхож с внутренним миром человека – неважно какого, Нового или Прежнего. В первом случае царила логика, железный расчет. Причины и следствия, побочные эффекты были глубоко проанализированы, и всему было найдено свое место. Здесь было только два цвета – черный и белый, если и появлялся серый цвет, то он был строго отмерен по количеству и качеству. Здесь не было расплывчатых чувств, здесь были строгие факты. Мир, созданный из цифр и символов, очищенный от жизненной шелухи, казался куда привлекательней реального мира с его холодом и жарой, с его тупыми и острыми углами, с его кровью и смертью, болью и страхом.

Вызывая одно меню за другим, Нейл все глубже погружался в дебри проекта «Лунный ястреб». Его интересовали не столько цифры и символы, сколько сам процесс работы с компьютером.

Экран компьютера стал казаться ему уже не электронно-лучевой трубкой для отображения информации, а окном в иной мир. В мир фактов. В мир, лишенный мучительных противоречий... и ответственности. В этом мире не было места для чувств, здесь существовали только знание или незнание, избыток информации или ее недостаток. Чувства – это удел тех, кто создан из плоти и крови.

Итак, перед ним открылось окно в другой мир.

Нейл прикоснулся к экрану.

Ему очень хотелось, чтобы окно отворилось и он смог бы через него проникнуть в мир логики, порядка и умиротворенности.

Пальцами он начал чертить круги по излучающей тепло поверхности экрана.

Ни с того ни с сего он вспомнил о девочке Дороти, которую могучий ураган перенес вместе с ее собачкой Тотошкой из скучной равнины в Канзасе в волшебный сказочный мир. Вот если бы и его какой-нибудь электронный ураган унес в лучший мир...

Пальцы прошли сквозь стекло экрана.

Нейл в страшном испуге отдернул руку.

Стекло нигде не было повреждено. По экрану продолжали бежать волны цифр и символов.

Нейл попытался убедить самого себя, что происшедшее с ним минуту назад было не более чем галлюцинацией. Но все было слишком реально.

Он посмотрел на пальцы. Ни одной царапины. Нейл перевел взгляд на ветровое стекло машины. Дворники были выключены, и дождь заливал стекло, искажая окружающий пейзаж, делая его странным, загадочным. Разве может здесь когда-нибудь установиться порядок, логика, умиротворенность? Он осторожно прикоснулся пальцами к экрану. Стекло было твердым.

Снова возникли мысли о желанном, чистом, спокойном компьютерном мире – и в тот же момент пальцы прошли сквозь экран, как сквозь масло, на этот раз рука оказалась за стеклом по самое запястье. Стекло как бы раздвинулось и охватило руку со всех сторон. Цифры и символы, продолжая бежать по экрану, лишь слегка изменили свой путь, они теперь огибали его кисть.

Сердце забилося как сумасшедшее. Он испытывал боязнь и страшное искушение одновременно.

Нейл попробовал пошевелить пальцами по ту сторону стекла. Он их не ощущал. Возможно, они непонятным образом растворились или были отрезаны? Тогда, вытащив свою руку наружу, он зальет всю машину кровью.

Тем не менее Нейл вытащил ее из-под стекла.

Кисть была целой и невредимой.

Но что-то случилось с ней, она изменилась. На внешней стороне ее появились многочисленные проводники из медного сплава и оптического волокна. В этих стеклянных волокнах бился мерцающий, непрерывный пульс.

Нейл посмотрел на внутреннюю сторону кисти. Подушечки пальцев и ладонь напоминали стеклянную поверхность электронно-лучевой трубки. На ней светились цифры и символы. Он сравнил эти данные с данными, мелькающими на экране, и увидел, что они повторяют друг друга. Когда один блок информации на компьютере сменил другой, то же самое произошло и на его ладони.

Внезапно он понял, что превращение в зверя – это не единственный выход для него, что он может запросто войти в мир компьютерной памяти и логики и остаться там, полностью расставшись с чувствами. Это открытие пришло к нему как озарение, он не смог бы додуматься до этого путем рассуждений. Теперь он знал о своей способности принимать любую форму – свойстве, о котором не догадывался даже Шаддэк, превращая его в Нового человека.

Он попробовал поднести руку не к экрану, а к электронному блоку компьютера. Рука все так же легко прошла сквозь металл в электронное нутро.

Подобно призраку, он мог проникать теперь сквозь любые преграды.

Нейл почувствовал, как вверх по его руке ползет какой-то странный холодок.

Вместо цифр на экране появились загадочные светящиеся знаки.

Холод добрался до плеча и начал расползаться по грудной клетке, подниматься к голове.

Нейл глубоко вздохнул.

Что-то случилось с его глазами. Он не понимал, что именно. Он мог бы посмотреть в зеркало заднего обзора, но не стал. Он просто закрыл свои глаза и позволил им превращаться в то, во что требовалось при втором и гораздо более полном превращении.

Это новое состояние манило к себе куда сильнее, чем образ «одержимых». Он не мог

устоять.

Холод полз по его лицу. Рот, губы в одно мгновение онемели.

В голове также произошли изменения. Он стал отчетливо видеть, как устроен его мозг, так же отчетливо, как он видел окружающий мир. Его тело как бы отделилось от него, он перестал получать информацию от органов чувств, он не мог бы сейчас сказать, холодно в машине или тепло. Чтобы определить температуру, ему надо было предварительно провести ряд вычислений. Его тело превратилось в обычный корпус для машины, снабженный датчиками и предназначенный лишь для предохранения и обслуживания функционирующего в нем вычислительного устройства.

Внутри черепа воцарился холод.

Словно десятки, сотни, тысячи маленьких холодных пауков оплели своей ледяной паутиной его мозг.

Нейл вдруг вспомнил, что девочка Дороти в какой-то момент обнаружила, что волшебная страна Оз – нечто иное, как воплощенный кошмар, и решила во что бы то ни стало вернуться домой в Канзас. Алиса также поняла, что в кроличьей норе, в Зазеркалье, царят безумие и ужас...

Миллионы холодных пауков.

Внутри его черепа.

Миллиард.

Холод, холод.

Они плетут паутину.

Глава 33

Ломен Уоткинс продолжал кружить по городу в поисках Шаддэка. На одной из улиц дорогу перед машиной перебежали двое «одержимых».

Ломен к этому моменту был в южной части города, на Паддок-лейн. Здесь были частные владения с большими участками земли, и многие жители держали лошадей. Возле домов или за ними виднелись небольшие конюшни. Дома отделяли от дороги изгороди и ухоженные лужайки.

Парочка «одержимых» выскочила на дорогу из-за живой изгороди. Они мчались на четвереньках, одним прыжком перемахнули через канаву и скрылись в кустарнике по другую сторону улицы.

Огромные сосны, росшие вдоль дороги, создавали тень, но Ломен все-таки сумел разглядеть «одержимых» достаточно подробно. Эти существа не были похожи ни на одно из известных Ломену животных, они скорее напоминали монстров из фильмов ужасов: в них было что-то от волка, что-то от кошки и что-то от древних ящеров. Они двигались необычайно легко, в них чувствовалась огромная звериная сила. Одно из существ повернуло к нему голову, и он увидел сверкнувшие красноватым блеском глаза.

Ломен притормозил, но не стал останавливать машину. Проблемы задержания и опознания «одержимых» его больше не волновали. Он уже понял, что «одержимым» может стать любой из обращенных. А остановить этот процесс можно только одним способом – устранив Шаддэка. Вот этим-то он и будет заниматься. Однако появление «одержимых» вызвало у Ломена беспокойство. Они вышли на охоту в неурочное время, часы показывали половину третьего дня. До сих пор «одержимые» охотились только по ночам и действовали всегда скрытно, очевидно, в какой-то степени стыдясь появления на улице в столь непривычном виде. Если дело дошло до того, что оказались отброшенными и эти запреты, значит, проект «Лунный ястреб» терпит крах и скатывается к хаосу. Процесс распада развивается с невероятной скоростью. Город-жертва Мунлайт-Ков уже не просто балансирует на краю пропасти, он летит в нее, и катастрофы не избежать.

Глава 34

Они снова собрались вместе в спальне Гарри на третьем этаже. Полтора часа прошли в спорах, в сравнении разных вариантов. Освещение они не включали. Свет серого дня делал комнату мрачной, под стать их настроению.

– Итак, мы остановились на том, что есть только два реальных способа выйти на связь с внешним миром, – подвел Гарри итог споров.

– Но и в том и в другом случае, – сказала Тесса с сожалением, – всем придется выходить из дома и здорово помотаться по городу, прежде чем мы найдем то, что нужно.

Сэм при этом напоминании вздрогнул.

Тесса и Крисси, сняв туфли, сидели на кровати, прислонившись к ее спинке. Крисси не отходила теперь от Тессы ни на шаг, у нее сработал инстинкт цыпленка, только что вылупившегося из яйца: такой цыпленок всегда льнет к той наседке, которая ближе к нему, независимо от того, мать она ему или нет.

Тесса продолжала:

– Это будет посложнее, чем пройти до соседнего дома к Кольтранам. Так что придется дожидаться сумерек.

– Вы думаете, днем ничего не получится? – переспросил Сэм.

– Ну да. К тому же к вечеру будет густой туман.

Тесса говорила совершенно искренне, хотя и понимала, как опасно затягивать исполнение задуманного. За то время, пока они будут дожидаться сумерек, масса людей пройдет через обращение. Мунлайт-Ков превратится в место, где все будет чужим, где на каждом шагу будет подстерегать опасность.

Тесса повернулась к Гарри и спросила:

– В какое время сейчас темнеет?

Гарри, как обычно, сидел в своем кресле-коляске. Муз уже вернулся от Сэма к хозяину и, просунув голову под рукоятку кресла, положил ее Гарри на колени. Собаке эта поза была явно неудобна, но она терпела ее из-за надежды на короткую ласку, почесывание за ушами и доброе слово.

Гарри ответил:

– Сейчас темнеет примерно к шести часам.

Сэм сидел у телескопа, но в данный момент им не пользовался. Он уже просмотрел недавно все окружающие улицы и увидел, что в городе прибавилось суматохи, то и дело проезжали патрульные машины, проходили пешие патрули. По мере того как число необращенных уменьшалось, заговорщики из «Лунного ястреба» действовали все более открыто, не боясь привлечь к себе лишнее внимание.

Посмотрев на часы, Сэм продолжал рассуждать:

– По правде говоря, мне совсем не по душе сидеть тут и ждать еще три часа, пока стемнеет. Чем быстрее мы выйдем на связь, тем больше людей мы спасем от... ну от того, что с ними хотят сделать.

– Если вас схватят именно из-за того, что вы не дождались сумерек, – прервала его Тесса, – тогда не будет вообще никаких шансов спасти хотя бы кого-нибудь.

– Тесса права, – молвил Гарри.

– Конечно, – подхватила Крисси, – ведь если они не пришельцы, это еще не значит, что с ними будет легче бороться.

Надежду на то, что удастся для связи с внешним миром воспользоваться телефоном, пришлось оставить. Все включенные телефоны имели строго ограниченный набор абонентов. Но Сэм сообразил, что любой компьютер, подсоединенный через модем к компьютеру в «Новой волне», – Гарри говорил, что этот компьютер прозвали «Солнцем», – может вывести его на междугородную связь. Таким образом удастся обойти запреты на телефонные разговоры с внешним миром и заслоны на выходах из города.

Прошлой ночью Сэм при работе с полицейской ЭВМ заметил одну вещь. Компьютер «Солнце» мог устанавливать связь с огромным числом компьютеров, в том числе с теми, в

которых содержались общедоступные и секретные базы данных ФБР. Если удастся связаться с «Солнцем», а через него с компьютером в ФБР, то на экране в одном из управлений Бюро появится его просьба о помощи, а печатающее устройство распечатает эту просьбу на бумаге.

Сэм и его друзья, конечно же, понимали, что сбой может произойти и в этом варианте. Если заговорщики не смогли предусмотреть все до мельчайших деталей, то им ничего не стоило отключить компьютерную связь вслед за телефонной. В этом случае у них не остается никаких надежд.

По вполне понятным причинам Сэму вовсе не хотелось входить опять в дома сотрудников компании «Новая волна». Он боялся вновь встретиться с монстрами, подобными Кольтранам. Итак, оставалось только два способа связаться через компьютер с «Солнцем».

Во-первых, Сэм мог попробовать еще раз залезть в одну из полицейских машин и воспользоваться компьютером. Но теперь сделать это будет гораздо сложнее. Полицейские были начеку, а кроме того, вряд ли где-нибудь стояли пустующие машины. Они задействовали все силы для поиска Сэма и Тессы, и даже если какая-то машина и стоит у полицейского управления, то туда лучше не соваться, там сейчас наверняка самое беспокойное место в городе.

Во-вторых, можно было воспользоваться компьютерами в средней школе на Рошмор-уэй. «Новая волна» подарила их школе не столько из-за благотворительности, сколько для того, чтобы покрепче завязать связи с местными властями. Сэм считал, и Тесса его поддерживала, что при помощи этих компьютеров можно будет связаться с ЭВМ «Солнце».

Но сложность состояла в том, что Центральная средняя школа на Рошмор-уэй находилась в двух кварталах западнее дома Гарри. В обычное время до нее запросто можно было дойти за пять минут, но сейчас, когда патрули встречаются на каждом шагу и в каждом из домов сидит неприятель, пройти этот короткий путь будет не легче, чем пересечь минное поле.

– Кроме всего прочего, – сказала Крисси, – учтите, что занятия в этой школе и сейчас еще продолжаются. Вы же не можете войти в класс во время урока и поработать на компьютере.

– Не надо еще забывать о том, – добавила Тесса, – что учителя наверняка были среди первых, когда началось это проклятое обращение.

– Когда заканчиваются занятия? – поинтересовался Сэм.

– В нашей начальной школе – в три часа, а у них – в средней – обычно на полчаса позже.

– Стало быть, в три тридцать, – заключил Сэм. Гарри посмотрел на часы.

– До конца занятий осталось сорок семь минут. Но ведь после них бывают еще всякие кружки, разве нет?

– Как не бывать, – подхватила Крисси, – у них там и свой ансамбль есть, и футбольная секция. Да еще наверняка куча всяких кружков.

– До которого часа все длится?

– Я знаю, что ансамбль начинает репетицию без четверти четыре, а заканчивает без четверти пять, – пояснила Крисси, – у меня есть подружка на год старше меня, она у них тоже играет. А я умею играть на кларнете. Я тоже к ним пойду на будущий год. Если, конечно, ансамбль будет существовать. И если следующий год настанет.

– Итак, примерно часам к пяти в школе никого не останется.

– Есть еще футболисты. Они мяч гоняют допоздна.

– Сегодня дождь, вряд ли тренировка состоится.

– Да, наверное.

– Если и так придется ждать до пяти или до половины шестого, – предположила Тесса, – не лучше ли подождать еще немного и выйти на улицу под покровом темноты?

Сэм кивнул.

– Да, так будет разумней.

– Сэм, вы забыли еще об одной вещи, – сказал Гарри.

– О чем?

– Вскоре после того, как вы уйдете, возможно, около шести часов, они придут сюда, чтобы обратиться ко мне.

– О Господи, я совсем упустил это из виду, – опомнился Сэм.

При этих словах Муз снял голову с колен хозяина. Он сел рядом, выпрямился, уши его встали торчком, как будто он уже услышал звонок или стук в дверь.

– Я считаю, что вам действительно лучше подождать до темноты, тогда шансов на успех у вас будет значительно больше, – сказал Гарри, – но, кроме того, вам надо будет увести с собой Крисси и Тессу. Опасно оставлять их здесь.

– Мы и вас заберем с собой, Гарри, – сразу же вмешалась Крисси, – и вас, и Музу. Я не знаю, обращают ли они собак, но на всякий случай мы должны позаботиться и о Музе. В этом случае нам не придется потом мучиться угрызениями совести из-за того, что его превратили в машину или во что-нибудь еще.

Муз заворчал.

– А Муз случайно не залает? – спросила Крисси. – Не хотелось бы, чтобы он залаял в самый неподходящий момент. Конечно, можно надеть ему на морду повязку из ваты и марли, это будет немного жестоко и обидно для собаки, она ведь поймет, что мы ей не доверяем до конца. Ей, конечно, не будет больно, повязка будет мягкой, и кроме того, мы потом загладим свою вину, угостим Музу сочным бифштексом...

Девочка вдруг почувствовала, что вокруг нее установилось какое-то торжественное молчание, и сама тоже замолчала. Она взглянула на Гарри, на Сэма, попыталась найти поддержку в глазах Тессы, сидящей рядом с ней.

Небо за окном почернело из-за Тяжелых туч, и в комнате стало еще темнее. Но Тесса еще могла во всех деталях рассмотреть выражение лица Гарри Талбота. Она понимала, как ему тяжело скрывать свою боль, хотя видела на его лице искреннюю улыбку. Только в глазах остался отблеск печали.

Обращаясь к Крисси, Гарри произнес:

– Я не смогу пойти с вами, моя родная.

– О, – выдохнула Крисси. Она снова посмотрела на Гарри, затем на его кресло-коляску. – Но вы же приходили к нам в школу, вы же выходите иногда из дома, разве нет? Ну что вам стоит, попробуйте, прошу вас.

Гарри улыбнулся.

– Да, у меня в подвале есть гараж, туда даже опускается лифт. Но дело в том, что я больше не езжу на машине, так что гараж стоит пустой. Правда, я могу выехать из дома на кресле-коляске и на ней передвигаться по тротуару.

– Ну конечно же! – воскликнула Крисси. Гарри посмотрел на Сэма и продолжал:

– Вот только далеко я не смогу уехать, у нас же большинство улиц проложено по холмам. Тормоза у коляски есть, но мотор не потянет.

– Мы будем вас подталкивать, – искренне предложила Крисси, – мы вам будем помогать.

– Милая девочка, невозможно проскользнуть через три квартала оккупированной территории и одновременно протащить с собой инвалида в коляске, – твердо заявил Гарри, – ведь вам надо прятаться за каждым кустом и ни в коем случае не появляться на улице, а мне, наоборот, только одна дорога – по мостовой.

– Но мы сможем нести вас.

– Нет, – сказал Сэм, – мы не сможем этого сделать. Если мы хотим добраться до школы и передать сообщение в Бюро, то нам надо быть очень подвижными, ведь путь туда наверняка будет полон опасностей. Извините нас, Гарри.

– Вам незачем просить прощения, Сэм, – возразил Гарри. – Я сам все продумал и решил. Я никогда не соглашусь быть обузой, не соглашусь, чтобы меня тащили через полгорода, как мешок с цементом.

Крисси была явно опечалена. Она соскочила с кровати и умоляюще смотрела то на

Сэма, то на Тессу, глазами призывая придумать хоть какой-нибудь способ спасения Гарри.

Небо за окнами продолжали закрывать черные уродливые тучи.

Дождь на время стих, но Тесса чувствовала, что вслед за короткой паузой ливень хлынет с новой силой.

Мрак на улице и в душах всех четверых углублялся.

Муз тихонько подал голос.

В глазах у Крисси блеснули слезы, она не могла смотреть на Гарри. Отойдя к окну, девочка стала всматриваться в соседний дом. Однако она держалась в отдалении от стекла, чтобы не быть замеченной с улицы.

Тессе хотелось каким-то образом утешить ее.

Не меньше этого ей хотелось подбодрить Гарри.

Больше того, ей хотелось, чтобы... вообще все плохое кончилось.

Тесса привыкла на своей работе крутиться как белка в колесе. Фильм должен быть снят, а для этого необходимо сделать то-то и то-то – таков был ее принцип. Она всегда знала, как решить проблему, как выйти из трудного положения, как заставить кинокамеру снимать фильм даже тогда, когда все замыслы летят к черту. Но сейчас она споткнулась. У нее уже бывало так в жизни, когда обстоятельства были сильнее ее. С фильмами было проще. Может быть, именно по этой причине она отдала предпочтение профессиональной карьере и махнула на себя рукой в плане личной жизни. Несмотря на все семейные радости в детстве. Повседневная жизнь с ее бесконечными взлетами и падениями не поддавалась никакому анализу, была непредсказуема, ее нельзя было разложить по полочкам, рассчитать наперед, как документальный фильм. Жизнь оставалась жизнью, она была огромной и богатой... а фильмы вмещали в себя только основное, только суть. Наверное, Тессе было легче схватывать суть, чем выбираться из лабиринта проблем.

Природный оптимизм Локлендов, всегда выплескивающийся через край, и сейчас не оставил ее, хотя и не проявлялся очень ярко.

Гарри нарушил молчание:

– Все будет в порядке.

– Вы так считаете? – спросил Сэм.

– Да. Я же, вероятно, последний в их списках, – пояснил Гарри, – вряд ли они будут особенно беспокоиться об инвалидах и слепых. Даже если кто-нибудь из нас знает о проекте «Лунный ястреб», у нас нет возможности выбраться из города и обратиться за помощью. Тут рядом – на Пайн-крест – живет миссис Сагерян. Она слепая. Я думаю, нас с ней обратят в последнюю очередь, скорее всего ближе к полуночи. Вот увидите. Могу даже поспорить. Так что, если вам удастся добраться до школы, связаться с Бюро и вызвать сюда подмогу, то у нас есть шанс спастись. Я это и имею в виду, когда говорю, что все будет в порядке.

Крисси повернулась к Гарри, на щеках у нее были слезы.

– Вы действительно так считаете, мистер Талбот? Вы думаете, они не придут сюда раньше полуночи?

Голова Гарри, постоянно склоненная набок, сотрясалась от нервного тика. Сейчас это было особенно заметно. Тесса, которая была ближе к Гарри, чем Крисси, увидела, как хозяин дома хитровато подмигнул. Крисси, наверное, не обратила внимания на этот знак.

– Милая девочка, если я что-то выдумываю, то пусть меня поразит молния сию же секунду.

За окном с новой силой грянул ливень, но ни грома, ни молнии на этот раз не было.

– Вот видишь, – улыбнулся Гарри.

Крисси явно изо всех сил хотела заставить себя поверить Гарри. Тесса, однако, понимала, что шансов на спасение у него очень мало. Маленькая надежда сохранялась, но такой вариант развития событий больше походил на удачно найденный сюжетный ход в сценарии. В жизни, как она уже не раз убеждалась, все случается не так, как задумываешь. Но отчаянно хотелось верить в его спасение, особенно в эти страшные минуты, когда стрелка неумолимо двигалась к шести часам – времени начала последнего этапа обращений.

Глава 35

Всю вторую половину дня Шаддэк провел в гараже Паулы Паркинс. Дважды он открывал дверь гаража, выезжал на улицу и отслеживал по компьютерной связи работу по проекту «Лунный ястреб». Он был доволен темпами обращений.

Механизм проекта работал как часы. Это он, Шаддэк, придумал его, воплотил в жизнь, запустил в работу. Теперь все детали механизма крутились без его вмешательства.

Долгие часы сидения в автомобиле Шаддэк посвятил раздумьям о том времени, когда проект «Лунный ястреб» будет реализован в масштабах всей планеты. Люди в их прежнем облике перестанут существовать, и тогда слово «власть» приобретет новый смысл. Никто никогда не обладал той властью, которой будет обладать он. Он будет властелином всей планеты Земля, он будет осуществлять тотальный контроль над каждым человеком на этой планете. Переделав людей, он сможет запрограммировать их на выполнение нужных ему задач. Все человечество будет одной огромной машиной, неустанно работающей и подвластной только ему. Это будет воплощение его мечты. Шаддэк так размечтался, что его, как и во сне, стало охватывать животное желание.

Да, на свете есть много ученых, которые искренне хотели бы поставить технологический прогресс на службу человечеству, помочь людям вырваться из круга мелочных забот и подняться к звездам. У него, у Шаддэка, другой взгляд на эти вещи. По его мнению, единственной целью технологического рывка должно стать сосредоточение тотальной власти в одних руках – в его собственных. Все предыдущие борцы за переустройство мира опирались в своей борьбе на политическую власть, которая всегда имела в качестве решающего аргумента силу оружия. Гитлер, Сталин, Мао, Пол Пот и другие обретали власть через запугивание и массовые убийства, пробираясь к трону через реки крови, и все до одного потерпели поражение. У них не было оружия, которое приведет к власти Шаддэка, – оружия в виде электронных мозгов. Разящий меч сильнее слова, однако микропроцессор все-таки сильнее многомиллионных армий.

Если бы все эти гении современности знали, что он задумал совершить, если бы они знали о его мечте завоевать мир, они наверняка сочли бы его сумасшедшим. Но ему наплевать на то, что о нем думают. Они ни черта не смыслят в таких делах. Они не знают, кто он такой. Они не знают, какой великий знак послала ему судьба – знак лунного ястреба. Он был сыном неба. Своих приемных родителей он уничтожил сам, и тот факт, что он не понес за то никакого наказания, лишний раз доказывает его особое положение в мире. К нему неприменимы человеческие законы. Его истинными родителями являются великие духи, они бестелесны, но могущество их безгранично. Они защитили его от людской кары за убийство, так как на самом деле это было вовсе не убийство, а священная жертва, угодная великим духам. Это было доказательство его веры и преданности. Никто из этих гениев не поймет его, потому что они не понимают одной вещи – мир вертится вокруг него одного, мир существует только потому, что существует он. Если же он, Шаддэк, умрет, что кажется совсем уж невероятным, тогда и весь мир перестанет существовать. Он – центр мироздания. Только его существование имеет смысл. Ему поведали это великие духи. Великие духи шептали ему это и во сне, и наяву на протяжении более чем тридцати лет.

Он – сын неба, сын великого знака – знака лунного ястреба.

Приближался вечер, и Шаддэка охватывало возбуждение при одной мысли, что вскоре наступит финал первого этапа великого проекта. Он с трудом сдерживал себя, ему хотелось покинуть свое убежище. Конечно, Ломен Уоткинс продолжал представлять опасность для него, но сейчас это не казалось Шаддэку серьезной причиной для затянувшейся игры в прятки. События, происшедшие прошлой ночью в доме Майкла Пейзера, уже не казались ему столь трагичными, это был всего лишь эпизод, он уверен, что проблема «одержимых» вскоре будет решена. Его гениальность – это следствие его прямого контакта с великими духами, и нет таких препятствий на свете, которые нельзя было бы преодолеть с их

благословения и при их помощи. Угрозы Уоткинса уже не казались серьезными, он вспомнил их сейчас скорее с иронией.

Он – сын великого знака – знака лунного ястреба. К своему величайшему изумлению, Шаддэк понял, что забыл об этой истине, и поэтому испытал испуг и смятение. Впрочем, Иисус тоже испытывал смятение и страх, ему тоже пришлось бороться с демонами. Для Шаддэка гараж Паулы Паркинс стал Гефсиманским садом, здесь он уединился, чтобы отогнать от себя последние сомнения.

Он – сын лунного ястреба.

В половине пятого Шаддэк распахнул ворота гаража.

Завел машину и выехал на улицу.

Он – сын лунного ястреба. Шаддэк свернул на шоссе и направился к городу.

Он – сын лунного ястреба, именно ему предназначена корона неземного света, и в полночь он наконец взойдет на трон.

Глава 36

Пак Мартин – а полное его имя было Паккард, так назвала его мать в честь любимой автомобильной марки отца – жил в фургоне на юго-восточной окраине города. Фургон был старый, его корпус-был здорово потрепан, и краска вся потрескалась, как эмаль на старой вазе. В нескольких местах проступали пятна ржавчины, а сам фургон уже давно был снят с колес и поставлен на бетонные блоки, покрывшиеся за долгие годы мхом. Пак знал, что многие жители Мунлайт-Кова считают его фургончик бельмом на глазу у города, но Паку до их мнения не было никакого дела.

К фургончику было подведено электричество, имелись в нем и печка на мазуте, и примитивный туалет с умывальником, и Паку было всего этого вполне достаточно. В фургончике тепло, сухо и есть куда положить несколько бутылок пива. Чем не дворец?

Что немаловажно, за вагончик была выплачена уже вся сумма. Двадцать пять лет назад он получил наследство от своей матери, так что никаких долгов за ним не было. Оставшаяся часть денег лежала в банке, но Пак редко трогал эту сумму. Ведь с нее каждый месяц набегали проценты – долларов триста, а кроме того, он получал пенсию по инвалидности, которую заработал, неудачно упав, через три недели после призыва в армию. Единственное дело, которым Пак занимался в своей жизни, было чтение и запоминание всех симптомов серьезной травмы спины. Эти знания он блестяще использовал, когда добивался для себя инвалидности на военно-врачебной комиссии.

Пак был создан для того, чтобы отдыхать. Он понял это еще в детстве. Между работой и им самим не было ничего общего. Получалось так, что он должен был родиться в богатой семье, но что-то там в небесах не заладилось, и он оказался сыном официантки, которая крутилась всю жизнь, чтобы накопить небольшое наследство.

Однако Пак и не думал никому завидовать. Каждый месяц он покупал себе со скидкой дюжину ящиков дешевого пива в магазинчике рядом с автострадой. У него был свой телевизор, у него изредка была на обед колбаса, а иногда и жареная картошка, так что он ни в коем случае не считал себя обиженным. В этот вторник часам к четырем Пак уже хорошенько нагрузился пивом, он уютно сидел в своем продавленном кресле и смотрел по телевизору спортивное шоу, в котором его интересовали в первую очередь стройные ножки его участниц, а уже во вторую очередь – «заковыристые» вопросы ведущего.

Ведущий задал очередной вопрос: «Так что вы выбрали? Вы выбрали ящик с номером один, с номером два или с номером три?»

Отвечая на вопрос ведущего, Пак сказал: «Я лично выбрал бы вон ту, смазливенькую».

Именно в этот момент кто-то постучал в дверь.

Пак даже не подумал вставать и не отозвался на стук. Друзей у него не было, так что гостей он никогда не ждал. Если кто и забегал к нему, то это были либо люди из благотворительных организаций, либо блюстители чистоты, которые предлагали ему

прибраться возле фургончика. Ни тех, ни других он на дух не переносил.

В дверь снова постучали.

Пак ответил тем, что увеличил громкость телевизора.

Стук стал требовательнее.

– Убирайтесь куда подальше! – крикнул Пак.

В ответ дверь начали буквально выламывать, раскачивая весь фургончик.

– Какого черта? – возмутился Пак.

Он поднялся с кресла и выключил телевизор. В дверь перестали ломиться, но Пак слышал какие-то странные скребущиеся звуки с другой стороны двери.

Внезапно весь фургончик заскрипел, как бывало иногда при сильном ветре. В этот день ветра не было. «Ребятишки балуются», – подумал Пак.

Он решил, что это проделки детей Эйкорнов, которые жили неподалеку, на другой стороне автостреды. Детишки были отпетыми хулиганами, и место им было в музее криминалистики. Они однажды уже подкладывали самодельные взрывные устройства под фургончик Пака и разбудили его среди ночи страшным грохотом.

Скрежет у двери прекратился, но теперь пара чьих-то ног начала топтать по крыше.

Это уже было слишком. Слава Богу, крыша у фургончика пока не протекала, но дождь и ветер сделали свое дело, и под тяжестью пары мальчуганов крыша запросто могла прогнуться или развалиться на части.

Пак открыл дверь и вышел на дождь, выкрикивая ругательства. Но когда он взглянул на крышу, то увидел на ней вовсе не соседских ребят. То, что он увидел, больше всего напоминало монстра из фильмов ужасов пятидесятих годов. Чудовище было ростом с человека, у него были огромные челюсти и страшные, переливающиеся, как у стрекозы, глаза. По бокам рта торчали угрожающие клыки. При всем при этом удивительное существо сохраняло какие-то человеческие черты, и Пак по этим чертам понял, что перед ним не кто иной, как преобразившийся Дэрил Эйкорн, отец хулиганистых детишек. «Ж-а-а-ж-ж-д-а-а», – протяжно завывало существо голосом, наполовину человеческим, наполовину животным. Оно ринулось навстречу Паку и одновременно выпустило из своего безобразного тела остро отточенное жало. Еще до того, как это мертвое жало пронзило живот Пака насквозь, он понял, что те дни, когда он вольготно попивал пиво, ел бутерброды с колбасой и жареную картошку, те вечера, когда он смотрел телевизионные шоу, – все это закончилось для него навсегда.

Четырнадцатилетний Рэнди Хэпгуд прошлепал через заполненную до краев придорожную канаву и остановился, как бы выжидая, не пошлет ли ему природа какое-нибудь более серьезное испытание. Он специально не стал надевать ни плащ, ни калоши, так как в такой одежде и обуви нельзя выглядеть настоящим парнем. Точно так же нельзя надеяться на успех у девчонок, если ты таскаешься под дождем с зонтиком. И хотя на всем пути под дождем на шею Рэнди не бросилась еще ни одна девчонка, он считал, что это не беда и они в какой-то момент все равно по достоинству оценят его мужественность и поймут, что он выгодно отличается от всех этих молокососов, которые сейчас сидят по домам.

Рэнди уже промок до нитки, и вид у него был довольно-таки жалкий, но он бодро насвистывал и не подавал виду, что ему холодно. Без двадцати пяти закончилась репетиция ансамбля в Центральной школе, и Рэнди направлялся домой. Репетицию, кстати, сократили из-за плохой погоды. На крыльце дома Рэнди скинул с себя мокрую куртку и чавкающие теннисные туфли.

– И в-о-о-т я з-д-е-е-сь! – протяжно завопил Рэнди, подражая девчонке из фильма «Полтергейст».

Из дома никто не отозвался.

Но, судя по всему, родители были дома. Свет в окнах горел, да и входная дверь была открыта. В последнее время родители очень часто работали дома. Они сейчас разрабатывали какой-то программный продукт для «Новой волны» и проводили целые дни напролет за своими компьютерами на втором этаже дома. При этом, естественно, им не было никакой

необходимости ходить на работу.

Рэнди взял из холодильника банку кока-колы, откупорил ее, сделал пару глотков и отправился наверх, чтобы высушить одежду и заодно рассказать Питу и Марше, как он провел этот день. Он никогда не называл своих родителей папой и мамой, и ему это очень нравилось – они были ребята что надо. Иногда Рэнди даже казалось, что они уж чересчур по-свойски ведут себя с ним. У них была машина «Порше», они всегда на полгода опережали любую моду и всегда готовы были говорить с Рэнди на любые темы. Любые, включая секс, причем настолько раскованно, как будто они были ребятами из его класса. Если он когда-нибудь встретит настоящую блондинку, которая будет вешаться ему на шею, он скорее всего поостережется приводить ее в дом, так как побоится, что его отец покажется ей более настоящим парнем, чем он сам. Ему даже иногда хотелось, чтобы Пит и Марша были толстыми, неряхами и ужасно старомодными и чтобы они с глупым упорством настаивали на обращении к ним, как к папе и маме. Ему с лихвой хватало соперников в школе, вовсе ни к чему было иметь их еще и в семье.

Добравшись до верхней площадки лестницы, Рэнди вновь позвал родителей:

– Я обращаюсь к вам со словами героя Америки, Джона Рэмбо, я говорю вам: «Й-о-о!»

И на этот раз ответа не было.

В тот момент, когда Рэнди подошел к открытой двери кабинета, у него начали дрожать коленки. После приступа страха Рэнди, однако, не остановился, так как созданный им самим образ юного супермена не позволял ему признаться в своем страхе.

Рэнди переступил через порог, готовый высказать родителям все, что он думает об их молчании в ответ на его приветствие. Он был совсем не готов к тому, что он увидел, и застыл на месте, как будто пораженный молнией. Пит и Марша сидели за противоположными концами стола, их компьютеры были обращены друг к другу задними стенками. Глагол «сидеть» в данном случае не подходил к их положению в пространстве – они были буквально привязаны к стульям проводами, которые тянулись от них не только к компьютерам, но и к полу под их ногами. Трудно было сказать, откуда начинались эти провода – или из их тел, или из их компьютеров. Лица еще с трудом можно было опознать, но по большей части и на них уже началось странное соединение металла с живой плотью.

У Рэнди перехватило дыхание.

Но ноги вдруг вновь стали ему послушны, и он попятился назад. Рэнди услышал, как сзади него захлопнулась дверь.

Он закричал.

Прямо из стены по направлению к нему потянулись щупальца – наполовину из живой плоти, наполовину металлические. Вся комната показалась ему внезапно ожившей по воле злых духов, за каждой стеной чувствовалось присутствие какого-то организма или машины. Щупальца оказались весьма ловкими. Они обернулись вокруг тела Рэнди, связали ему руки, приподняли над полом и понесли навстречу родителям.

И Пит, и Марша продолжали оставаться в своих креслах, но на компьютеры они больше не смотрели. Они уставились на Рэнди своими сверкающими, зеленоватыми глазами, которые, казалось, кипели в глазницах.

Рэнди застонал. Он попытался вырваться, но щупальца крепко удерживали его.

Пит открыл рот, и оттуда вылетело полдюжины серебристых шариков. Они со скоростью пули вошли в грудь мальчика.

Тело Рэнди взорвалось от боли. Но эта обжигающая боль длилась лишь пару секунд, а потом сменилась ощущением страшного холода, этот холод начал разливаться по всему телу, подниматься к лицу.

Рэнди попытался вновь застонать, но не смог издать ни звука.

Щупальца через несколько секунд начали втягиваться в стену, увлекая за собой Рэнди и прижимая его спиной к штукатурке.

Холод к этому моменту уже разлился по всей голове и продолжал проникать в ноги и руки.

Еще одна попытка застонать. На этот раз он услышал звук своего голоса. Это было похоже на высокочастотное гудение электронного устройства.

Во вторник, во второй половине дня Мэг Хендерсон оделась потеплее, натянув на себя, кроме шерстяных брюк и спортивного свитера, еще и джемпер. Она села на своей кухне у окна, поставила перед собой бокал сухого вина, тарелку с крекерами и ломтиками сыра и начала читать роман Рекса Стаута о Ниро Вульфе. Все романы о Вульфе она прочитала много лет назад, но сейчас решила перечитать их заново. Возвращаться к знакомым книгам было приятно, так как люди в них всегда оставались прежними. Вульф был, как всегда, гениален и слыл гурманом. Арчи оставался человеком действия. Фриц по-прежнему готовил так, что пальчики оближешь. Никто из них не постарел с тех пор, как они расстались в прошлый раз, и ей ужасно хотелось именно в этом не отставать от любимых героев.

Мэг было восемьдесят лет, она на них и выглядела с точностью до минуты, уж себя-то не обманешь. Недавно она посмотрела в зеркало и не узнала себя, хотя вот уже много десятилетий видела перед собой это лицо. Лицо было чужим. Может быть, она ожидала увидеть на нем отсвет своей молодости, так как в душе она продолжала оставаться молоденькой девчонкой. К своему счастью, она не ощущала своих восьмидесяти лет. Конечно, кости были уже старыми, а тонус мышц – такой же, как у этого забавного существа из третьей части «Звездных войн», которую она смотрела по видео на прошлой неделе. Но, слава Богу, ее не мучили артрит и другие старческие болезни. Она жила по-прежнему в своем доме на Конкорд-серкл, старой кривой улочке, которая начиналась и заканчивалась на Серра-авеню. Она и Фрэнк купили этот домишко лет сорок назад, когда оба работали учителями в школе Томаса Джефферсона, в те времена, когда там же располагались начальные классы. Тогда Мунлайт-Ков был совсем маленьким городом. Четырнадцать лет назад она стала вдовой и живет с тех пор в своем домике одна. Она благодарна Создателю за то, что может иногда выходить за покупками, поддерживать свой дом в чистоте и готовить себе сама.

Еще больше она благодарна за то, что ей удалось сохранить ясность ума. Она боялась склероза или инсульта больше, чем инвалидности, так как эти недуги, оставив в неприкосновенности ее тело, отнимут у нее память и изменят ее как личность. Она старалась сохранить гибкость ума, перечитывая уйму книг самого разного рода, беря напрокат целые стопки видеофильмов и любой ценой избегая просмотра этих оглуляющих развлекательных программ по телевидению.

В половине пятого вечера Мэг уже дочитала роман до середины. В конце каждой главы она отвлекалась и смотрела в окно на дождь. Она любила все, что Господь Бог посылал на землю, – бури, ветры, холод, жару, так как разнообразие и крайности проявлений Божьего творения делали мир столь неповторимым и прекрасным. Она как раз смотрела на дождь, превратившийся недавно из проливного в моросящий, когда увидела в окно три широкие, темные и чудовищные фигуры. Они появились возле деревьев в задней части двора, футах в пятидесяти от того окна, у которого она сидела. Фигуры остановились на мгновение, возле их ног закрутился туман, и Мэг показалось, что они возникли из этого тумана и вот-вот исчезнут. Но, вместо того чтобы исчезнуть, они побежали прямо юее дому.

Когда три чудовища приблизились и Мэг разглядела их, она похолодела от страха. Это было нечто невообразимое, невиданное, их можно было сравнить разве что с ожившими химерами, спустившимися с крыш готических соборов.

Мэг поняла в этот момент, что начинается самое страшное – инсульт, причем в очень тяжелой форме. Правда, она никогда не думала, что инсульт может начаться с таких диких галлюцинаций.

Сомнений не было – вслед за галлюцинациями последует разрыв сосуда, питающего кровью мозг. Этот сосуд с хрупкими стенками уже судорожно пульсирует. Мэг все ждала, когда же ее мозг пронзит страшная взрывная боль, ждала, что правую или левую сторону ее тела сведет судорогой, которая обернется параличом.

Даже в тот момент, когда одна из химер, разбив окно, осыпав битым стеклом стол, смахнув со скатерти бокал с вином, бросилась на Мэг, свалила ее со стула, впилась в нее

зубами и когтями, даже в этот момент Мэг продолжала удивляться тому, как странно начинается у нее инсульт. Только жуткая боль не удивляла ее. Она всегда знала, что смерть не бывает без боли. Дора Ханкенс, дежурный секретарь приемной в компании «Новая волна», привыкла, что все сотрудники компании покидают здание к половине пятого. Официально рабочий день заканчивался в пять часов, но многие уходили гораздо раньше, так как у каждого был дома персональный компьютер и отрабатывать восьмичасовой рабочий день именно в стенах компании было необязательно. С тех пор, как все сотрудники прошли через обращение, надобность в приказах и правилах отпала сама собой, так как все работали ради одной цели – ради создания Нового мира. Всех подталкивал вперед страх перед Шаддэком, и страх этот был столь велик, что заменял все остальные стимулы.

В 16.55 еще ни один из сотрудников не прошел мимо нее к выходу. Дора насторожилась. В здании было подозрительно тихо, несмотря на то что сотни людей продолжали работать в своих кабинетах и лабораториях на всех трех этажах. Впечатление было такое, будто все бесследно исчезли.

Ровно в пять часов ни один человек не покинул здание, и Дора решила выяснить, что происходит. Она вышла из-за стойки, прошла по холлу и открыла дверь, за которой начинался коридор, где размещались рабочие кабинеты. Открыв дверь первого кабинета с левой стороны, Дора вошла в комнату, где работали восемь женщин-секретарей. Они вели делопроизводство у тех руководителей среднего звена, у которых не было собственных секретарш.

Все восемь женщин сидели за компьютерами. В мерцающем зеленоватом свете Дора без труда увидела, что люди и машины переплелись в одно неразделимое целое.

Страх был единственным чувством, которое Дора испытывала в последние недели. Она думала, что уже познала все оттенки и степени страха. Но сейчас ужас перешел все мыслимые пределы.

Из стены справа от нее вылетел отросток, состоящий большей частью из металла, но гибкий, как живая змея. «Змея» пронзила голову одной из секретарш, ни капли крови при этом не пролилось. Еще одна «змея»

выскочила из головы другой секретарши, какое-то время «змея» покачивалась, словно подчиняясь неслышной мелодии, затем с немыслимой скоростью устремилась к потолку, проскочила через перекрытие и исчезла в комнате этажом выше.

Дора поняла, что все компьютеры и люди в «Новой волне» слились в единое целое, и все огромное здание превратилось в гигантский компьютерный центр. Дора хотела бежать куда глаза глядят, но не могла сдвинуться с места – возможно, потому, что понимала бессмысленность всяких попыток спасения.

Несколько мгновений спустя Дора включилась в общую компьютерную систему.

Бетси Солдонна аккуратно прикрепляла к стенду плакат. Стенд висел на стене городской библиотеки и призывал юных читателей больше читать приключенческую литературу. Это мероприятие являлось частью Недели чтения увлекательных триллеров.

Бетси была помощником библиотекаря. По вторникам она работала одна, так как ее начальница – библиотекарь Кора Дранкер – брала в этот день выходной. Бетси была с Корой в хороших отношениях, но поработать одной тоже было приятно. Кора любила поговорить, и ни одна пауза в работе не обходилась без ее многословных замечаний о развитии сюжета в ее любимых телепередачах. Бетси не мыслила себе жизни без книг и готова была часами говорить только о них. Кора, хотя и была заведующей библиотекой, книг почти никогда не читала.

Бетси оторвала четвертый кусочек скотча и приклеила последний угол плаката к стене. Она отошла на пару шагов назад и залюбовалась своей работой.

Этот плакат она нарисовала сама. Было чем гордиться. На плакате мальчишка и девчонка, держа в руках книги, смотрели на них широко раскрытыми глазами. Волосы у них от изумления стояли дыбом на голове. Брови у девчонки подскочили вверх, уши у мальчишки встали торчком. Над их головами по плакату шла надпись: КНИГИ – ЭТО АТТРАКЦИОН,

КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ, В НИХ ТЫ НАЙДЕШЬ НЕМАЛО УВЛЕКАТЕЛЬНОГО И УДИВИТЕЛЬНОГО.

Сзади, из-за полок с книгами, вдруг послышался необычный звук – не то чей-то кашель, не то стон. Вслед за этим звуком раздался грохот книг, падающих с полок.

Кроме Бетси, в библиотеке в этот момент находился только Дейл Фой. Дейл уже три года как был на пенсии, когда-то он работал кассиром в одном из супермаркетов. Он ничего не читал, кроме триллеров, все время искал какие-нибудь новенькие книги в этом жанре и без конца жаловался, что теперь нет таких хороших писателей, как раньше. Выше всех он ставил Джона Бучена. Вторым шел Роберт Льюис Стивенсон.

Бетси вдруг подумала, что у мистера Фоя случился сердечный удар, он, вероятно, позвал ее на помощь и, чтобы не упасть, схватился за полку с книгами и опрокинул ее на себя. Она представила, как он бьется в агонии, ловит ртом воздух, лицо у него синее и глаза выкатываются из орбит. На губах появляется кровавая пена...

Многие годы ежедневного чтения отточили воображение Бетси до такой степени, что оно стало острым, как бритва.

Она побежала в глубь комнаты, просматривая ряды между полками книг и выкрикивая:
– Мистер Фой, мистер Фой, что с вами?

В самом крайнем проходе, у стены, на полу валялись книги, но мистера Фоя рядом с ними не было. Не помня себя от удивления, она повернулась, чтобы еще раз пробежать мимо полок, и тут увидела... Мистера Фоя было очень трудно узнать. И хотя Бетси Солдонна обладала богатым воображением, она не смогла бы представить себе чудовище, в которое превратился старик, и те ужасы, которые он уготовил ей. Следующие мгновения были наполнены кошмарами из сотен триллеров, но, в отличие от книг, впереди не было никакого счастливого конца.

Из-за того, что темные штормовые тучи закрыли все небо, сумерки спустились на Мунлайт-Ков раньше обычного. Казалось, весь город включился в празднование Недели чтения увлекательных триллеров. Для очень и очень многих жителей этот сумрачный день обернулся бесчисленными ужасами и приключениями. Мрачный аттракцион под открытым небом работал без перерыва.

Глава 37

Сэм осветил фонариком все углы чердака. Пол казался прочным, лампы под потолком не было. Здесь ничего не хранилось, зато имелось много пыли, паутины и огромное количество мертвых, высохших пчел, которые летом понастроили тут свои гнезда, а к осени умерли от холода или от каких-то инсектицидов.

Сэм остался вполне доволен увиденным. Он вернулся к люку, спустился по лестнице вниз, в кладовку, расположенную в спальне, куда Гарри складывал старую одежду. Немало этой одежды пришлось вынести, чтобы установить лестницу.

Тесса, Крисси, Гарри и Муз ждали Сэма у двери кладовки, свет в спальне еще не зажигали.

Сэм успокоил их, сказав:

– Ну, все в порядке.

– Я туда не лазил с тех пор, как ушел на войну, – пояснил Гарри.

– Там, конечно, грязновато, много паутины, но зато вы будете в безопасности. Если вы не в самом конце списка и они придут раньше, то, не обнаружив вас дома, они никогда не полезут на чердак. Ведь никому в голову не придет, что инвалид с одной здоровой рукой может забраться туда.

Сэм не был до конца уверен, что так оно и будет, но для успокоения Гарри и своего собственного он не мог придумать ничего лучшего.

– Я смогу взять туда Муза?

– Возьмите пистолет, о котором вы упоминали, а Муза лучше оставьте здесь, – сказала

Тесса, – он может залаять в самый неподходящий момент.

– Вы думаете, Муз будет здесь в безопасности... когда они придут? – поинтересовалась Крисси.

– Я уверен в этом, – успокоил ее Сэм. – Их не интересуют собаки, их интересуют только люди.

– Вам лучше подняться наверх, Гарри, – поторопила Тесса, – уже двадцать минут шестого. Мы тоже не будем здесь долго задерживаться.

В комнате становилось темно, черные тени наполняли ее так же быстро, как вино кроваво-красного цвета наполняет хрустальный бокал.

Часть третья

Им принадлежит ночь

Монтгомери сказал мне, что Лоу: к вечеру почувствовал странную усталость; но вскоре животное вновь обрело прежнюю силу; в сумерках им овладел дух приключений; оно осмеливалось на такие вещи, на которые никогда бы не решилось при свете дня.

Г. Уэллс «Остров доктора Моро»

Глава 1

На холмах, окружавших со всех сторон бывшую колонию «Икар», было множество мышиных и сусликовых нор. Все их обитатели, а с ними и лисы в какой-то момент выбрались из-под земли и застыли, дрожа под дождем, вслушиваясь в странный звук, доносящийся из здания бывшей колонии. Несколько белок и барсуков также перестали суетиться в ближайшей роще и замерли, как статуи.

Первыми не выдержали птицы. Они, несмотря на дождь, вылетели из своих гнезд на деревьях и под крышей старого сарая. С криками они поднялись в воздух, закружились над домом, а затем начали одна за другой влетать в разбитые окна колонии. Стрижи, ласточки, воробьи, ястребы устремлялись в дом, словно подхваченные вихрем. Некоторые промахивались и ударялись о стены, падали замертво или бились в судорогах на земле.

Звук слышали все животные и птицы в радиусе двухсот футов от дома, однако подчинились зову первыми только те, кто находился совсем близко. Кролики, белки, койоты, лисы и барсуки ползли, прижавшись к мокрой земле, стремясь приблизиться к источнику блаженного звука. Некоторые из них были хищниками, некоторые – травоядными, но сейчас все были заодно. Это зрелище напоминало сцену из диснеевского мультфильма, в которой звери и птицы, увлеченные волшебной музыкой, ползут к ногам сказочника, чтобы послушать его чудесные истории. Однако сказочника в бывшей колонии «Икар» не было, и музыка, притягивающая зверей и птиц, не предвещала своим холодным звучанием ничего хорошего.

Глава 2

Пока Сэм поднимал Гарри на руках на чердак, Тесса и Крисси напряглись изо всех сил, толкая кресло-коляску в гараж в подвальной части дома. Это было нелегкой задачей, так как коляска была тяжелой и довольно-таки внушительной по своим размерам. В конце концов им удалось установить ее у ворот гаража, чтобы создать впечатление, будто Гарри, пересев из коляски в какую-то машину, уехал.

– Вы думаете, нам удастся навести их на ложный след? – спросила с беспокойством Крисси.

– Во всяком случае, есть шанс, что они попадутся на эту удочку, – ответила Тесса.

– Может быть, они даже подумают, что Гарри уехал еще вчера, когда город не был заблокирован.

Тесса кивнула, хотя в душе понимала – как, наверное, и Крисси, – что надежда на благополучный исход была очень слабой. Если бы Сэм был по-настоящему уверен в надежности убежища на чердаке, он настоял бы на том, чтобы Крисси спряталась там же, а не брал бы ее с собой в грозную кошмарную жуть сумеречного города.

Тесса и Крисси поднялись на третий этаж на лифте! Здесь их уже поджидал Сэм, только что закрывший люк на чердак и убравший лестницу из кладовки. Муз сидел рядом и внимательно наблюдал за развитием событий.

– Уже пять часов сорок две минуты, – объявила Тесса, посмотрев на часы.

Сэм вешал на место перекладину для одежды, которую пришлось убрать, когда устанавливали лестницу.

– Помогите-ка мне занести обратно одежду, – попросил он Тессу и Крисси.

Одежда была свалена в кучу на кровати. Выстроившись в цепочку, все трое вскоре переправили вещи на их место в кладовке.

Тесса заметила, что сквозь марлю повязки на правой руке Сэма опять сочилась кровь. От тяжелой работы рана снова открылась. И хотя она была далеко не смертельной, ее не мешало бы обработать, так как теперь только от Сэма, от его ловкости и сосредоточенности зависели их шансы на спасение.

Закрывая дверь кладовки, Сэм сказал:

– Боже, как же не хочется оставлять его здесь.

– Уже пять часов сорок шесть минут, – напомнила Тесса.

Она надела свою кожаную куртку, а Крисси – непромокаемый плащ Гарри, который был ей сильно велик. Сэм в это время заряжал свой револьвер. Весь запас патронов из своих карманов он израсходовал в доме Кольтранов. К счастью, у Гарри имелось два пистолета, он их забрал с собой на чердак, а патронами поделился с Сэмом.

Теперь оружие было в кобуре, и Сэм направился к телескопу, чтобы осмотреть улицы, ведущие к школе.

– Они еще не утихомирились, – заключил он по результатам осмотра.

– Много патрулей? – уточнила Тесса!

– Да. Но, к нашему счастью, дождь льет как из ведра. И туман с каждой минутой все гуще.

Из-за непогоды сумерки продлятся, по всей видимости, недолго и скоро уступят место ночной темноте. Так думал Сэм, глядя, как быстро исчезают последние проблески серого дня, как крошечная мгла раскидывает свои крылья над утопающим в дожде городом.

– Пять часов пятьдесят минут, – напомнила Тесса. Крисси добавила:

– Если мистер Талбот в начале их списка, они могут заявиться сюда с минуты на минуту.

Оторвавшись от телескопа, Сэм скомандовал:

– Ну что же, пошли.

Он вышел первым, Тесса и Крисси последовали за ним. Вниз спускались по лестнице. Муз воспользовался лифтом.

Глава 3

Шаддэк в этот вечер чувствовал себя беззаботно, как когда-то очень-очень давно в детстве.

Непрерывно кружа по городу, от моря к холмам, от Холливел-роуд к Паддок-лейн, он не мог вспомнить, когда в последний раз был в таком прекрасном настроении. Он отдал приказ патрулям расширить зоны патрулирования, он хотел быть уверенным в том, что в нужный момент каждый квартал будет под контролем. Вид всякого здания, любого прохожего, бредущего под дождем, словно подогревал его, он знал, что через несколько часов он станет

хозяином этой местности и этих людей, он будет повелевать их жизнью и смертью.

Его переполняло удивительное возбуждение, ожидание праздника, такого чувства он не испытывал с самого детства, с тех пор, как мальчишкой ожидал наступления Рождества. Город Мунлайт-Ков был воистину царским подарком, и через несколько часов, когда наступит его праздник, он получит этот подарок и сможет играть в эту игрушку столько, сколько ему заблагорассудится. Он будет играть в те игры, в которых столь долго сам себе отказывал, но о которых он так давно мечтал. Настанет час праздника, и он не откажет себе ни в какой прихоти, так как любая кровавая или преступная игра будет доступна ему, никто не сможет ни помешать ему, ни осудить его.

И, подобно ребенку, залезшему в карман отцовского пальто в поисках мелочи на мороженое, Шаддэк так увлекся заманчивыми перспективами, что совершенно забыл о возможности провала эксперимента. С каждой минутой угроза со стороны «одержимых» казалась ему все менее вероятной. О Ломене Уоткинсе он забыть не мог, но причина, по которой он провел целый день в гараже Паулы Паркинс, совершенно вылетела у него из головы.

Более тридцати лет неослабного самоконтроля, беспощадной мобилизации всех физических и умственных возможностей, начавшейся еще тогда, когда он уничтожил своих родителей и Бегущего Оленя, тридцать лет отказа себе во всех прихотях и сосредоточенности только на работе привели его наконец к воплощению его мечты. Он не имел права ни на какие сомнения. Сомневаясь в своем предназначении или результатах своей деятельности, он тем самым ставит под сомнение свое священное призвание и оскорбляет великих духов, благоволящих к нему. Он не может теперь оглядываться назад, поэтому должен отбросить всякие мысли о неудачном исходе эксперимента.

В разыгравшейся вовсю стихии он видел и чувствовал присутствие великих духов.

Он чувствовал, как они неслышно и невидимо скользят по улицам города.

Они спустились сюда, чтобы присутствовать и приветствовать его восхождение на трон.

Пьянящих сладостей из сока кактуса он не ел с того дня, когда убил отца, мать и индейца, но способность к моментам яркого озарения он сумел пронести сквозь все эти годы. Они; эти моменты, накатывали на него всегда неожиданно. Казалось бы, вот только что он был здесь, в своем привычном мире, и вдруг – он уже в другом измерении, в каком-то параллельном мире, в котором все кажется гораздо ярче и сочнее, в котором любой предмет приобретает новые качества, в котором сам он кажется себе невесомым, словно воздушный шарик. Там, в этом волшебном мире, с ним говорят великие духи. Особенно часто такое с ним случалось в первый год после убийства, видения посещали его чуть ли не по два раза в неделю. Постепенно частота озарений уменьшалась, но сила их не убывала никогда. Эти полуобморочные состояния, длившиеся от полутора-двух до шести-восьми часов, не могли не заметить те, кто был рядом с ним в годы детства и юности, – родственники, учителя в школе. Из-за этих состояний к нему сложилось особое отношение – его жалели и прощали, так как считалось, что все это – следствие моральной травмы, полученной в детстве.

Вот и сейчас, в бесконечной поездке по городу, он медленно впадал в столь знакомый ему «кактусовый» транс. На этот раз переход из одного мира в другой не был таким неожиданным, как обычно. Сейчас он словно медленно-медленно погружался в новое состояние. Шаддэк почему-то осознавал, что на этот раз он не будет в какой-то момент отброшен назад, в свой обычный мир. Отныне он будет обитателем обоих миров, он станет равным великим духам, ему будет доступна и заоблачная высота их разума, и земная конкретность существования. Он даже начал подозревать, что переживает в данный момент какой-то особый вид обращения, в тысячи раз более глубокий, нежели тот, через который прошли жители Мунлайт-Кова.

В столь экзальтированном состоянии все окружающее казалось Шаддэку необычным. Мерцающие огни на мокрых от дождя улицах представлялись отблесками роскошных бриллиантов, рассыпанных по мостовой. Серебряные, расплавленные нити дождя поражали своим совершенством. Вечернее небо также не жалело мрачных, но торжественных красок.

На перекрестке Паддок-лейн и Сэдлбек-драйв он случайно дотронулся до своей груди и ощутил под рукой миниатюрный корпус телеметрического устройства, которое он постоянно носил на надежной шейной цепочке. Он был так увлечен своими мыслями, что не сразу вспомнил, какое назначение было у этого предмета. Эта секундная забывчивость показалась ему также полной смысла. Ведь эта штука играла чрезвычайно важную роль не только в его собственной жизни. Прибор регистрировал и тут же передавал в эфир биение его сердца. Приемное устройство находилось в штаб-квартире компании «Новая волна» и было способно принимать сигнал с передатчика в радиусе пяти миль. Связь не прерывалась и тогда, когда Шаддэк находился в помещении. Если же сигнал о сердцебиении будет отсутствовать больше, чем в течение одной минуты, компьютер «Солнце» выдаст команду на уничтожение. Ее мгновенно примут микросферы, ответственные за ликвидацию, имеющиеся в теле каждого из Новых людей.

Пару минут спустя, на Бастенчерри-роуд, когда он вновь дотронулся до прибора, его опять посетило загадочное чувство забытья. Ему показалось, что практическое назначение прибора уходит куда-то на задний план, а на первый выходит его магическая суть. Ведь в принципе любой человек на земле мог генерировать этот могущественный ритм, определяющий жизнь и смерть тысяч людей. Но этот прибор достался ему, и теперь разыгравшееся воображение Шаддэка-ребенка рисовало ему прибор в виде магического амулета, дарованного ему свыше великими духами. Это было еще одно свидетельство его способности обитать одновременно в двух мирах, одной ногой он стоял в мире обычных людей, другой – в обиталище великих духов, божеств, явившихся к нему когда-то из простой кактусовой тянучки.

Воспоминание о детстве словно включило машину времени, и Шаддэк вновь окунулся в ту пору, когда ему было семь лет и когда он был без ума от индейца по кличке Бегущий Олень. В то время он был всего лишь ребенком. А индеец был полубогом. А потом ребенок был усыновлен божественным знаком лунного ястреба и получил власть над всем миром, над всеми людьми. Шаддэк продолжал кружить по городу, и мысли его были заняты фантазиями о том, что он хотел бы себе позволить... и с кем он хотел бы это совершить.

Время от времени он тихо посмеивался и даже повизгивал от восторга, подобно маленькому и злому ребенку, посадившему в банку муравьев и поджигающему их спичками. Его глаза сверкали, видя, как муравьи корчатся в пламени.

Глава 4

Сэм, Тесса и Крисси решили еще немного переждать на кухне, пока последние проблески осеннего дня погаснут в небе. Муз крутился тут же, его хвост взлетал вверх так, что казалось, еще немножко – и он пойдет кружиться по кухне отдельно от хозяина.

Наконец Сэм сказал:

– Теперь пора. Держитесь возле меня. Делайте только то, что я скажу, никакой самостоятельности.

Возле двери к выходу они обменялись долгими понимающими взглядами, не говоря ни слова, обнялись. Тесса поцеловала Крисси в щеку, то же самое сделал Сэм, Крисси, в свою очередь, расцеловалась с ними. Ей не надо было объяснять, почему это вдруг все стали такими чувствительными. Ведь все они были людьми, настоящими людьми, а для людей очень важно выражать свои чувства. А им – особенно важно, так как до полуночи осталось совсем немного времени, и неизвестно, доживут ли они до нее в человеческом образе. Может быть, им никогда уже не суждено испытывать простые человеческие чувства, поэтому эта возможность проявить их была воистину бесценной.

Кто знает, какие чувства испытывают эти загадочные ночные «призраки»? Да и кому это интересно? Наверное, никому.

Впрочем, нет, этот вопрос будет интересовать их самих, если они не смогут связаться с внешним миром и попадут в лапы этих «призраков» или патрулей. Тогда, в тот последний

момент, им бы оченьгодились знания о психологии их врагов хотя бы для того, чтобы попрощаться друг с другом навеки.

Наступила минута, когда Сэм, открыв дверь, вывел их на крыльцо.

Крисси вышла из дома последней и стала закрывать дверь. Муз даже и не пытался увязаться вслед за ними. Он был слишком умной собакой для таких дешевых трюков. На прощание, однако, он просунул в дверь морду и попытался лизнуть руку девочки. Она боялась, что прищемит ему нос, но Муз вовремя отпрыгнул, и дверь захлопнулась.

Сэм повел их с крыльца дальше – через двор, по направлению к соседнему дому с южной стороны. Света в этом доме не было. Крисси, конечно, надеялась, что там никого нет, но воображение все равно рисовало ей образы страшных чудовищ, которые сейчас следят за ними из окон и облизываются в предвкушении добычи.

Крисси казалось, что дождь стал холоднее, чем был, когда она бежала из дома священников, но скорее всего это было обманчивое впечатление, ведь она только что вышла из теплого, сухого дома. Было темно, только на западе еще просматривалась тонкая полоска серого заката. Холодные потоки воды с небес будто вколачивали эти остатки света в землю, освобождая место для непроглядного мрака. Еще на пути от дома Гарри до изгороди соседнего дома Крисси убедилась в достоинствах непромокаемого плаща, она уже не обращала внимания на его необъятные размеры, она просто чувствовала себя в нем как ребенок, играющий в переодевание во взрослые вещи.

Изгородь была невысокой, они без труда перемахнули через нее. За первой изгородью была вторая, Крисси перелезла через нее и пошла по двору. Только минуя дом с черными окнами, Крисси сообразила, что они проходят мимо дома Кольтранов.

Хорошо еще, что света в окнах не было, потому что, если бы он был включен, это означало бы очень неприятную вещь – кто-то обнаружил трупы Кольтранов.

Эти ожившие монстры теперь мерещились Крисси повсюду – то они шли за ней по пятам, то стояли у окон и следили за каждым ее шагом. В какой-то момент ей почудилось, что скрипнула дверь. Кольтраны же не могли просто так пропустить мимо своего дома того, кто их победил, и двух его спутниц. Крисси все время ждала, что роботы погонятся за ними, лязгая своими стальными лапами. Они представлялись ей в виде персонажей из старых фильмов ужасов – с радарными крутящимися на голове, и с клубами пара, вырывающимися из трубок на животе.

Крисси представила себе все это и даже замедлила шаг. Тесса, шедшая вслед за ней, едва не натолкнулась на фантазерку и знаком дала понять, что задерживаться им здесь не стоит. Крисси поспешила и вскоре догнала Сэма.

На этот раз изгородь была довольно высокой, к тому же по верху шли зубья из стальных прутьев. Сэм помог девочке перебраться через нее. Одной ей пришлось бы плоховато. Крисси на вертеле – хорошенькое дельце.

В окнах следующего дома горел свет, и Сэм залег в кустах, чтобы решить, куда двигаться дальше. Крисси и Тесса спрятались рядом с ним.

Крисси все-таки умудрилась слегка оцарапать руку о колючую изгородь, но она, сжав зубы, терпела боль и не жаловалась.

Раздвинув кусты, Крисси тоже стала наблюдать за домом, находящимся всего в двадцати футах от нее. На кухне собрались четверо его обитателей, они вместе готовили ужин. Двое из них, судя по всему, были мужем и женой, с ними был мужчина с сединой в волосах и девочка-подросток.

Интересно, успели их обратить или еще нет. Крисси подозревала, что нет, но удостовериться в этом не было никакой возможности. Раз уж «роботы» и «призраки» могут принимать человеческий облик в любой момент, то тут надо держать ухо востро и не доверять никому, даже своим лучшим друзьям... или родителям. Надо, в общем, вести себя так же, как при нашествии инопланетян.

– Даже если они выглянут в окно, они нас не увидят, – сказал Сэм. – Пошли.

Крисси послушно поднялась из-за кустов и побежала вслед за Сэмом через лужайку к

соседнему дому, благодаря Бога за то, что туман, скрывавший их от посторонних глаз, с каждой минутой сгущался.

По всей видимости, перед ними теперь был последний дом в этом квартале, дальше начиналась улица Бергенвуд-уэй, которая вела вниз, к улице Конкистадоров.

Когда они уже миновали большую часть лужайки и приближались к изгороди, из-за поворота на Бергенвуд-уэй свернула машина и медленно двинулась вниз по улице. Повинуясь знаку Сэма, Крисси легла на мокрую землю, так как поблизости не было никакого кустарника для укрытия. Времени на поиски убежища не оставалось, машина приближалась, и дальний свет от фар мог запросто вырвать их силуэты из темноты.

К счастью, на этой улице не было фонарей, а в небе уже погасли остатки заката.

По мере того как машина подъезжала на самой малой скорости – то ли из-за того, что была плохая погода, то ли из-за того, что в ней находился патруль, – ее фары все больше расплывались в тумане, который как бы загорался изнутри желтоватым пламенем. Клубящиеся облака света наверняка искажали для шофера все находящиеся по сторонам дороги предметы.

Когда автомобиль был уже меньше чем в квартале от того места, где прятались Сэм и его спутницы, пассажир на заднем сиденье зажег фонарик и начал освещать им лужайки перед домами на противоположной стороне Бергенвуд-уэй. Если они решат проверить и другую сторону, они наверняка их обнаружат.

– Отползаем назад, – прошипел Сэм, – ползите, не поднимая головы.

Машина была уже совсем близко.

Крисси ползла по земле вслед за Сэмом, который направлялся к близлежащему дому. На взгляд Крисси, в том месте, куда он полз, не было никакого кустарника, а заднее крыльцо дома не имело даже ограды, за которой можно было бы укрыться. Возможно, Сэм предполагал спрятаться от патруля за углом дома, но Крисси не понимала, как они с Тессой успеют доползти до того спасительного поворота. Она оглянулась. Свет фонарика по-прежнему блуждал по лужайкам на противоположной стороне, но фары уже освещали лужайку ближайшего дома. До того места, с которого они только что отползли, машине оставалось проехать несколько футов.

Крисси поторапливалась изо всех сил, но когда она наконец выбралась с травы на цементированную дорожку, то с ужасом увидела, что Сэм пропал.

Она замерла, не зная, что делать.

Сбоку раздался шепот Тессы:

– Сюда, на ступеньки, скорее, здесь погреб. Через несколько метров она действительно увидела под собой бетонные ступени. Сэм был уже внизу, он сидел на корточках на площадке перед дверью в погреб, едва ли не по пояс в воде. Крисси также сползла в холодную лужу, следом – Тесса. Несколько секунд спустя луч фонарика заплескал на стене над их головами.

Они застыли в своих позах и разогнулись только через минуту после того, как машина миновала дом. Крисси все боялась, что их услышат в доме, дверь распахнется и из-за нее на них вылетит какой-нибудь очередной оборотень-робот, он будет гудеть и выть, а в пасти у него клыки будут перемешаны с клавишами. Он крикнет им своим ужасным голосом что-нибудь уж совсем несусветное, вроде:

«Если вы хотите, чтобы вас убили, нажмите клавишу „ВВОД ИНФОРМАЦИИ“ и ждите результата».

Легче стало только тогда, когда Сэм прошептал:

– Можно идти.

Они пересекли лужайку и вышли к Бергенвуд-уэй. На этот раз улица была совершенно пустыня.

Как и говорил Гарри, вдоль Бергенвуд-уэй тянулся вымощенный камнем кювет. Гарри помнил его еще с тех времен, когда играл в нем, будучи ребенком. По его словам, кювет был около трех футов в ширину и примерно футов пять в глубину. Сейчас по кювету бежала дождевая вода, она едва поблескивала в темноте и слегка журчала.

По сравнению с улицей, открытой всем взорам, путь по кювету был более безопасен. Они прошли несколько ярдов вверх и обнаружили железные скобы для спуска в кювет. Гарри говорил, что такие скобы имелись через каждые сто футов на открытых участках кювета. Сэм спустился первым, за ним последовали Крисси и Тесса.

Сэм пригнул голову так, чтобы его не было заметно с улицы. Тессе из-за ее роста пригнуться почти не пришлось. Крисси вполне могла двигаться в полный рост. Иногда неплохо быть одиннадцатилетней, особенно тогда, когда спасаешься бегством от оборотней, кровожадных пришельцев, роботов или нацистов. За прошедшие сутки Крисси убедилась, что возраст очень ей помог спастись от первых трех видов чудовищ, нацисты ей еще не попадались, но кто знает, что может быть дальше.

Мирно журчащая вода оказалась страшно холодной, когда Крисси погрузилась в нее по колени. Течение было настолько быстрым, что приходилось делать усилия, чтобы удержаться на ногах. Вода толкала ее, сбивала с ног, словно сама была живым существом, поставившим себе целью утопить всякого, кто посмеет помешать ей стекать по кювету. Удержаться равновесие на месте было трудно, но реально, но как долго сможет она идти, не падая в воду? Наклон кювета увеличивался с каждым шагом, камни на дне были скользкими, так что, если бы не эта ночь ужасов, кювет вполне мог бы соперничать в качестве аттракциона с водными горами в «Диснейленде».

Если она упадет, то течение наверняка вынесет ее к подножию холма, где, по словам Гарри, вода из кювета уходит в подземную часть тоннеля. Гарри еще говорил, что над спуском есть решетка из железных прутьев, но Крисси по своей привычке выдумывать всякие ужасные истории тут же вообразила жуткий конец их ночного путешествия. Они споткнутся, поток унесет их вниз и сбросит через тоннель прямо на песок пляжа или, если будет прилив, – в открытое море.

Ей не составило никакого труда вообразить, как она будет кувыркаться, захлебываясь в мутной воде, расцарапывая в кровь пальцы, пытаясь схватиться за камни, и страшная сила воды будет все быстрее тянуть ее на дно, и мучения ее закончатся только тогда, когда, переломав ей кости, вода выбросит ее бездыханное тело на холодный песок пляжа...

Да, она могла вообразить все это очень ярко, но ей как-то вдруг расхотелось заниматься сочинительством страшных историй.

К счастью, Гарри предусмотрел и эту опасность и снабдил Сэма необходимым снаряжением. Сэм размотал длинный кусок крепкой веревки из гаража Гарри и обвязал один конец вокруг пояса, а другой передал Крисси и Тессе, если кто-нибудь из них упадет, то другие наверняка удержат его на веревке и не дадут скатиться вниз по потоку.

Так, во всяком случае, предполагал Гарри.

Надежно привязавшись друг к другу, они начали спуск по кювету. Сэм и Тесса пробирались по нему, пригнувшись, чтобы их не было видно с улицы, а Крисси особое внимание обращала на ноги, каждый раз ощупывая ногой камни. Она напоминала себе самой маленького тролля, в этой роли ей уже приходилось выступать не так давно, когда она пряталась в бетонном тоннеле от родителей и Такера.

Помня советы Сэма, она в зависимости от силы течения то натягивала рукой веревку, то отпускала ее. По натяжению веревки, тянувшейся от нее к Тессе, она чувствовала, что та делает то же самое.

Они двигались по направлению к тому месту, где кювет переходил в тоннель. Вода сбегала по тоннелю к морю, минуя под землей не только перекресток Бергенвуд-уэй с улицей Конкистадоров, но и два следующих квартала. Тоннель выныривал из-под земли только на Рошмор-стрит.

Крисси время от времени посматривала через плечо Сэма вперед и не могла сказать, чтобы ей очень нравилось то, что она там видела. Там, впереди, уже маячил бетонный круглый вход в тоннель, футов пять в диаметре, то есть ровно такого размера, чтобы рабочие могли войти туда, если возникнет засор. Но Крисси, конечно, пугали не столько размеры тоннеля, сколько непроглядная мгла его бетонной пасти. У Крисси по коже поползли

мурашки. Тоннельный мрак был чернее самой ночи – это была абсолютная чернота, она как бы входила в бездонную пасть какого-то доисторического чудовища.

Где-то там, выше их голов, по Бергенвуд-уэй медленно ползла машина, еще одна двигалась по улице Конкистадоров. Фары машин расцвечивали клубы тумана, но их свет практически не доходил до края кювета, не говоря уже о тоннеле.

Сэм вошел во мрак тоннеля и мгновенно скрылся из виду. Крисси шагнула за ним без малейшего сомнения, хотя поджилки у нее, надо признаться, несколько дрожали. Теперь они двигались еще медленней, так как дно было скользким и покатым и каждый шаг таил в себе опасность.

У Сэма был с собой фонарик, но он, по всей вероятности, опасался включать его у входа в тоннель. Отблеск света мог привлечь внимание патрулей.

В тоннеле было темно, как в желудке у кита. Крисси, конечно, не знала, как там у кита в желудке, но предполагала, что там нет никакого освещения. Это сравнение показалось ей подходящим, так как вода под ногами была ужасно похожа на желудочный сок, и казалось, она вот-вот начнет растворять ее теннисные туфли и джинсы.

И когда Крисси подумала об этом, она поскользнулась и упала. Наверное, она наступила на какую-нибудь противную водоросль. Крисси пыталась удержать равновесие, но все тщетно – она ушла под воду и почувствовала, как течение тянет ее вперед.

Слава Богу, ей удалось сдержать крик. Звук, усиленный трубой тоннеля, мог оказаться очень громким.

Задышавшись и выплевывая холодную воду, попавшую в рот, Крисси почувствовала, как всем телом ударились о ноги Сэма, и с ужасом поняла, что тот тоже падает. Опять в голове закружились ужасные образы их кошмарной гибели, померещились их окровавленные тела, распростертые у конца тоннеля, на пустынном пляже, где их долго-долго не смогут обнаружить.

Глава 5

В могильной темноте тоннеля Тесса только по звуку поняла, что Крисси свалилась в воду. Она сразу же остановилась, пошире расставила ноги и крепко ухватилась за спасительную веревку. Веревка мгновенно натянулась как струна – Крисси не удержалась, и течение поволокло ее вниз.

Сэм что-то проворчал, и Тесса поняла, что Крисси налетела прямо на него. Веревка на мгновение ослабла, но затем вновь натянулась до предела. Это означало, что Сэм изо всех сил пытается удержаться на ногах, но это ему удастся с большим трудом. Если течение повалит с ног и Сэма, то веревку дернет так, что Тесса упадет, и тогда все пропало.

Впереди раздавался громкий плеск. Сэм опять тихо выругался.

Тессе показалось, что уровень воды поднялся. Через мгновение подозрение превратилось в уверенность – вода уже хлестала ее выше колен.

Но самое ужасное – то, что она не могла ничего увидеть в этом беспросветном мраке, не могла понять, что происходит с ее спутниками.

Вот еще один сильный рывок веревки, еще один... Боже, когда же этому конец?

Сэм, ради Бога, не упади!

Дрожа от напряжения, почти теряя равновесие, понимая, что они находятся на волосок от гибели, Тесса как могла откинулась назад, стараясь помочь своим друзьям. Она попыталась перехватить веревку и подтянуть ее хоть чуть-чуть к себе, но из этого ничего не вышло. Она молила Бога, чтоб он дал ей сил удержаться на ногах.

Веревка все сильнее тянула ее вперед, она до боли врезалась в поясницу.

С другой стороны, сзади, с каждой минутой все нарастал напор воды.

Ноги заскользили по камням.

В голове замелькали, словно при ускоренной киносъемке, воспоминания, обрывки мыслей, некоторые из них никогда раньше не приходили ей в голову. Она вдруг остро поняла,

как хочется жить, выжить во что бы то ни стало, но не эти мысли поразили ее больше всего. Больше всего ее удивило не менее острое желание взять к себе в дом Крисси, удочерить ее, зажить тихой, спокойной жизнью рядом с этой удивительной девочкой. И это при том, что родители Крисси были живы, наверняка сохранялась небольшая возможность того, что их можно вернуть в человеческий образ. Но такой поворот событий вызывал сейчас протест в душе Тессы. Ей хотелось забрать девочку к себе. Кроме того, в ней вспыхнуло острое желание быть вместе с Сэмом, проводить вместе с ним все свои ночи. Что это с ней? Вроде всего несколько часов назад он казался ей лишь одним из многих тысяч ему подобных. Разве что в его отчаянном одиночестве был какой-то импульс привлекательности. Он заинтриговал ее своими четырьмя смыслами жизни. Но могла ли она стать пятым смыслом? Или заменить Голди Хоун? Только сейчас, на краю гибели, Тесса вдруг осознала, как близки ей стали эти двое.

Ноги все сильнее скользили по камням. Возможно, причиной были водоросли, которые облепили бетонное дно тоннеля. Тесса изо всех сил пыталась найти точку опоры.

Впереди негромко ругался Сэм. Слышно было, как кашляет Крисси.

Уровень воды в центральной, самой глубокой части тоннеля уже составлял восемнадцать-двадцать дюймов.

Секунду спустя веревка вновь натянулась до предела, затем провисла.

Впечатление было такое, что веревка оборвалась. Сэм и Крисси, вероятно, боролись сейчас с течением, уносившим их вниз.

Шум бурлящей воды эхом разносился по всему тоннелю, в ушах Тессы звучал бешеный ритм собственного сердца, но за всей этой музыкой ужаса она не слышала почему-то самых страшных криков – криков Сэма и Крисси. Ее спутники, вероятно, сбитые с ног и погибшие, почему-то молчали.

Затем снова раздался кашель Крисси. Всего в нескольких футах от нее.

Мелькнул свет фонарика. Сэм зажег его, заслонив рукой мощный луч.

В этой вспышке света Тесса увидела Крисси, выбравшуюся на край бурного потока и вцепившуюся в стенку тоннеля обеими руками.

Сэм стоял посередине потока, широко расставив ноги. Вода бурлила и пенилась, огибая его ноги. Он стоял лицом к Тессе.

Стало ясно, что веревка не оборвалась, просто она резко провисла, когда Сэму и Крисси удалось обрести равновесие.

– Все в порядке? – шепотом спросил Сэм у Крисси.

Крисси в ответ кивнула, она продолжала выплевывать воду, попавшую в рот. Девочка поморщилась, кашлянула и сказала:

– Угу.

Сэм повторил свой вопрос, обращаясь к Тессе.

Тесса хотела ответить, но не смогла. В горле стоял комок. Она сглотнула, откашлялась. Волна небывалого облегчения прокатилась по всему ее телу, смыв страшную тяжесть в груди. Тесса вздохнула и сказала:

– О, да, все в порядке, в полном порядке.

Глава 6

Сэм почувствовал облегчение только тогда, когда они без приключений добрались до конца тоннеля. Целую минуту он стоял у выхода и, не помня себя от счастья, смотрел в небо. Правда, из-за тумана неба практически не было видно, но это не имело никакого значения – после долгого пути в грязной воде даже туманная ночь, полная опасностей, казалась не такой уж страшной.

Поток воды, хлеставший из тоннеля, теперь больше напоминал разбушевавшуюся реку. То ли на холмах всюду разошелся ливень, то ли где-то дала сбой система дождевого стока. Вода доходила Крисси до пояса, из тоннеля в кювет обрушивался настоящий водопад. Вода

опять грозила сбить их с ног.

Сэм обернулся, подошел к Крисси, взял ее за руку и сказал:

– С этой минуты не отпущу тебя от себя ни на шаг.

Крисси только кивнула в знак согласия.

Ночь была темной-претемной, и Сэм мог лишь угадывать силуэт девочки, стоявшей от него в нескольких дюймах. Фигура Тессы вообще была неразличима во мраке.

Не выпуская руки Крисси, Сэм повернулся и посмотрел, куда им двигаться дальше.

После подземной части тоннеля, по словам Гарри, должен был начаться открытый участок, вымощенный камнем. Гарри ребенком частенько тайком от родителей играл со своими друзьями в этих местах и знал их как свои пять пальцев. Да поможет Бог непослушным детям!

Следующий тоннель должен был находиться через квартал от того места, где они стояли. Этот последний участок трубы заканчивался на западной окраине города, на берегу моря. По всей видимости, к концу трубы была приделана решетка, которая задерживала крупные предметы, смытые дождевыми потоками с улиц. Попадание в эту трубу грозило им верной смертью.

Сэм отнюдь не собирался рисковать. Надо сделать так, чтобы полностью исключить опасность падения в этот бешеный поток. Спасаться из наклонной трубы было совершенно нереально. Сэм даже думать о таком варианте не хотел.

Ему всю жизнь казалось, что он подводит других людей. Когда он попал в автокатастрофу вместе со своей матерью и она погибла, а он – нет, Сэм, будучи еще совсем ребенком, начал терзать себе душу, он вдруг вообразил, что, поведи он себя чуть иначе, мать его была бы спасена. Затем он попал в руки отца – алкоголика и садиста и долгие годы мучился тем, что никак не может угодить вечно недовольному, но близкому человеку. Дальше – больше. Он, подобно Гарри, постоянно корил себя за то, что бросил на произвол судьбы тех вьетнамцев, за которых воевал. Головой он понимал, что решение о выводе войск из Вьетнама принимали люди, стоящие куда выше его, и этим людям было глубоко все равно, что думает об их решении Сэм Букер, но он не мог ничего с собой поделать – на сердце осталась постоянно ноющая рана. Агенты ФБР, погибшие в операции, в которой и он участвовал, также частенько снились ему, и ему казалось, что в их глазах был упрек, хотя там, в перестрелке, он никак не мог спасти их. Он чувствовал себя виноватым и в смерти Карен, несмотря на то, что все окружающие крутили пальцем у виска, когда он говорил им об этом. Ему казалось, что если бы он любил ее еще сильнее, она бы нашла в себе силы победить страшную болезнь. В потере собственного сына, Скотта, он также упрекал только себя, хотя одному Богу ведомо, почему так случилось.

Крисси крепко сжала его руку.

Он в ответ тоже слегка сжал ее ладонь.

Эта девочка казалась ему сейчас совсем маленькой.

Днем, на кухне у Гарри, они вели разговор о том, что такое ответственность людей за свои поступки. Теперь Сэм вдруг почувствовал, что отвечает за все полной мерой, чувство ответственности превращается для него в какое-то наваждение, хотя так не может быть, он совершенно согласен со словами Гарри о том, что обязательства человека перед другими, особенно перед близкими, никогда не могут быть чрезмерными. Вот уж никогда бы не подумал, сказал сам себе Сэм, что смысл жизни можно понять, стоя по пояс в грязной воде, спасаясь бегством от каких-то немыслимых чудовищ. Ну, на свете еще не то бывает, Сэм также понял, что его проблема вовсе не в том, что он с охотой взваливает на себя любую ношу жизненных неурядиц и трагедий. И не в тяжести этой ноши – нет. Его проблема в том, что он позволил своему обостренному чувству ответственности разрушить его волю к жизни и к преодолению неудачи, трагедии – такова жизнь. Иногда виноват сам человек, иногда – его судьба, то, что ему на роду написано. Но из трагедий надо научиться выходить, надо не только продолжать жить, но и уметь радоваться этой продолжающейся жизни. Надо не позволять несчастьям перечеркивать всю дальнейшую жизнь. Отказ от радостей жизни –

великий грех, если ты веришь в Бога, и большая глупость, если ты – неверующий. Это все равно, что с гордым видом во всеуслышание заявить: «Да, людей в жизни постигают несчастья, но я отказываюсь от этой жизни, чтобы меня миновали и ее несчастья. Я вроде как уже не человек, а какое-то неземное существо, мое место где-то между ангелами и Богом». Теперь Сэм ясно понимал, почему он потерял Скотта – потому, что сам утратил любовь к жизни, перестал ей радоваться и ему просто нечем было поделиться с мальчиком, нечем было остановить его, когда он начал скатываться в пропасть отрицания всего и вся.

Если бы в этот момент Сэм начал перечислять составляющие смысла жизни, он насчитал бы их гораздо больше четырех. Он насчитал бы их сотни. Тысячи.

Все эти мысли пронзили его мозг в долю секунды, в тот момент, когда он сжимал ладонь Крисси; время словно замедлило свой бег, чтобы дать ему возможность воспринять все, что подарили ему эти мгновения. Сэм еще понял, что даже если ему не удастся спасти Тессу и Крисси, а удастся спастись самому, то он все равно научится, хоть и с трудом, радоваться дарованной ему жизни. И, несмотря на безысходность этой темной ночи, Сэм едва не рассмеялся. Оказывается, для того, чтобы понять смысл жизни, надо оказаться в кошмаре, в котором оказались они сейчас. Этот кошмар всколыхнул истины, лежавшие на дне его сознания, эти истины всплыли на поверхность и оказались не такими уж сложными для восприятия. Он мог дойти до них и раньше, во время предыдущих жизненных испытаний, но случилось так, что он воспринял их только теперь. Он был благодарен судьбе за них и не жалел, что пришлось так долго ждать ответа на вопрос о смысле жизни. Ведь истины только с первого взгляда кажутся простыми.

Да-да, он, конечно, сможет жить дальше, даже если случится трагедия и он потеряет Крисси и Тессу, но, черт побери, он не собирается терять их. Да провались он на этом самом месте, если он их потеряет.

Да будь он проклят, если с ними что-то случится.

Сэм пошел вперед, крепко держа Крисси за руку и благодаря небо за то, что дно у кювета не было скользким. Течение было по-прежнему сильным, и, чтобы легче передвигать ноги, он старался их почти не поднимать, а шел, шаркая подошвами по дну.

Уже через минуту они дошли до очередной лестницы из стальных скоб, надежно укрепленных в стене каменного кювета. Тесса тоже подошла и ухватилась за металлическую скобу. Какое-то время они стояли, не веря возможности избавления из водяного плена.

Дождь к этому времени слегка утихомирился. Сэм начал подниматься по скобам наверх. Следя за тем, чтобы не наступить на руки Тессе и Крисси, он осторожно высунул голову на улицу.

Вдоль улицы двигались клубы тумана. Больше никакого движения не было.

Кювет, из которого они сейчас выбрались, огибал здание городской средней школы. В нескольких футах от того места, где находился Сэм, виднелась спортивная площадка, за ней в тумане едва просматривалось само здание школы, слабо освещенное несколькими фонарями.

Территория школы была огорожена забором из стальной сетки высотой примерно футов в девять. Но Сэма это не пугало. В любом заборе есть калитка.

Глава 7

Гарри сидел на чердаке своего дома, надеясь на лучшее, но готовясь к самому худшему.

Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Света он не зажигал; из соображений безопасности Сэм разместил его в дальнем конце чердака, подальше от люка. На чердаке не было ни мебели, ни угла, за который можно было бы спрятаться.

Если кто-нибудь, не удовлетворившись осмотром хозяйской спальни, заглянет в кладовку, увидит люк, принесет лестницу и с нее посмотрит на чердак, то, может быть, он удовлетворится тем, что разглядит в темноте? Может быть, увидев при свете вспышки фонарика паутину, он выключит его и спустится вниз?

Нет, конечно, на это надеяться не стоит. Если кому-нибудь придет в голову осматривать

чердак, он не успокоится, пока не осмотрит все углы. Но хотя эти надежды были большей частью самообманом, Гарри все равно лелеял их. К надеждам он относился с особым чувством, он воистину умел с ними обращаться, ведь большую половину его жизни именно они поддерживали в нем веру в жизнь.

Вообще-то он чувствовал себя здесь довольно уютно. Готовясь к долгому пребыванию на неотапливаемом чердаке, он с помощью Сэма натянул на себя пару свитеров, теплые штаны и носки.

Забавно – люди думают, что человек ничего не чувствует своими парализованными конечностями. Да, такие случаи тоже бывают, когда ноги или руки полностью лишаются нервных окончаний. Но ведь травмы позвоночника бывают самыми разными, чувствительность неподвижных ног может пострадать в разной степени.

Гарри, хотя и не мог двигать ногами и одной рукой, тем не менее ощущал ими холод или тепло. Укусы комаров он тоже чувствовал – это была не боль, а ощущение какого-то неприятного прикосновения.

Чисто в физическом смысле Гарри, конечно, чувствовал гораздо меньше, чем раньше. Но он научился многое ощущать через эмоции. Из-за инвалидности все его чувства обострились до предела. Человеческих контактов не хватало, но он научился компенсировать этот недостаток. Помогали книги. Книги расширяли сузившийся до размеров комнаты мир. И у него был телескоп. Но больше всего помогала его неослабевающая воля, желание вести полноценную жизнь. Эта железная воля сохраняла его душевное здоровье.

Если вскоре наступит его последний час, он сам без горечи и сожаления задует свечу своей жизни. Он, конечно, хотел бы еще пожить, но важнее было то, что ему удалось уже сделать в жизни. Подводя итоги, Гарри чувствовал, что не зря прожил жизнь, он оказался достоин этого бесценного дара.

У него с собой два пистолета. Если они вздумают прийти сюда, он разрядит в них сначала всю обойму из одного, а затем расстреляет все патроны, кроме последнего, из барабана второго. Последний патрон он оставит для себя.

Он не взял на чердак запас патронов. В перестрелке однорукий инвалид не сможет быстро перезарядить оружие и станет легкой добычей для пули.

Дождь перестал стучать по крыше. Кончился совсем или это очередная передышка?

Хорошо бы снова увидеть солнце.

По правде говоря, его больше волновал Муз, а не он сам. Бедная несчастная собака бродила там внизу в одиночестве. Только бы эти «призраки» или их создатели не причинили ему вреда. А если случится так, что хозяину собаки не суждено дожить до утра, то пусть хоть псу повезет и он не будет долго скитаться бездомным.

Глава 8

Мунлайт-Ков казался Ломену Уоткинсу из окна его машины городом мертвых. И в то же время – городом, в котором кишмя кишит какая-то загадочная жизнь.

Если судить его по меркам обычного маленького городка, то Мунлайт-Ков сейчас скорее напоминал город-призрак из пустыни Мохаве, а не оживленное курортное место. Магазины, бары и рестораны были закрыты. Даже всегда шумный семейный ресторан Пересов теперь был пуст, свет был погашен, никто в городе не выказывал желания распахивать свои двери перед клиентами. Да и самих клиентов не было видно, по дождливым улицам лишь изредка проскакивали бригады, занимающиеся обращением, или пешие патрули.

Патрульные машины составляли абсолютное большинство на проезжей части.

Но при всем при том город исподволь бурлил какой-то тщательно скрываемой жизнью. Несколько раз Ломену встречались призрачные, быстрые фигуры, проскальзывающие в тумане и мраке по улицам. И хотя двигались они скрытно, Ломен отметил про себя их возросшее число и более наглое поведение, раньше эти существа никогда не позволяли себе

перебегать дорогу прямо перед движущейся машиной. Иногда Ломен останавливался, чтобы повнимательней рассмотреть их. Обратные смотрели на него, укрывшись в тени деревьев, и сверкали оттуда желтыми, зелеными или красными светящимися глазами. Они словно оценивали возможность нападения на полицейскую машину. Ломен смотрел на них, и его опять охватывало искушение, хотелось бросить все и, выскочив из машины, присоединиться к ним. Он нажимал на газ и уезжал, не дожидаясь, когда одна из сторон не выдержит напряжения. Время от времени в окнах домов мелькали странные отблески света, двигались силуэты самых немыслимых форм. Когда он видел их, сердце его начинало учащенно биться и ладони становились влажными от пота. У него и в мыслях не было останавливаться и выяснять, кто поселился в этих домах, так как он почти наверняка знал, что встретит там подобие его несчастного сына Денни, слившегося в одно целое с компьютером. Он каким-то шестым чувством понимал, что эти существа в тысячи раз опасней «одержимых».

Итак, он находился теперь в самом эпицентре мира по Лавкрафту. В этом мире царили первобытные и космические силы, а человеческий род был не более чем подопытным стадом. В этом мире христианство с его Божьей благодатью заменила языческая вера в богов, непрерывно враждующих между собой в борьбе за власть. Во всем – в тумане, в воздухе, в трепещущих деревьях, даже в ядовитом свете уличных фонарей – чувствовалось, что ничего хорошего не случится этой ночью... а, наоборот, может произойти все самое ужасное, самое немыслимое.

Ломену много раз попадались книги Лавкрафта. Он, правда, предпочитал этому писателю другого – Луиса Ламура, так как последний не фантазировал и был реалистом, но этой ночью именно Лавкрафт пришел ему на ум. Ведь теперь Ломен не по книгам, а на собственном опыте убедился, что человек способен создать собственными руками на земле такой ад, который не способен придумать на бумаге никакой писатель, работающий в жанре триллера.

Мир Лавкрафта воплотился в городе с такой силой, с какой над городом на протяжении последних суток бушевал ливень. Отчаяние и ужас были ощутимы почти физически. Ломен ни на секунду не забывал о заряженном револьвере, лежащем на переднем сиденье рядом с ним.

Шаддэк.

Он должен найти Шаддэка.

Он остановил машину на пересечении Юнипер-лейн с Оушн-авеню. Одновременно с ним другая полицейская машина тоже затормозила на Юнипер-лейн с противоположной стороны перекрестка.

На Оушн-авеню не было видно ни одной машины. Ломен опустил стекло со своей стороны и медленно тронулся на перекресток. Он сразу же взял на прицел своего револьвера водителя другой машины, который должен был проехать всего в футах от него.

По номеру машины он сразу определил, что водителем должен быть Нейл Пенниуорф. Но когда он рассмотрел, кто сидит за рулем, то обомлел. Он увидел нечто весьма отдаленно напоминающее Нейла и вообще человека. Даже в слабом свете от приборной доски и от бортового компьютера он сумел разглядеть это существо довольно подробно. Из лба Пенниуорфа выходили два толстых кабеля, напоминающие те, что он видел у Денни. Один из них тянулся к компьютеру, другой исчезал в приборной доске. Форма головы Нейла также изменилась, на месте глаз виднелись какие-то сенсоры, отливающие металлическим блеском. Плечи полицейского стали гораздо шире и превратились в подобие прямоугольных плеч робота. Рук Пенниуорфа не было заметно на рулевом колесе, казалось, у него вообще отсутствовали руки; Ломен подозревал, что Пенниуорф стал одним целым не только с компьютером, но и со своим автомобилем.

Голова Пенниуорфа начала медленно поворачиваться в сторону Ломена.

В его глазницах на месте глаз непрерывно мигали желтые индикаторы.

Ломен вспомнил слова Шаддэка о том, что Новые люди, освобожденные от бремени эмоций, смогут до бесконечности расширять потенциал своего мышления, они даже будут

способны осуществлять при помощи силы своей мысли контроль над материей. Их собственное сознание будет определять их внешний облик: чтобы убежать из мира, лишенного эмоций, они могут превратиться в кого угодно. Только одно превращение им недоступно – превращение в таких людей, какими они были до обращения. Существование в качестве киборга обеспечивало свободу от страха, а так как Пенниурф страдал от этого чувства, он и нашел выход из положения, спасение для себя именно в этом ужасающем образе.

Но что он чувствовал теперь? Какая цель у него была в его новой жизни? Оставался ли он в этом новом образе добровольно или попал в ловушку и не мог из нее выбраться, подобно Пейзеру?

Ломен нащупал рукой револьвер на соседнем сиденье.

Прямо из двери машины Пенниурфа выскочил полуметаллический-полуорганический кабель, впечатление было такое, что он не пробил изнутри дверь, а мгновенно образовался из ее материала. Острый конец кабеля со звоном пробил стекло автомобиля, в котором находился Ломен.

Револьвер выскользнул из руки Ломена, так как все его внимание было поглощено кабелем-змеей, влетевшим в его машину.

Кабель не разбил стекло, а за одно мгновение высверлил в нем небольшое отверстие, достаточное для того, чтобы проникнуть в кабину. Еще мгновение, и эта «змея» коснется лица Ломена. Он заметил, что на конце кабеля есть разъем с металлическими контактами, напоминающими зубы.

Каким-то чудом ему удалось увернуться от укуса «змеи» и до упора нажать педаль акселератора. Машина взревела и, прижав Ломена к сиденью, рванула с места на полной скорости.

Несколько секунд кабель растягивался между двумя машинами, зубы-контакты успели оцарапать Ломену нос. Затем «змея» неожиданно прекратила атаку и, выскользнув из машины Ломена, исчезла в автомобиле, оставшемся стоять на перекрестке.

Ломен мчался на полной скорости до конца Юнипер-лейн. Из-за дыры в стекле его сопровождал высокий непрерывный свист.

Самые худшие предчувствия Ломена сбывались у него на глазах. Новые люди, не пожелавшие становиться «одержимыми», выбирали другой, не менее страшный образ, и наверняка Шаддэк будет поощрять их к этому второму варианту – адскому сочетанию человека и машины.

Надо немедленно найти Шаддэка. Надо уничтожить творца этого ада и обезвредить созданных им демонов.

Глава 9

Крисси шла вслед за Сэмом по спортивной площадке, за спиной она слышала дыхание Тессы. Трава на площадке была местами вытоптана до земли, липкая грязь громко хлопала под ногами. Такие же звуки, наверное, издают инопланетяне, когда передвигаются по незнакомой планете, обмениваясь сигналами при каждом шаге. Да ведь это она сама, Крисси, была сейчас инопланетянкой в городе, ведь это она была не такой, как все остальные жители Мунлайт-Кова.

Они прошли уже две трети пути по площадке, когда раздался дикий крик, прорезавший ночь, словно лезвие топора, раскалывающего сухое полено. Нечеловеческий крик то затухал, то взлетал вновь на высокой ноте, крик был страшен, но уже знаком им – это был крик тех, кого Крисси еще совсем недавно считала инопланетянами. Дождь перестал, но воздух был перенасыщен влагой, и в этом воздухе далекий неземной крик звучал ясно и чисто, будто существо, издавшее его, находилось в двух шагах.

Это ощущение превратилось в прямую угрозу, когда далекому крику стали вторить другие, доносившиеся с соседних улиц – с Паддок-лейн и с Холливел-роуд. Казалось, весь

город исходил страшным криком, весь он, от холмов до побережья, кишит оборотнями.

Крисси поневоле пожалела о том, что они покинули грязный, холодный, но защищенный со всех сторон кювет. На открытой местности она чувствовала себя ужасно незащищенной.

Когда крики замолкли, раздался еще один, на этот раз рядом, совсем близко от них.

– Скорее, нам надо как можно скорее попасть вовнутрь, – поторопил Сэм Крисси и Тессу.

Крисси уже почти совсем расхотелось подражать героиням Андре Нортон. Измученная холодом, страхом и нечеловеческой усталостью, она сама к себе начала испытывать необычайную жалость. И еще она опять проголодалась. Приключениями она сыта по горло. Ей хотелось скорее оказаться в теплом доме, читать интересные книжки, ходить в кино и есть пирожные с кремом. Сейчас она явно не на своем месте. Настоящая героиня приключенческого романа давно бы изобрела сотню способов, как превратить местных чудовищ в невинные машины для мойки автомобилей, после чего благосклонно приняла бы предложение горожан стать коронованной особой в королевстве Мунлайт-Ков.

Все трое уже добежали до края спортивной площадки, обогнули кусты и поспешили через пустынную стоянку для машин к заднему двору школы.

Никто на них не нападал.

Благодарю тебя, Господи! Твоя верная Крисси.

Снова раздался дикий вопль.

Кажется, Бог тоже иногда любит пошутить.

Со стороны двора у школьного здания имелось шесть дверей. Они переходили от двери к двери. Сэм проверял каждую из них и внимательно осматривал замки дверей, зажигая фонарик, который он на всякий случай прятал в рукаве своей куртки. У Крисси создалось впечатление, что он был не способен открыть ни одну из них, хотя она всегда считала, что агент ФБР может при необходимости открыть любой самый сложный замок за одну минуту при помощи булавки или расчески.

Сэм также не пропустил ни одного окна и провел возле каждого довольно много времени, исследуя то, что было за стеклом, при помощи фонарика. Он рассматривал не столько комнаты за окнами, сколько устройство замков и оконных рам.

У самой последней двери, у которой в отличие от остальных имелось стеклянное окошко в верхней части, Сэм остановился, выключил фонарик, с победным видом взглянул на Тессу и начал ей нашептывать:

– Я не думаю, что здесь есть сигнализация. Возможно, я ошибаюсь, но я не вижу никаких датчиков на стеклах и никаких контактов на замках окон и дверей.

– Разве других систем сигнализации не бывает? – шепотом спросила Тесса.

– Конечно, есть и другие, например, системы, использующие радарные устройства или фотоэлементы. Но они, пожалуй, сложноваты для школы, да и чувствительность у них явно не для такого типа заведений.

– Ну так что мы теперь делаем?

– Теперь я разбиваю стекло на этой двери. Крисси ждала, что Сэм достанет из кармана и наклеит на стекло специальную бумагу, чтобы смягчить звук от удара. Так всегда поступали детективы из книжек. Но Сэм в отличие от них просто повернулся боком к двери, локтем выбил стекло из рамы. Раздался жуткий звон и грохот. Наверное, Сэм забыл захватить с собой эту специальную бумагу.

Сэм просунул руку в образовавшуюся дыру, нащупал защелку и открыл замок. Он вошел в дверь первым. Крисси направилась вслед за ним, стараясь не наступать на битое стекло.

Сэм опять включил фонарик. Теперь он уже не прикрывал луч рукавом, но старался, чтобы свет от фонаря не попадал на окна.

Они находились в длинном вестибюле. В нем стоял устойчивый запах какого-то дезинфекционного средства с хвойным ароматом. Вероятно, вестибюль настолько часто

обрабатывали этим средством, что запах его пропитал стены и пол. Такой же запах всегда стоял в вестибюле той школы, где училась Крисси, но уж чего она не ожидала, так это встретить его здесь. Она всегда считала среднюю школу каким-то священным, таинственным местом, но сейчас начала в этом сомневаться, потому что какая же таинственность может присутствовать в школе, которую обрабатывают тем же дезинфицирующим средством, что и начальную?

Тесса бесшумно закрыла за ними дверь.

Они стояли у двери и прислушивались.

Была полная тишина.

Они пошли по вестибюлю, заглядывая в классные комнаты и лаборатории в поисках компьютерного класса. Вот и переход в другую часть здания. На повороте они опять постояли некоторое время, вслушиваясь в тишину.

Ничто не нарушало безмолвия.

И мрака. Единственным источником света во всем здании был карманный фонарик Сэма. Он держал его в левой руке, в правой у него был револьвер.

– Кажется, здесь никого нет, – нарушил он молчание. Это было, похоже на правду. Крисси сразу стало почему-то легче, спокойнее. Но, с другой стороны, если Сэм и вправду считает, что здесь никого нет, то почему он не спрятал револьвер?

Глава 10

Объезжая свои владения в предвкушении полуночи, до которой оставалось еще пять часов, Шаддэк целиком погрузился в состояние веселого ребячества. Теперь, когда победа была у него почти в кармане, он мог сбросить с себя маску взрослого человека, тем более что без нее он чувствовал себя значительно лучше. В сущности, он никогда и не был настоящим взрослым, он на всю жизнь в эмоциональном плане остался двенадцатилетним ребенком. Ведь именно в этом возрасте ему был явлен великий знак лунного ястреба, этот знак был впечатан в него. С тех пор он как сокровище хранил эмоциональное состояние тех дней, не позволяя ему исчезать или изменяться с возрастом. Но теперь притворяться не было никакого смысла.

С одной стороны, Шаддэк, прекрасно зная о своем эмоциональном отставании от других людей, считал это своим большим преимуществом. Двенадцатилетний ребенок добивается воплощения своей мечты с большей решимостью, чем взрослый. Но, с другой стороны, это было его слабым местом. Он был сосредоточен только на одном – на своей Великой Мечте. В этом смысле он был маньяком.

Но если бы не его неуклонное стремление к цели, проект «Лунный ястреб» вряд ли осуществился бы. Его победа была предопределена его непохожестью на других.

Итак, он мог быть теперь ребенком, он мог больше не скрывать свой эмоциональный возраст, он мог позволить себе все, что угодно, взять все, что захочет, нарушить любой закон. Именно в этом возрасте у человека появляется стремление к свободе от законов, переходный возраст толкает подростка на преступление.

Но он был не простым нарушителем законов. Он был ребенком, вкусившим кактусовой сладости. Она оставила в нем след на всю жизнь. Он был ребенком, который знает, что он – Бог. Способность любого ребенка к жестокости меркла перед жестокостью Бога.

Чтобы побыстрее пролетело время, оставшееся до полуночи, Шаддэк придумывал, что он сможет совершить, обладая абсолютной властью, с той минуты, когда весь город попадет под его контроль. От некоторых из этих мыслей его бросало в дрожь. Он испытывал и возбуждение и отвращение одновременно.

Он проезжал по Айсберри-уэй, когда обнаружил, что у него в машине находится индеец. Да-да, он повернул голову и, к своему удивлению, обнаружил, что Бегущий Олень сидит рядом с ним на переднем сиденье. Шаддэк остановил машину прямо посередине улицы и уставился на индейца, не веря своим глазам, изумленный и испуганный.

Однако в сидящей фигуре индейца не было ничего угрожающего. Он сидел молча, не поворачивая головы, и смотрел перед собой, словно что-то увидел за лобовым стеклом.

Постепенно Шаддэк стал понимать, что происходит. Дух индейца теперь принадлежал ему так же, как ему принадлежала машина, на которой он ездил по городу. Великие духи даровали ему дух индейца в качестве вознаграждения за то, что ему удалось довести до конца проект «Лунный ястреб». Так что теперь он, а не Бегущий Олень был хозяином положения, и индеец сможет говорить только тогда, когда к нему обратится Шаддэк.

– Привет, Бегущий Олень, – сказал он. Индеец взглянул на него.

– Привет, Маленький Вождь.

– Ты теперь принадлежишь мне.

– Да, Маленький Вождь.

На одно мгновение Шаддэку показалось, что он сошел с ума и Бегущий Олень – не более чем плод его больного воображения. Но дети в переходном возрасте не задерживаются на одной мысли слишком долго, и эта мысль ушла из головы так же быстро, как и пришла.

– Ты будешь делать только то, что я тебе скажу, – предупредил он Бегущего Оленя.

– Слушаюсь.

Чрезвычайно довольный, Шаддэк снял ногу с тормоза и поехал дальше. В свете уличных фонарей он увидел одно из пресловутых желтоглазых существ: «одержимый», встав на колени, пил воду из лужи. Шаддэк решил не обращать на увиденное никакого внимания, и, как только существо исчезло с проезжей части, мысль о нем улетучилась из головы хозяина города.

Исподволь взглянув на индейца, он спросил:

– Знаешь, что я собираюсь сделать в скором времени?

– Что, Маленький Вождь?

– Когда проведу через обращение всех, не только жителей Мунлайт-Кова, а всех жителей Земли, когда у меня не будет соперников, я потрачу часть своего времени на то, чтобы отыскать твоих оставшихся в живых родственников, всех твоих братьев, сестер, даже двоюродных. Я разыщу всех детей вашего рода, всех до одного. И все они заплатят страшную цену за твои преступления. Я на самом деле... заставлю их платить. – Голос Шаддэка сорвался на визгливую ноту, он хотел подавить ее, но ничего не получилось. – Я убью всех мужчин твоего рода, я разрежу их живыми на куски. Я скажу им, что убиваю их из-за тебя, и они будут проклинать тебя и твое имя, они пожалеют, что ты когда-то появился на свет. А женщин твоего рода я изнасилую, я заставлю их стонать от боли, слышишь? Потом я их тоже убью. Что ты думаешь об этом? А?

– Если тебе будет так угодно, Маленький Вождь.

– Да, черт побери, мне будет так угодно.

– Значит, ты сделаешь это...

– Да, черт возьми, я это сделаю.

Шаддэк был поражен до глубины души, когда почувствовал, что у него на глазах выступили слезы. Он остановил машину на перекрестке.

Индеец молчал.

– Скажи, что ты был не прав.

– Я был не прав, Маленький Вождь.

– Ты был чудовищно не прав.

– Я был чудовищно не прав.

Шаддэк достал из кармана носовой платок и вытер слезы.

Он улыбался, глядя на ночной город. Вдохнул облегченно. Посмотрел на Бегущего Оленя.

Индеец смотрел перед собой и молчал.

Шаддэк проговорил:

– Но, конечно, без тебя я никогда бы не стал избранником великих духов.

Глава 11

Компьютерный класс школы находился на первом этаже, в самом центре здания. Окна выходили во внутренний двор, и поэтому Сэм безо всяких опасений включил верхний свет.

Класс напоминал лингафонный кабинет с компьютером в каждой кабинке. Тридцать компьютеров были расположены рядами перед столом преподавателя.

Оглядев этот компьютерный рай, Тесса сказала:

– «Новая волна» не поскупилась, верно?

– Наверное, правильнее сказать «не растерялась», – добавил Сэм.

Он прошел по рядам, отыскивая взглядом телефонные розетки и модемы, но ничего подобного не обнаружил.

Тесса и Крисси в это время стояли у двери класса и следили за темным вестибюлем.

Сэм сел за один из компьютеров и включил его. На экране возникла эмблема «Новой волны».

Если нет модемов, то напрашивается вывод, что компьютеры были даны школе просто для рекламы и участие школьников в компьютерной практике и работе над проектом «Лунный ястреб» не предусматривалось.

Эмблема исчезла, и на экране появилось первое меню. Так как компьютеры имели жесткие диски с большим запасом памяти, то их программы были готовы к работе сразу после включения. Меню предусматривало выбор из следующих позиций:

А. ТРЕНИРОВКА (1 ВАРИАНТ)

Б. ТРЕНИРОВКА (2 ВАРИАНТ)

В. РАБОТА С ТЕКСТОВЫМ РЕДАКТОРОМ

Г. ПРОГРАММА БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА

Д. ПРОЧЕЕ

Сэм заколебался, но не потому, что не знал, на какую клавишу нажать, а потому, что вдруг испугался. Он инстинктивно начал бояться прикосновений к компьютеру, вспомнив, что произошло в доме Кольтранов. Скорее всего люди сами, по своей инициативе, слились с компьютерами, но ведь в принципе был возможен и другой вариант – компьютеры взяли под свой контроль людей. Хотя это кажется совершенно невероятным. От Гарри он знал, что людей обращали через инъекции, но Сэм все равно не мог какое-то время заставить себя прикоснуться к клавишам. Наконец он выбрал пункт «Д»:

А. ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Б. МАТЕМАТИКА

В. ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Г. ИСТОРИЯ

Д. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Е. ПРОЧЕЕ

Сэм нажал «Е». Появилось третье меню, за ним еще несколько. Сэм нажимал клавиши до тех пор, пока не обнаружил пункт «НОВАЯ ВОЛНА». Когда он выбрал эту позицию, на экране появился текст:

ПРИВЕТ, УЧЕНИК.

ТЫ НАХОДИШЬСЯ В КОНТАКТЕ

С СУПЕРКОМПЬЮТЕРОМ

КОМПАНИИ «МИКРОТЕХНОЛОГИЯ

НОВОЙ ВОЛНЫ»

МЕНЯ ЗОВУТ «СОЛНЦЕ»

Я ГОТОВ РАБОТАТЬ С ТОБОЙ.

Значит, школьные компьютеры были напрямую связаны с «Новой волной». Модемы были ни к чему.

ТЫ ХОЧЕШЬ ПРОСМОТРЕТЬ МЕНЮ?

ИЛИ СРАЗУ УТОЧНИШЬ КРУГ

СВОИХ ИНТЕРЕСОВ?

Помня о том, что меню только одной полицейской службы составляли сотни наименований, Сэм решил не терять времени и сразу напечатал:

ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
МУНЛАЙТ-КОВА.

На экране появилась надпись:

ДАННЫЙ ФАЙЛ ЗАСЕКРЕЧЕН.

НЕ ПЫТАЙСЯ ПРОНИКНУТЬ В НЕГО БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ВАШЕГО
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ.

Сэм сообразил, что у преподавателей должны быть свои персональные коды для доступа в систему. Набирать их наудачу не имело смысла, там могли быть миллиарды комбинаций. Сэм решил воспользоваться еще раз известным ему кодом офицера полиции Дорна. Он набрал 262699.

На экране появилась надпись: ПРИВЕТ, ОФИЦЕР ДОРН.

Сэм еще раз вызвал базу данных полицейского управления.

На этот раз он получил в нее доступ.

ВЫБЕРИТЕ ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ

А. ДИСПЕТЧЕР

Б. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

В. ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ

Г. ВЫХОД НА ВНЕШНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ

Он нажал «Г».

На экране появился список федеральных компьютерных сетей, с которыми он мог связаться с помощью модема.

Ладони сразу стали влажными. Сэм боялся совершить какую-нибудь ошибку, так как каждый шаг в этом проклятом городе был сравним с шагом по минному полю.

Он покосился на Тессу.

– Все в порядке?

Она еще раз выглянула в темный вестибюль, затем кивнула ему.

– Вроде да. Получается?

– Да, кажется... – Он снова припал к компьютеру и шепотом попросил: – Пожалуйста...

Он пробежал взглядом длинные списки баз данных. Наткнулся на «КОД ФБР». Это было название одной из самых последних и самых засекреченных баз данных Бюро. Она находилась в штаб-квартире ФБР в Вашингтоне и была организована только в прошлом году. Никто из рядовых агентов и сотрудников региональных отделений не имел к ней доступа.

Она была самой засекреченной.

Все еще ожидая какого-нибудь подвоха, Сэм набрал на клавиатуре «КОД ФБР». После паузы на экране появилась цветная эмблема ФБР, под ней была надпись «КОД».

Следом на экране начали высвечиваться вопросы: «НОМЕР ВАШЕГО УДОСТОВЕРЕНИЯ? ФАМИЛИЯ? ДАТА РОЖДЕНИЯ? ДАТА ПОСТУПЛЕНИЯ НА СЛУЖБУ В ФБР? ДЕВИЧЬЯ ФАМИЛИЯ ВАШЕЙ МАТЕРИ?» – и когда Сэм ответил на все эти вопросы, он получил доступ в систему.

– Попал! – воскликнул он, забыв о предосторожности.

Тесса не поняла его возгласа.

– Что-нибудь случилось?

– Я попал в основную базу данных ФБР в Вашингтоне.

– Да вы настоящий хэкер, – похвалила его Крисси.

– Нет, просто повезло, и я попал, куда надо.

– Что теперь?

– Я сейчас буду вызывать дежурного оператора. Но сначала я хочу передать привет всем отделениям ФБР, по всей стране, чтобы повсюду сели за компьютеры и записали то, что я передам.

– Привет?

Из меню «КОД ФБР» Сэм выбрал пункт «Е» – НЕМЕДЛЕННАЯ ПЕРЕДАЧА ПО ВНУТРЕННЕЙ СВЯЗИ. Он собирался отправить послания в каждое из отделений ФБР, а не только в отделение в Сан-Франциско, откуда он надеялся получить самую быструю помощь. Ведь все-таки оставалась небольшая вероятность того, что оператор в Сан-Франциско пропустит сообщение, несмотря на то что Сэм дал посланию заголовок «БОЕВАЯ ТРЕВОГА». Если же сообщение примут повсюду, то в штаб-квартиру посыплются вопросы, и тогда уже точно из Сан-Франциско двинется помощь.

БОЕВАЯ ТРЕВОГА.

МУНЛАЙТ-КОВ, КАЛИФОРНИЯ

БОЛЬШОЕ ЧИСЛО ПОГИБШИХ.

ПОЛОЖЕНИЕ ОСЛОЖНЯЕТСЯ.

В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ВРЕМЕНИ

ВОЗМОЖНЫ СОТНИ ЖЕРТВ.

КОМПАНИЯ «НОВАЯ ВОЛНА» ПРИЧАСТНА К ЗАПРЕЩЕННЫМ

ЭКСПЕРИМЕНТАМ НАД ЛЮДЬМИ.

ОНА НАХОДИТСЯ В СГОВОРЕ

С МЕСТНЫМИ ВЛАСТЯМИ.

ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ ПОПАЛИ

ПОД ЭТОТ ЭКСПЕРИМЕНТ.

ПОВТОР: ВСЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДА СТАЛО

ЖЕРТВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТА.

СИТУАЦИЯ ОПАСНА ДО ПРЕДЕЛА.

ЖИТЕЛИ ГОРОДА СКЛОННЫ К

КРАЙНИМ ФОРМАМ НАСИЛИЯ.

ПОВТОР: КРАЙНИЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ.

НЕОБХОДИМ НЕМЕДЛЕННЫЙ КАРАНТИН

ГОРОДА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ

СПЕЦИАЛЬНЫХ АРМЕЙСКИХ

ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ.

ТРЕБУЕТСЯ ПОДДЕРЖКА

СПЕЦИАЛЬНЫХ СИЛ ФБР.

Сэм также сообщил, что он находится в здании школы на Рошмор-уэй, чтобы силы поддержки знали, где его искать, хотя он и сомневался, что он с Крисси и Тессой будут укрываться именно здесь. Сэм подписался под сообщением.

Конечно, это сообщение не даст полной картины всего, что происходит в городе, но, по крайней мере, заставит их прибыть сюда не мешкая и в полной готовности. Он нажал клавишу «ПЕРЕДАЧА», но затем подумал и вместо этого слова ввел другую команду – «ПЕРЕДАЧА С ПОВТОРОМ».

Компьютер спросил: КОЛИЧЕСТВО ПОВТОРОВ?

Сэм напечатал: 99.

Потом дал команду «ПЕРЕДАЧА» и нажал клавишу «ВВОД».

КАКИЕ ОТДЕЛЕНИЯ? – спросила машина.

ВСЕ, – напечатал Сэм.

Экран погас, затем появилась надпись: «ИДЕТ ПЕРЕДАЧА».

В этот момент все лазерные принтеры системы «КОД» по всей стране распечатывали первый из девяноста девяти экземпляров сообщения. Весь ночной дежурный персонал ФБР вскоре будет стоять на голове, и работа закипит.

Сэм едва не закричал от восторга.

Но необходимо было сделать еще одну вещь. Ведь они еще не выбрались из этого страшного города.

Сэм быстро вернулся к основному меню системы «КОД» и набрал вариант «А» –

ДЕЖУРНЫЙ НОЧНОЙ ОПЕРАТОР. Через пять секунд он уже был на связи с сотрудником, обслуживающим эту систему в штаб-квартире ФБР в Вашингтоне. На экране высветился номер удостоверения агента и его фамилия с именем АННА ДЕНТОН. Сэм чувствовал огромное удовлетворение, используя сверхвысокую технологию для нейтрализации Томаса Шаддэка, компании «Новая волна» и проекта «Лунный ястреб». Итак, Сэм начал разговор по компьютерной связи с Анной Дентон, он собирался рассказать ей во всех подробностях об ужасных событиях в городе Мунлайт-Ков.

Глава 12

Хотя Ломена Уоткинса уже не интересовали полицейские проблемы, он каждые десять минут включал свой компьютер, чтобы быть в курсе происходящих событий. Он также предполагал, что Шаддэк выдаст свое местонахождение, выйдя на связь с полицейским управлением. Тогда его удастся засечь, и он не уйдет от возмездия.

Оставлять компьютер постоянно включенным Ломен боялся. Не то чтобы он опасался каких-то действий со стороны машины, нет. Просто он считал, что нахождение вблизи включенной машины может подействовать на него так же, как нахождение вблизи «одержимых», – он поневоле начнет испытывать искушение.

Вот и теперь он свернул на обочину Холливел-роуд, включил компьютер и приготовился следить за каналом обмена информацией, когда на экране появилось слово «ТРЕВОГА». Ломен отдернул руку от клавиш, словно его ударило током.

Компьютер выдал: «СОЛНЦЕ» ТРЕБУЕТ ВЫЙТИ С НИМ НА ДИАЛОГ.

«Солнце»? Суперкомпьютер «Новой волны»? С какой стати он вторгся в систему связи полицейского управления?

Желая определить вмешательство в диалог других офицеров полиции, Ломен отреагировал на запрос и напечатал: К ДИАЛОГУ ГОТОВ.

ТРЕБУЮТСЯ РАЗЪЯСНЕНИЯ, – попросил компьютер.

Ломен напечатал: «ДА», что должно было означать – ПРИСТУПАЙТЕ.

Суперкомпьютер умел сам составлять вопросы. Первым был таков: ЗАПРЕЩЕНЫ ЛИ ДО СИХ ПОР ТЕЛЕФОННЫЕ РАЗГОВОРЫ ПО МЕЖДУГОРОДНОЙ СВЯЗИ?

ДА.

ПОДПАДАЮТ ЛИ НОМЕРА, ВЫДЕЛЕННЫЕ ДЛЯ «СОЛНЦА», ПОД ЭТО ЗАПРЕЩЕНИЕ?

Ломен не понял и напечатал: ВОПРОС НЕЯСЕН.

Суперкомпьютер терпеливо объяснил, что в его распоряжении имеется несколько телефонных линий, по которым он связывается с базами данных по всей стране.

Ломен знал про это, поэтому напечатал: «ДА».

Компьютер повторил вопрос.

Если бы Ломен интересовался компьютерами так же, как Денни, он бы все понял сразу. Но Ломен опять сконфуженно напечатал «ПОЧЕМУ?», что означало «ПОЧЕМУ ВОЗНИК ТАКОЙ ВОПРОС».

В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ МОДЕМ ДЛЯ ВНЕШНЕЙ СВЯЗИ.

КЕМ ОН ИСПОЛЬЗУЕТСЯ?

СЭМЮЭЛОМ БУКЕРОМ.

Ломен рассмеялся бы, если бы мог. Агент ФБР все-таки нашел выход из положения, и скоро эксперимент бесславно закончится.

Прежде чем Ломен успел спросить компьютер о подробностях, в левом верхнем углу экрана появилась фамилия Шаддэка – это означало, что «доктор Моро» наблюдал за диалогом с машиной и решил вмешаться. Ломен согласился на роль наблюдателя.

Шаддэк запросил более подробную информацию.

Компьютер ответил: ПОЛУЧЕН ДОСТУП В СИСТЕМУ «КОД ФБР».

Ломен представил изумление Шаддэка. Следующим шагом его хозяина был запрос:

КАКИЕ РЕШЕНИЯ ВОЗМОЖНЫ? Он явно нуждался в совете компьютера, для того чтобы справиться с ситуацией.

Суперкомпьютер представил пять вариантов решений, пятым вариантом было «ОТКЛЮЧЕНИЕ СВЯЗИ».

Секундой позже компьютер доложил: СВЯЗЬ С СИСТЕМОЙ «КОД ФБР» ОТКЛЮЧЕНА.

Ломен надеялся, что Букер успел все-таки передать свое сообщение и вывел Шаддэка и его проект на чистую воду.

На экране появился новый вопрос Шаддэка: НАЗОВИТЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ БУКЕРА.

ГДЕ НАХОДИТСЯ КОМПЬЮТЕР, С КОТОРЫМ ОН РАБОТАЕТ?

ДА.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА МУНЛАЙТ-КОВА, КОМПЬЮТЕРНЫЙ КЛАСС.

Ломен находился в трех минутах езды от этой школы.

Интересно, где сейчас находится Шаддэк? Но в любом случае он помчится в школу, чтобы не дать Букеру разрушить его грандиозный замысел или в крайнем случае – отомстить за то, что уже непоправимо разрушено.

Важно одно – теперь он, Ломен, знает, где найти своего создателя.

Глава 13

Сэм провел шесть обменов по компьютерной связи с Анной Дентон, когда связь отключилась. Экран погас.

Хотелось верить, что это произошло из-за неполадок на линии, но Сэм почти наверняка знал, что это не так.

Он встал так резко, что стул с грохотом свалился на пол.

Крисси подпрыгнула от неожиданности, а Тесса спросила:

– Что? Что случилось?

– Они узнали, где мы, – объяснил Сэм, – и сейчас едут сюда.

Глава 14

Гарри услышал, как внизу у двери зазвонил звонок.

Сердце екнуло. Он почувствовал, что теряет самообладание.

В дверь позвонили еще раз.

Последовала долгая пауза. Они ведь знали, что в доме живет инвалид, и давали ему время добраться до двери.

Раздался третий звонок.

Гарри взглянул на часы. 19.24. От того, что они не поставили его в конец своего списка, он не испытывал никакого облегчения.

Звонок звонил теперь не переставая.

Наконец раздался лай Муза.

Глава 15

Тесса сжала руку Крисси в своей руке. Вместе с Сэмом они выбежали из компьютерного класса. Батарейки в фонарике уже успели разрядиться, так что теперь луч света освещал лишь то, что находилось в паре шагов от них. Да и сам путь по коридорам школы, казавшийся до этого таким простым, теперь в страшной спешке представлялся запутанным лабиринтом.

Они проскочили через перекресток четырех коридоров, выбежали в один из них, и только через двадцать ярдов Тесса поняла, что они выбрали не то направление.

– Мы же вошли не с этой стороны, – напомнила она Сэму.
– Не имеет значения, – отозвался Сэм, – мы можем выйти через любую дверь.
Еще через десять ярдов луч фонарика уперся в стену, это был тупик.
– Давайте сюда! – закричала Крисси, увлекая за собой Тессу и поворачивая обратно в темноту коридора. Им оставалось или последовать за ней, или бросить ее на произвол судьбы.

Глава 16

Шаддэк сообразил, что им лучше не врываться в школу со стороны фасада, а незаметно проникнуть с тыльной стороны – индеец был в этом полностью с ним согласен, – и они обогнули здание школы, чтобы попасть на задний двор. Шаддэк медленно ехал вдоль здания, осматривая окна и двери, в надежде отыскать следы взлома.

Последняя дверь с тыльной стороны находилась почти у самого угла здания, и Шаддэк уже начинал поворачивать, когда заметил на ней в свете фар выбитое стекло.

– Здесь, – сказал он Бегущему Оленю.
– Да, Маленький Вождь.

Шаддэк остановил машину возле двери и взял с заднего сиденья двенадцатизарядный полуавтоматический винчестер. Кроме того, он разложил по карманам еще десяток патронов к нему, после чего вылез из машины и направился к двери.

Глава 17

Раздалось четыре мощных удара, и Гарри показалось, что он услышал звон разлетающегося вдребезги стекла.

Неистово залаял Муз. Его лай звучал подобно лаю самой злобной овчарки. Вероятно, пес собирался стоять насмерть, защищая дом и хозяина, несмотря на добрый по природе нрав.

«Не делай этого, милый, – подумал Гарри. – Не лезь в герои. Отползи куда-нибудь в угол и спрячься там, пропусти их, пускай входят, а если протянут руку, лучше лизни ее и не...»

Собака коротко заскулила и смолкла.

«Нет!» – подумал Гарри, и боль, горькая боль подступила к горлу. Он потерял не только собаку, он потерял лучшего друга.

Оказывается, Муз тоже знал, что такое долг.

В доме наступила тишина. Они, вероятно, обыскивали первый этаж. Горечь и страх покидали Гарри, им овладела ярость. «Муз. Черт побери, бедный безобидный Муз». Он чувствовал, как покраснелось от гнева его лицо. Он готов был убить их.

Гарри поднял с пола свой пистолет и крепко сжал его в здоровой руке. Они еще долго будут искать его, но с оружием в руках он чувствовал себя спокойнее.

В армии он всегда занимал первые места и по винтовочной стрельбе, и по стрельбе из пистолета. Как давно это было. Он не стрелял даже в тире вот уже двадцать лет, с того момента, когда в далекой и прекрасной азиатской стране его сделали инвалидом на всю жизнь. Но оружие он по старой солдатской привычке содержал в полном порядке, и теперь оно его не подведет.

Какой-то щелчок.

Загудел мотор подъемника.

Они поднимаются на лифте.

Глава 18

Пройдя полпути по коридору, ведущему к нужной двери, Сэм услышал вой сирены с

улицы. Полицейская машина где-то совсем рядом, но нельзя было пока определить, приближается она с фасада или с тыльной стороны здания.

Крисси явно была растеряна. Она остановилась и спрашивала Сэма:

– Где это? Где?

Раздался крик Тессы, стоявшей сзади них:

– Сэм! Дверь!

Через мгновение Сэм понял, что она имеет в виду: дверь, через которую они вошли в здание, – до нее было ярдов тридцать – отворилась. Вошел человек. Автомобильная сирена продолжала выть снаружи, звук ее становился все ближе – на помощь вошедшему в здание спешила подмога. Мужчина, чья фигура темным силуэтом возникла в дверном проеме, был высокого роста, выше шести футов. Больше о нем пока ничего нельзя было сказать.

Сэм выстрелил. Он не знал, стреляет ли он во врага – в конце концов, все в этом городе были сейчас их врагами, – он только понял, что первый выстрел пришелся мимо цели. Рука дрогнула, по всей видимости, из-за того, что поврежденное запястье после всех приключений в тоннеле страшно болело, боль охватила всю руку до плеча. Он с трудом удерживал пистолет.

Грохот от его выстрела, гулко разнесшийся по коридору, смешался с грохотом ответного выстрела. Это был явно не пистолетный, а винтовочный выстрел. К счастью, стрелок оказался не слишком метким. Он, вероятно, прицелился выше, чем нужно, не приняв во внимание отдачу, и пуля ушла в потолок. Второй выстрел был не точнее первого, стрелок из-за неопытности слишком сильно опустил винтовку, и пуля ударила в пол.

Сэм, конечно же, не стал дожидаться на одном месте исхода этой неумелой пальбы. Он схватил Крисси и втолкнул ее в одну из комнат с левой стороны как раз в тот момент, когда раздался второй выстрел со стороны входной двери. Тесса влетела в комнату вслед за ними. Она захлопнула за собой дверь и прислонилась к ней спиной, как если бы она была суперженщиной из мультфильмов, которой не страшны пули.

Сэм сунул ей в руки фонарик.

– С моим запястьем мне понадобятся две руки для стрельбы.

Тесса осветила комнату, в которую они попали. Это был класс для репетиций школьного оркестра. Справа от двери виднелись стулья с пюпитрами для нот, слева – помост для дирижера. По бокам комнаты имелись две двери, они вели в соседние комнаты.

Крисси не понадобилось уговаривать Тессу скрыться в одной из них. Сэм прикрывал их, пятась и держа на прицеле дверь, через которую они вошли.

Звук сирены, доносившийся с улицы, смолк. Значит, теперь против них будет действовать не один, а уже несколько человек.

Глава 19

Те, кто вошел в дом, уже обыскали два первых этажа и сейчас добрались до спальни на третьем.

Гарри слышал, как они переговариваются друг с другом, но содержание разговора понять не мог.

Он с нетерпением дожидался момента, когда они обнаружат в кладовке люк на чердак и поднимутся к нему: ему очень хотелось пристрелить хотя бы одного-двух. Отомстить за Муза. После двадцати долгих лет, проведенных в положении жертвы, Гарри не мог не стремиться к тому, чтобы хоть в последний раз в жизни проявить свое бесстрашие и мужество. Пусть Муз всего лишь пес, они вскоре узнают, как дорого им придется заплатить за убийство его друга.

Глава 20

В сгущающемся тумане Ломен заметил патрульную полицейскую машину, стоящую

рядом с автомобилем Шаддэка. Он припарковал свою машину впритык к полицейской, в этот момент офицер Пол Амберли открыл дверцу и выбрался наружу. Амберли был стройным, худощавым мужчиной, он считался одним из лучших полицейских в управлении, хотя работал там совсем недолго. Сейчас он произвел на Ломена впечатление не офицера полиции, а мальчишки-школьника – на лице у него было выражение панического ужаса.

Когда Ломен тоже вышел из машины, Амберли подошел к нему. В руке он сжимал пистолет. Ему явно было не по себе.

– Где остальные? Где они? Ведь была объявлена общая тревога?

– Где остальные? – переспросил Ломен. – Послушай, Пол. Только послушай, что творится в городе.

Со всех сторон раздавался нестройный хор диких воплей и воя, словно волчья стая перекликалась с другой стаей или выла на луну, время от времени выплывающую из-за облаков.

Ломен подошел к багажнику своей машины и открыл его. В наборе снаряжения каждого полицейского автомобиля имелся двадцатизарядный карабин, который никогда не использовался в мирном и тихом курортном городке. Компания «Новая волна», однако, снабдила полицейских и этим оружием, необходимым разве что для разгона вооруженных демонстраций. Ломен вытащил этот карабин из багажника.

Амберли приблизился к нему.

– Вы хотите сказать, что все остальные полицейские, кроме вас и меня, превратились в «одержимых»?

– Послушайте, что творится в городе, – предложил еще раз Ломен, прислонив карабин к бамперу машины.

– Но это же безумие! – не мог поверить Амберли. – Вы хотите сказать, что весь проект полетел в тартарары, что все пропало?

Ломен достал коробку с патронами и начал заряжать карабин.

– Вы не чувствуете искушения, Пол?

– Нет! – выкрикнул Амберли. – Нет, я не чувствую, я ничего не чувствую.

– А я чувствую, – признался Ломен, – я чувствую искушение постоянно. Мне чертовски хочется сбросить с себя всю одежду и превратиться в животное, превратиться и просто бежать куда глаза глядят, быть свободным, охотиться, убивать.

– Нет, у меня никогда такого не было, никогда.

– Врете вы, Пол, – убежденно сказал Ломен, поднимая заряженный карабин. Он выстрелил в Амберли в упор, разmozжив полицейскому голову.

Он не мог доверять молодому офицеру, не мог повернуться к нему спиной. Он не верил тому, что можно удержаться от искушения в этом обезумевшем городе.

Ломен раскладывал по карманам патроны, когда услышал выстрел, донесшийся из здания школы.

Кто из них стрелял? Букер или Шаддэк? Борясь с чувством страха и подавляя в себе искушение, Ломен стремительно вошел в здание.

Глава 21

Томас Шаддэк ясно различил звук выстрела из темноты. Он не придавал этому большого значения, ведь в конце концов они были на войне. Чтобы убедиться в этом, достаточно было выйти на улицу и послушать, как по всему городу от холмов до побережья раздаются бешеные крики сражающихся на этой войне. Шаддэка больше интересовал Букер, возможность расправиться с ним, с ним и еще с этой стервой Локленд, и еще с этой девчонкой Крисси Фостер. Он пока не мог сообразить, каким образом они оказались рядом друг с другом.

Итак, война. Поэтому он сразу повел себя так, как ведут себя герои боевиков, – он пинком отворил дверь и сразу выстрелил в темноту. В ответ не раздались стоны раненых. Он

понял, что промазал, поэтому выстрелил во второй раз и опять ничего не услышал. Шаддэк понял, что они где-то спрятались. Он прошел по коридору до открытой двери, нащупал выключатель и включил свет. Он находился в классе, служившем для репетиций школьного оркестра.

По всей видимости, они ушли отсюда через одну из боковых дверей, и когда он понял это, то разозлился, страшно разозлился. Он стрелял в человека всего один раз в жизни, это было в Фениксе, когда он убил индейца из револьвера своего отца; он стрелял тогда в упор и не мог промахнуться. Но он был уверен, что, если снова возьмет в руки ружье, у него не будет промахов. В конце концов, он же видел, как стреляют в кино, во всех этих ковбойских фильмах, в боевиках, они просто прицеливаются и нажимают на курок. Оказалось, что все гораздо сложнее. И зачем они врут в этих своих фильмах? Ведь на самом деле, когда стреляешь, винтовка подпрыгивает у тебя в руках, как живая.

Теперь он знает, как надо стрелять, и при следующих выстрелах он возьмет себя в руки, он больше не промахнется. Он отправит их на тот свет, когда они снова окажутся у него на мушке. Они еще пожалеют о том, что вынудили его гнаться за ними, а не умерли тогда, когда он этого захотел.

Глава 22

Дверь из репетиционного класса вывела Сэма, Тессу и Крисси в коридор, вдоль которого располагалось десять комнат для индивидуальных занятий музыкой. Они все были разделены особыми, звукопоглощающими перегородками. В самом конце коридора виднелась еще одна дверь. За ней находился большой зал, он служил для репетиций школьного хора. На одной из стен кто-то из школьников нацарапал поющих ангелов с крылышками и приписал снизу: «ЛУЧШИЙ В МИРЕ ХОР».

В этот момент они снова услышали выстрел, им показалось, что стреляли на улице. Вслед за этим выстрелом раздались еще два – оба прозвучали, видимо, из репетиционного класса для оркестра.

В той комнате, в которой они сейчас находились, также имелось две двери, одна вела "в кабинет руководителя хора и, следовательно, заканчивалась тупиком.

Они ринулись через вторую дверь в коридор, освещенный красными лампочками с надписью «ЛЕСТНИЦА». Это значило, что этим коридором нельзя было попасть к выходу на улицу.

- Бери с собой Крисси и беги! – крикнул Тессе Сэм.
- Но... – пыталась возразить она.
- Бегите вдвоем наверх. Все двери на первом этаже они наверняка перекрыли.
- Что ты задумал...
- Я вас прикрою, – отрывисто сказал Сэм. Дверь в комнату для хора с треском распахнулась, и прозвучал еще один выстрел.
- Бегите! – зашипел Сэм.

Глава 23

Гарри услышал, как скрипнула дверь кладовки.

На чердаке было холодно, но он обливался потом, словно попал в сауну. Зря он напялил на себя второй свитер.

«Убирайтесь отсюда, – подумал он, – убирайтесь».

Но вслед за этой мыслью возникла вторая. Какого черта! Идите сюда, идите сюда, ребята. Посмотрим, кто кого. Или вы думаете, что мне жизнь дорога?

Глава 24

Сэм присел на одно колено в коридоре рядом с комнатой для хора. В такой позе ему легче было стрелять, не так мешала боль в правой кисти. Он оставил дверь приоткрытой, через эту щель он держал на прицеле всю комнату.

Он увидел, как в дверном проеме возникла фигура. Высокий мужчина. Лица не различить. Но он кого-то определенно напоминал.

Мужчина явно не видел Сэма. Он, однако, двигался с предосторожностями, выпустил из своего карабина несколько пуль, прежде чем войти в комнату. Он собирался выстрелить еще раз, но вместо этого послышался только щелчок спущенного курка. Мужчина передернул затвор, но патроны кончились.

Такой поворот резко поменял планы Сэма. Он вскочил на ноги, вбежал в комнату. Надо было во что бы то ни стало опередить этого человека, не дать ему включить свет. Сэм сделал несколько выстрелов. После второго или третьего выстрела мужчина взвизгнул как-то по-малышески, голос у него оказался тонким и визгливым. В тот же момент он выбежал в коридор и скрылся из виду.

Сэм выбежал из комнаты вслед за ним, на ходу нашаривая левой рукой в кармане патроны, а правой поворачивая барабан револьвера в поисках пустых гнезд! Перед тем как выйти в коридор, ведущий к репетиционному залу оркестра, он прижался к стене и дозарядил револьвер.

Ударом ноги Сэм растворил дверь и бросил взгляд в коридор, освещенный лампами дневного света.

В коридоре никого не было.

Следов крови на полу тоже не было видно.

Проклятие. Его правая рука почти онемела. Запястье распухло, повязка насквозь пропиталась кровью. Если он и дальше будет так же плохо стрелять, останется только одно – подойти к этому негодю и попросить его встать вплотную к дулу револьвера.

По обеим сторонам коридора шли комнаты для занятий юных музыкантов, и все двери этих комнат были закрыты. Дверь в репетиционный зал была распахнута настежь, и там горел свет. Мужчина мог находиться в любой из десяти комнат. Но, где бы он ни находился, он имел достаточно времени на перезарядку своего карабина. Значит, момент для преследования был уже упущен.

Сэм стал пятиться назад, он отступил за порог двери и почти закрыл ее, когда заметил высокую фигуру, показавшуюся в дверях репетиционного зала в сорока футах от него.

Это был Шаддэк.

Раздался выстрел.

Дверь с усиленной звукоизоляцией оказалась непреодолимой преградой для пуль.

Сэм повернулся и побежал через комнату к двери в коридор и дальше – по лестнице вверх – туда, где его должны были ждать Тесса и Крисси.

Он нашел их на верхней площадке, они сидели на полу, слегка освещенные красным табло-указателем «ЛЕСТНИЦА».

На нижней лестничной площадке распахнулась дверь, и в нее вошел Шаддэк.

Сэм спустился на несколько ступенек, перегнулся через перила, взгляделся в полумрак и, заметив своего преследователя, сделал два выстрела.

Шаддэк снова взвизгнул, как ребенок. Он прижался к стене так, что его совсем не стало видно.

Сэм не понял, задела ли пуля его преследователя или нет. Возможно. Он только знал, что ему не удалось морально подавить Шаддэка – тот продолжал красться вдоль стены вверх по лестнице. Когда этот негодяй доберется до поворота лестницы, он выскочит из-за угла и будет стрелять вверх, пока в обойме у него не кончатся патроны.

Сэм осторожно стал отступать назад. Ему показалось в красноватом свете от указателя, что на лице у Тессы и Крисси была... кровь.

Тихий звон. И скрежещущий звук.

Звон. Скрежет. Скрежет, звон.

Гарри понял, что это за звуки. Они передвигают вешалки с одеждой по металлической перекладине.

Как они могли догадаться? Черт бы их побрал, они, наверное, учуяли его. Может быть, по запаху пота. Может быть, чертово обращение обострило их обоняние?

Звон и скрежет внезапно прекратились.

Секундой позже он услышал, как они снимают перекладину, чтобы поставить в кладовке лестницу.

Глава 26

Фонарь почти совсем перестал светить, и Тесса несколько раз встряхнула его, чтобы элементы питания внутри корпуса поплотнее прижались друг к другу и дали бы еще хоть немного света.

Они обнаружили в коридоре дверь, которая вела в школьную химическую лабораторию. Здесь стояли столы с белыми мраморными крышками, высокие деревянные стулья и стальные раковины. Прятаться было негде.

Они осмотрели окна, надеясь на то, что под ними окажется крыша какой-нибудь пристройки. Ничего подобного. Под окнами была голая стена, а внизу бетонная дорожка.

В конце лаборатории была дверь, через которую они попали в небольшую, площадью футов в десять, комнату, которая служила складом химических препаратов для школьных опытов. Препараты были упакованы в запечатанные коробки и банки, на одних из них имелись наклейки с черепом и двумя перекрещенными костями, а на других – надпись «Опасно», выполненная красными буквами. По мысли Крисси, некоторые из этих веществ можно было бы использовать в качестве оружия, но у них не было времени даже на беглый осмотр содержимого этого склада, не говоря уже о смешивании каких-нибудь взрывчатых компонентов. Кроме того, Крисси не считала себя очень уж успевающей по химии, а сейчас вообще плохо соображала, что к чему. Так что, если даже она возьмется за первую же банку, где гарантия, что та не взорвется прямо у нее в руках. По выражению лица Сэма Крисси поняла, что он тоже не выражает оптимизма по поводу обнаруженных ими запасов.

Следующая дверь вела во вторую лабораторию, которая, судя по всему, являлась кабинетом биологии. На стенах висели плакаты по анатомии. В этой комнате так же, как и в предыдущей, не было места, куда можно было бы спрятаться.

Тесса прижала Крисси к себе и, умоляюще глядя на Сэма, прошептала:

– Что теперь? Ждать здесь и надеяться, что он не найдет нас? Или бежать? Но куда?

– Я думаю, нужно найти какой-нибудь выход отсюда. Нет ничего хуже, чем сидеть и ждать своей смерти.

Тесса, соглашаясь, кивнула.

Сэм пошел вперед, туда, где за рядами столов и стульев виднелась дверь в коридор. Тесса и Крисси последовали за ним. Сзади, то ли из складского помещения, то ли из химической лаборатории, донесся слабый, но ясно различимый щелчок.

Сэм остановился, пропустил мимо себя Тессу и Крисси и взял на прицел дверь, ведущую из склада.

Тесса, схватив Крисси за руку, подбежала к двери в коридор и, повернув ручку, открыла ее.

Шаддэк вышел из темноты коридора в круг света от гаснущего на глазах фонарика Тессы и приставил дуло своего карабина к ее животу.

– Вот теперь-то вы у меня поплачете, – сказал он, подергиваясь от возбуждения.

Глава 27

Они откинули крышку люка вниз. Столб света из люка осветил стропила, но его не хватало, чтобы вырвать из темноты угол чердака, в котором, скрестив перед собой свои неподвижные ноги, сидел Гарри. Парализованную руку он держал у себя на коленях, а в здоровой сжимал пистолет.

Сердце билось сильнее, чем тогда, на войне в далекой азиатской стране. Живот сводила судорога. В горле пересохло до такой степени, что трудно было дышать. Ужас сковал все тело. Но, Боже праведный, он чувствовал себя живым!

Со скрипом и стуком они установили лестницу.

Глава 28

Томми Шаддэк приставил дуло своего винчестера к животу Тессы и едва не проткнул ее насквозь: он был готов выпустить ей кишки. Но в этот момент он увидел, как она хороша, и понял, что, пожалуй, не стоит убивать ее, по крайней мере – не сейчас, не сразу, прежде она должна будет сделать все, что он захочет, все, что он ей прикажет сделать. А если она откажется, он просто разнесет ее на куски из своего винчестера. Да-да, она принадлежит ему, и ей же будет лучше, если она сама поймет это. Если же нет – ей придется пожалеть, горько пожалеть.

Затем он заметил девчонку рядом с ней, хорошенькую девчонку лет десяти-двенадцати, и это возбудило его еще больше. Он сначала проделает все с девчонкой, а затем с этой бабой, он заставит их делать это по-всякому, так, как он захочет, а захочет он многого – всего. Он будет наслаждаться, причиняя им боль, это его право, они Не посмеют отказать ему, хозяину мира, ведь в его руках отныне находится вся власть, ведь именно он видел великий знак лунного ястреба целых три раза.

Он толкнул свою жертву дулом в живот, и она послушно попятилась в комнату, увлекая за собой девчонку. Букер стоял посреди комнаты, на его лице была растерянность. Томми Шаддэк скомандовал ему:

– Брось свой револьвер и отойди от него на три шага, иначе я выпущу кишки из этой стервы. Клянусь, я это сделаю, ты не успеешь выстрелить.

Букер медлил.

– Брось револьвер! – завопил Шаддэк. Фэбээровец бросил револьвер на пол и отступил от него на несколько шагов.

Продолжая держать карабин у живота женщины, Шаддэк заставил ее повернуться и включить свет в классе.

– О'кей, теперь вы все, – продолжал командовать Шаддэк, – сядете на стулья, да-да, вот на эти. И не вздумайте шалить.

Он отошел от женщины и взял их всех на прицел. В глазах у этих людей был страх, и это привело Шаддэка в прекрасное расположение духа.

Томми был теперь возбужден, очень возбужден, так как он решил, что сначала убьет Букера, он убьет его на глазах у этой бабы и этой девчонки. Он будет убивать его медленно, он первым делом выстрелит ему в ноги, заставит его упасть и покорчиться на полу, затем выстрелит ему в живот, но так, чтобы Букер еще помучился. Он заставит этих двух смотреть на все это, чтобы они поняли, с кем имеют дело. Они имеют дело с Томми Шаддэком, а он захочет очень многого. Они должны быть благодарны, что он оставил их в живых, он заставит их благодарить его, они сделают все, что он пожелает, они на коленях будут благодарить его. Он сделает с ними все, о чем он мечтал все эти тридцать лет, все, в чем он себе отказывал эти тридцать лет. Он выпустит прямо здесь накопившуюся за эти годы энергию, прямо здесь, этой ночью...

Глава 29

С улицы через слуховые окна чердака проникли странные, чудовищные звуки, чьи-то дикие голоса словно перекликались друг с другом, сливались в невообразимый хор. Это было похоже на то, что врата ада распахнулись и оттуда в Мунлайт-Ков ринулась вся нечистая сила, вся ее неисчислимая рать.

Гарри очень переживал за Сэма, Тессу и Крисси.

В кладовке возились, устанавливая лестницу. Вот один из команды по обращению жителей начал подниматься по ней наверх.

Интересно, на кого они похожи? На обычных людей, вроде дока Фица и его помощников? Или на «призраков»? Или на тех людей-роботов, о которых рассказывал Сэм?

Первый уже выглянул из люка на чердак. Это был доктор Уорфи, самый молодой из врачей в этом городе.

Сначала Гарри собирался пристрелить его сразу, прямо на лестнице, но потом раздумал, так как не хотел впустую тратить патроны и решил подождать, пока доктор подойдет поближе.

Уорфи был без фонарика, он в нем просто не нуждался. Поднявшись на чердак, он сразу посмотрел в угол, где сидел Гарри, и сказал:

– Каким образом вы догадались, что мы придем к вам, Гарри?

– У инвалидов очень развита интуиция, – саркастически отозвался Гарри.

В центральной части чердака можно было запросто ходить, не пригибая головы. Уорфи успел сделать всего четыре шага, когда Гарри дважды выстрелил в него.

Первый выстрел был неудачным, второй поразил доктора в грудь.

Уорфи откинулся назад и тяжело свалился на голые доски чердака. Он лежал на полу всего несколько мгновений, потом поднялся, сел на корточки, откашлялся и встал на ноги.

Кровь залила весь перед рубашки. Рана была тяжелой, но заживала буквально на глазах.

Гарри помнил слова Сэма о том, что Кольтраны за несколько минут воскресали из мертвых. «Главное – уничтожить их процессор», – вот что говорил Сэм.

Гарри прицелился в голову Уорфи и сделал еще два выстрела, но с такого расстояния и под таким углом у него не было никаких шансов попасть в цель. Он замешкался, понимая, что патронов в пистолете осталось мало – всего четыре.

Из люка показался второй мужчина.

Гарри выстрелил в него, стремясь хотя бы запугать его.

Человек продолжал подниматься, не обратив на выстрел никакого внимания.

Осталось три патрона.

Держась на почтительном расстоянии, Уорфи принялся уговаривать Гарри:

– Мы не сделаем вам ничего плохого. Я не знаю, что вы слышали о проекте, я не знаю, как о нем отзывались, но поверьте, это совсем-совсем не плохо...

Голос у него сорвался, он склонил голову, как бы прислушиваясь к нечеловеческим крикам, доносившимся с улицы. Странное выражение жажды, тоски по чему-то отразилось на его лице, это можно было разглядеть даже при слабом свете, лившемся из открытого люка.

Уорфи, видимо, пытался стряхнуть с себя наваждение, он снова вспомнил, что должен играть роль доктора, уговаривающего пациента принять горькое лекарство.

– Это совсем не больно, Гарри. А для вас это вообще будет спасением. Вы снова сможете ходить, Гарри. Вы будете полностью здоровым человеком. И все из-за того, что обращение даст вам новые возможности. Вы забудете про свой паралич.

– Нет уж. Цена дороговата.

– Какая цена, Гарри? – спросил Уорфи, протягивая к Гарри руки и демонстрируя ему свои ладони. – Посмотрите на меня. Разве мне пришлось что-то платить, чем-то жертвовать?

– А как насчет души? – поинтересовался Гарри.

В этот момент из люка на чердак выбрался третий мужчина.

Второй внимательно прислушивался к крикам с улицы. Он громко скрежетал зубами, изо всех сил сжимал челюсти и часто-часто моргал. Неожиданно он поднял руки и закрыл ими лицо, словно увидел что-то ужасное.

Уорфи заметил, что с его помощником происходит нечто странное.

– Вэннер, с вами все в порядке?

Руки Вэннера начали... меняться. Запястья как будто распухли, пальцы удлинились, все это произошло в течение нескольких секунд. Когда Вэннер опустил руки, стало ясно, что на лице тоже начался процесс изменений. Скулы вытянулись вперед, словно у оборотня-волка. Ткань рубашки лопнула на груди под давлением трансформирующейся плоти. Вэннер раскрыл рот, вместо зубов у него были клыки.

– Жажда... – прокричал Вэннер, – жажда, жажда...

– Нет! – завопил Уорфи.

Третий мужчина, только что выбравшийся из люка, теперь катался по полу, превращаясь прямо на глазах в нечто среднее между отвратительным насекомым и доисторической рептилией.

Гарри не задумываясь выпустил все оставшиеся пули в «насекомое», отбросил пистолет в сторону и, схватив револьвер, сделал еще три выстрела из него. Одна из пуль попала чудовищу в голову. Оно забилось в агонии, скатилось к люку и исчезло.

Вэннер полностью превратился в подобие волка и словно создал сам себя по образу и подобию какого-то персонажа из фильма. Гарри вспомнил, что когда-то видел этот фильм ужасов, там действовали именно такие оборотни. Вэннер издал страшный крик, он будто вторил воплям, доносившимся с улицы.

Уорфи яростно срывал с себя всю одежду, она мешала ему превращаться в существо, не похожее внешне ни на Вэннера, ни на «насекомое». Вероятно, его новый образ воплощал одно из тех существ, в которых он давно хотел превратиться.

В барабане револьвера Гарри оставалось всего три патрона, и один из них он должен был оставить для себя.

Глава 30

Когда им каким-то чудом удалось спастись в тоннеле, Сэм обещал самому себе, что научится стойко переносить жизненные утраты и трагедии. Одна из этих трагедий разыгрывалась сейчас, и надо было выполнять обещание.

Да, он не имел права на отчаяние сейчас, когда от его действий зависела жизнь Крисси и Тессы. Если ничего другого придумать не удастся, он бросится на карабин Шаддэка в тот момент, когда тот будет нажимать на спусковой крючок.

Но понять, когда этот момент наступит, было очень трудно. Шаддэк был явно не в себе. В таком состоянии он запросто мог нажать курок в паузе между своими отрывистыми, нервными, мальчишескими смешками, он мог его нажать как бы непроизвольно.

– А ну-ка встань со стула, – скомандовал в этот момент Шаддэк, обращаясь к Сэму.

– Что?

– Ты что, не слышишь, я тебе говорю – встань со стула. Ложись на пол. Вот здесь. И без глупостей, я стреляю без предупреждения. – Шаддэк дулом ружья показал, куда ложиться. – Встань и ложись на пол сию же минуту.

Сэм не спешил выполнять указание, так как понимал, что Шаддэк хочет отделить его от Тессы и от Крисси только затем, чтобы пристрелить.

Он еще немного помешкал, затем сполз со стула, так как ничего другого не оставалось. Он медленно пошел вдоль столов к тому месту, на которое указал Шаддэк.

– Ложись, – скомандовал Шаддэк. – Ты должен лечь вот здесь на полу, распластавшись.

Опускаясь на одно колено, Сэм скользнул рукой во внутренний карман своей куртки и вытащил оттуда металлическую пластинку, ту самую, которой он открывал замок в доме Кольтранов. Незаметным движением руки он отбросил железку от себя в сторону.

Пластинка отлетела к окну и по пути достаточно громко звякнула об один из мраморных лабораторных столов.

Сумасшедший сразу же направил свой карабин в сторону окна.

С громким криком, в котором ярость смешалась с решимостью, Сэм взвился с места и бросился к Шаддэку.

Глава 31

Тесса сгребла Крисси в охапку и оттащила ее к стене рядом с дверью – подальше от дерущихся мужчин. Они присели там на корточки, надеясь таким образом избежать попадания случайной пули.

Сэму удалось схватить Шаддэка еще до того, как тот развернул карабин в его сторону. Он взялся за створ оружия левой рукой, а слабеющей правой вцепился Шаддэку в кисть. Затем он резко толкнул его, стараясь свалить на пол.

Шаддэк от неожиданности вскрикнул, а Сэм в ответ удовлетворенно оскалил зубы, на одно мгновение напомнив Шаддэку этим оскалом тех, кто сейчас был там, на улице.

Тесса увидела, как Сэм ударил Шаддэка коленом между ног. Его противник взвыл от боли.

– Так его, Сэм! – одобрительно выкрикнула Крисси.

Пока Шаддэк корчился от боли, согнувшись пополам, Сэм вырвал карабин из его рук и отступил назад. В это же самое мгновение в комнату ворвался человек в полицейской форме, также вооруженный карабином.

– Нет! – закричал он с порога. – Бросьте оружие! Шаддэк – мой!

Глава 32

Существо, которое совсем недавно было Вэннером, двигалось сейчас прямо на Гарри. Из пасти его вырывался низкий рев, с клыков стекала желтоватая слюна. Гарри выстрелил дважды, обе пули поразили цель, но существо продолжало двигаться. Раны заживлялись прямо на глазах у Гарри.

Остался один патрон.

Гарри вложил ствол револьвера себе в рот, ощутив на губах кисловатый вкус горячей стали.

Чудовищное, похожее на волка существо нависло над ним. Огромная голова была раза в три крупнее обычной человеческой, она была непропорционально большой по отношению ко всему остальному телу. Пасть занимала большую часть этой головы, а острые зубы – большую часть пасти. Они напоминали скорее не волчьи клыки, а зубы акулы. Вэннер не ограничился приданием себе образа одного из хищных первобытных животных, он создал нечто, никогда не существовавшее, но превосходящее все создания природы своей свирепостью.

Когда Вэннер очутился всего в трех футах от Гарри, последний вытащил револьвер изо рта, промолвил: «Черта с два» – и выстрелил прямо в голову чудовища. Существо откинулось назад и рухнуло на пол.

Процессор был уничтожен.

Гарри готов был уже возликовать по случаю победы, но вовремя понял, что бой не закончен. Уорфи тоже превратился во что-то немыслимое и был явно в состоянии транса при виде кровавой схватки на чердаке и при звуках диких воплей, доносящихся с улицы. Он уставился своими огромными, похожими на стрекозиные глазами на Гарри, и на мерцающей зеркальной поверхности этих глаз Гарри воочию увидел ненасытный голод фантастического существа.

Патронов у него не осталось.

Глава 33

Сэм оказался под прицелом у полицейского, и ему ничего не оставалось, как бросить на

пол карабин, который он только что вырвал из рук Шаддэка.

– Я на вашей стороне, – вымолвил полицейский.

– На нашей стороне в этом городе никого нет, – возразил Сэм.

Шаддэк жадно ловил ртом воздух и пытался выпрямиться во весь рост. На полицейского он смотрел с нескрываемым ужасом на лице.

С холодной расчетливостью, которая поразила Сэма, без тени каких-либо чувств на лице, полицейский прицелился из своего карабина в Шаддэка, не представляющего в данный момент никакой угрозы, и выстрелил четыре раза. Шаддэк, словно нокаутированный гигантом, отлетел на несколько футов назад и распластался у стены.

Полицейский отбросил свой карабин и кинулся к убитому. Он разорвал ворот его шерстяной рубашки и снял с шеи Шаддэка странный предмет, выполненный в виде прямоугольного медальона на золотой цепочке.

Он поднял над головой свою добычу и произнес:

– Шаддэк мертв. Биение его сердца больше не звучит в эфире, и компьютер «Солнце» начинает прямо сейчас передавать программу нашего уничтожения. Через тридцать секунд мы все обречены на покой. Вечный покой.

Сэм подумал, что полицейский предупреждает их о какой-то неведомой смертельной опасности, что в руках он держит что-то вроде бомбы. Он метнулся к двери и увидел, что Тесса восприняла слова полицейского тоже с опаской. Она вытолкнула Крисси в коридор.

Но даже если это была бомба, то она оказалась совершенно бесшумной, и радиус действия ее был настолько мал, что от нее пострадал только полицейский. Его лицо скорчилось в страшной судороге. Сквозь стиснутые зубы он успел прошептать: «Боже». Это было не восклицание, а скорее мольба или, может быть, попытка описать то, что он увидел в последние мгновения своей жизни, так как сразу же после этого слова он безо всяких видимых причин упал замертво.

Глава 34

Первое, что отметил про себя Сэм, когда они вышли через уже знакомый им черный ход здания школы, было абсолютное безмолвие ночи. Диких воплей людей-призраков не было слышно ни с какой стороны.

В замке зажигания большой черной машины торчали ключи.

– Придется тебе вести машину, – попросил Тессу Сэм.

Запястье его руки страшно распухло. Боль была дергающей, и каждый ее укол эхом страдания отдавался по всему телу.

Сэм сел на переднее сиденье рядом с креслом водителя.

Крисси уютно устроилась у него на коленях. Сэм обнял ее и прижал к себе. Она была сейчас непривычно молчаливой. Конечно, она была измотана последними событиями до полубоморочного состояния, но Сэм чувствовал, что главная причина ее молчания заключалась совсем в другом.

Тесса распахнула дверцу со стороны водительского кресла, села за руль и включила зажигание. Ей не надо было объяснять, куда сейчас ехать.

По дороге к дому Гарри они обнаружили, что улицы города усеяны трупами – нет, не обычных мужчин и женщин, а каких-то странных существ, будто сошедших с полотен Иеронима Босха, – фантазмагорических, скорченных. Они ехали медленно, объезжая эти распластанные тела, и пару раз им даже пришлось выезжать на тротуар, чтобы не наехать на целое стадо этих существ, пораженных в одно мгновение, вероятно, той же невидимой силой, которая отравила на тот свет и полицейского.

Шаддэк мертв. Биение его сердца больше не звучит в эфире, и компьютер «Солнце» начинает прямо сейчас передавать программу нашего уничтожения...

Крисси не выдержала страшного зрелища и уткнулась лицом в куртку Сэма.

Сэм пытался убедить себя, что все эти создания – не более чем призраки, игра его

воображения, что подобное совершенно невозможно в реальной жизни, даже если в эту жизнь вмещается сверхвысокая технология или колдовство. Он все ожидал, что чудовища исчезнут, когда их закрывали ненадолго ключья тумана, но туман отступал, а «призраки» продолжали лежать на мостовой, на тротуарах, на лужайках возле домов.

Теперь, когда он погрузился в мир ужаса и уродства, он не мог поверить, что был настолько глуп, что провел несколько лет бесценной жизни в апатии, не был способен оценить всю красоту мира. Иными словами, он оказался круглым дураком. Скоро рассветет, настанет новый день, и он уже не пройдет равнодушно мимо красивого цветка, теперь он сумеет увидеть его красоту, чудо Божьего творения, которое никогда не удастся превзойти человеку, как бы он ни старался.

– А теперь скажешь? – прервала его мысли Тесса. Они уже подъезжали к дому Гарри.

– О чем ты?

– Скажешь, что ты видел там? После смерти. Что ты видел там, на том свете, что тебя так сильно напугало?

Сэм нервно рассмеялся.

– Я был просто идиотом.

– Возможно, – сказала Тесса. – Скажи, и я уж решу сама.

– Ну, это трудно будет объяснить словами. Это ведь больше было похоже на какое-то озарение, чем на видение, я увидел это скорее душой, чем глазами.

– Итак, что это было за озарение?

– Я понял тогда, что с уходом из жизни наша жизнь не кончается, – сказал Сэм. – Там начинается для нас либо жизнь в ином измерении, мы проживаем их одну за другой, и жизням этим нет конца... либо мы заново появляемся на свет в нашем мире, но уже в образе другого человека. Я не знаю, как это объяснить, но это понимание озарило всю мою душу, я понял все это, когда достиг конца тоннеля и увидел сверкающий свет.

Тесса взглянула на него.

– И это тебя напугало до смерти?

– Да.

– То, что мы живем вечно?

– Да. Потому что я в тот момент воспринимал жизнь в сером цвете. Видишь ли, для меня она вся была лишь цепью трагедий, непроходящим ощущением боли. Я к тому времени потерял способность ценить красоту этой жизни, поэтому мне совсем не хотелось умирать и начинать все сначала, по крайней мере, мне не хотелось приступить к новой жизни раньше времени.

Ведь в этой жизни я уже успел закалиться, притерпеться к боли, и, по моему мнению, это было лучше, чем начинать все сначала, снова быть ребенком и страдать, страдать.

– Стало быть, четвертым смыслом бытия был вовсе не страх смерти?

– Получается так.

– Это был страх перед новой жизнью?

– Да.

– А теперь?

Сэм задумался. Крисси еще плотнее прижалась к нему. Он провел рукой по ее мокрым волосам. Наконец он произнес:

– Теперь мне чертовски хочется жить снова и снова.

Глава 35

Гарри услышал внизу какой-то шум – сначала гул подъемника, затем шаги в спальне на третьем этаже. Он напрягся, предвидя, что на второе чудо за сегодняшнюю ночь ему рассчитывать уже не придется, и тут услышал голос Сэма. Сэм был, вероятно, в кладовой.

– Я здесь, Сэм. Живой. Все в порядке.

Через несколько секунд Сэм был уже на чердаке.

– Как Тесса? Крисси? – встревоженно спросил Гарри.

– Они остались внизу. С ними все нормально.

– Слава Богу. – Гарри глубоко вздохнул, словно только что освободился от веревок, стягивавших его грудь и мешавших дышать. – Поглядите-ка на этих чудищ, Сэм.

– Глаза б мои на них не глядели.

– Может быть, Крисси была права, когда говорила о нашествии инопланетян.

– Нет, тут что-то более замысловатое, – заметил Сэм.

– Что же? – спросил Гарри у Сэма, который в этот момент нагнулся к ногам Гарри и стащил с них уродливое мертвое тело доктора Уорфи. – Разрази меня гром, если я знаю, – ответил Сэм. – Я даже не уверен, что мне хочется узнать всю правду.

– Мы ведь, кажется, вступаем в такую эпоху, когда люди начинают сами создавать новую реальность. Наука дает нам понемногу все больше и больше возможностей для этого. Раньше считалось, что это полное сумасшествие.

Сэм промолчал.

Гарри продолжал развивать свою мысль:

– Возможно, создавать что-то новое человеку не стоит. Возможно, обычный порядок вещей – это наилучший вариант из всех возможных.

– Трудно сказать. Ведь если смотреть с другой стороны, то существующий порядок вещей тоже требует постоянных изменений, улучшений. Я думаю, пытаться изменить его все-таки стоит. Нам только следует молить Бога, чтобы во главе этих процессов не оказался человек, подобный Шаддэку. С вами все в порядке, Гарри?

– Да, спасибо, все хорошо, – Гарри усмехнулся, – за исключением, конечно, того печального факта, что я как был, так и остался инвалидом. Видите то уродливое существо, которое было недавно доктором Уорфи? Оно уже схватило меня за горло и собиралось перегрызть его, как вдруг что-то произошло, и оно упало замертво. Раз, и нет его. Разве это не чудо?

– Это чудо произошло не только здесь, что-то случилось во всем городе, – объяснил Сэм. – Такое впечатление, что все эти уроды подошли именно в тот момент, когда умер Шаддэк... это каким-то образом связано между собой. Ну, давайте потихонечку спускаться вниз, подальше от этих ужасов.

– Сэм, они убили Муза.

– Черта с два. Вы думаете, с кем там сейчас возятся Тесса и Крисси?

Гарри не верил своим ушам.

– Но я же слышал...

– Похоже, что кто-то из них ударил его ногой в голову. У него на морде большой кровоподтек и кожа содрана. Возможно, на какое-то время пес потерял сознание, но, слава Богу, кажется, обошлось без сотрясения мозга.

Глава 36

Крисси ехала в багажном отсеке большого черного автомобиля вместе с Гарри и Музом. Гарри обнял ее своей здоровой рукой, а Муз пристроил голову ей на колени. Понемногу Крисси начинала приходить в себя. Конечно, она уже не была такой, какой была когда-то, и, возможно, возврата назад, к прежней Крисси, уже не будет никогда, но все-таки ей стало сейчас лучше.

Она ехала к парку, который начинался у подножия Оушн-авеню, в восточной части города. Тесса въехала прямо на газон и здесь остановила машину.

Сэм открыл заднюю дверь машины так, чтобы Гарри и Крисси могли, сидя на одеялах, следить за тем, что они с Тессой будут делать.

Сэм сразу же отправился на близлежащие улицы. На них он осматривал стоящие тут и там машины и заводил их. Он и Тесса затем перегоняли их в парк и ставили так, чтобы получился большой круг. Моторы они не глушили, у каждой из машин были включены фары.

Сэм объяснил, что подмога прибудет на вертолетах, и такой освещенный круг будет для них идеальной посадочной площадкой даже при сильном тумане. Фары двадцати машин действительно светили настолько ярко, что внутри круга было светло почти как днем.

Крисси стало совсем легко от этого света.

Еще до того, как посадочная площадка была окончательно готова, на окрестных улицах начали появляться люди. Их было совсем немного, и в их образе не было ничего необычного – ни клыков, ни когтей, ни жал, как у насекомых. Они двигались прямо, не сгибаясь, – все у них было в норме, судя по их внешности. Но Крисси уже научилась тому, что нельзя полностью полагаться на внешность человека, когда хочешь составить о нем суждение. Внутри, в душе, под оболочкой может быть все, что угодно, даже такое, что может поразить издававших виды издателей журнала «Нэшнл инкуайрер». Даже собственным родителям не всегда можно доверять.

Но вот про последнее Крисси старалась не думать.

Она не осмеливалась думать о том, что стало с ее родителями. Она понимала, что та слабая надежда, которую она лелеяла в душе, была самообманом, но все равно изо всех сил цеплялась за нее.

Люди, бродившие сначала вдалеке, постепенно начали приближаться к парку, в котором Сэм и Тесса уже заканчивали последние приготовления. На лицах этих людей была написана полная растерянность. Чем ближе они подходили, тем больше росла тревога в душе Крисси.

– Они совершенно безобидны, – успокаивал Гарри девочку, глядя ее по голове своей здоровой рукой.

– Разве можно быть в этом уверенным?

– Ты же видишь, они дрожат от страха, того гляди нало... О, прости, я бы не хотел, чтобы ты училась таким выражениям.

– Наложить в штаны – это вполне литературно, – успокоила его Крисси.

Муз заскулил и заерзал у нее на коленях. Возможно, он испытывал такую же боль, какую испытывают каратисты, разбивающие кирпичи собственной головой.

– Ну да, – продолжал Гарри. – Они же испуганы до смерти, почти так же, как недавно были напуганы мы сами. И потом – ты когда-нибудь видела, чтобы эти уродливые чудовища кого-то боялись?

Крисси подумала и сказала:

– Да, видела. Например, тот полицейский, который застрелил мистера Шаддэка в школе. Он был очень напуган. У него в глазах был такой страх, какого я, пожалуй, никогда в своей жизни ни у кого не видела.

– Все же это совершенно безобидные люди, скажу я тебе, – Гарри продолжал успокаивать Крисси, по мере того как люди подходили все ближе. – Это наверняка те люди, которых собирались обратить до полуночи, но не успели. Наверняка кое-кто еще забаррикадировался в домах и боится выходить на улицу. Они, вероятно, думают, что мир сошел с ума, что в город ворвались инопланетяне, как и ты совсем недавно думала. Кроме того, если бы они были «призраками», они бы не стали вести себя так застенчиво. Они бы уже давно набросились на нас и отъели бы у нас носы или еще какие-нибудь лакомые части тела.

Эти разъяснения немного успокоили Крисси и даже заставили ее слегка улыбнуться.

Но секундой позже Муз вдруг резко вскинул голову, зарычал и попытался встать на ноги.

Люди, окружившие автомобиль, вскрикнули в один голос, и Крисси услышала голос Сэма:

– Что за чертовщина?

Тогда она отбросила одеяла, в которые была закутана, и вылезла из машины.

Гарри, встревоженный, все спрашивал:

– Что там? Что-то случилось?

Сначала Крисси не могла понять, что вызвало такую панику, но потом она увидела

животных. Они мчались через парк – там были полчища мышей, несколько огромных крыс, с десятков разномастных кошек, дюжина собак и примерно полдюжины белок, вероятно, только что соскочивших с деревьев. Еще большее количество мышей и крыс вылезло из водостока на соседней с парком улице. Вся эта орда катилась через парк по направлению к шоссе, ведущему из города. Крисси вспомнила, что когда-то читала о чем-то подобном – это был рассказ о леммингах. Время от времени количество леммингов в определенном районе становится слишком большим, и тогда животные бегут сломя голову прямо к побережью моря, бросаются в воду и тонут. Эти бегущие по парку животные явно напоминали леммингов, они бежали, не видя ничего перед собой, кроме какой-то призрачной цели. Муз выпрыгнул из машины и присоединился к бегущим животным.

– Муз, стоять! – закричала Крисси.

Муз словно споткнулся о летящий вслед ему крик девочки. Он повернул морду, затем снова вытянул ее по направлению к шоссе, как будто там находилось что-то неумолимо притягивающее его. Он снова побежал вслед за стаей.

– Муз!

Муз снова споткнулся на бегу, на этот раз он даже упал, но сразу поднялся и бросился вперед.

Каким-то шестым чувством Крисси поняла, что она была права в своей догадке про леммингов, эти животные также стремились навстречу своей гибели, правда, они бежали в другую сторону, удаляясь от моря, они бежали к какой-то иной, но более страшной смерти, и эта смерть была наверняка связана со всеми другими ужасами, происходящими в последнее время в городе. Если она сейчас не остановит Муза, то не увидит его больше никогда.

Собака убегала все дальше.

Крисси устремилась вслед за ней.

Она была на пределе своих сил, измотана, каждое движение давалось с огромным трудом, кроме того, ее сковывал страх, но она продолжала бежать вслед за собакой, так как никто, кроме нее, судя по всему, не понимал, что ньюфаундленд несется навстречу своей гибели. Ни Сэм, ни Тесса, несмотря на то что они были великолепными друзьями, не понимали этого. Они продолжали стоять на месте, разинув рты от удивления. Поэтому Крисси вовсю работала ногами, воображая себя Самой Юной Чемпионкой в марафонском беге. (Она бежит, а с трибун доносится: «Крисси! Крисси! Крисси!») На бегу она не переставала кричать Музу, чтобы тот остановился, так как каждый раз, когда он слышал ее голос, то сбивался с темпа, спотыкался, и дистанция между ними понемногу сокращалась. Они уже миновали парк, и Крисси едва не свалилась в ров, шедший вдоль шоссе. Но вот наконец Муз оказался совсем близко, Крисси бросилась на него, схватила его за ошейник. Он слегка зарычал на нее, она с укоризной сказала ему: «Ну что ты, Муз!» Он даже попытался один раз укунить ее, но вовремя одумался. Правда, поводок пес все время натягивал до предела. Крисси держала его изо всех сил, но он все же протянул ее несколько футов по шоссе, а когда ей удалось развернуть его к парку, то пес время от времени упирался так, что когти скрежетали об асфальт. Муз явно стремился последовать за стадом разных животных, устремляющихся куда-то по шоссе.

К тому времени, как Муз наконец позволил отвести себя обратно в парк, к Крисси присоединились Сэм и Тесса.

– Что происходит? – спросил Сэм.

– Они все спешат навстречу своей гибели, – объяснила Крисси. – Я же не могла позволить Музу погибнуть вместе с ними.

– Навстречу гибели? Откуда ты знаешь?

– Я чувствую. А разве... могут быть другие причины? Они стояли во мраке и тумане на шоссе, наблюдая, как в ночи исчезают нескончаемые вереницы мелких грызунов.

Тесса промолвила:

– Действительно, разве могут быть другие причины?

Глава 37

Туман постепенно рассеивался, но видимость была еще плохой – не больше четверти мили.

Стоя вместе с Тессой в середине круга, около десяти часов Сэм услышал рокот вертолетных двигателей, еще до того, как стали видны бортовые огни. Туманная дымка искажала все звуки, и трудно было сказать, с какой стороны подлетают вертолеты, но Сэм предполагал, что они будут двигаться с юга, вдоль побережья, причем над морем, так как в этом случае нет опасности наткнуться в тумане на скалы. На вертолетах было установлено современное навигационное оборудование, они могли лететь при полном отсутствии видимости. У пилотов наверняка имелись приборы ночного видения, так что они запросто смогут увидеть все, что происходит внизу, с высоты футов в пятьсот.

Так как ФБР работало в тесном взаимодействии с армией, особенно с морской пехотой, то Сэм довольно хорошо представлял, как будут разворачиваться события. Наверняка будет задействована разведка морской пехоты с обычным набором средств для подобных операций: один вертолет СН-46 с группой захвата из двенадцати человек – они обычно набирались из спецподразделений морской пехоты; их будут сопровождать две «Кобры».

Тесса крутила головой во все стороны и спрашивала:

– Где они? Я их не вижу.

– Ты их и не увидишь, – объяснил Сэм, – до того момента, пока они не зависнут прямо над нами.

– Они что – летят без огней?

– Нет, у них есть специальные ультрафиолетовые бортовые огни, их почти невозможно заметить с земли, зато пилоты видят в их свете с помощью приборов ночного видения все как на ладони.

Если бы речь шла об угрозе со стороны террористов, то СН-46, который официально называли «Морским рыцарем», а за глаза – «Лягушкой», должен был лететь в сопровождении «Кобр» куда-нибудь на северную окраину города. Три отделения разведки, по четыре человека в каждом, должны были бы прочесать город и определиться в ситуации.

Но так как в сообщении Сэма не было никакого упоминания о террористах и вообще само оно звучало довольно странно, то силы быстрого реагирования стали действовать по упрощенному варианту. Вертолеты кружили сначала над городом, время от времени опускаясь на высоту двадцати-тридцати футов от верхушек деревьев. Порой можно было различить в ночном небе их необычные сине-зеленые огни, но ни их размера, ни формы нельзя было разобрать; благодаря фиброгласовым стеклам вертолеты казались спускающимися аппаратами пришельцев из какого-то иного мира.

В конце концов вертолеты стали кружить над круглой площадкой.

Они не стали снижаться сразу же. Мощные лопасти слегка разогнали туман, а прожекторы высветили и людей, окруживших со всех сторон посадочный круг, и уродливые тела, усеивающие окрестные улицы.

«Кобры» остались в воздухе, а СН-46 мягко приземлился прямо в середину освещенного круга. Люди, высыпающие из вертолета, больше напоминали космонавтов, а не морских пехотинцев, так как, исходя из сообщения Сэма, были готовы действовать в обстановке, сложившейся после применения биологического оружия.

Лейтенант Росс Далгуд, лицо которого под стеклянным забралом скафандра казалось чересчур уж ребяческим, подошел прямо к Тессе и Сэму, назвал свое звание и фамилию и приветствовал Сэма также по фамилии – вероятно, ему показали его фотографию, перед тем как они вылетели на задание.

– Так что здесь, биологическая катастрофа, агент Букер?

– Не думаю, – ответил Сэм. Лопасти вертолета к этому моменту перестали оглушительно свистеть и теперь громко шелестели над ними.

– Так вы не знаете, что здесь произошло?

– Не знаю, – признался Сэм.

– Наша группа – это только первый эшелон, – пояснил Далгуд. – Остальные идут за нами, здесь скоро появятся подразделения регулярной армии и ваши коллеги из ФБР. Они двигаются по шоссе и скоро будут здесь.

Далгуд, Сэм и Тесса прошли через проход между машинами к одному из трупов, лежащих на тротуаре.

– Когда я увидел это с вертолета, то не поверил своим глазам, – поделился лейтенант.

– Придется поверить им сейчас, – сказала Тесса.

– Что за чертовщина? – воскликнул Далгуд. Сэм ответил коротко:

– «Призраки».

Глава 38

Тесса очень переживала за Сэма. Без него, вдвоем, они вернулись в дом Гарри примерно в час ночи, после того как их три раза опросили люди в защитных комбинезонах. Несмотря на пережитый ими ночной кошмар, им удалось заснуть и частично восстановить свои силы. Но Сэму пришлось провести без сна всю ночь. Он не вернулся даже к тому времени, когда они заканчивали завтрак, то есть к одиннадцати часам утра.

– Он, наверное, думает, что он семижильный, – сказала Тесса. – А на самом деле это не так.

– Ты уж не забывай про него, – сказал Гарри.

– Я и не забываю.

– Я имею в виду, что ты должна о нем заботиться. – Я?.. Ну, не знаю.

– Зато я знаю.

– И я тоже знаю, – добавила Крисси.

Сэм вернулся только к часу дня, мрачный, с серым от усталости лицом. Тесса приготовила ему постель, и Сэм рухнул в нее, раздевшись только наполовину.

Тесса села на стул у кровати и стала смотреть на него спящего. Время от времени Сэм ругался и что-то бормотал во сне. Он произносил ее имя, имя Крисси и несколько раз – имя Скотта. Это выглядело так, как будто он потерял их всех в каком-то диком месте и теперь окликал, стараясь найти.

Люди в защитных комбинезонах пришли за ним уже в шесть часов вечера, ему удалось поспать всего пять часов. Он опять ушел на всю ночь.

К тому времени все мертвые тела немислимых существ были собраны с улиц города, запакованы в пластиковые мешки и уложены в холодильные камеры для последующего вскрытия патологоанатомами.

Этой ночью Крисси и Тесса легли спать на одной кровати. Они лежали без сна в полумраке, в комнате горел лишь ночник, который они соорудили из обыкновенной настольной лампы, накинув на нее полотенце. Девочка после долгой паузы промолвила:

– Их нет.

– Кого?

– Моих родителей.

– Я уверена, они найдутся.

– Они умерли.

– О, прости, Крисси.

– Ну что вы, что вы, вы – такая славная. – Крисси заплакала в объятиях Тессы.

Позже, уже засыпая, она проговорила:

– Вы же немного разговаривали с Сэмом. Он не сказал, куда бежали те животные вчера вечером? Это... удалось выяснить?

– Нет, – ответила Тесса, – пока ничего не понятно.

– Меня это почему-то очень беспокоит.

– Меня тоже.

- Я имею в виду, что чем скорее они это выяснят, тем лучше.
- Я тоже так считаю, – согласилась Тесса. – Я тоже имела в виду именно это.

Глава 39

К утру четверга группа технических специалистов ФБР с помощью привлеченных консультантов просмотрели большую часть электронных данных по проекту «Лунный ястреб» и пришли к выводу, что данный проект был направлен на осуществление программы контроля над человеческим организмом с помощью вживления в него специальных препаратов. Применение этих методов вызвало глубокие изменения в физиологии жертв эксперимента. Пока еще не было ясно, каким образом все это происходило, почему микросферы могли провоцировать столь кардинальные превращения живых организмов. Было ясно только одно – никакие бактерии, вирусы или другие биологические объекты экспериментаторы не использовали. Речь шла о применении только технических средств.

Армейские подразделения, обеспечивающие карантин, продолжали охранять город от нашествия журналистов и любопытных, но уже могли не надевать специальное обмундирование, чему и были несказанно рады. Не меньше радовались этому и те специалисты ФБР и ученые, которые работали в самом городе.

Хотя Сэм еще не закончил всех своих дел в городе, он, Тесса и Крисси собирались покинуть Мунлайт-Ков в пятницу утром. По ходатайству властей штата симпатичный судья любезно и без проволочек предоставил Тессе права временного опекуна над Крисси. Все трое зашли попрощаться к Гарри, и вскоре вертолет ФБР унес их из города.

Для того чтобы данные исследователей феномена были объективными, в городе была установлена информационная блокада. Сэм осознал, насколько велик интерес прессы к городу, только тогда, когда они пролетали над автомагистралью. Вдоль нее были припаркованы сотни машин, десятки камер устремили свои объективы в небо, когда их вертолет пролетал над дорогой.

– На других дорогах вокруг города творится то же самое, – объяснил пилот вертолета, – репортеры спят прямо на земле, чтобы, как они говорят, не прозевать тот момент, когда откроют доступ в город.

– Им незачем волноваться, – прокомментировал Сэм. – Для посторонних, в том числе для прессы, город откроют не раньше, чем через несколько недель.

Вертолет доставил их в международный аэропорт Сан-Франциско, где их уже ждали билеты на самолет до Лос-Анджелеса. В аэропорту Сэм успел заметить несколько броских заголовков на газетных стендах:

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – ПРИЧИНА ТРАГЕДИИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ.
СУПЕРКОМПЬЮТЕР СОШЕЛ С УМА.**

Все это было, конечно, полной чепухой. Суперкомпьютер «Новой волны» вовсе не был системой искусственного интеллекта. Пока такой системы не было создано нигде на земле, несмотря на то, что тысячи ученых боролись за право первыми создать искусственный, думающий мозг. Суперкомпьютер вовсе не сошел с ума, он просто обслуживал определенные программы, как и всякий обычный компьютер.

Перефразируя Шекспира, Сэм подумал: «Ошибки кроются не в технологиях, а в нас самих».

В эти дни, однако, многие проклинали творцов новой компьютерной техники – точно так же, как столетия назад представители менее развитых культур проклинали пророков новых религий.

Тесса обратила внимание Сэма на другой заголовок:

**СЕКРЕТНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПЕНТАГОНА – ПРИЧИНА ТАИНСТВЕННОЙ
ТРАГЕДИИ.**

Пентагон был излюбленным «козлом отпущения» в некоторых кругах, его почти обожали за возможность приписать ему все мыслимые и немыслимые грехи, так как точное

наименование источника всех зол всегда делало жизнь более простой и легкой для понимания. Для тех, кто предпочитал такой образ мыслей, Пентагон был просто находкой, он был как старый добрый Франкенштейн, пугавший, но зато очень удобный для понимания.

Крисси вытащила из кучи газет специальный выпуск самой крупной иллюстрированной газеты, с первой до последней страницы заполненный комиксами о событиях в Мунлайт-Кове. Она показала Тессе и Сэму на центральный заголовок:

**ИНОПЛАНЕТЯНЕ ПРИЗЕМЛИЛИСЬ НА ПОБЕРЕЖЬЕ КАЛИФОРНИИ.
ЧУДОВИЩНЫЕ ЛЮДОЕДЫ НАВОДНИЛИ ГОРОД**

Все трое посмотрели друг на друга, а потом дружно рассмеялись. Крисси смеялась впервые после многих мрачных дней. Это был, конечно, смех сквозь слезы, и в нем чувствовалась слишком большая доля иронии для девочки одиннадцати лет, это был, пожалуй, даже меланхолический смех, но главное, что она все же наконец рассмеялась. Услышав этот смех, Сэм почувствовал себя гораздо лучше.

Глава 40

Джоэл Ганович, репортер информационного агентства ЮПИ, вот уже несколько дней кочевал по периметру Мунлайт-Кова, перебираясь от одного дорожного поста к другому. Он приехал сюда уже в среду утром. Ночи он проводил прямо на земле, забираясь в теплый спальный мешок, в качестве туалета использовал окрестные леса, а еду ему приносил безработный столяр из Абердин-Уэлса. Никогда еще ему не доводилось так сильно привязываться к сюжету, о котором нужно было делать репортаж. И непонятно, почему так произошло. Да, конечно, это самое необычайное событие за последнее десятилетие, возможно даже, ничего подобного вообще никогда раньше не случалось, но почему он так глубоко влез в это дело? Он был буквально одержим желанием докопаться до истины. Его собственное поведение было для него загадкой.

И он был не единственным журналистом, потерявшим сон из-за событий в этом крохотном городишке.

Хотя вся история трагедии в Мунлайт-Кове была подробно изложена для журналистов в ходе четырехчасовой пресс-конференции еще в четверг вечером, хотя репортеры уже не по одному разу опросили те двести человек, которым удалось выжить, им все казалось мало, хотелось еще и еще большего.

Ужасная смерть всех жертв эксперимента – а их насчитывалось около трех тысяч, гораздо больше, чем в Джонстауне, – произвела на читателей газет и зрителей телепрограмм такое сильное впечатление, что они были готовы слушать и читать про подробности трагедии бесконечное число раз. К пятнице интерес к теме не только не ослаб, а, наоборот, усилился.

Но Джоэл чувствовал, что публику интересует не масштаб трагедии и не ее мрачные подробности. В этой истории было еще нечто, хватающее за душу.

Итак, в десять часов утра в пятницу Джоэл сидел на своем скатанном спальном мешке на краю поля, тянувшегося вдоль шоссе. Он находился всего в десяти ярдах от северного контрольно-пропускного пункта в Холливел. Джоэл радовался теплему октябрьскому утру и размышлял как раз об удивительной притягательности для людей той истории, которая совсем недавно потрясла этот городок. Он начинал думать, что причина тут скорее не в относительно современной проблеме конфликта человека и машины, а в вечных вопросах о долге и праве, о прогрессе и варварстве, о вере и неверии, разрывающих душу каждого человека.

Джоэл продолжал об этом думать и тогда, когда встал и пошел вдоль края поля. Все эти глубокие мысли как-то разом улетучились при ходьбе, и он пошел вперед еще более решительным шагом.

Он шел не один. Около сотни других журналистов все, как один, бросили свои занятия и пошли на восток с необычайной решимостью. Не обращая никакого внимания на пересеченную местность, они стали подниматься по холмам к небольшой роще.

Те, кто остался на месте и не отправился на неожиданную прогулку, смотрели на уходящих во все глаза, а затем начали окликать их, задавать друг другу недоуменные вопросы. Никто из ушедших и не подумал отозваться на крики.

Джозлом овладело необъяснимое и неодолимое желание пойти в определенном направлении. Там, подсказывал ему внутренний голос, его ждет спокойствие и уверенность, там, в этом месте, не надо будет ни о чем беспокоиться, в том числе и о завтрашнем дне. Он не знал, как будет выглядеть это место, но был уверен, что сразу узнает его, как только увидит. Он стремился вперед, испытывая возбуждение, зов, тягу...

Жажда.

Белковое тело, находящееся в подвале бывшей колонии «Икар», испытывало жажду. Оно не погибло, когда скончались остальные детища проекта «Лунный ястреб», так как все микросферы внутри организма полностью растворились в кислотах еще тогда, когда существо почувствовало тягу к освобождению от какой-либо формы. Но даже если бы команда на уничтожение была принята, это ничего не изменило бы – у белкового тела отсутствовало сердце.

Жажда.

Жажда была столь сильной, что заставляла вибрировать, содрогаться все тело существа. Жажда, возведенная в абсолют, стала высшим законом существования.

Жажда. Все бесчисленные рты на поверхности аморфного тела были открыты. Существо посылало в окружающий мир сигналы, они были неуловимы для человеческого уха, а предназначены для непосредственного восприятия через мозг.

И эти сигналы были услышаны.

Скоро странная жажда будет утолена.

Полковник Левис Таркер, дежурный офицер армейского штаба, расквартированного в парке у подножия Оушн-авеню, получил срочное сообщение от сержанта Спермонта, ответственного за пропускной пункт на северной окраине города. Спермонт сообщал, что только что лишился нескольких своих людей, которые, покинув посты, ушли в восточном направлении, в одно мгновение превратившись в подобие зомби. С ними вместе на восток подались около сотни журналистов, располагавшихся лагерем рядом с пропускным пунктом.

– Что-то происходит, – доложил сержант Таркеру. – Кажется, у этой истории появляется продолжение.

Таркер немедленно связался с Ореном Вестремом, представителем ФБР, с которым необходимо было координировать все армейские аспекты операции.

– У истории есть, по всей видимости, продолжение, – доложил Таркер Вестрему. – Я полагаю, эти любители прогулок выглядят весьма и весьма странно, у Спермонта не хватило даже слов, чтобы описать их поведение. Я знаю этого сержанта, он хотя и держится молодцом, но напуган страшно.

Вестрем, в свою очередь, поднял в воздух специальный вертолет ФБР. Он коротко обрисовал ситуацию пилоту вертолета Джиму Лоббоу и добавил:

– Спермонт хочет попытаться с помощью своих оставшихся людей задержать этих сумасшедших. Попробуйте разузнать, куда их черт понес и зачем. Если будет необходимость, помогите этим людям с воздуха.

– Все будет сделано, – заверил Лоббоу.

– Вы давно заправлялись горючим?

– Баки полны до краев.

– Отлично.

Джим Лоббоу ничего на свете так не любил, как летать пилотом на своем вертолете.

Он был женат три раза, и все три брака закончились разводом. Любовниц у него было столько, что можно сбиться со счета, но даже связь, не отягощенная узами супружества, не устраивала его. У него был сын от второго брака. Джим видел его раза три в год, и то не больше чем в течение одного дня. Сам он и вся его семья были католиками, но религия тоже не могла притянуть душу пилота. Воскресной мессе он всегда предпочитал сон, так как

другой возможности выспаться не было. Он несколько раз пробовал себя в качестве предпринимателя, но все его задумки были заранее обречены на провал, при одной мысли о многочасовой беготне по делам у него опускались руки.

Зато в качестве пилота вертолета ему не было равных. Он мог взлететь в любую погоду, и не было такой площадки, на которую он не смог бы приземлиться.

По приказу Вестрема он направил свой вертолет прямо к шоссе на северной окраине города. В мгновение ока он оказался над пропускным пунктом, который находился всего в миле с небольшим от парка, где была стоянка вертолетов. Он сразу заметил, что солдаты у пропускного пункта машут руками в восточном направлении, в сторону холмов.

Лоббоу направил машину в указанную сторону и вскоре уже летел над головами людей, торопливо карабкающихся на покрытые густым кустарником холмы. Они шли напролом, и в их неудержимом стремлении вперед проглядывало безумие. Выглядело это все как сцена из фантастического фильма.

Джим почувствовал, как у него зашумело в голове. Сначала он подумал, что возникла неисправность в наушниках. Он снял их. Шум не исчез. Джим понял в какой-то момент, что это вовсе и не шум, а просто странное ощущение.

– И как прикажете это понимать? – спросил Джим у самого себя.

Он попытался сбросить с себя наваждение.

Люди внизу тем временем начали поворачивать на юго-восток, он полетел туда же, опережая их, пытаясь отыскать какую-то точку на местности, к которой они могли стремиться. Он увидел ее в то же мгновение. Это был полуразрушенный дом в викторианском стиле, рядом находились руины большого амбара и прочие, никуда уже не годные постройки.

Это забытое Богом место почему-то влекло его к себе.

Он сделал над ним один круг, затем второй.

Вдруг в его голове неизвестно откуда возникла мысль, что в этой старой развалине он может наконец обрести свое счастье, свободу, здесь ему не надо будет ни о чем беспокоиться, не надо будет думать о своих неудавшихся браках, о деньгах на содержание сына.

Через холмы к дому уже приближались люди, их было больше сотни, они уже не шли, а бежали, спотыкаясь, но не останавливаясь ни на минуту.

Джим понимал теперь, почему они спешат сюда. Он кружил над старой развалюхой и все сильнее убеждался, что нет на земле места более желанного, чем это, именно здесь он найдет утешение от всех жизненных невзгод. Он страстно желал этой свободы, он никогда в жизни не испытывал такого сильного желания. Джим поднял свой вертолет вверх и затем бросил его по спирали вниз, к дому, к волшебному дому, ведь он должен был попасть туда, непременно должен был. Поэтому он направил свой вертолет прямо на крыльцо, туда, где на съеденных ржавчиной петлях болталась входная дверь, ему нужно было туда, за эти стены, прямо в сердце этого дома, он бросил свой вертолет в сердцевину...

Жажда!

Бесчисленные ротовые отверстия бесформенного существа пели песнь жажды, и существо знало, что эта жажда вскоре будет утолена. В предвкушении этого момента тело существа содрогалось от возбуждения.

Затем откуда-то сверху к этим судорогам добавилась вибрация, страшная вибрация. Затем жара.

Существо никак не отреагировало на этот жар, так как не имело ни нервных окончаний, ни сложных систем реагирования на боль.

Этот жар не имел для существа никакого значения, за исключением того, что этот жар не был пищей и не мог утолить жажду.

Сгорая в этом пекле, корчась в нем, существо еще пыталось допеть свою песню о жажде, но ревущее пламя уже поглотило бесчисленные ротовые отверстия, и вскоре существо затихло навсегда.

Джоэл Ганович очнулся и обнаружил, что находится в двухстах футах от разрушенного

дома, из которого вырываются языки пламени. Пожар был в самом разгаре, пламя поднималось на сто футов в небо, вместе с ним вверх ползли клубы черного дыма. Стены дома, сгорая, рушились вовнутрь, дом словно уничтожал сам себя. Нестерпимый жар опалил лицо Джоэла, заставил его отбежать назад, хотя он и находился на порядочном расстоянии от дома. Удивительно было, как это небольшое деревянное строение могло дать столько пищи для огня.

Он посмотрел на свои руки. Они были исцарапаны в кровь.

Брюки были разорваны на правом колене, а в спортивных туфлях хлюпала жидкая грязь. Джоэл огляделся вокруг и, к своему изумлению, обнаружил, что возле него стоят еще десятки людей в таком же плачевном виде, как и у него самого. Он решительно не помнил, чтобы кто-нибудь уговорил его принять участие в массовом забеге по пересеченной местности.

Дом между тем продолжал гореть, и в этом не было никаких сомнений. Если от него что-нибудь и останется, так это подвал, полный горячих углей и пепла.

Джоэл поморщился и потер лоб.

Что-то случилось с ним.

Что-то... Он же был репортером, а все репортеры страшно любопытны. Что-то случилось, и он должен выяснить, что именно. Случилось что-то неприятное. Очень неприятное. Но, слава Богу, все это позади.

Джоэл почувствовал озноб.

Глава 41

Когда они вошли в дом Сэма в Шерман-Оаксе, то первым делом слышали, как на втором этаже, сотрясая стекла, на всю мощь ревет музыка.

Сэм стал пониматься по лестнице, приглашая Тессу и Крисси следовать за ним. Они чувствовали себя неловко, но Сэм очень хотел, чтобы они присутствовали при его разговоре с сыном.

Дверь в комнату Скотта была открыта.

Парень лежал на кровати в черных джинсах и в джинсовой куртке. Ноги он положил на подушки, очевидно, так ему было удобнее любоваться на плакаты, развешанные над изголовьем кровати. На плакатах были изображены исключительно «звезды» «тяжелого металла», у некоторых из них руки были по локоть в крови, они были одеты в черную кожу и увешаны цепями. Они походили на вампиров, только что напившихся человеческой крови, один из вампиров держал в ладонях нечто, напоминающее белых отвратительных личинок.

Скотт не слышал, что кто-то вошел. Он, пожалуй, не услышал бы и взрыва бомбы, разорвись она в соседней ванной комнате. Он не слышал ничего, кроме своей музыки.

Сэм сначала замешкался, не зная, правильно ли он поступает. Он вслушался в слова песни, еле слышные за громкой музыкой. Оказалось, что певец советовал своим слушателям убить родителей, выпить из них кровь, а потом «сжечь все к чертовой матери». «Отличная песня, – подумал Сэм. – То, что надо». Он наконец решился. Нажал на клавишу и выключил проигрыватель компакт-дисков на середине песни.

Уязвленный, Скотт так и подпрыгнул на кровати.

– Эй!

Сэм достал компакт-диск из проигрывателя, бросил его на пол и растоптал.

– Эй, ты сбрендил, что ли?

На полках открытого шкафа было расставлено около полусотни компакт-дисков. Сэм рукой смахнул их на пол.

– Эй, кончай шутить, – взвился Скотт, – ты что делаешь?

– То, что собирался сделать уже давно.

Скотт в этот момент заметил Тессу и Крисси, стоявших у двери.

– Черт, а это еще кто такие?

– Это мои друзья, черт.

Сознательно вводя себя в раж, Скотт вскочил с кровати и заорал:

– Какого дьявола им здесь нужно?

Сэм рассмеялся. Он чувствовал почти что радость от того, что делает, от того, что он наконец понял, в чем состоит его долг перед сыном. Он ответил:

– Такого дьявола – они пришли сюда вместе со мной. – И снова рассмеялся.

Сэм сначала пожалел, что заставил Крисси смотреть на это зрелище, но потом, взглянув на девочку, заметил, что она не только не смущена, а, наоборот, хихикает. Он понял, что никакие ругательства и сцены ссор не могут ее удивить после того, что она пережила. После всего, что они видели в Мунлайт-Кове, подростковый нигилизм Скотта выглядел просто смешным и даже отчасти невинным увлечением.

Сэм забрался на кровать и начал срывать со стены плакаты. Скотт заорал на него во всю глотку. Покончив с плакатами на этой стене, Сэм спрыгнул на пол и направился к противоположной.

Скотт попытался его удержать.

Сэм осторожно отодвинул сына в сторону и продолжил начатое дело.

Скотт ударил его сзади.

Сэм никак не отреагировал на удар, только оглянулся.

Лицо Скотта пылало, ноздри раздувались, в глазах сверкала ненависть.

Сэм улыбнулся и обхватил сына обеими руками.

Поначалу Скотт даже не понял, что произошло. Он подумал, что отец хочет схватить его, чтобы наказать, поэтому начал изо всех сил вырываться. Но внезапно его осенило – Сэм буквально прочитал это на его лице, – что отец просто обнимает его. Да-да, его чертов старик обнимается с ним, да еще делает это в присутствии посторонних. Когда парень понял это, он начал вырываться уже всерьез, он крутился и извивался, отталкивая Сэма. Такой дружеский жест просто никак не укладывался в его представление о мире, как о джунглях, где хищники убивают друг друга. Еще в меньшей степени он был готов сделать ответный жест.

«Да, именно в этом дело, – подумал Сэм, – именно в этом причина отчуждения сына. Скотт просто боится ответить на чью-то любовь, он боится, что его обманут... или он опасается, что это чувство повлечет за собой слишком большую ответственность».

На одно мгновение парень даже ответил на его объятия. На одно мгновение он превратился в прежнего Скотта, он сбросил с себя панцирь цинизма и неведения. Что-то доброе осталось, видно, в его душе, что-то такое, что могло его спасти.

Но сразу же после этого Скотт вновь принялся ругать отца на чем свет стоит. Сэм в ответ на ругательства прижал сына к себе еще крепче и начал говорить ему, как он любит его, как он его отчаянно любит. Он говорил об этом совсем по-другому, не так, как тогда по телефону, когда его самого мучила безысходность. Теперь он видел выход, и поэтому голос его то и дело срывался от волнения, он повторял свои слова вновь и вновь, он требовал, чтобы его обращение было услышано.

На глазах у Скотта появились слезы, Сэма не удивило, что сам он тоже начал плакать. Наверное, плакали они по разным причинам, так как Скотт продолжал вырываться, хотя и не так активно, как раньше. Сэм удерживал сына в своих объятиях и говорил ему:

– Послушай, сынок, ты ведь все равно начнешь рано или поздно заботиться обо мне. Да-да, так и будет. Ты поймешь, что я тоже забочусь о тебе, и будешь отвечать заботой на заботу, причем не только по отношению ко мне. Ты будешь заботиться о себе, но и не только о себе, ты почувствуешь, что ты к этому способен, что забота о других людях может приносить необычайное удовольствие. Ты будешь заботиться о той женщине, которая сейчас стоит в дверях, о той девочке, которая стоит рядом с ней. Ты научишься заботиться о ней, как о родной сестре. Ты сможешь избавиться от адской машины, которая мучает тебя изнутри, и научишься любить и быть любимым. К нам приедет один человек, у него всего одна здоровая рука и парализованные ноги, но он верит, что жизнь – стоящая штука. Может быть, он согласится пожить у нас немного, ты приглядишься к нему, попробуй сам понять, почему он

такой, почему он так любит жизнь. Может быть, он объяснит это тебе лучше и понятней, чем я. У этого человека есть собака, что за собака, скажу я тебе, она тебе очень понравится, уверяю тебя, уж собака-то точно тебе понравится. – Сэм засмеялся и сильнее обнял Скотта. – Уж собаке ты не скажешь: «Отвяжись от меня», она этого не поймет, а если поймет, то ты не дождешься от нее ни послушания, ни любви. Так что тебе поневоле придется сделать первый шаг и стать внимательней к ней. Может быть, потом ты станешь внимательней ко мне, полюбишь и меня, потому что в общем-то мы с этим псом похожи – я буду для тебя улыбчивым старым псом, мешающимся под ногами, требующим к себе внимания существом, которое просто стыдно обижать.

Скотт перестал вырываться. Может быть, он просто выдохся, устал. Сэм вовсе не был уверен в том, что ему удалось укротить ярость, клокотавшую в его сыне. Наверное, он сделал всего лишь первый, маленький шаг. Когда-то Сэм допустил, чтобы в их жизнь просочилось зло, зло безысходности и отчаяния, затем он заразил этим злом своего сына, и теперь вырвать это зло с корнем будет нелегким делом. Им предстоят долгие месяцы борьбы с этим злом, может быть, это растянется даже на целые годы. Надо только крепче сжимать сына в объятиях и не отпускать его.

Сэм посмотрел через плечо Скотта и увидел, что Тесса и Крисси переступили порог комнаты. В их глазах, на которых тоже выступили слезы, он увидел такое нужное ему сейчас понимание и готовность к долгой борьбе за спасение Скотта.

Самое главное, что борьба началась. И это здорово.